

Донбасская ассоциация русистов
Фонд гуманитарных исследований и инициатив “Азбука”
(некоммерческая организация)
Лаборатория прикладного языкознания и медицинской лексикографии
Донецкого национального медицинского университета им. М. Горького

**ВОСТОЧНОУКРАИНСКИЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СБОРНИК
имени Е.С. ОТИНА**

**ВЫПУСК ПЕРВЫЙ
(шестнадцатый)**

Донецк – 2018

ISSN 2518-1130 (Online)

Восточноукраинский лингвистический сборник им. Е.С. Отина: Выпуск первый (шестнадцатый). Сборник научных трудов. – Вып. 1 (16) // Редколлегия: В.М. Калинин (отв. ред.) и др. – Донецк: Издание Лаборатории прикладного языкознания и медицинской лексикографии Донецкого национального медицинского университета им. М. Горького, 2018. – 414 с.

Сборник посвящен памяти ученого-русиста, выдающегося ономаста Е.С. Отина. В книге содержатся статьи, посвященные актуальным вопросам языкознания и лингвистики, педагогики и поэтонимологии (литературной ономастики).

Редколлегия:

Верещагин Евгений Михайлович, д. филол. н., профессор (Москва);

Зайцева Ирина Павловна, д. филол. н., профессор (Витебск);

Калинкин Валерий Михайлович, д. филол. н., профессор (Донецк);

Ковалев Геннадий Филиппович, д. филол. н., профессор (Воронеж);

Мезенко Анна Михайловна, д. филол. н., профессор (Витебск);

Петров Александр Владимирович, д. филол. н., профессор (Симферополь);

Рудяков Александр Николаевич, д. филол. н., профессор (Симферополь);

Супрун Василий Иванович, д. филол. н., профессор (Волгоград);

Разумов Роман Викторович, канд. филол.н, доцент (Ярославль).

© Донбасская ассоциация русистов (ДАР)

© ФГИИ «Азбука»

© Лаборатория прикладного языкознания и медицинской лексикографии Донецкого национального медицинского университета им. М. Горького

**Светлой памяти
Евгения Степановича Отина**

*Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честно, и мертвым и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим.*

А.С. Пушкин

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В.М. Калинин (Донецк)

Е.С. ОТИН – РЕДАКТОР: «ВОСТОЧНОУКРАИНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СБОРНИК»

Реферат. Кроме воспоминаний и размышлений о том, как работал Е. С. Отин в качестве редактора учреждённого им «Востоchnоукраинского лингвистического сборника», представлен дайджест статей, опубликованных в пятнадцати выпусках издания. Основное внимание уделено разделу «Ономастика», в определённой степени отражающему историю формирования и современный этап развития Донецкой ономастической школы.

Ключевые слова: ономастика, Отин Е.С., публикация, редакторская работа, статья и др.

О том, как Евгений Степанович Отин редактировал, а занимался он этим постоянно и был не только ответственным редактором нескольких сборников, вестников и журналов, но и работающим (!) членом редакционных коллегий ряда периодических изданий, можно слагать легенды. Часто бывало непонятно, как он умудрялся совмещать дотошную придирчивость и непримиримость ко всякого рода “фальши” с открытой всем и каждому доброжелательностью, с готовностью снова и снова работать с авторами, помогая доводить иногда сырой материал статей до требуемого высокого уровня научности при публикации. Редакторская работа отнимала у безусловно занятого человека, без малого четыре десятилетия возглавлявшего кафедру и в течение двадцати семи во всех отношениях сложных лет руководившего филологическим факультетом, чрезвычайно много времени, которым он не просто дорожил, а берёт каждую минуту для главного дела своей жизни – ономастической науки. Любой, кто видел Евгения Степановича за работой, знает, что его стол был буквально завален материалами его собственных исследований и чужими рукописями. Работал он... Хотелось сказать, “не поднимая головы”. Но это было бы неправдой.

В любое время Евгений Степанович был готов не только решать тьму-тьмущую хозяйственных и административных вопросов, но и встречаться с коллегами и принимать студентов. Никто и никогда не был обойдён его вниманием. Но как только за посетителем закрывалась дверь, он тут же возвращался к отложенной работе.

Между 1994 и 2014 годами пролегло двадцатилетие, отмеченное на филологическом факультете Донецкого университета выпуском пятнадцати «Востокукраинских лингвистических сборников». Сегодня, увы, пришло время подвести итоги. ВУЛС был детищем Е. С. Отина, которым он очень гордился и работать над которым любил. Сборники были разнообразны по содержанию и представляли достижения донецких (и не только) учёных в различных областях языкознания. Но была в них и примечательная особенность, которой я собираюсь посвятить основное внимание этого сообщения. Дело главного редактора, а тем более основателя периодического издания, состоит, в первую очередь, в определении генеральной линии развития издательского проекта и только затем – разных других вопросов, включая взаимоотношения с авторами. Поскольку я неоднократно обсуждал с Е. С. Отиным различные стороны этой его работы, учился у него, а с 1996 года стал постоянным помощником ответственного редактора ВУЛСа, мне известно многое из касающегося этой его деятельности, о чём он не писал и официальных заявлений не публиковал, но своей линии придерживался.

Первый выпуск ВУЛСа, скромный по объёму (всего 113 страниц), набранный петитом, самым “маленьким” шрифтом, томик в желтоватой бумажной обложке положил начало “большому проекту”, осуществлявшемуся вплоть до ухода из жизни Е. С. Отина в самом начале 2015 года. В предисловии к книге он написал: “Сборник задуман как первый в серии будущих ежегодных выпусков (разрядка моя. – В. К.), которые позволят своевременно информировать научную общественность Украины и России о результатах исследований, которые проводятся в Донецком университете в области теоретического языкознания, русистики, украинистики и славянской ономастики” [Вып.1, с.3¹]. Кроме прочего, это было знаменательное событие в жизни филологического факультета, который в условиях всё усиливавшегося давления на русский язык всё-таки “обзавёлся” собственным лингвистическим изданием на русском языке². Тогда уже

---

¹ Здесь и далее цитаты из статей даны по выпускам «Востокукраинского лингвистического сборника», о которых идет речь в тексте. Содержание всех выпусков см. в конце статьи.

² Учреждённый в 2006 году на кафедре украинского языка сборник «Лінгвістичні студії» был по большей части синтаксическим и, в основном, украиноязычным, что отражало научные и иные интересы его главного редактора.

даже просто зарегистрировать издание с названием на русском языке было проблематично. Но сборник вовсе не задумывался как только русскоязычный. Он был открыт для умных публикаций на любом языке. Должен, попросту обязан, однако, сказать, что “держава” денег на этот проект, теперь можно подытожить, как сразу не предусматривала, так никогда и не выделила. Ну а природная скромность декана и нежелание слышать “шушукания” по поводу “нерационального использования” скромных бюджетных возможностей факультета довершили дело. С этого началось, и так осталось навсегда: и первый, и все последующие выпуски ВУЛСа оплачивались стараниями ответственного редактора из средств спонсоров. Так, финансовую и техническую поддержку первому выпуску оказал Подловский Константин Александрович. Помогали и другие люди, остающиеся (пока) неизвестными, но чаще всего Евгений Степанович оплачивал сборник из личных сбережений. Этим, собственно говоря, объясняется и тот факт, что заданный проектом темп не был выдержан до конца, и за двадцать лет сборник был напечатан всего пятнадцать раз.

Основатель и руководитель Донецкой ономастической школы (в то время, правда, этим понятием ни на кафедре, ни на филфаке не пользовались) сразу же решил, что главное место в сборнике обязательно должны занимать публикации результатов исследований в области ономастических наук. В уже цитированном «Введении» он специально отметил: «Одно из ведущих направлений научной деятельности кафедры (имелась в виду кафедра общего языкознания и истории языка. – В. К.) – изучение топонимии Восточной Украины, а также сопредельных районов бассейна реки Дон и России, составление на этом материале историко-этимологического словаря географических названий юго-восточной Украины и каталога гидронимов Донского бассейна, а также активное участие в работе секции русской ономастики, организованной, согласно академическому проекту “Русская энциклопедия” (председатель проекта – академик РАН О. Н. Трубачёв), при институте “Русская энциклопедия” в Москве. Часть материалов <...> сборника представляет собой “заготовки” словарных статей для многотомной “Русской энциклопедии”, работа над которой уже началась. Такие публикации будут помещаться и в следующих выпусках ВУЛСа, и редколлегия приглашает учёных России, Украины и других стран СНГ к дальнейшему участию в подготовке подобных пробных статей» [Вып.1, с.3]. Но было ещё и то, о чём Евгений Степанович не сказал, что осталось в подтексте.

Организованная им на заре его собственной ономастической деятельности группа молодых исследователей онимного пространства стала впоследствии называться “Донецкой ономастической школой”

вовсе не потому, что местом работы или, в недавнем личном прошлом, учёбы большинства из них был Донецкий университет, а потому, что главным вектором научного поиска в ней были топонимия и (факультативно) антропонимия Донетчины, разыскания о происхождении географических названий Донбасса, а в целом, ономастическое и, шире, филологическое краеведение Большого Донбасса. Вручая мне в июле 2014 года свою книгу «Происхождение географических названий Донбасса», Евгений Степанович посетовал: «Это, можно сказать, часть первая, “ДНР”. А хочется ещё и вторую, “ЛНР” издать, а может, и вообще “Большой Донбасс”». Не успел. А подготовительные материалы у него уже были. Во всяком случае, гидронимия была представлена с исчерпывающей полнотой.

Приняв решение об ономастической по преимуществу направленности сборника, Евгений Степанович уже в первом выпуске разместил 12 (из 18 всего) ономастических статей, определив, таким образом, тематическую модель последующих выпусков. Ведущее место в них вплоть до учреждения в 2006 году журнала «Λογος όνομαστική», который тоже возглавил Е. С. Отин, занимала ономастика. С появлением в 2000 году на филологическом факультете универсального сборника «Филологические исследования», в котором Евгений Степанович был членом редколлегии, и в нём стали регулярно публиковаться ономастические статьи. В общем, филологический факультет Донецкого университета в годы работы в нём Е. С. Отина был по-настоящему “родным домом” для ономастических исследований.

Однако Е. С. Отин был универсальным учёным-филологом и даже на собственной кафедре всячески поддерживал и одобрял разные направления филологических исследований. Поэтому в первый же выпуск вошли и другие, не ономастические работы. В четырёх разделах сборника “Теория языка”, “Развитие словарного состава русского языка. Лексикография XVIII века”, «Материалы к “Русской энциклопедии” и “Историко-этимологическому словарю топонимов юго-восточной Украины”» и “Поэтическая ономастика” были, во-первых, представлены труды преподавателей кафедры общего языкознания Донецкого университета (девять статей, шесть из которых были посвящены различным аспектам ономастических исследований). В то время на кафедре из числа опубликовавшихся авторов занимались теорией языка член редколлегии сборника проф. Н. А. Луценко и учёный-полиглот Е. И. Царенко. Ономастике, преимущественно региональной и литературной, отдавали дань К. В. Першина, А. Ф. Михина, В. И. Рогозина, Л. П. Борисова, Н. Е. Касьяненко. Словообразованию и лексикографии уделяли внимание А. Е. Симоненко, Н. Е. Касьяненко, Л. П. Борисова.

Евгений Степанович, задумавший при посредстве этого издания, кроме прочего, обеспечить “своим” пространство для публикации результатов научной работы, приглашал, во-вторых, печататься аспирантов и соискателей своей и других кафедр.

В-третьих, принять участие в первом сборнике ответственный редактор предложил выдающемуся физикогеографу, топонимисту и историку географической науки Э. М. Мурзаеву, вместе с которым Евгений Степанович работал над «Русской энциклопедией». Эдуард Макарович опубликовал в сборнике свои «Материалы к “Русской энциклопедии” (Алтай. Байкал. Каспийское море. Personalia)». Если словарные статьи об известнейших географических названиях России в специальном представлении, как говорится, не нуждаются, то часть публикаций под названием “Personalia” нужно “расшифровать”. Э. М. Мурзаев написал о В. А. Жучкевиче, М. Н. Милхееве, А. И. Попове, и Л. Л. Трубе. Сведения эти очень важны, особенно для историков ономастической науки. Белорусский учёный Вадим Андреевич Жучкевич – автор 330 публикаций, из которых 57 были посвящены топонимике, в том числе, монографические «Происхождение географических названий Белоруссии» (1961), «Общие и региональные закономерности топонимики» (докторская диссертация, 1970), «Топонимика Белоруссии» (1968), «Общая топонимика» (1965, 1968, 1980), «Толковый словарь географических названий Белоруссии» (1974). Матвей Николаевич Мелхеев – географ и топонимист. В числе его монографий Э. М. Мурзаев указал «Местные географические термины Сибири» (1958), «Происхождение географических названий Иркутской области» (1964), «Топонимика Бурятии. История, система, происхождение географических названий» (1969), «Географические названия Восточной Сибири. Иркутская и Читинская области» (1969), «Топо-, этно- и антропонимические связи в ономастике» (1974), «Географические названия Енисейской Сибири» (1986). Александр Иванович Попов, разносторонне эрудированный учёный, физик и математик, историк и языковед оставил ряд ономастических исследований, в том числе «Топонимика Белозёрского края» (1947), «Топонимическое изучение Восточной Европы» (1948), «Из истории лексики языков Восточной Европы» (1961), «Географические названия» (1965), «Названия народов СССР» (1973), «Следы времён минувших» (1981). Лев Людвигович Трубе, исследователь марийской и мордовской топонимии, кроме публикации большого числа ономастических статей, осуществил топонимическую экспертизу пятитомного «Географическо-статистического словаря Российской империи» П. П. Семёнова-Тян-Шанского и стал автором книги «Остров Буян. Пушкин и география» (1987) [Вып. 1, с. 69-72]. Имена этих учёных, их

не утратившие ценности книги должны быть не просто известны ономастам, а обязательно учтены в конкретных исследованиях.

Учёный из Воронежа Г. Ф. Ковалёв, известный, в первую очередь, трудами в области литературной ономастики, но изучающий также и этнонимы, выступил с кратким сообщением «Этнонимия древней Руси», в котором рассказал о структуре славянских этнонимов Древней Руси, известных по «Повести временных лет» и древнерусскому переводу хроники Георгия Амастрола (Мниха), высказал мнение относительно этимологии некоторых этнонимов и о названиях неславян в этих источниках.

Дружба и сотрудничество с одесской ономастической школой отразилась публикацией ещё трёх ономастических статей: «Днепр», написанной “вождём” одесских ономастов Ю. А. Карпенко, «Квазитеоним Род», подготовленной его учеником и сподвижником Н. И. Зубовым и «Мифонимы *Голубиная книга и трясовицы*», представленной А. В. Юдиным.

Ю. А. Карпенко кратко изложил исторические сведения о разных именовании реки *Днепр*, дал подробный историко-этимологический очерк об античном ониме *Борисфен*, и предложил свою версию относительно этимологии функционирующего ныне названия главной реки Украины. Он признал, что это композит, состоящий из двух корней *Дн-* и *-епр*. Первая часть является иранской, точнее, скифской и значит ‘река, вода’, а вторая (при всех неясностях происхождения) – ‘широкая’, возможно ‘глубокая’.

Н. И. Зубов представил свои соображения относительно онима *Род* и существительного, как правило, множественного числа *рожаницы*. Опираясь на скудные материалы апологетов христианства, дошедшие до наших дней, и разыскания академика Б. А. Рыбакова, автор сообщения предложил считать оним *Род* квазимифонимом. Словообразовательная единица *квази-* должна, по его мнению, указывать на ложность или мнимость отнесения имени существительного *Род* к мифонимам.

А. В. Юдин, собравший сведения о мифониме *Голубиная книга*, представил две версии его происхождения: 1) традиционную, идущую от Веселовского, трактовующую оним как искажение прилагательного *глубинная*, т. е. касающаяся тайного, основного знания и 2) принадлежащую А. А. Архипову, полагавшему этот мифоним калькой др.-евр. названия Пятикнижия Моисеева *sēfer tôrâ* “книга Закона”, переосмысленного как *sēfer tôr* “книга голубя”. Словарная статья *Трясовицы* представила версию автора, касающуюся происхождения и функционирования мифонима, переводящегося как “лихорадки”. Представляет интерес попытка отождествления *Трясовицы* с апокрифической Иродиадой.

Подробнее остановлюсь на ономастических публикациях сотрудников кафедры общего языкознания. Сам Е. С. Отин в первом выпуске опубликовал историко-этимологические заметки о гидронимах *Дон* и *Донец*. В них было отмечено, что древнейшие названия реки, известной нам под названием *Дон*, обнаруживают индоиранскую природу. Согласно Плинию Старшему, отмечено в статье, существовали два скифских названия реки: *Tanaim ipsum Scythe Sinum vocant* (сам Танаис скифы называют *Sinu-*). Это скифское название через целый ряд сопоставлений с различными упоминаниями древними авторами событий, происходивших вблизи Дона, дало основание Е. С. Отину изложить интересную, хотя и нуждающуюся, по его мнению, в уточнениях, гипотезу о том, что народно-этимологическое продолжение синдоарийского топонима *Sinu-* связано с атрибутивными названиями *Синья вода*, *Синий Дон* и *Синее море*. Продолжая изложение исторических сведений о названиях Дона, автор статьи отметил, что, у Геродота, т. е. задолго (едва ли не за пять веков) до Плиния, Дон назван *Μαίητις*. “Это географическое имя отразило господствовавшее в античную эпоху представление об Азовском море как об огромном экстуарии Дона, впадающем в Чёрное море через Керченский пролив, т. е. как о “матери Понта”» [Вып. 1, с.56]. Античное название Дона *Танаис* было общеизвестным и распространённым в Западной Европе вплоть до конца XVI века. А гидроним *Дон*, встречающийся уже в древнейших памятниках русской письменности, [его происхождение Е. С. Отин, как и все исследователи, соотнёс со скифо-сарматской основой *dān-* (*don-*) – ‘вода’, ‘река’] появился в связи с длительным пребыванием на территории южной России ираноязычных скифо-сарматских племён. О названии *Северский Донец* (самый крупный правый приток Дона) Е. С. Отин собрал обширную информацию, свидетельствующую о том, что в древности Северский Донец и Дон от слияния этих двух речных потоков до гирла именовали *Доном* или *Доном Великим*. И лишь во времена, когда представления о том, что является главной рекой, а что её притоком, изменились, появилась и объективная необходимость переименования. Здесь, как и в случае с именем *Дон*, Е. С. Отин предложил обширный историко-этимологический экскурс в проблему. Отметив, что в восточнославянской гидронимии отсутствуют названия крупных рек с уменьшительным суффиксом *-ец*, автор статьи высказал предположение, согласно которому *Донец* следует рассматривать как производную уменьшительную форму не от современного гидронима *Дон*, а от *Дона* древнерусской эпохи, в среднем и нижнем течении получившего определение *Великий*. А суффикс *-ец* “пришёл”, “спустился вниз” от прежде локально ограниченного одного из “верховских Донцов” (которых, как известно, существует несколько) – *Донца Северского* и вытеснил прежнее название

Дон и Дон Великий. Вообще пересказывать содержание информативно исключительно насыщенных текстов Е. С. Отина – дело сложное и непродуктивное. Поэтому могу добавить только, что эти материалы, естественно, в переработанном и дополненном виде вошли в фундаментальный двухтомный каталог Е. С. Отина «Гидронимия Дона». Их чтение доставляет огромное эстетическое и интеллектуальное наслаждение. А ещё (в связи с заданной названием статьи темой сообщения) добавлю: Е. С. Отин всегда стремился к представлению в печать только образцовых публикаций, и его ученики и последователи, имея эти блистательные образцы, старались “не ударить лицом в грязь”, не подвести ответственного редактора, руководителя научной школы и Учителя.

К. В. Першина, одна из первых учениц Е. С. Отина, в первом выпуске ВУЛСа поделилась лингвокраеведческими наблюдениями, опубликовав статью «Из истории ойконимии Донбасса». Нужно сказать, что к этому времени в активе у неё уже было несколько выступлений на конференциях, касающихся именно ойконимии Донбасса. Причём работать с этим материалом исследовательница начала ещё студенткой в составе организованной Е. С. Отиним на филологическом факультете ономастической группы. Из её публикаций, наиболее близких представленной в первом ВУЛСе тематически, назову «Словообразовательные типы топонимов Донбасса»³, «О путях формирования ойконимии Донбасса советского периода»⁴, «Номинация селений в условиях близкородственного двуязычия (ойконимия Донбасса)»⁵, «Особенности функционирования названий селений в Донбассе»⁶, «Динамика ойконимических номинационных моделей и проблемы именованя и переименования селений»⁷, “О номинационных традициях и инновациях в ойконимии Донбасса»⁸, «Отражение этнической истории Донбасса

---

³ Опубликовано в: Питання словотвору східнослов'янських мов. Матеріали міжвуз.респ. наук.конф-ції. – К.: Наукова думка, 1969. – С.126-127.

³ Опубликовано в: Питання ономастики Південної України. Доклади і повідомлення V респуб. міжвуз.конф-ції (Николаев, май. 1974). – К.: Наукова думка, 1974. – С.122-124.

⁵ Опубликовано в: Двуязычие в советском обществе (двуязычие и многоязычие как характерная особенность общественно-политической и культурной жизни советского общества). Тезисы респ. науч. конф-ции. – Винница, 1988.

⁶ Опубликовано в: Осуществление ленинской национальной политики в Донбассе. Тезисы респ.науч.конф-ции. Донецк, 21–24 февраля 1990. Ч.2. – Донецк: ДонГУ, 1990. – С.108-109.

⁷ Опубликовано в: Шестая республиканская ономастическая конференция. Тезисы докл. и сообщений. Ч.2. Описательная и прикладная ономастика. 4–6 декабря 1990 г. – Одесса, 1990. – С.90-92.

⁸ Опубликовано в: Исторические названия – памятники культуры. Тезисы докл. и сообщений на Всесоюзной научн.-практич. конференции 3–5 июня 1991 г.: в трех выпусках. Вып.2. – М.: Совет. фонд культуры, 1991. – С.134.

в названиях его селений»⁹. Её работа, как и остальные публикации раздела, представляет собой материалы к “Русской энциклопедии” и к “Историко-этимологическому словарю топонимов юго-восточной Украины”. В связи с началом работы над проектом «Филологическое краеведение Донбасса» надеюсь, что эти материалы займут достойное место и в пока только “замышляемой” «Энциклопедии Донбасса». Отметив, что формирование и развитие ойконимии Донбасса характеризовалось активными трансонимизационными процессами и усилением роли апеллятивной лексики как источников номинации, К. В. Першина предложила ряд материалов к словарным статьям: *Белояровка, Ближнее, Весёлая Гора, Восход, Днепроэнергия, Дружба, Дружное, Зоряное, Коминтерново, Комсомольский и Комсомольское, Красногорка, Кременная Балка, Курахово, Мирное, Нижняя Крынка, Прогресс, Русско-Орловка, Ставки, Холодная Балка, Широкая Балка.*

Л. П. Борисова представила материал, посвящённый названиям природных и искусственных водоёмов Донетчины. В нём характер завершённых словарных статей получили *Батманівка, Біле, Берхівське водосховище, Блоха, Бовдурів Яз, Богодухівський, Брусове, Бююк, Валитарам, Вейсове, Водокачка, Ганзівський, Гарбаро, Гирлове, Глинки, Гнилуша, Гольмівський, Городок, Горлівське море, Гуен, Двадцять Перший, Дзеркальний, Дикий, Дніпровський, Довгенька Балка, Донецьке море, Дружба, Жабівка, Желанівський, Забочанське, Завод, Западне, Западний, Запірне, Запретна Вода, Затон, Зорянський, Землянський, Зимовок, Іллічевський, Кабичка, Казан, Колдибані, Копиратор, Капусне, Кириша, Кицине, Кленовий Лист, Комариний, Короленківські, Костикив Брідок, Кьосчохрах, Котлован, Кошове, Краматорське море, Крестьянский, Кукуєве, Куликове, Кутовий, Лебязе, Лиман, Лиманчик, Линькове, Лисенки, Логвині Ставки, Лосівські Ставки, Луганські озера, Лутугинський, Любви, Макортина, Мартинчино, Мартиненкове, Масляківське, Матнівський, Маяцке, Молочарівка, Молочний, Москвине, Мотояма, Мочак.*

А. Ф. Михина отчиталась о проделанных исследованиях статьёй «Состав и функции именованных мужских персонажей в народных песнях болгар Украины и Молдавии». Знаток и исследователь болгарской антропонимии на территории юго-восточной Украины, посвятившая захватившей её теме не одно десятилетие, в 2014 году она опубликовала в Болгарии итоговую монографию¹⁰. По мнению автора, народные песни

⁹ Опубликовано в: Первая региональная научно-практическая конференция «Донбасс: прошлое, настоящее и будущее». Тезисы докладов и сообщений. – Донецк, 1992. – С.30-32.

¹⁰ Михина А.Ф. Антропонимия болгарской диаспоры Северного Приазовья / Главен редактор: проф., д.ф.н. Е.Отин; отговорен редактор: проф., д-р Кирил Цанков; научен редактор: доц., д-р Н.Ярошенко; научен консултант: доц., д-р М. Ангелова-Атанасова. – Велико Търново : Университетско издателство «Св. св. Кирил и Методий», 2014. – 606 с.

болгар Украины и Молдавии своим онимным материалом отражают антропонимические традиции выбора личного имени, мотивации выбора, семантику личных имён и её влияние на жизненный путь персонажей народных песен. Кроме того, несмотря на длительное проживание вдали от метрополии, болгары в фольклорных песнях в основном сохранили репертуар именника, однако со временем в суффиксах, флексиях, членной форме личных имён стали отражаться формирующиеся диалектные особенности новой антропонимии, развилось параллельное употребление диалектных и литературных форм.

В. И. Рогозина в статье «Антропонимная номинация в романе В. Дружинина “Державы российской посол”» представила литературно-ономастическое направление исследований, которое начал развивать при посредстве своих учеников Е. С. Отин. Исследовательница отметила многообразие антропонимных формул, отражающих реальное состояние именника изображённой в романе эпохи, показала широкое использование различных детерминантов, указывающих на социальное положение, род занятий, черты характера, воинское звание референтов имён. Результатом анализа различных вариантов номинации персонажей (номинационных рядов) стал вывод о том, что именно антропонимная система произведения вместе с детерминантами, сопровождающими именование персонажей, стала главным средством создания речевого колорита эпохи и основой стилизации в романе.

В сборник вошла ещё одна ономастическая публикация. Аспирант кафедры С. А. Реммер отчитался о проделанной работе статьёй «Русская хрононимия». В ней было представлено 7 групп имён, обозначающих религиозные, общенародные и государственные праздники, памятные дни, исторические периоды, войны, общественно значимые события (конференции, съезды, встречи, переговоры и т. д.), даты и периоды, отражающие особенности культуры народа или его быта. Исследователь обозначил наиболее типичные способы образования хрононимов – онимизацию апеллятивов и трансонимизацию – и типы хрононимной номинации – назывной, квалификативный, относительный, посессивный и смешанные. Были предложены и обсуждены различные классификации хрононимов: по особенностям референтов, по объёму денотатов, по сфере бытования. Была также предложена структурная классификация хрононимов, дополненная классификацией по составу и первичности образования. Автор уделил внимание и семантике хрононимов, которая строится на осуществлении ими кумулятивно-культурной функции, и случаям ономастического варьирования хрононимов, их стилистической окрашенности. Кратко была отмечена современная тенденция употребления в роли хрононимов онимии других классов (чаще всего – топонимов).

Как уже отмечено выше, ономастическая направленность сборника не стала препятствием для публикации других работ. Статья Е. И. Царенко «О взаимодействии языковых уровней», открывшая первый раздел «Теория языка» и сборник в целом, получила продолжение и во втором выпуске. Е. С. Отина всегда волновало избыточное, порой чрезмерное, увлечение лингвистов новой терминологией. Вместе с тем он считал, что изучение даже хорошо известных явлений новыми методами неизбежно приводит к обновлению метаязыка. Поэтому он с особым вниманием отнёсся к работе своего сотрудника. Е. И. Царенко статью «О взаимодействии языковых уровней» начал с утверждения, касающегося популярности слова «уровень» в лингвистических исследованиях и неизбежной (в случаях неотвеченного употребления) терминологической его девальвации. Вместе с тем, как теоретик языковедческих исследований, он исходил из необходимости навести порядок во множестве уровневых концепций языка. Поэтому, подвергнув критике обогащение лингвистики новыми терминами, мало что вносящими в понимание механизмов языка, Е. И. Царенко предложил при определении уровней языка двигаться «от языковой единицы к уровню» [Царенко, вып. 1, с.4]. Само по себе это не было новостью. Достаточно обратиться к библиографии работ, проанализированных при подготовке публикации. Но, продолжая анализ, автор рассмотрел возможные типы связей между уровнями языковой системы и во второй части своей публикации (во втором выпуске ВУЛСа, о котором речь впереди) предложил интересную схему межуровневого взаимодействия, снимающую, по его мнению, противоречия других подходов. Поскольку в этой публикации подробный анализ работ, не относящихся к проблемам ономастики, не планировался, могу только порекомендовать специалистам по теории языка обратиться к представленной только что работе Е. И. Царенко. Она, несмотря на два десятилетия, отделяющие её от современного читателя, не устарела.

Широкая эрудиция и глубокое проникновение в анализируемые явления всегда были отличительной чертой работ профессора кафедры общего языкознания Н. А. Луценко, выступившего в двух (1 и 2) выпусках ВУЛСа со статьями, посвящёнными проблемам сравнительной фонетики. В статье «Переход задненёбных в аффрикаты в славянских группах kv, gv» анализировались факты преобразования задненёбных в группах kv, gv перед гласными переднего ряда в восточно- и южнославянских языках, в отличие от западнославянских. Исходя из концепции, трактующей необходимость разграничения свойств языка и диалекта, Н. А. Луценко представил картину типологического состояния явлений перехода задненёбных в аффрикаты и показал, что близость по

контрасту в пранализированных группах в одной части славянских идиомов¹¹ была заменена близостью по употреблению. “При этом переход задненёбного в аффрикат происходил одновременно с сужением следующего за ним гласного. Самой общей причиной данного изменения является <...> внутриидиомный сдвиг “диалект – язык”. Из конкретных причин главная – особенности ударения» [Луценко, вып.1, с.20].

Е. С. Отин как учёный традиционной филологической культуры всячески поощрял развитие на факультете и на кафедре общего языкознания и истории языка, в частности лексикографическую работу, поскольку считал словари главным отчётным документом лексикологов и ономастов. Статья старшего преподавателя кафедры А. Е. Симоненко «Из истории лексикографии “малых” форм: вводно-терминологические разделы в книгах XVIII в.» была просто очередной (если точно, десятой) в серии его публикаций, посвящённых истории лексикографии. А две из них – “Глоссы в русской книге гражданской печати I-й половины XVIII в.”¹² и “Об источниках русских притекстовых терминологических словарей XVIII в. (словари В. Суворова, Д. Аничкова, Н. Курганова и Е. Войтяховского)”¹³ – были связаны напрямую с затронутой темой. Забегая вперёд, отмечу, что в ВУЛСах А. Е. Симоненко опубликовал несколько работ, вошедших позднее в его монографическое исследование: «Очерки по истории и теории русской терминологии XVIII – I-й пол. XIX вв.».

Лингвисториографическое осмысление проблем ономографии нашло отражение и в статье Н. Е. Касьяненко «Онимы и отонимные образования в русской лексикографии XVIII в. (объём, состав и способы словарного описания)». Этот первый опыт исторической ономографии молодой исследовательницы, с одной стороны, был определённым образом связан с её топонимическими интересами, а с другой, отразил становившуюся всё более популярной на кафедре линию изучения словарного дела вообще и терминологической, в том числе, за пределами словарей, лексикографии в русской науке XVIII века.

***

При подготовке второго выпуска Е. С. Отин развернул деятельность по “собираанию сил”, начал отбирать работы в “редакционный портфель” ВУЛСа. Статьи, которые предлагались ему для решения вопроса о возможности опубликования, либо распределялись по другим изданиям, которые он редактировал или был членом редакционных коллегий,

¹¹ Термин “идиом” был использован автором для обозначения понятия, недифференцированно охватывающего “язык” и “диалект”.

¹² Опубликовано в: “Язык, стиль, культура: Сб.науч.трудов”. – Донецк, 1992. – С. 22-34.

¹³ Опубликовано в: “Актуальные вопросы теории языка и ономастической номинации: Сб.научн.статей”.- Донецк, 1993. – С. 54-72.)

либо ставились “в очередь” на печать в ВУЛСе. При этом Е. С. Отин, как руководитель специализированного учёного совета, придерживался правила “зелёной улицы” для аспирантов, заканчивающих или уже завершивших диссертационное исследование и, по естественным причинам, нуждавшихся в наличии публикаций по теме диссертации.

Второй сборник, тоже вышедший с преобладанием ономастических статей, стал естественной “площадкой” для продолжения незавершённых работ. Так, в разделе «Теория языка» Е. И. Царенко, как уже отмечено выше, опубликовал вторую часть своего разыскания «О взаимодействии языковых уровней. (Часть II)», посвящённого уровневой стратификации языка. Н. А. Луценко, что тоже отмечено ранее, продолжил публикацию своих фонетических и фонологических исследований в области русского языка, представив мнение о соотношении звуков [i], [i̯] и [j]. В этом же разделе была опубликована статья А. П. Загнитко «Типологія синтаксичних зв'язків», автор которой предложил пополнить два традиционно рассматриваемых типа синтаксических связей: “З-поміж усього загалу синтаксичних зв'язків слід розрізняти: 1) реченнєвотвірні; 2) реченнєвомодифікуючі; 3) словосполученнєвотвірні зв'язки” [Загнитко, вып. 2, с. 3]. При этом автор настаивал на необходимости специального исследования связей, модифицирующих предложение.

Одновременное и параллельное развитие на кафедре общего языкознания ономастических наук и исследований по словообразованию определило интерес редактора ВУЛСа к работам “пограничного” типа. Именно поэтому раздел «Структура слова. Словообразование» открыла статья О. Е. Ольшанского «О морфемном строении собственных имён». Основное внимание в ней автор сосредоточил на явлении опрощения морфемной структуры собственных имён. Интеграция морфем основы собственных имён разных разрядов, происходившая в предшествующие современным состояниям эпохи, привела к тому, что в результате семантических, фонетических и лексических изменений развились специфические закономерности деривации собственных имён. Автор статьи указал на то, что “методика исследований синхронной структуры антропонимов не лишена серьёзных недочётов” [Ольшанский, вып. 2, с. 38], и предложил при характеристике морфемного строения антропонимов распределять их “по финали”. При этом сумма диахронических наблюдений даст, по мнению учёного, словообразовательный ряд. В статье также было отмечено, что опрощение пережили и собственные имена-аббревиатуры, и топонимы. К числу топонимов с полным опрощением автор отнёс, например, онимы Таганрог, Ямал, Саратов, Байкал, Дербент, Феодосия, Ноттингем, Дюнкерк, Бристоль и др. Другие явления: неполное опрощение,

топонимическое сложение, при котором один из элементов превратился в компонент аффиксоидного значения, – также были отмечены автором статьи. В зависимости от характера мотивации сложные и простые производные топонимы были разделены на простые и сложные слова. В первой группе были отмечены а) названия городов и других населённых пунктов, мотивированные гидронимами (Прикумск, Ангарск, Иркутск), б) топонимы, мотивированные антропонимами (Гурьевск, Хабаровск), и в) топонимы, мотивированные нарицательными словам (Шахтинск, Рубежное). К категории сложных слов были отнесены а) топонимы, синхронно соотносительные апеллятивным основам (Белозерск, Целиноград) и б) сложные топонимы, мотивированные апеллятивной основой и топонимом (Соликамск, Верхнеднепровск). Весь материал интерпретирован как источник практической работы учителя-словесника над дериватологией.

В разделе «Ономастика» было отведено место статьям аспирантов кафедры общего языкознания. Б. И. Маторин опубликовал наблюдения «Онимообразовательные процессы в современной русской эргонимии (на материале названий коммерческих структур)». Автор осуществил попытку установить основные тенденции в процессах современного русского эргонимообразования. При этом следует подчеркнуть, что начало исследованиям эргонимии, в том числе, эргонимии Донбасса, было положено главным редактором ВУЛСа¹⁴. Как человек увлекающийся и, одновременно, крайне щепетильно относящийся к руководству работами своих учеников, Евгений Степанович всегда глубоко погружался в материал, который исследовали его подопечные. А некоторые результаты изучения эргонимии нашли отражение в специальной публикации¹⁵. Автор же представляемой статьи в результате сравнения русских эргонимов начала века и советского периода с “эргонимами последнего десятилетия” пришёл к выводу о существенных качественных изменениях в процессах эргонимообразования. Кроме того, было отмечено наличие стихийного, случайного и непоследовательного в них. Вопросы трансонимизации также входили в круг интересов Е. С. Отина, занимавшегося проблемой прежде всего в аспекте продуктивности механизмов трансонимизации в развитии коннотонимии, а также в плане этнографической информации: вопросам уточнения перемещений населения внутри страны могла сослужить полезную службу, например,

---

¹⁴ Отин Е. С. Номинационные процессы в русской эргонимии XX века (названия промышленных предприятий, акционерных обществ и фирм // Актуальные вопросы теории языка и ономастической номинации Сб. научн. статей. – Донецк: ДонГУ, 1993. – С. 83-94.

¹⁵ Отин Е. С. Из истории русской эргонимии // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XXV. Ономастика. Книга I. Часть I. Имя и культура. Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. – М., 1993, с. 110-123.

мотивированность кличек, тождественных топонимам¹⁶. Статья его аспирантки М. В. Яковенко «Абсолютная межвидовая трансонимизация» затронула проблему одного из самых распространённых способов образования собственных имён. В исследуемом процессе автором было предложено рассматривать трансонимизацию двух видов – “чистую” и осложнённую деривацией. Поскольку последняя, по мнению автора, достаточно хорошо изучена, М. В. Яковенко сосредоточила внимание на малоисследованной области абсолютной трансонимизации. В статье были подробно рассмотрены переходы *антропоним* → *топоним*, *топоним* → *антропоним*, *антропоним* → *наутоним*, *топоним* → *наутоним*, *наутоним* → *топоним*, *агионим* → *хрононим*, *антропоним* → *анемоним*, *топоним* → *зооним*, *антропоним* → *зооним*, *антропоним* → *эргоним*, *топоним* → *эргоним*. Особое внимание было уделено абсолютной межвидовой трансонимизации в кругу *теоним* → *астроним*, *антропоним* → *астроним*, и *топоним* → *астроним*.

Выступивший со статьёй «К вопросу об определении хрононимов» С. А. Реммер коснулся некоторых аспектов теории собственных имён в связи с исследованием хрононимов как специфического разряда онимов. Давая определение объекту исследования, автор отметил, что этот вид онимии, предназначенный для обозначения строго определённых и хронологически очерченных отрезков времени, характеризуется социальной и исторической значимостью для “народа-языкотворца”, а денотаты хрононимов отличаются от денотатов нарицательных имён, обозначающих различные отрезки времени предельной конкретностью. Автор статьи взял на себя смелость возражать признанным авторитетам. Так, было выражено несогласие с мнением Н. В. Подольской по поводу того, что хрононим представляет собой лишь “собственное имя исторически значимого отрезка времени”. С. А. Реммер возразил: “Имеется немало случаев, в которых соотнесение денотата хрононимов с конкретным историческим событием неопределённо, размыто или вообще отсутствует” [Реммер, вып. 2, с. 90]. В качестве примера были приведены памятные даты народного земледельческого календаря: *Купала*, *Масленица*, *Ильин день*. Фактически исследователь возражал против введения термина геортоним, обозначающего “собственное имя любого праздника, памятной даты, торжества, фестиваля” [Реммер, вып. 2, с. 91 со ссылкой на известный словарь русской ономастической терминологии Н. В. Подольской]. Кроме этого возражения, поддержанного пространной аргументацией, автор статьи уделил внимание “социокультурным хрононимам”, которые, по его мнению, относятся к хрононимии несмотря на то, что некоторые из них – постоянные (*Благовещение*),

¹⁶ См., например, «Об именах и кличках, тождественных топонимам» («Этнография имён», М., 1971) и другие работы Е.С. Отина, посвящённые разным аспектам трансонимизации.

а некоторые – подвижные (*Пасха*); иные же вообще могут отмечаться несколько раз в году (*Егорьев день, Николы-угодника, св. Анны*). Далее автор указал, что, по его мнению, сближает хрононимы с другими с другими разрядами онимной лексики, а что отличает. Сближает гносеологическая основа: – “**обозначение единичного и общественная необходимость идентификации**”, отличает же “**бóльшая объективность, являющаяся следствием бóльшей объективности их денотата**” [Реммер, вып. 2, с.94-95]. Полемизируя с Ю. А. Карпенко, полагавшим, что объём связи онима с денотатом невелик (это-де позволяет легко переименовывать денотаты) и несопоставим с апеллятивными ситуациями, С. А. Реммер констатировал, что изменить наименование отрезка времени, которое десятилетиями, а то и веками складывалось и закреплялось в сознании людей, невозможно, а “случай замены в России Дня Советской Армии на День защитника Отечества – 23 февраля – затрагивает некоторые особенности внешней, формульной стороны хрононима; его содержание, структура и денотат, восходящий к историческим событиям февраля 1918 г., остаются неизменными” [Реммер, вып. 2, с.96].

Настоящим украшением второго выпуска стала небольшая публикация главного редактора «О происхождении фамилии *Отин* (к вопросу о мотивационной многоплановости некоторых фамилий)». Как я узнал значительно позже, статьёй этой автор гордился. Поздней осенью 2014 года, за несколько месяцев до ухода из жизни, он признался, что двумя работами очень доволен и считает их лучшими своими ономастическими исследованиями. Имелись в виду разыскания о происхождении названия реки *Кальмиус* и фамилии *Отин*. По сохранившимся, к сожалению, немногочисленным фонозаписям разговоров с Евгением Степановичем можно составить некоторое представление о том, как возник замысел исследования: “В 80-е годы я вспомнил, что живу с фамилией, которая для меня неясна. Потом, в свойственной ему манере изящных “лирических отступлений”, Е. С. заявил, что вообще-то “виноват в этом Никонов”¹⁷. А затем пояснил, что ему приснился Владимир Андреевич, почему-то с палкой, которой он стучал и требовательно вопрошал: “Почему я до сих пор ничего не знаю о происхождении фамилии *Отин*?” После этого шуточного “отступления от темы” Е. С. Отин продолжил: “Я разработал несколько версий, но не буду говорить о тех, которые, с моей точки зрения, менее достоверны. А вот на первой остановлюсь. Моя фамилия, возможно, возникла так:

¹⁷ Владимир Андреевич Никонов – учёный-самоучка без высшего образования, один из крупнейших советских ономастов, автор монографии «География фамилий» (1988) и «Словаря русских фамилий» (1993), вышедшего уже после смерти учёного. В. А. Никонов дружил с Е. С. Отиным, несколько раз приезжал в Донецкий университет, читал лекции по стиховедению и проводил спецкурсы по ономастике.

она этнонимного происхождения. Удмуртов раньше называли *отьяками*. Это коллективное прозвание, а одного удмурта называли *отин*. Здесь добавляется суффикс со значением единичности. Я склоняюсь к тому, что кто-то из моих предков был удмуртом. Более достоверно отпрозвищное: вотяками называли не только удмуртов. Вотяк – это шут, дурак, разиня, простоватый человек”. В самом же тексте статьи это выглядело так: “Фамилия **Отин** с точки зрения её словообразовательного строения прежде всего может быть интерпретирована как простой производный оним, в котором финальное **-ин** не является антропонимическим формантом. Через предшествующую ступень – прозвище она восходит к одному из фонетических вариантов прежнего наименования удмурта – **отин** с сингулятивным суффиксом **-ин** (как русин, татарин, чудин и под.)” [Отин, вып. 2, с. 84]. Версия отпрозвищного происхождения фамилии изложена автором статьи так: “Фамилия **Отин** могла быть произведена не только от этнонима **оть** “удмурт, вотяк”, но и от возникшего на его базе прозвища **Оть**. Семантика прозвища могла быть разной: не только “вотяк”, но и “шут”, “дурак”, “разиня”. На последнее значение этого русского диалектного апеллятива указывает В. И. Даль” [Отин, вып. 2, с.85]. Далее следовал ряд других гипотетических вариантов происхождения фамилии *Отин*. Основной теоретический вывод состоял в признании возможной мотивационной многоплановости некоторых современных фамилий, что следует иметь в виду при деонимных реконструкциях подобных фамилий.

Проблемам дериватологии “в чистом” виде (т. е. без привлечения онимного материала) были посвящены статьи Н. М. Маториной «О некоторых аспектах изучения словообразовательных гнёзд (на материале СГ *делать* и *деять*)» и Л. П. Борисовой «Словообразовательное гнездо с вершиной *воспитать* ‘взрачивать, оказывать педагогическое воздействие’ в истории русского языка XVII–XX вв.»

***

В третьем выпуске ВУЛСа преобладала ономастика. Шесть статей, размещённых в других разделах сборника, против девяти “ономастических” публикаций. При этом работа Б. И. Маторина, опубликованная в разделе «Словообразование», по существу также была связана с ономастикой, поскольку в ней рассматривались тенденции и процессы современного русского эргонимообразования.

Представлю материалы сборника в порядке размещения в книге, снова сосредоточившись на подробном рассмотрении раздела «Ономастика».

В первый раздел сборника – «Теория языка» – вошли статьи профессоров филфака ДонНУ Н. А. Луценко и А. П. Загнитко, а также публикация горловчанки М. Ю. Беляевой.

Н. А. Луценко в статье «Об именах существительных среднего рода в русском языке» рассмотрел системные свойства именных форм рода в современном русском языке. Представив мнение многих современных лингвистов, утверждающих, что отнесённость существительных к тому или иному роду “не может получить последовательно содержательного истолкования” [Луценко, вып. 3, с. 3], автор статьи противопоставил им своё понимание специфических свойств имён существительных среднего рода. С учётом идей А. А. Потебни была отмечена классово-дифференцирующая функция форм среднего рода и показано, что положение о немотивированности родовых форм неодушевлённых имён в определённом смысле преувеличено и нуждается в серьёзной корректировке. Рассмотрев основные содержательные оттенки и особенности употребления существительных среднего рода в русском языке, автор показал, что средний род является “смысловой категориальной рамкой”, определяющей “частные семантические, морфологические и синтаксические признаки отдельных представителей среднеродового класса слов” [Луценко, вып. 3, с.5].

Статья М. Ю. Беляевой «Внутренняя форма, контаминант и контекст» представляет собой краткое изложение наблюдений над любопытным явлением – объединением в речевом потоке двух языковых единиц на базе их структурного или иного подобия. Исходя из наиболее приемлемой для целей собственного исследования дефиниции внутренней формы по Т. Р. Кияку: “это умственный интерферированный образ, отражающий в виде апперцепционного представления один или несколько существенных признаков денотата, обусловленный морфемной структурой слова или выражения”¹⁸, – М. Ю. Беляева трактует контаминацию как особый способ словопроизводства и сосредоточивается на процессах создания и понимания слов-контаминантов. В результате автор приходит к выводу, что «в “сомышлении” реципиентов по поводу внутренней формы контаминант, в разграничении псевдо- и контаминации полной и частичной разновидностей последней важную роль играет контекст» [Беляева, вып. 3, с. 20], а графика расширяет его возможности.

Очередная статья А. П. Загнитко «Типологія семантико-синтаксичних відношень» продолжила серию его публикаций, посвящённых проблемам типологии в синтаксической науке. **Обозначив группу семантико-синтаксических отношений**, учёный отнёс к ним предикативные, атрибутивные, объектные, обстоятельственные и апозитивные отношения. Среди предикативных были выделены субъектные и предикатные. К последним были отнесены атрибутивные, модальные и

---

¹⁸ Кияк Т.Р. О внутренней “форме” лексической единицы // Вопр. языкознания, 1987, №3. Цитируется по [Бел, с.17].

неравнорядные адвербиальные. К вторичным семантико-синтаксическим отношениям, согласно традиции, “зараховуюються такі, які у своїй основі є предикатними і становлять результат згортання самостійних речень і репрезентують окремі пропозиції” [Загнитко, вып. 3, с. 23], отметил автор и перечислил “базовые” отношения на уровне сложно-сочинённого предложения – соединительные, сопоставительные, противопоставительные и разделительные. Далее А. П. Загнитко развил мысль, согласно которой логичность и мотивированность разграничения предикатных и непредикатных отношений в неравнорядных подтипах может быть уточнена по аналогии с базовыми предикативными отношениями в структуре простого предложения. Основным обобщением в статье стало утверждение, согласно которому современный синтаксис украинского и других славянских языков характеризуется “витворенням площини вторинних семантико-синтаксичних відношень між автономними частинами” [Загнитко, вып. 3, с. 32].

Раздел «Ономастика» открывает статья Ю. А. Карпенко «Велес залишається на троні», в которой автор вступил в жёсткую полемику с известным польским лингвистом Л. Мошиньским, опубликовавшим работу «Detronizacja Welesa». Польский учёный полагал, что *Велес* и *Волос* являются двумя независимыми образованиями, а *Волоса* при этом квалифицировал как позднее проникновение к славянам-язычникам христианского культа св. Власия. Форму же *Велес* он объявил кельтским заимствованием (из др.кельтск. *uel-ēt-s), связанным со значениями “вещун”, “поэт” в ирландском, а в качестве примеров привёл определение Бояна из «Слова о полку Игореве» (вѣщеи Бояне, Велесовъ внуче) и беса в чешском языке XV–XVI ст. – veles. Ю. А. Карпенко посчитал усвоение культа и имени второстепенного христианского святого язычниками чистой фантастикой, “навіть не науковою”, и столь же невероятными кельтские истоки формы *Велес*. А появление в двух славянских регионах двух разных значений одного кельтского слова автор статьи вообще признал чем-то мистическим. Одновременно он высказал критические замечания и в отношении точки зрения О. Н. Трубачева на индо-европейские истоки имени Велеса и вхождение его в гипотетический теонимный ряд Перун – *Велун. Проанализировав, кроме приведённых точек зрения, различные реконструкции мифа о борьбе громовержца Перуна со своим противником Велесом, в том числе и осуществившиеся Вяч. Вс. Ивановым и В. Н. Топоровым, Ю. А. Карпенко предложил квалифицировать “конфликт” между Перуном и Велесом как конфликт общественный, социальный: «... старі боги вогняного циклу із появою княжої влади і княжої дружини стали аристократами, набули військових рис і функцій опікунів князя і дружини. Біля стодоли (“у овина”) залишився тільки Сварожич (у прибалтійських слов’ян і він подався у

військовики). Велес же був з тими, хто ходив коло худоби, він був богом смердів» [Карпенко, вып. 3, с.36-37]. Лингвистическое обоснование своей позиции Ю. А. Карпенко нашёл в квалификации вариаций *Велес / Волос* как одного из проявлений фонетико-словообразовательного явления, названного им сакральным аблаутом. Качественный и количественный аблауты, дошедшие до наших дней только в нескольких глаголах и отглагольных именах существительных, сохранили за гласным *о* значение бóльшей стойкости и длительности, а в сакральном аблауте развило мелиоративные оценки. В паре *Велес – Волос* последняя форма стала мелиоративной. Вообще же статья интересна изящными этимологическими экскурсами и, несомненно, принесла и ещё долго будет приносить удовольствие и учёным-этимологам, и ономастам, и исследователям праславянской мифологии.

Воронежский ономатолог Г. Ф. Ковалёв поделился в третьем выпуске сборника своим взглядом на одну “ономастическую загадку” Михаила Булгакова. Речь в ней идёт об имени одного из главных персонажей романа – Воланде. Почти чеховская интрига с “лошадиной фамилией”, разыгрывающаяся в ресторане МАССОЛИТа, по-иному представленная Булгаковым в эпизоде в театре Варьете и развивающаяся в целом ряде эпизодов романа, вызвала интерес не только литературоведов, но и специалистов-ономатологов. По мнению Г. Ф. Ковалёва, по ходу романа происходит не только узнавание персонажа, но и обнажается онимная игра, развёрнутая автором вокруг образа дьявола. С его точки зрения, М. Булгаков очень умело зашифровал имя Воланд. “Для расшифровки его необходимо предварительно разделить на две части: ВОЛ-АНД. Сначала читается вторая часть в обратном порядке: ДНА, затем в прямом порядке читается первая часть: ВОЛ. Получается странное, на первый взгляд, сочетание ДНА-ВОЛ”. Но, как потом доказывает автор статьи, ничего необъяснимого здесь нет. Булгаков хорошо знал, что в старославянском алфавите буква “иже”, писавшаяся как современная буква Н, обозначала звук “и”. Следовательно, “фамилию *Воланд* после расшифровки нужно читать как ДИАВОЛ” [Ковалёв, вып. 3, с. 42-43]. Однако автор статьи не остановился на этом и в ходе последующего анализа показал “многомерность” не только образа, но и его имени. Пересказ такого рода открытий, по моему мнению, попросту вреден. Убеждён, что и сегодня статья двадцатилетней давности будет прочитана молодыми поэтонимологами как образец глубокого проникновения в художественный инструментарий М. Булгакова – мастера слова, мастера интриги и мастера онимотворчества.

К. В. Першина, обладающая уникальной для ономатолога способностью глубоко исследовать самые разные пласты онимной лексики, в статье «Из наблюдений над русской народной хрононимией»

представила результаты изучения хрононимии, зафиксированной в русском народном календаре, отметила различия церковного и аграрного календарей, убедительно показала органическое слияние христианского и языческого начал в русском народном календаре. Механизм “слияния” состоял в назывании отрезков времени через подключение двух онимных пластов – личных христианских имён и агонимов – к бытовому крестьянскому православию с выраженными чертами идущего от язычества внимания к трудовому ритму, сезонным явлениям, событиям хозяйственной жизни. Имена святых, приобретающих хозяйственные функции, нашли отражение в фольклоре: поговорках, приметах, поверьях, обрядах, рождённых ещё в языческие времена. А у агонимов появились однословные или развёрнутые приложения, отражающие “специализацию” дня в системе народной календарной культуры типа: *Антон-перезимник* (30 января), *Тимофей-весновой* (6 марта), *Фалалей-огуречник* (2 июня), *Авдотья-сеногойка* (17 августа) и множество других. В приложениях отразились состояния погоды, хозяйственно-бытовые действия, верования [функции оберегов, присвоенные святым: *Агафья-коровница* (18 февраля)]. Отметила исследовательница и специфические структуры – словосочетания, представляющие собой извлечения из поговорок, например, *Афанасий ломонос, береги нос* (31 января), *Марья зажги снега, заиграй овражки* (14 апреля) и др. Теоретический вывод статьи таков: в области хрононимного языкотворчества действует общий номинационный механизм – признаком номинации избирается то свойство референта, которое наиболее значимо общественно. Оно и становится приложением к агониму, привязанному к народному календарю.

С краткой статьёй «Калиновый мост», трактующей устойчивое сочетание восточнославянского фольклора, выступил одессит А. В. Юдин. По его мнению, эпитет *калиновый* в рассматриваемом сочетании по языковому статусу приближается к мифотопониму. В изученных автором фольклорных текстах *калиновый мост* является местом встречи и боя героя со змеем, с ним также связаны представления о смерти, через калиновый мост лежит путь в рай; по Потебне, калиновый мост есть первоначально небесный. Связь образа моста с любовью и смертью (погребальным и свадебным обрядами), а также близость мотивов моста с рекой *Смородиной* привели автора к любопытной этимологической параллели: некоторая историческая связь семантически близких понятий *калиновый* и *калёный* позволяет возвести их к праславянскому *kaľь, среди значений которого – ‘жидкая грязь’, ‘грязная вода’, а название *Смородина* образовано от ‘смород’, ‘смрад’, что также ассоциируется с грязью. По мнению А. В. Юдина, отчество злого

Калина-царя может быть Смородович, что подтверждает ассоциацию понятий.

Сотрудник отдела ономастики (названия отдела время от времени менялись, но назначение оставалось неизменным) Института украинского языка НАН Украины (Киев) В. П. Шульгач представил «Заметки по донской гидронимии: КЕРЕСТА, ЩИГОР». Это были этимологии названных в заголовке гидронимов бассейна Дона. По мнению автора, *Кереста* (гидроним в бассейне Маныча (левый приток Дона) – форма с вторичным полногласием (<*Керста), отразившемся в названиях некоторых поселений. Касаясь мотивации семантики гидроосновы, автор предложил учитывать связь с русским диалектным *керста* (могила, яма), *кирстук* (крючок, вообще что-либо неровное, загнутое). В качестве варианта исследуемого предложен гидроним *Крутенъкая* с подтверждением этой генетической семантики длинным рядом славянских (русских и украинских) соответствий. Этимологию гидронима *Щигор* (название притока Тима, впадающего, в свою очередь, в Быстру Сосну), по мнению В. П. Шульгача, недостаточно полно (без опоры в апеллятивной лексике) объяснённого О. Н. Трубочёвым, можно дополнить связью с русским диалектным *щигор* – “облеснённый гребень узких межбалочных бугров на правом берегу реки Битюг” или, во множественном числе, *щигры* – “верхушки песчаных бугров на речных террасах”. Это слово можно рассматривать как потенциальную основу-мотиватор для анализируемого донского гидронима.

Статья Е. С. Отина и Л. П. Борисовой «Топонимия старого Мариуполя и его окрестностей (из материалов “Историко-этимологического словаря юго-восточной Украины”)¹⁹ представляет собой набор словарных статей, посвящённых в основном урбанонимии старого Мариуполя. В каждой словарной статье даны зафиксированные документально (всюду указаны источники) названия на украинском и русском языках, представлены варианты именования и современные названия, даны исторические справки о происхождении названий. Описаны: *Базарна площа, Бахмутська дорога, Бахчисарай, Бахчисарайська вулиця, Біржа, Больнична вулиця, Большая улица, Велика Садова, Великий рейд, Гамбургський спуск, Гезлеве, Георгіївська, Готфійська вулиця, Грецька вулиця, Домаха, Єваторійська вулиця, Земська вулиця, Зінцева, Італійська вулиця, Карасівка, Кефе, Кефейська вулиця, Кленова, Ковш, Косьмо-Дам'янівська площа, Кузнечная, Куконова, Кремни, Магдалинівська вулиця, Мала Садова, Малий рейд, Мангушський степ, Маріуполь, Марьино, Мар'їнська*

¹⁹ В названии статьи сохранилась ошибка. Правильное название не “Историко-этимологический словарь юго-восточной Украины”, а “Историко-этимологический словарь топонимов юго-восточной Украины”.

площа, Миколаївська вулиця, Митрополитська, Митрополитська вулиця, Новостроєнка, Олександрівська площа, Підгородній, Пожарний провулок, Покровська могила, Покровська площа, Портова вулиця, Поштамська вулиця, Рибний базар, Сінна вулиця, Сінна площа, Слободка, Таганрозька вулиця, Торгова вулиця, Фонтан, Фонтанна вулиця, Харлампієвська вулиця.

Статья Е. С. Отина «Из истории названий рек Донецкого края» тоже относится к материалам для «Историко-этимологического словаря топонимов юго-восточной Украины». В ней представлены пробные словарные статьи, посвящённые названиям двух соседствующих притоков Северского Донца: правого – *Бахмут*, левого – *Жеребец*, а также гидрониму *Булавин*. Рассказывая о гидронимах, Е. С. Отин, с одной стороны, придерживался формирующейся в процессе работы над “Материалами...” модели представления сведений о гидронимах, а с другой, оттачивал подход, позднее воплотившийся в монографии «Гидронимия Дона». Так, несмотря на то, что каждый из перечисленных гидронимов (материал об имени и объекте) дан в рамках словаря, построенного по алфавитному типу, Е. С. Отин не оставил без внимания факты, относящиеся к влиянию имён гидрообъектов, существующих в пределах одного речного бассейна, на имена соседних топографических и других объектов, а также на другие гидронимы, построенные по аналогичным моделям в других гидронимных системах.

В третьей публикации Е.С. Отина были представлены новые материалы по топонимии приазовских греков. Они были обнаружены во время изучения планов земельных участков Мариупольского уезда Екатеринославской губернии конца XIX – начала XX века, хранящихся в Донецком областном архиве. В результате каталог топонимии приазовских греков пополнился 32 ранее неизвестными именами, преимущественно оронимами. Один из топонимов был зафиксирован и в качестве оронима, и как спелеоним (*Хасар* – балка и пещера в ней). В ряде случаев на земельных планах были найдены иные формы известных топонимов, что, по мнению Е. С. Отина, позволило более основательно судить об их происхождении и варьировании в живой разговорной речи, восстановить изначальную (базовую) структуру и мотивы номинации. Описание получили следующие топонимы: *Бахча Папу Тарама, Бешево, Гавриль, Грумлей Тарама, Гуржи-суват, Далын Тарама, Елхи, Зепир, Зор-Кутак, Ильмень Тарама, Когельли Тарама, Кремаста-та-Хая, Крупчатка Хулах, Ксенита Тарама, Кули-баба, Куючух, Мега Тугай, Плетитаи, Пурчух Тарама, Сар-Яр, Старшин, Стель-Оба, Сульмен Ольген, Таши Тарама, Терем Хулах, Трати-Чопах-Тарама, Харовба, Хасар, Хая-чих, Хорджи, Цынган Тарама, Чентух.*

Завершила раздел статья В. В. Недотопы, посвящённая наблюдениям традиционных для жанра антиутопии окказиональных наименований “атрибутов новой формации”. Материал исследования был взят из романов В. Войновича «Москва 2042» и Е. Замятина «Мы». Основной “находкой” в статье стало сопоставительное рассмотрение имён одних и тех же “атрибутов новой формации” в названных романах, приведшее к неоспоримому выводу о влиянии жанра произведения на характер онимии, поскольку роман «Мы» был выдержан в традициях европейской антиутопии, а «Москва 2042» представлял собой злую социальную сатиру. Другие, тоже полезные выводы были связаны с окказиональностью онимии и признанием основным способом онимообразования деапеллятивации (слово или сочетание переходит через смену функции из разряда апеллятива в имя собственное).

Из двух статей раздела «Словообразование» одна «О некоторых тенденциях в процессах современного русского эргонимообразования» Б. И. Маторина в равной мере могла принадлежать как тому, в котором её разместил редактор, так и предшествующему, ономастическому разделу. Выделив статью в особый раздел, Е. С. Отин отдал должное основному, словообразовательному аспекту рассмотрения материала, а контактным расположением с ономастическими статьями как бы нивелировал позицию работы в сборнике. Это было остроумное решение, удовлетворяющее и ономастическому, и словообразовательному направлениям исследований, параллельно разрабатывавшимся на кафедре общего языкознания университета. Автор статьи определил две основные тенденции современного эргонимообразования: 1) эргоним отражает характер, вид деятельности или услуг предприятия и 2) широкое распространение получило чисто условное наименование коммерческих структур, не передающих информацию об их производственной направленности

Статья Н. М. Маториной «Исторический аспект исследования словообразовательных гнёзд» предназначалась для того, чтобы обратить внимание дериватологов, во-первых, на недостаточную изученность словообразовательных гнёзд в диахроническом аспекте, а во-вторых, на перспективность рассмотрения материала именно под таким “углом зрения”. По мнению исследовательницы, это позволило бы не только проследить процесс становления, развития и функционирования гнезда, но и определить набор словообразовательных типов в истории гнезда, объяснить причины варьирования, закрепления или выхода из гнезда словообразовательных дублетов. Кроме того, такой подход обеспечивал лексикографию и лексикологию богатым фактическим материалом для решения общих и частных вопросов теории и практики этих направлений языкознания. Иллюстрация практическим

материалом – описанием словообразовательного гнезда *дѣяти* в процессе его функционирования с XI по XX век – подтвердила основной вывод исследовательницы о том, что комплексное историко-лингвистическое исследование словообразовательных гнёзд является наиболее результативным.

Завершением сборника стал раздел «Стилистика русского языка». Статью для него «К вопросу об определении понятий “стилистическая норма” и “стилистическая ошибка”» написала тогда полная сил и планов, совсем недавно ушедшая из жизни Лидия Николаевна Саркисова. Она принадлежала к числу преподавателей, завершивших пединститутскую и начавших собственно университетскую часть истории филологического факультета. Требовательный педагог, великолепный лексиколог и стилист, Л. Н. Саркисова – живое воплощение образцового владения русской речью (что в условиях русскоязычного по преимуществу Донбасса, пользующегося в быту специфическим региолектом, – редкость) – была блистательным примером языковой нормы, бывшей нормой жизни. Проанализировав результаты многолетней дискуссии о стилистической норме, Л. Н. Саркисова предложила обобщающее понимание нормы на уровне стилистики как созначения модального характера, “которое обуславливает преимущественное употребление языкового средства в определённых речевых условиях и способно характеризовать не только речь, но и через неё участников общения” [Саркисова, вып. 3, с.115]. Далее было предложено различать три разновидности единой стилистической нормы на уровнях стилистики языка, стилистики речи и стилистики текста, что позволило установить три разновидности стилистических ошибок, когда 1) не учитывается стилистическое значение словарной единицы, 2) нарушается норма данного функционального стиля и 3) средства и построение текста не соотносятся с коммуникативным заданием. Прежде чем обозначить методический аспект проблемы, позволю себе напомнить читателям о том, пока ещё недалёком прошлом, в котором зарождались разрушительные тенденции новомодных реформаций в области формирования грамотности у обучающихся русскому языку детей. К чему они привели – общеизвестно. Безграмотность достигла уровня, угрожающего стабильности государства, и оно вынуждено теперь искать пути выхода из кризиса. Понимая уже тогда опасность ведущего к уничтожению традиций и по сути насильственного внедрения в практику обучения непроверенных и далеко не столь эффективных, как утверждали реформаторы, приёмов и методов обучения языку, Е. С. Отин предложил Л. Н. Саркисовой затронуть в своей статье и эту сторону вопроса о стилистической грамотности. Проанализировав опыт работы учителей нескольких школ Донецка, Л. Н. Саркисова пришла к выводу, что «небезуспешные

попытки изъять, по крайней мере из школьного обихода, понятие “стилистическая ошибка” и заменить его весьма противоречивым термином “речевая ошибка”» [Саркисова, вып. 3, с.117] вредны уже потому, что термин этот неясен и неудобен в применении. На этом основании критике подверглись и новые «Нормы оценки знаний, умений и навыков учащихся IV – X кл. по русскому языку». В них речевая ошибка трактовалась как результат нарушения требований богатства, точности и выразительности речи, но не учитывался целый ряд других параметров. Кроме того, при характеристике речевых ошибок учитывается причина, их вызывающая, а когда говорится о стилистической ошибке, указывается следствие. В целом ряде безупречных доводов в статье показано, что существование стилистических норм и стилистических ошибок – объективный факт, а попытки ввести расплывчатый термин “речевая ошибка” и тем более заменить им традиционное понятие “стилистические ошибки” – неудачны.

***

В четвёртом выпуске ВУЛСа Е. С. Отин вновь собрал представительный раздел «Ономастика» – двенадцать статей. В нём отразилось постепенно складывающееся в науке усиление внимания к функциональной стороне онимии: к эстетическим оценкам, выразительным средствам “фигуративности” проприальных единиц, к поэтике собственных имён в художественной литературе. Но, как и прежде, должное внимание было уделено и историко-этимологической традиции. Так, Отдел ономастики Института украинского языка поделился этимологическими разысканиями в области топонимии Украины.

О. П. Карпенко в статье «Етимологія гелоніма *Веребйоў Кóўтеб*» раскрыла происхождение названия болота в Чернобыльском районе Киевской области. По её мнению, атрибутивный компонент этого составного гелонима представляет собой притяжательное прилагательное, соотносимое с определённым лицом, которое имеет фамилию *Веребей*. А второй компонент соотносится с географическим термином *ковтоба* – яма: «укр. діал. *кавтóба, ковто́, ковто́біна, ковтьóбанка* “утворена на лузі після повені ковбаня”» [Карпенко, вып. 4, с. 177]. В работе представляют интерес как обнаруженные исследовательницей собственно украинские соотносительные элементы, так и найденные в источниках случаи выхода слова *ковтьоба* за границы географической терминологии и употребления его для характеристики “негарної, неохайної людини”.

В. П. Шульгач, уделявший в ряде своих работ внимание донской гидронимии, в статье «Заметки по донской гидронимии: *Варгóл*», исследуя генезис этого донского гидронима, усмотрел возможность его соотнесения с украинскими потамонимами *Воргóл* (л. Клевени п. Сейма

л. Десны) в Сумской области и *Воргол*ка (там же), ойконимом *Воргол* в бывшем Глуховском уезде Черниговской губернии и даже с современной фамилией *Варголяк*. По мнению автора заметки, их образование можно рассматривать как суффиксальные дериваты от *vъrga/*vъrgъ с учётом украинских диалектных слов *варга*, *варга*, *ворга* ‘губа’, *варги* ‘подбородок, борода’. После представления значительного ряда выявленных соответствий в области апеллятивной и ономастической лексики автор предложил основной вывод – возможность истолкования донского гидронима как собственно славянского образования, что находит поддержку (фонетико-словообразовательную и семантическую) в сфере генетически родственной славянской апеллятивной и онимной лексики. Кроме прочего, это, по его мнению, даёт право на пересмотр мнений А. Соболевского (из скифского), В. Н. Топорова и О. Н. Трубочёва (из мордовского) и М. А. Осиповой (из балтийского) относительно происхождения гидронима.

С. О. Вербич в этимологической заметке «Про походження гідроніма *Лочений*» установил, что исследуемый гидроним уникален: выявлен только в бассейне Верхнего Днестра и на всём оставшемся славянском топонимическом пространстве не встречается, отметил, однако, что в славянском географическом континууме всё-таки встречаются названия, близкие по гидроосновной морфеме. Это болото *Лоч* на Черниговщине, реки *Лоча* и *Лочь* в Пермской губернии России, озеро *Лочно* на Новгородщине и др. В результате обследования апеллятивной лексики в соответствующих языковых зонах автор пришёл к выводу, что дать однозначное объяснение происхождению гидронима *Лочений* затруднительно, и предложил несколько вариантов в качестве возможного решения поставленной задачи.

К представленным выше статьям “примыкает” публикация Е. М. Ткаченко «*Метафоричні явища в топонімії чотирьох суміжних локалій (на матеріалі ойконімів Белгородської, Воронежської, Луганської, Харківської обл.)*». В ней осуществлена попытка разобраться в языковых механизмах, способствующих возникновению топонимов с “метафорической семантикой”. Говоря об ономастической конверсии, предполагающей чистую трансформацию типа *апеллятив – онома*, автор статьи настаивает на особенности метафорического переноса, состоящей в том, что он происходит не на основе контактного существования географических реалий, а на выделении особого признака у объекта, уже обладающего какой-то прямой номинацией. Результаты обследования топонимии с метафорической семантикой в указанном регионе позволили автору сделать несколько выводов, касающихся, во-первых, неравномерности распространения метафорической топонимической лексики по семантическим группам, во-вторых, преимущественной

“специализации” этих топонимов на обозначении отдельных участков речных объектов, в-третьих, типологической противопоставленности образных названий рек в целом названиям их отдельных участков и водоёмов закрытого типа, в-четвёртых, причин возникновения подобных наименований в каждом из описанных регионов.

Определённую часть ономастического раздела сборника составили собранные главным редактором работы, связанные с описанием онимии художественных произведений, а также текстов, характерных для речевой культуры. Нужно заметить, что к этому времени (конец 80-х – 90-е годы прошлого века) под руководством Е. С. Отина в рамках уже оформляющейся как “школа” группы энтузиастов ономастических исследований начало развиваться направление, носившее в то время название “литературная ономастика” или “поэтическая ономастика” и уже активно работающее под управлением Ю. А. Карпенко в Одессе. При этом не только ученики, но и сам мэтр принимал участие в формировании его “начал”. С его работы и начну представление этой части сборника.

Е. С. Отин вместе со своей женой – литературоведом Н. В. Максимовой подготовил статью «Стилистические функции собственных имён в рассказах В. М. Гаршина». Вначале как доклад она была заслушана, а потом активно обсуждалась на нескольких заседаниях нашего постоянно действовавшего ономастического семинара. Поддерживая идею различения литературной и реальной онимии, авторы статьи, ссылаясь на то, что ономастикон психологических рассказов Гаршина 70–80-х годов XIX века во многом адекватен реальному ономастикону, предложили понятие “ономастический реализм” писателя. Это положение, вернее, решение, принятое в результате, не вполне соответствовало моим (автора обзора – В. К.) представлениям о целях и задачах литературной ономастики и вызвало оживлённую дискуссию. Авторы статьи указали: “Это позволяет использовать материал его произведений для изучения особенностей функционирования собственных имён и разнообразных их формул, сочетания с сопутствующими словами, их эмоционально-экспрессивных и референтных коннотаций, этикетных норм их употребления в русском языке языке последней четверти XIX века” [Отин, Максимова, вып. 4, с. 156]. Я считал, что такой подход, конечно, возможен, но только при соответствующей критике источника информации. К тому же он выводит исследование за рамки собственно “литературной” ономастики и возвращает его в лоно традиционных исследований онимии. В конечном итоге в тексте статьи было сформулировано положение, ставшее одним из “краеугольных камней” подхода, характерного именно для Донецкой ономастической (и впоследствии поэтонимологической) школы: «В русской ономастике уже

имеются исследования, посвящённые антропонимной вариативности в реальной речевой коммуникации, которые выполнены на материале языка художественной литературы конца XIX и первой четверти XX века (в этом отношении *достоверным источником* (курсив мой – В. К.) для Т. Ф. Шумариной послужил язык прозы и драматургии И. С. Тургенева, для Т. Д. Сусловой – языковой массив тетралогии В. П. Катаева “Волны Чёрного моря” (было дано библиографическое описание авторефератов соответствующих диссертаций, выполненных в Одессе. – В. К.). С другой стороны, сама организация онимного пространства произведений В. М. Гаршина – плод творческого преобразования реальной онимической системы, индивидуально-авторская модель выбора и функционирования онимов в качестве поэтических имён. У талантливого писателя-реалиста онимия его произведений всегда представляет нам (но только в художественном преломлении) живые процессы, протекавшие в реальном онимическом пространстве его времени. Это одна из граней многомерной художественной картины мира, невнимание к которой оборачивается существенными потерями» [Отин, Максимова, вып. 4, с.156]. В статье описывались стилистические функции собственных имён в четырёх произведениях В. М. Гаршина, трёх реалистических рассказах («Четыре дня», «Из воспоминаний рядового Иванова», «Происшествие») и фантастической новелле «Attalea princeps». Авторы подчеркнули реальность топонимии в онимном пространстве произведений, отметили “историзм” референтных коннотаций собственного имени *Эльдорадо*, показали развитие новых основных значений у части коннотативных онимов, своеобразие прямой и непрямой номинации персонажей в «Attalea princeps».

Горловчанка Н. И. Иванова в статье «Художественно-выразительные функции антропонимной лексики в романе В. А. Аксёнова “Остров Крым”», оттолкнувшись от тривиального утверждения, что в условиях художественного произведения антропонимы, кроме своего основного, первичного назначения – номинации и индивидуализации, – выполняют и функцию характеристики, показала существенные художественно-выразительные возможности литературных антропонимов у Аксёнова, которые проявляются благодаря своим эмоционально-экспрессивным значениям, а коннотативный компонент значения, эмоционально воздействуя на читателя, вызывает определённый перлоктивный эффект. Автору удалось показать, что антропонимикон романа демонстрирует широкий спектр возможностей проявления различных оттенков обогащённого значения.

Моя статья «Ономастическая перифраза как проблема поэтики собственных имён (на материале творчества А. С. Пушкина)» тоже прошла “обкатку” на заседаниях ономастического семинара, имелись

претензии к некоторым положениям, потребовались дополнения и уточнения. В конце концов Е. С. Отин решил, что и по уровню новизны, и по уровню актуальности работа заслуживает опубликования, хотя её “размер” и великоват. Пришлось часть статьи, посвящённую взаимоотношениям онимов с контекстами, выделить в отдельную публикацию, которая была перенесена в следующий выпуск сборника. В статье утверждалось, что фундаментальный вопрос об отношениях между поэтонимом, образом и денотатом не может быть решён без конкретных наблюдений над функционированием и взаимодействием поэтонимов и перифраз в художественном тексте. После экскурсов в метаязыковые проблемы, связанные с терминами *перифраза* и *поэтоним*, было предложено перифразы, связанные с собственными именами, называть ономастическими и, априорно, выделить три их типа: 1) перифразы, имеющие в своём составе имя собственное, но отсылающие к понятию, обозначенному в языке нарицательным именем (*лёгкие игры Терпсихоры* – балы); 2) перифразы, имеющие в своём составе имя собственное и отсылающие к понятию, обозначенному другим собственным именем (*Амфитрион весёлый* – Н. В. Всеволожский); 3) перифразы, не имеющие в своём составе собственного имени, но замещающие в данном отрезке текста собственное имя (*скала, гробница славы* – остров святой Елены). В копилку теории поэтонимологии вошло в последующем положение о том, что ономастической перифразой²⁰ в подлинном смысле можно считать только такой способ номинации (лица, объекта, явления), при котором внутри высказывания прямая форма номинации отсутствует, а замещающая её номинативная конструкция представляет собой троп или является иносказательной, хотя бы минимально. Обороты же, относимые некоторыми исследователями к перифрастическим, но не расположенные дистантно по отношению к прямой форме номинации (приложения, обособленные определения), по сути дела, лишь предвестники перифраз, хотя, несомненно, каждый из замещающих онимную единицу оборотов – это не только способ передачи некоторой информации, но и потенциальная “добавка” в коннотативную сферу поэтонима. Отдельной проблемой, затронутой в статье, стал вопрос о *норме перифразирования*. Поскольку всякая перифраза представляет собой случай подтекста, он, по главному условию своего существования, должен быть прочитан, т. е. понят читателем. В противном случае обязательным становится сопутствующий комментарий. На нескольких примерах из творчества А. С. Пушкина в статье показаны случаи, когда без специальных комментариев даже подготовленный

---

²⁰ В названии статьи сохранилась ошибка. Правильное название не “Историко-этимологический словарь юго-восточной Украины”, а “Историко-этимологический словарь топонимов юго-восточной Украины”.

читатель (но не специалист) не сможет выявить при чтении важные грани подтекста. В статье показаны другие сложные вопросы, связанные с функционированием онимных перифраз, и отмечена важность дальнейшего исследования проблемы не только для поэтонимологии, но и для функциональных исследований в ономастике, в которых ставится задача изучения механизмов перехода поэтонимов как явления речи в коннотонимы как явления общенародного языка.

В других статьях раздела затронуты важные аспекты ономастических исследований, от функционирования конкретных разрядов онимов в живой речи и различных речевых жанрах до проблемы передачи онимной лексики в переводах с одного языка на другой.

Так, Г. Ф. Ковалёв в статье «Народная астрономия в говорах Воронежской области» представил материалы по народным названиям звёздного неба, почерпнутые из Картотеки словаря воронежских говоров, которая начала собираться в Воронежском государственном университете сразу после Великой Отечественной войны (1946 г.). Поскольку воронежская область характеризуется значительным числом жителей с родным украинским, но сильно русифицированным языком, для собирателей картотеки представляли интерес процессы и факты взаимодействия языков, в том числе в области астрономии. Хотя на ночном небосводе европейской части СССР невооружённым взглядом можно увидеть около 3000 звёзд (сочетающихся в 88 созвездий), в народной памяти хранится обычно лишь несколько наиболее ярких звёзд и характерных созвездий. Картотека отразила земледельческий по преимуществу характер деятельности предков и поэтому слабую (в сравнении с мореплавателями и путешественниками) связь знаний о ночном небе с ежедневными трудовыми заботами. Несмотря на это, конкретный материал, представленный в статье, чрезвычайно интересен. Вот несколько примеров. Созвездие Плеяды, состоящее из семи звёзд, шесть из которых хорошо видны, чаще всего называют *Стожары*. В народных говорах насчитывается около 40 названий этого созвездия. Автор статьи представил их, привёл мнения разных авторов, касающиеся этиологии и этимологии названий (М. М. Дагаева, В. В. Иванова, В. Н. Топорова, М. Э. Рут и др.), информировал о связи названия с периодом и традициями заготовки сена, привёл примеры апелливативации онима, показал, как это название повлияло на развитие “целой поэтической страницы славянского фольклора”, “внося вместе с тем ещё одну любопытную черту в историю культа Велеса – лунного бога языческой Руси и, вероятно, всех славян: Влашичи, Волосыни, или Волосожары, оказываются излюбленными звёздами Велеса” (со ссылкой на Д. О. Святского). Кроме Плеяд, в статье собраны и проанализированы сведения о народных

названиях Большой Медведицы, созвездия Лебедя, названий планеты Венера, Млечного Пути.

В статье «Виды номинации персонажей восточнославянских загадок типа “мышь спрашивает, где кошка”» А. В. Юдин осветил некоторые моменты существования в славянском фольклоре одного типа “заместительных номинаций”, характерных для текстов загадок. Особый интерес в работе представляет попытка на обширном восточнославянском материале рассмотреть имена персонажей загадок с точки зрения их языкового статуса (собственные – нарицательные), происхождения и вариативности, а также формы мотивации их отгадкой. По мнению автора, “заместительные номинации” скрытых денотатов в загадке нередко мотивированы названиями свойств этих денотатов, причём свойств не любых, а существенных, входящих в устойчивый набор, составляющий народный стереотип данного денотата. Хотя в статье об этом прямо не говорится, но содержательно она посвящена формированию тех речемыслительных механизмов, которые в постфольклорном литературном сознании посвящены развитию разного рода перифразирований. Е. С. Отин эту дальнюю перспективу увидел и разместил в сборнике, в котором о перифразах тоже говорилось, правда, не в “гено-типическом” плане.

В. М. Ткачёва в статье «Структурно-семантические типы хрононимов в “Новгородской первой летописи старшего извода” (Синодального списка)» представила результаты изучения хрононимии, интерес к которой не просто поддерживался Е. С. Отиним, но постепенно получил несколько интересных направлений развития, начиная от исторических экскурсов и кончая контрастивными сопоставлениями (под руководством редактора сборника в то время уже начинала работать Чжоу Шао Бо, искавшая типологическое сходство русских и китайских хрононимов). Исследовательница летописной хрононимии продемонстрировала, что эти лексические единицы выполняют в тексте следующие функции: 1) объективируют и конкретизируют события, связывая их с определёнными точками временного потока; 2) как стилистическое средство участвуют в создании, как правило, торжественной атмосферы повествования; 3) и 4) выполняют суггестивную и прагматическую функции. В статье проанализированы наиболее продуктивные семантико-словообразовательные модели хрононимов и доказано, что уже к XIII веку хрононимы в русском языке оформились как семантическое, синтаксическое и структурно-грамматическое целое.

«Онимные и отонимные окказионализмы как лексические единицы речи» были проанализированы Е. В. Киселёвой. В работе была сделана попытка определить специфические признаки онимной и отонимной лексики, отличающие её от узуальных лексических единиц языка и

речи. Материалом для наблюдений послужили окказионализмы из английского языка. Автору удалось показать, что окказиональные употребления лексических единиц нарушают тождество слова как единицы языка и единицы речи, актуализируют лексему метафорической мотивацией. Эффект окказиональности возникает и тогда, когда слово начинает существовать в рамках двух структурно-словообразовательных схем – языковой и окказионально-речевой. Интересен пример: “Gorilla, Primatdonna by name, was examined by Diana Fossey” (Горилла по кличке Приматдонна была обследована Д. Фосси). Эффект окказиональности вызван соположением в воспринимающем сознании слов Primadonna (оперная певица, исполнительница лучших партий) и Primatdonna (обезьяна-примат, которая 20 лет является объектом научных исследований). В работе на английском материале прослежено развитие окказионализмов, построенных по модели *Уотергейт*, в чём прослеживается влияние известной статьи Е. С. Отина «Об Уотергейте и прочих -гейтах». Характеризуя свойства онимных и отонимных окказионализмов, автор отметила их непредсказуемость, обязательную экспрессивность, воспроизводимость. Отдельного упоминания в статье заслужило свойство онимных окказионализмов принимать речевую форму, проявляющуюся в дистантном разрыве их структурных частей, между которыми могут быть вставлены другие слова (*Tom-, Huck-, and Becky-mania*).

Завершила раздел и сборник в целом заметка Бойчук И. В. «О проблеме адекватности передачи французских собственных имён средствами современных украинского и русского языков». Практический интерес представляет наблюдение, касающееся того, что варианты передачи французской онимной лексики в художественных переводах в целом более адекватны, чем варианты, предлагаемые периодической печатью. Основной причиной неточностей, по мнению автора, является отсутствие строгих правил субституции гласных звуков.

Ещё одной статьёй, связанной с ономастическими исследованиями в той же мере, как и с лексикографией, Е. С. Отин принял решение открыть раздел «Лексикология и лексикография русского языка», что, в общем, объяснимо. Речь идёт о публикации Н. Е. Касьяненко «Собственные имена в “Лексиконе Российском” В. Н. Татищева», в которой, кроме собственно онимного материала, уделено внимание лексикографическим трудам В. Н. Татищева и показана их ценность для развития лексикографии в России. Основная часть публикации посвящена онимии словаря, занимающей фактически половину словаря. (1020 из 2100 словарных статей). Описан состав онимикона по разрядам, отмечено преобладание топонимии в нём, отмечены виды топонимов. Уделено внимание структуре словарных статей, отмечено, что сведения экстралингвистического характера в словарных статьях во многом

перекликаются с материалами современных словарей подобного рода. По мнению автора, особый интерес для ономастики представляют сведения по этимологии онимов и некоторая информация этимологического характера. Последняя представлена в 75 статьях «Лексикона...». Касаясь этимологии конкретных онимов, автор «Лексикона...» приводит топонимические легенды, отражающие народную этимологию онимов. Поскольку в словаре имеются сведения, позволяющие выявить некоторые регулярные топоформанты, к примеру, деминутивный (в диахронном плане) суффикс *-ец*, являющийся показателем названий притоков рек (*Волхов – Волховец, Ингул – Ингулец* и др), «Лексикон...» В. Н. Татищева, по мнению автора статьи, представляет несомненную научную ценность для различных изысканий в области истории ономастики, прежде всего в ономастике XVIII века.

По уже сложившейся традиции, в разделе «Теория языка» очередную работу опубликовал Н. А. Луценко. Его статья «Творительный сравнения: условия реализации, исторические и функционально-смысловые связи» не только показала интересные аспекты проблемы, но и стала отправной точкой ряда прикладных исследований, в том числе и на материале функционирования онимной лексики. Автор статьи показал, что уровень развития исследований падежной системы русского языка оставляет по-прежнему актуальной задачу выявления функциональных, исторических и прочих условий появления и реализации семантики сравнения у творительного падежа, отметил, что любая семантическая разновидность формы имени – это падеж-конструкция. Затем представил обзор характеристик синтагматических реляций творительного падежа в литературе и на его основе показал противоречивый характер взглядов учёных на сравнительную функцию падежа. Далее Н. А. Луценко изложил собственную точку зрения на некоторые характеристики творительного падежа. По его мнению, адвербиализация и другие характеристики творительного “в своей основе соотносятся с трансформацией актуальной части предложения в семантически виртуальную единицу – словосочетание” [Луценко, вып. 4, с.13]. В компаративном значении творительного падежа учёный увидел, что внутренней формой и одновременно предпосылкой сравнительной семантики падежа является значение субъекта, а главным функциональным лексико-семантическим условием включения предмета подлежащего в отношении сравнения с другим предметом является переносное употребление глагола, выступающего или мыслимого на месте сказуемого. Рассмотрение творительного сравнения позволило автору статьи сформулировать ряд положений, касающихся исторической сущности творительного падежа и некоторых проблем эволюционной лингвистики.

А. П. Загнитко представил в сборник статью «Лінгво-когнітивні параметри предикативного ядра», в которой показал, что определяющей закономерностью речевой коммуникации в целом и параметров предикативного ядра, в частности, является воспроизводимость речевых компонентов. При этом, по мнению учёного, базируется она на “концептуальных компонентах индивидуального когнитивного пространства как определённым образом структурированной совокупности знаний и представлений, свойственных каждому человеку, каждой языковой личности” (перевод мой – В. К.) [Загнитко, вып. 4, с.25]. Отмечу, кстати говоря, что мнение автора, согласившегося с мыслью В. В. Красных относительно прецедентных имён, Е. С. Отин не разделял, поскольку вообще не считал прецедентность свойством онимной лексики. Однако как редактор никогда не подстраивал линию публикаций под собственные взгляды. Ниже, представляя следующий выпуск сборника, я специально остановлюсь на этом моменте. Даю возможность читателям обзора обратиться непосредственно к тексту статьи А. П. Загнитко в части, касающейся когнитивных размышлений. Далее отмечу другие важные моменты выводов учёного. Поскольку автор статьи придерживается мнения о необходимости последовательного разграничения четырёх ярусов речевой структуры высказывания (денотативного, коммуникативного, семантического и формально-грамматического), основные характеристики предикативного ядра, по его мнению, сводятся к следующим: 1) морфология предикативного ядра предложения определяется внешнеязыковыми функциями категории падежа имени существительного и морфологически опосредованной грамматической категории валентности глагола; 2) денотативная структура предложения базируется на соответствующей типовой ситуации и формируется предикатом и обусловленными им аргументами; 3) формальный компонент предикативного ядра непосредственно коррелирует с национально-языковым пространством и детерминирован актуализованными нормами и тенденциями кодификации; 4) на формально-грамматическом уровне выдерживаются все действующие законы связи иерархически вершинных компонентов предложения. Общий же вывод сведён к утверждению, что философско-лингвальные параметры предикативного ядра соотносены с когнитивной базой и представляют собой один из существенных компонентов когнитивного индивидуального пространства.

В последней статье раздела «Гибриды: действительность – мышление – язык» М. Ю. Беляева, сторонница взглядов о неслиянности языковой и внеязыковой сфер, определив лингвистическую модификацию термина *гибрид*, размышляет о 1) противоречивости связи действительности и мышления, 2) противоречивости связи действительности и языка и 3) противоречивости связи мышления и языка. Итогом

размышлений являются следующие выводы: 1) действительность, мышление и язык отделены, однако тесно связаны; 2) существеннейший признак “гибридизации” – идея соединения (первое место); 3) историческая трансформация признаков понятия “гибрид” направлена в сторону уменьшения “жесткости” признаков, допуска альтернатив во взглядах на существенные признаки понятия.

Раздел «Лексикология и лексикография русского языка» был открыт продолжением статьи Е. С. Отина «Материалы к словарю субстандартной лексики». В нём приведены словарные статьи, по большей части представляющие коннотативную онимию, получившую “право на жизнь” в “воровском и полицейском языке” (В. Розанов). Перечислю словарные статьи, помещённые в публикации: *Барсик, Брод, В натуре, Вовочка, Гаврик, Каин, Каранет, На халяву, Халява, На шару, Полкан, Понт, Пушкин, Ташкент, Тю-тю, Шалава, Шалашовка, Шарага, Шарашка (Ашарашка), Шарашкина контора, Шестёрка*. Подробно остановлюсь на нескольких коннотонимах и отконнотимных апелляциях. Слово “брод” в молодёжном и уголовном жаргоне, обозначающее центральную (прогулочную) часть улицы или просто место для гуляния и развлечений, возникло, по мнению автора, как усечённый вариант коннотативного топонима Бродвей (Broadway – улица в Нью-Йорке). Ну а “изюминкой” словарной статьи является картина семантической жизни этого слова, в теоретических положениях Донецкой ономастической школы в дальнейшем получившая обозначение термином *онимогенез*. Слово “каин” в жаргоне уголовников закрепилось в нескольких значениях: ‘скупщик или приёмщик краденого’, ‘конокрад’, ‘злодей, убийца’. Представляется любопытным не прошедшая мимо внимания Е. С. Отина паронимическая аттракция, сблизившая слова *хаим* ‘еврей’ и *Каин* ‘злодей’ и ставшая отправной точкой поэтики онимов в рассказе М. Горького «Каин и Артём»: “Имя еврея было Хаим, но его звали Каин. Это проще, чем Хаим, это имя более знакомо людям, и в нём есть много оскорбительного”. Тонко подмечен механизм образования производного от фольклоронима или зоонима (кинонима) арготизма *полкан* в значениях ‘бабник, ловелас, волокита’ и ‘высший чин’. В этой словарной статье отмечены несколько источников и несколько мотиваторов онимогенеза. Интересны наблюдения над коннотонимизацией фамилии Пушкин. Этот материал, представляющий, по сути, заготовку к словарной статье, впоследствии был значительно расширен автором и вошёл в известный словарь субстандартной лексики Е. С. Отина «Всементы – мои кенты», а также в переработанном виде нашёл место в «Словаре коннотативных собственных имён».

Публикация статьи Г. Ф. Ковалёва «Похабен ли русский мат?» связана с активизацией процесса проникновения в бытовую русскую речь

обсценной лексики и мата. Назвать это явление положительным у меня лично “язык не поворачивается”. Но и откзывать от его исследования филологам не пристало. Знакомство с зарубежной русистикой, прежде всего с лексикологией, показывает, что русский мат оказывается весьма привлекательным для иностранных авторов материалом. Однако во многих случаях, наряду с тонкими и точными наблюдениями, в научный оборот попадают всякого рода ошибочные толкования. Это вторая причина появления не столько статьи, сколько реплики Г. Ф. Ковалёва на складывающуюся ситуацию. По мнению учёного, распространению мата в русской бытовой речи способствовали два фактора: отсутствие должного уровня культуры пользования им и официальный запрет на использование (запретный плод сладок). В заметке опровергается распространённое мнение о “нерусских” корнях этой лексики и утверждается, что вся она – “исконно родная, славянская, связанная тысячами нитей с общенациональным лексическим богатством всех славянских языков, поэтому негоже лингвистам отворачиваться от неё” [Ковалёв, вып. 4, с.85].

В. П. Сидельников, заведовавший в то время кафедрой русского языка Донецкого университета, предложил в сборник статью «Лексико-семантическая группа “запах” в русском языке XI–XVII вв.». В ней прослежены изменения, произошедшие в ЛСГ “запах” в указанный период активного взаимодействия русского и старославянского языков, столкновения и переплетения различных речевых стихий, развитие этой группы лексики в речестилевых разновидностях русского языка. Конкретный материал интересен не только в части, относящейся к собственно русскому языку, но и в связи с рассмотренными в статье явлениями межславянской омонимии и энантиосемии.

В разделе «Словообразование» Е. С. Отин начал публикации серии статей О. Е. Ольшанского, касающихся словообразовательных процессов. Началом стала работа «Опрощение лексических калек в русском языке. Статья 1». Поскольку, по мнению автора статьи, объём русских семантических калек ко времени его работы над статьёй ещё не был точно определён и не были обстоятельно изучены русские кальки различных периодов, перед специалистами-дериватологами стоит ряд задач, требующих решения. В первой статье серии автор рассмотрел некоторые особенности опрощения первоначального морфемного строения лексических калек в русском литературном языке и пришёл к следующим выводам: 1) калькирование обогатило русский язык и новыми структурными группами, и новыми корнями; 2) словообразовательные кальки породили новые ряды родственных однокоренных слов и, наконец, 3) изменение морфемной структуры калек не зависит от времени их возникновения.

С. П. Гирняк в статье «Опыт анализа словообразовательных цепочек и парадигм (на материале группы глаголов речи: *говорить, сказать, молвить*)», в развитие мысли С. А. Тихонова, показывает важность предварительного исследования комплексных и иерархически организованных структурных цепочек как структурных компонентов словообразовательных гнезд. Одним из важнейших выводов теоретического характера становится утверждение приоритетной важности изучения словообразовательной парадигматики для выявления разных, в том числе новых граней проблемы взаимосвязи словообразования и морфологии. Второй вывод связан с утверждением, что формирование парадигм является порождением и продолжением цепочек.

***

В очередном, пятом выпуске ВУЛСа количество публикаций ономастического характера увеличилось ещё – девятнадцать статей. Большая их часть была своеобразным продолжением заданной авторами в предыдущих выпусках проблематики, что постараюсь отметить в описаниях конкретных работ.

Отдельного и особого внимания заслуживает историко-этимологический очерк «Тихий Дунай», предложенный в сборник Ю. А. Карпенко и открывающий раздел «Ономастика». Любопытна история публикации, и, поскольку я пытаюсь показать работу Е. С. Отина именно как редактора ВУЛСа, интересна «неявная» дискуссия вокруг неё. Небольшая по объёму статья, написанная по-русски, открывается авторским предисловием, написанным на украинском языке. Из него следует, что статья готовилась для журнала «Живая старина»²¹, писалась «за письмовим запрошенням Б. М. Путилова»²², однако была отклонена редакцией. Причина отклонения статьи была изложена учёным секретарём редакции, а ныне её главным редактором, доктором филологических наук Ольгой Владиславовной Беловой: «Методичні засади “Живой старини” є далекими від принципів історичної школи, що намагається відшукати прямий зв’язок між фольклорними сюжетами та історичними подіями, тим більше такими сумнівними конструктами, як Антська

²¹ «Живая старина» – журнал, издававшийся с 1891 по 1916 год Этнографическим отделением Императорского русского географического общества в Санкт-Петербурге. В 1994 году был возобновлен и стал выходить в Москве в рамках деятельности Государственного республиканского центра русского фольклора. Главным редактором «Живой старины» стал академик Н. И. Толстой. В 1996–2010 гг. главным редактором был Сергей Юрьевич Неклюдов.

²² Борис Николаевич Путилов (1919–1997) – доктор филологических наук, фольклорист, специалист по мировому эпическому наследию. В последние годы жизни – главный научный сотрудник Отдела европеистики и общей этнографии Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН, широко известного как Кунсткамера. Входил в редколлегию возрождённого журнала «Живая старина».

держава, невідома історичним джерелам (звідси впливає недостовірність датування та етимологічних побудов)» [Цит. по: Карпенко, вып. 5, с. 3]. Интересна следующая мысль-возражение Ю. А. Карпенко: «<...> суперечку про сутність, міру зв'язку билинних сюжетів та історичних подій, хоч вона вже точиться (і як затято!) більше ста років, *не слід уважати завершеною* (курсив мой. – В. К.) <...> Подаю статтю в тому ж вигляді (і тою ж російською мовою), як вона була надіслана до редакції “Живой старины”». Далее автор автопредисловия к статье сформулировал ещё более любопытное и, я бы сказал, категоричное утверждение: “*Билини – це героїчний епос українського народу* (курсив и жирный шрифт мой. – В. К.), збережений в Росії російським народом, з наступним його, переважно новгородським, продовженням та відповідними мовними трансформаціями. То – гримаса історії: така вже доля українська, і не тільки в цьому випадку” [Карпенко, вып. 5, с. 3].

Позволю себе здесь “лирическое отступление”, проясняющее некоторые стороны ситуации, связанной с этой публикацией и в определённом смысле с позицией редактора ВУЛСа. Е. С. Отина и Ю. А. Карпенко связывали десятилетия крепкой, но в научных вопросах не предполагающей никаких поблажек, всегда принципиальной дружбы. Более двадцати лет был знаком и не менее десяти дружил с Ю. А. Карпенко и я. Юрий Александрович был известнейшим украинским учёным-филологом. Самый молодой доктор филологических наук в СССР в конце жизни стал членом-корреспондентом НАН Украины. Не буду много говорить о международном авторитете члена ICOS Карпенко-ономаста. А о вкладе Ю. А. Карпенко в “литературную” ономастику я неоднократно писал и, надеюсь, соберу всё уже опубликованное и всё новое в отдельную книгу, посвящённую этому вопросу. Наверняка о Карпенко, учёном и человеке, много ещё напишут его ученики. Я же в своём отступлении коснусь только одного момента. И начну с вопроса, заинтересовавшего меня с самого начала знакомства. Был ли Ю. А. Карпенко украинским националистом? Несомненно. Но с существительным “националист” словообразовательно связаны два прилагательных – “национальный” и “националистический”. Первое несёт исключительно положительные, мелиоративные коннотации. Второе, несомненно, пейоративно. Возможно, я ошибаюсь, но мне казалось, что Ю. А. Карпенко всегда принадлежал именно национальной, а отнюдь не националистической культуре Украины. Юрий Александрович был горячим патриотом Украины и одновременно поистине выдающимся учёным-филологом. Уверен, что обе “ипостаси” личности Юрия Александровича частенько “дискутировали”. Именно как патриот Украины он предпринял несколько попыток средствами лингвистического анализа доказать языковую принадлежность билин

украинскому народу. Одновременно, как истинный учёный, он не мог принять дремучую глупость отдельных ура-“патриотов” от “науки”. Лично мне он сказал однажды: «Боже, як же я ненавиджу дурнів, які вигадали отих “укрів”». Принимая решение опубликовать отвергнутую «Живой стариной» статью, Е. С. Отин, с одной стороны, понимал исключительную дискуссионность присутствующих имплицитно и высказанных эксплицитно в автопредисловии положений, а с другой, не поступился раз и навсегда сформулированным принципом: любой автор имеет право на мнение и никакие “цензурные” соображения не должны препятствовать ознакомлению научной общественности с излагаемой в публикации точкой зрения. Впрочем, аналогичное решение в рамках пятого выпуска сборника ответственному редактору пришлось принять дважды²³.

В самой статье было представлено мнение Ю. А. Карпенко относительно появления и закрепления в фольклоре постоянного эпитета *тихий* при имени былинного богатыря Дуная. По мнению учёного, само существование цикла былин о богатыре Дунае выдвигает перед учёными два вопроса: почему, когда обсуждаются вопросы этиологии имени богатыря, речь идёт именно о Дунае, а не о другой реке, и почему он – *тихий*? Именно поиски древней употребительности имени *Дунай* с обязательным определением *тихий* привели Ю. А. Карпенко к разрабатываемой рядом учёных концепции антского государственного образования, располагавшегося, по мнению учёного, в непосредственной близости к Дунаю. Отсюда и богатырское осмысление: “Дуная следует признать антским богатырём, а былинку о нём, вернее – её речной мотив (явившийся древнейшим стержнем, на который затем было нанизано многое другое), датировать временем не позднее VII в.” [Карпенко, вып. 5, с.6]. Смысл эпитета *тихий* – антоним признака “быстрый” – по мнению автора статьи, “анты дали Дунаю как отрицание, как несогласие с его обозначением “быстрый” – Истр. Так сказать, в пику фракийцам...” [Карпенко, вып. 5, с.6]. Другой находкой учёного стало сближение христианского отчества Дуная – Иванович – с отчеством *Кольванович*, восходящим к финскому по происхождению нехристианскому, языческому имени богатыря Кольвана.

Следующей в ономастической части сборника была размещена моя статья «К вопросу о метаязыке поэтики онима: поэтика онима и контекст (на материале творчества А. С. Пушкина)». С одной стороны, она была своеобразным продолжением статьи об ономастических перифразах, а с другой, представляла попытку последовательного и развёрнутого толкования вопроса о взаимодействии поэтонимов с

---

²³ Об этом см. ниже в связи с публикацией статьи Н.А. Луценко «Об этимологии слова невеста».

контекстами различной протяжённости и разного уровня сложности в поэтическом творчестве А. С. Пушкина. В статье обосновывалась необходимость развития метаязыка в направлении терминологического разграничения понятий *текст* и *контекст*, введении в оборот (в дополнение к существующему понятию *широкий контекст*) понятия *широкий дискурс*. Это последнее понятие делало логически неизбежным разделение функций широкого дискурса: по отношению к творящему сознанию, выполняющему *прелиминарную* (предваряющую), а по отношению к читательскому, воспринимающему сознанию *пресуппозитивную* (предполагающую) функцию. Далее в статье обсуждалось понятие *контекст поэтонима* и предлагалось разграничить микро- и макроконтексты. К первым относились либо одно слово, либо один из членов нераспространённого простого предложения. Переход от микроконтекстов к макроконтекстам представлялся как последовательное включение поэтонима во всё более широкое окружение: 1) во фрагмент, 2) в предложение, 3) в сверхфразовое единство, 4) в текст в целом, 5) в широкий контекст культуры. В качестве выводов предлагались следующие положения: 1) для контекстной поэтики онимов существенное значение имеет исчерпывающее описание семантического синтаксиса и стилистики минимальных контекстов с учётом влияния разных рядов поэтонимов на них; 2) настоятельно рекомендовалось продолжение исследований онимных перифраз; 3) продуктивность изучения поэтонимов в неминимальных контекстах напрямую зависит от степени учёта связей и смыслов, которые предопределяют приращения в коннотативную сферу имени; 4) развитие поэтики онима (сегодня я бы сказал – поэтонимологии) как научной дисциплины напрямую зависит от развития методов и языка описания.

Очередной публикацией в разделе стала небольшая статья Е. С. Отина «Топонимия Каменных Моги́л», в которой обсуждались различные именованья заповедника и история зарождения современного топонима. Автор показал, что географическое название территории заповедника обнаруживает как славянское, так и тюркское происхождение. Из изученных источников следовало, что эта местность именовалась по-разному: *Могилы Кам. Бестаиш*, *урочище Бестаиш*, *Бестаиш-горбы*, *Каменные Моги́лы*. По мнению учёного, тюркское географическое имя Бесташ представляет собой слившееся в одно слово словосочетание, состоящее из числительного “бес” (пять) и существительного “таш” (камень, скала). А общее значение топонима было “пять скал”. Очагом зарождения современного топонима *Каменные Моги́лы* была местность, выделяющаяся именно наличием пяти скалистых возвышенностей. Название урочища (Бесташ) позднее перешло на ручей (правый приток речки Каратыш, протекающий через него). Составной

частью названия стал широко распространённый в топонимии восточной и центральной Украины народный географический термин *могила* – ‘степной курган’.

Статья В. А. Кравченко «Лексико-грамматические разряды урумских фамилий» стала по сути отправной точкой в исследованиях антропонимической системы греков Приазовья. Современные фамилии урумов распределены по группам, а затем описаны. Первой, наиболее многочисленной группой являются отымённые фамилии. В них первая подгруппа – фамилии, восходящие к календарным крестильным христианским именам, причём все фамилии этой группы имеют патронимическое происхождение (Михайлов, Николаев, Серафимов и пр.). Вторую подгруппу отымённых фамилий составляют фамилии, восходящие к общехристианским и библейским именам крымских греков (Панаиотов, Левтеров, Ставрулов и пр.). К третьей подгруппе относятся фамилии, образованные от татарских имён (Асланов, Хотлубей, Тохтамышев и пр.) Следующая группа – отпрозвищные фамилии. На начальной стадии возникновения прозвища, по мнению автора, отражали: 1) внешний вид обозначаемого лица (*цвет* кожи, волос, частей тела, *рост* человека и особенности конституции, *физические недостатки, возрастные особенности*); 2) качественные характеристики внутреннего мира человека; 3) характеристики человека по профессиональной деятельности; 4) социальный статус; 5) прозвания, этимологически связанные с наименованиями животных, птиц, и т. д. 6) прозвища, восходящие к названиям растений; 7) фамилии отэтронимного происхождения. Особую группу составляют фамилии, восходящие к прозвищам-заклинаниям, пожеланиям (например, Ольмезов –от ‘ольмез’, “не умрёт”). Ещё одна группа фамилий урумов сформировалась на оттопонимической базе. Все фамилии в статье рассмотрены также в словообразовательном отношении, выделены структурные типы фамилий.

В то время, когда отделом ономастики Института украинского языка НАН Украины руководила Ирина Михайловна Железняк, доброй традицией стали публикации сотрудников отдела в ВУЛСе. Не стал исключением и пятый выпуск сборника. Сама И. М. Железняк в статье «Л. А. Булаховський и проблема мови Київщини в домонгольський період», рассмотрев с лингвисториграфических позиций мышления известных славистов о языке Киевщины в домонгольский период, сформулировала четыре основных пункта более чем столетней дискуссии: 1) обсуждался вопрос об этнической принадлежности полян (древнейшего населения Киевщины); 2) искался ответ на вопрос о степени опустошения Киевщины нашествием Батгя и о последующем заселении её выходцами из западных областей, принадлежавших тогда Литве и Польше; 3) осуществлялся поиск специфических особенностей

именно киевских древнерусских памятников письменности; 4) дискутировался вопрос о полной (?) или частичной (?) замене предка великорусского языка предком малорусского языка. По мнению автора статьи, только Л. А. Булаховский осознал высокую ценность изучения проприальной лексики для разрешения спорной проблемы. К тому же это озарение посетило учёного ещё до начала регулярных исследований ономастикона Украины. На основании анализа микрогидронимии и топонимии Киевщины, её сопоставления с зафиксированными письменными источниками И. М. Железняк пришла к выводу, что говорить о позднем вторичном заселении региона по меньшей мере наивно. Большинство микротопонимов выразительно демонстрируют славянские архаические черты. Топонимная лексика Киевщины чётко свидетельствует о наследовании в номинативных процессах. Сам же Л. А. Булаховский, по мнению автора статьи, прозорливо, практически за полстолетия до наших (имелся в виду конец XX века) дней увидел “переможні потенціальні можливості ономастики”.

Очередную группу гидронимических наблюдений в статье «Заметки по донской гидронимии: *Скулябный Овраг, Субургун, Карамыш Голый, Карамыш Лесной*» представил В. П. Шульгач. Определение Скулябный в составе гидронима Скулябный овраг (варианты *Скулябный Яр, Скулябная балка*) в бассейне Хопра, ранее не этимологизировавшийся, автор возвёл к восстановленному прилагательному *Skolbъnъjь от *Skolba /*Skolbъ “гнуть, сгибать, крутить”. Название балки *Субургун* в бассейне Дона, по мнению автора заметки, является исконно славянским образованием, мотивированным апеллятивом *субургун, в структуре которого можно вычленил приставку *су-* и корень *-бургун* (бугор). А гидронимы *Карамыш Голый, Карамыш Лесной* в бассейне Медведицы п. Дона, также остававшиеся без этимологического комментария и не имеющие генетически родственных потапонимов в обследованных автором источниках, отражены в других классах онимов – антропонимии и ойконимии – и восходят, по его мнению, к к рускому диалектному *кормыш* – ‘большая коса в реке’. Другие сближения, предложенные в заметке, представляются менее достоверными.

Ещё одна статья этимологического плана от отдела ономастики Института украинского языка «Гідронімії етимології: *Тясмин*» была предложена О. П. Карпенко. По её мнению, для исторической реконструкции онимов первостепенное значение имеет единство формальной и семантической характеристики. Именно исходя из этой установки рассмотрен гидроним *Тясмин*. Выяснив, что отмеченный ещё в Ипатьевской летописи гидроним фигурирует в других источниках в разных вариантах (*Тесмень, Тясмень, Тясмин, Тясма, Тасьминъ, Тисма* и др.), исследовательница провела широкий обзор “родственных”

названий, рассмотрела словообразовательные варианты описываемого гидронима, указала на существование мнения относительно того, что описываемый гидроним, вероятно, является посессивным образованием на *-ин* от апеллятива *тяс/ь/ма*, *тесма*, отметила мнение учёных-этимологов, квалифицирующих это слово как заимствование из турецкого, и, наконец, представила разделяемое ею мнение о восточнославянском происхождении апеллятива, ставшего основой гидронима. По её мнению, семантика гидроосновы – “узкая речка, стиснутая водная артерия”.

З. И. Бузинова в статье «Из истории развития русской эргонимии 20-30-х гг. (на материале названий промышленных предприятий)» попыталась выявить основные экстралингвистические и внутриязыковые закономерности развития русской эргонимии указанного периода и установить номинационные тенденции в эргонимообразовании. Во избежание опасности “потеряться” в многообразии материала и многочисленности эргонимов, автор остановилась на анализе одной группы эргонимопроизводящей лексики – апеллятивах, характеризующих деятельность предприятия, и ограничила материал тремя источниками: списком трестов и промышленных объединений (Пг, 1923), списком предприятий НКТП, нанесённых на карты евразийской части СССР (М., 1935), и энциклопедическим словарём Центрально-Чернозёмной области (Воронеж, 1934). Подробное рассмотрение механизмов и средств отапеллятивного эргонимообразования позволило установить, что специфика эргонимов указанного периода развития языка и страны, с одной стороны, обусловлена причинами социально-экономического характера, с другой – связана с особенностями эргонимообразующей лексики.

В статье «Особенности окказиональных и узуальных коннотативных онимов (на материале русского, украинского, английского языков)» Е. Н. Белицкая представила свои соображения относительно одного явления онимогенеза, давно уже интересовавшего её научного руководителя, Е. С. Отина. Выделив в содержательной сфере собственных имён семы, хранящие дополнительные созначения, Е. С. Отин не только сам начал исследовать их, но привлёк к этой работе нескольких своих аспирантов. Е. Н. Белицкая, развивая его теоретические положения, расширила зону обследуемых материалов, перенесла приёмы изучения явления на украинский и английский языки. Статья отражает представления автора об особенностях окказиональных и узуальных коннотонимов (онимов с референтными созначениями) в этих языках. В работе фигурируют ситуативно обусловленные коннотонимы и онимы, обладающие устойчивой семантической самостоятельностью. В работе они отмечены как интралингвальные и интерлингвальные проприальные

единицы. По мнению автора статьи, узуальные коннотативные онимы, переставая быть достоянием образной системы отдельного текста, начинают функционировать как интериоризованные образы с расчленённой смысловой структурой. Перемены, происходящие с коннотативной онимией в языке, автор связывает с их способностью нести качественный признак. А более тесная связь коннотонимов с понятием позволяет им вступать в различного рода вариантные отношения, что усиливает “подвижность” этих лексем, способность становиться нарицательными существительными или, наоборот, возвращаться в разряд чистых онимов.

Статья В. М. Ткачёвой «Об исторической изменчивости хрононимов» представляет ещё один аспект исследования хрононимов в рамках установок Донецкой ономастической школы. В ней автор отчитывается о попытке установить наиболее интересные и закономерные особенности исторической изменчивости хрононимов, подвергающихся, несмотря на устойчивость, фонетическим, морфологическим и структурно-семантическим изменениям. В конечном итоге, по мнению автора, хрононимы, как и другие языковые единицы, претерпевая изменения, отражают основные этапы развития языка на всех его уровнях. В статье описаны изменения на фонологическом уровне, отражающие падение редуцированных, дефонологизация <y>, повлекшая палатализацию задненёбных, и <ê>, отверждение шипящих и т. д.; изменения в древнерусской системе склонений, употребление вариантных форм обозначения принадлежности (с помощью прилагательных или родительного падежа имён существительных; семантические изменения и, наконец, лексические изменения, зафиксированные в летописях.

Статья «Псл.*bylda/*byldь і їх відбиття в слов'янському антропоніміконі та топоніміконі» И. В. Ефименко посвящена этимологическому анализу одного факта, предполагающему определение семантики и происхождения антропо- и топоосновы украинской проприальной системы. В качестве исходного материала, заинтересовавшего автора, названы антропоним *Байдик* (*Федько Байдикъ* в описи Черкасского замка 1552 г.), рус. *Байдиков* и ойконимы, образованные от них нп *Байдики* (в Рязанской и Тульской губерниях), *Байдики Малые* и *Байдиково* (Московская губерния). Автор представляет список апеллятивов из разных славянских языков с разными значениями (чаще – ‘палка’, ‘палица’, ‘дрюк’ и под.), приводит мнение, зафиксированное в этимологическом словаре украинского языка, согласно которому *байдик* – заимствование из венгерского *bajd (*bajdak) в значении ‘куріпка’. Однако, при рассмотрении этимологии этой лексемы отдаёт предпочтение славянской почве и находит убедительные параллели с

лексемой *байда* в значениях ‘лодка’, ‘корыто’, ‘водяная мельница’ и множестве других.

Н. И. Иванова в статье «Множественное число как актуализатор коннотативного значения антропонимов» исходит из очевидного положения, в соответствии с которым имя собственное (по своему названию) не может и не должно иметь форму множественного числа. В то же время автор утверждает, что “уникальная” способность языка создавать выразительные художественные образы посредством грамматических форм наиболее ярко проявляется именно по отношению ко множественному числу онимов. По наблюдениям Н. И. Ивановой, даже так называемое “эллиптическое множественное число” (означающих репрезентативное множество “по одному из представителей” и не обладающих дополнительными значениями) у собственных имён в художественном произведении обладают характеризующей информацией. Отмечена высокая коннотативная сила множественного числа знаменитых и известных фамилий. При анализе произведений В. Аксёнова, широко использовавшего форму множественного числа собственных имён “для лиц, не имеющих семейного родства”, указано, что многие из них связаны с сугубо авторскими ассоциациями, интерпретация которых условна и, по мнению автора, не всегда отражает истинные причины появления имён в тексте. В то же время отмечена способность некоторых антропонимов в форме множественного числа “самим создавать контекст”. Рассмотрен при этом один безусловно интересный, “забавный”, по определению автора, пример: “Американец, встречая в новой книге иностранные имена, откладывает её в сторону. Забавно для страны, где добрая половина населения состоит из *Джонсов Домбровичей* и *Джейн Дзанарелло*”. Отмечено также, что множественное число исторических собственных имён способствует смещению их семантики в сторону символизации.

Одесситка М. Р. Мельник в статье «Ономастика поезій Ліни Костенко: збірка “Вітрила”» остановилась на анализе поэтики онимов во втором поэтическом сборнике Лины Костенко. В ней представлен начальный этап увлечения выдающейся украинской поэтессы онимными средствами образности. Незначительное количество произведений (5 в сборнике «Вітрила»), в которых были использованы собственные имена, в творчестве Лины Костенко будет постоянно расти и превратится в один из излюбленных приёмов образности. Подмечен интересный пример употребления украинских оронимов для обозначения событийного пространства. Лирическая героиня стихотворения, */як заспіває – мов заголосить, / чутно від Грегота до Чорногори /*. И гора *Грегит*, и горная гряда *Чорногора* находятся в пределах Гуцульщины, но на противоположных её краях. Основная часть статьи посвящена

онимии поэмы-сказки «Казка про Мару». Эта статья через шесть лет будет включена в состав монографии «Літературна ономастика Ліни Костенко», созданной Ю. А. Карпенко и его ученицей М. Р. Мельник.

В статье «Структура та функціонування антропонімів у новелах М. Хвильового (1921–1923 рр.)» О. О. Усовой показано, что антропонимикон новелл Хвильового сознательно опирается на украинскую традицию называния лиц. Однако тесная взаимосвязь форм русских и украинских антропонимов, освоение текстом прозвищ, подобных фамилиям, свидетельствуют об ориентации художника на реальный антропонимикон Восточной Украины 20–30-х годов прошлого столетия. Исследованием установлено, что состав антропонимикона каждой новеллы отвечает требованиям жанра, манере повествования, общему направлению художественного текста. Своеобразие авторской характеристики персонажей проявляется через присутствующие в антропформе указания на возраст, пол, социальную и национальную принадлежность и другие маркеры.

Е. В. Киселёва в статье «Закономерности функционирования отонимного префиксоида *euro-*» представила наблюдения за функционированием отонимного префиксоида *Euro-* на материале публикаций в английской прессе («The Guardian» и «The Times»), которые показали развитие словообразовательной активности префиксоида, регулярность в образовании новых слов и выявили экстралингвистические (политические, экономические, дипломатические) причины этого явления. Прочно завоевав своё место в лексиконе европейских языков, образование *Euro-* стало развиваться в соответствии с лингвистическими законами, проявляя при этом общие для словообразовательных процессов закономерности. Префиксоид продемонстрировал способность не только к развитию денотативных значений, но и возможность иметь коннотативные созначения, выражать различные эмоциональные и экспрессивные оценки, используя словообразовательные элементы, уже обладающие значением оценочности. Из проведённого анализа, по мнению автора статьи, можно сделать вывод, что вошедшие в словарный состав и принятые языковым коллективом производные слова образуют две группы, границы между которыми диффузны и подвижны. Одну группу составляют “правильные” дериваты, не нарушающие регулярность процессов, а другую – дериваты-исключения, отражающие словообразовательные “упражнения” авторов окказионализмов. Кроме того, отмечено, что каждое слово, имеющее в составе префиксоид *Euro-*, становясь компонентом фразеологического сочетания, приобретает двойственную сущность: входит в состав сложного целого, сохраняя при этом потенциальные качества самостоятельной единицы.

И. В. Бойчук в работе «К вопросу о возникновении ложной омонимии при фонографической адаптации заимствованных собственных имён» представляет одну из проблем ономастики, возникающую в результате фонографических преобразований, проводимых при передаче французских собственных имён на русский и украинский языки. Ложная омонимия, возникающая в этих случаях, объясняется тем, что во французском языке один и тот же звук может графически изображаться по-разному, что позволило некоторым учёным считать французскую орфографию “иероглифической”, против чего, однако, выступал Л. В. Щерба. Другое объяснение апеллирует к отсутствию в языках-реципиентах необходимого фонетико-орфографического материала.

К статье И. В. Бойчук тематически примыкает следующая публикация Е. Н. Белицкой – «Графическое оформление собственных имён с референтными коннотациями». Однако речь в ней идёт в основном об использовании строчных и прописных букв, а также употреблении кавычек при воспроизведении коннотонимов. Размышления над проблемой привели автора к следующим выводам: 1) прописная буква в коннотонимах выполняет функцию, аналогичную той, которую она исполняет в “чистых” собственных именах; 2) строчная буква может быть обусловлена узуализацией коннотонимов, ведущей, в конечном счёте, к апеллятивации, либо может отмечать негативные авторские оценки; 3) прописная буква в именах *pluralia tantum* ставится в соответствии с семантическим принципом употребления; 4) кавычки выполняют выделительную и выделительно-разграничительную функции, а также функцию “зрительного сигнала”.

В моей (второй в пятом выпуске ВУЛСа) статье «Поэтическая ономастика: проблемы и перспективы развития (по следам VII Всеукраинской ономастической конференции)» представлен обзор 48 докладов, тематически связанных с ономапозитикой. Это название дисциплины, изучающей поэтику собственных имён в литературно-художественных текстах, сегодня можно было бы заменить термином “поэтонимология”. В работе 1999 года представлены соображения, которыми я руководствовался тогда, останавливаясь на термине “ономапозитика”. Кроме того, указано, что авторы проанализированных работ часто отходят от чисто лингвистических трактовок и начинают описывать материал в том единственно верном ключе, который только и возможен при исследовании *художественной* речи. Однако на конференции прозвучали и “скорее лингвистические, чем ономапозитические” доклады, и несколько (точно – 5) выступлений, затрагивавших проблемы передачи собственных имён в текстах переводов, и семь докладов, посвящённых поэтике онимов в фольклоре. Касаясь последней группы текстов о собственных именах в фольклоре, я вступил в дискуссию с

исследовательницей из Черновцов Н. С. Колесник, представившей теоретическое обоснование “фольклорной ономастики” как самостоятельного научного направления. Признавая специфичность предмета исследования в фольклорной ономастике, я обратил внимание исследовательницы на то, что эта специфика фактически полностью совпадает со спецификой имён в художественной литературе, т. е. имена в обеих областях художественного слова суть *поэтонимы*. Это сходство функциональное. Второе сходство онтогенетическое: “и там и там” поэтонимы имеют общих “родителей” – проприальную систему культуры и поэтику. И, наконец, третье сходство – филогенетическое. Поэтика литературно-художественной ономии – результат всего развития эстетического отношения к имени, включая дофольклорный, фольклорный и литературно-художественный этапы. Отсюда и из некоторых других утверждений следовал вывод о единой научной дисциплине, изучающей эстетические свойства собственных имён и в фольклоре, и в литературе. На конференции были представлены и другие доклады, трактовавшие теоретические аспекты литературной ономастики, в том числе, опыт рассмотрения заглавий художественных произведений как собственных имён особого рода. Рассматривались вопросы организации структуры онимного пространства и его роли в композиции художественного текста, исследовались функционально-семантические свойства онимов в поэтических текстах и т. д. Возражения вызвал вывод Л. О. Белея (Ужгород) относительно причин разрушения “природного процессу розвитку нової літературно-художньої антропонімії” вследствие реализации «заполітизованої бінарної опозиції “ЛХА персонажа – радянської людини – ЛХА персонажа – ворога соціалізму”», претендующий на общетеоретическую значимость. Отдельно были рассмотрены работы, построенные на материале сатирического и комического использования собственных имён. В целом обзор материалов конференции позволил высказать мнение о состоянии исследований в области “поэтической ономастики” на Украине и обозначить перспективные, по моему мнению, проблемы, нуждающиеся в дальнейшем исследовании: “поэтоним в контексте”, “поэтоним и жанр”, “лексикографические проблемы поэтической ономастики”. Последняя проблема сегодня в рамках Донецкой ономастической школы формулируется как “проблемы поэтонимографии”.

Логика работы главного редактора ВУЛСа здесь требует пояснения. Евгений Степанович принял решение опубликовать в пятом выпуске ВУЛСа не по одной, а по несколько работ тех своих учеников, которые выходили на защиту диссертаций. Поэтому в сборнике были размещены две мои работы и три (!) публикации Е. Н. Белицкой. Однако ВАК (было и остаётся как у нас, так и на просторах СНГ вообще, чудное место для

разгула чиновничьей инициативы) “распорядился” при подсчёте количества публикаций по теме диссертации признавать не более одной публикации в конкретном издании. Поэтому в дальнейшем Е. С. Отин отказался от этого способа помощи.

Третья статья Е. Н. Белицкой «Характер определительных слов при коннотативных онимах», замыкающая рубрику “Ономастика”, была посвящена роли слов-“уточнителей” при именных производных для образования переносного значения. Их использование, по мнению автора статьи, обусловлено нереализованностью аффиксальных средств языка при лексико-семантическом словообразовании. Из выводов автора: 1) в позиции атрибута при коннотонимах могут находиться прилагательные, местоимения, числительные, определительные наречия, существительные в родительном падеже; 2) определения при коннотонимах по большей части выполняют оценочно-усилительную функцию.

Раздел «Лексикология и лексикография русского языка» в сборнике открывают «Материалы к словарю ненормативной лексики (продолжение)» Е. С. Отина. Предшествующие части публикации представлены в описаниях второго и четвёртого выпусков ВУЛСа. В новых «Материалах...» были представлены словарные статьи *Блин, Кадрить(ся), Кипиш, Лох, Паник, Стрелка, Стрёма, Хавира* и дополнения к ранее напечатанным статьям *На бугая* и *На шару*.

Н. Б. Клименко в статье «Лексические, синтаксические и фразеологические параллелизмы в новогреческом и восточнославянских языках» остановился на паремиографических, лексических, синтаксических и фразеологических параллелях в перечисленных в названии статьи языках. Автор отмечает, что параллели в избранных для анализа языках описаны с разной степенью полноты. При этом сравнительное изучение параллелизмов имеет большое теоретическое и прикладное значение. Автору удалось собрать свыше 200 пословиц, параллельно функционирующих в новогреческом и современных восточнославянских языках (25 параллельных пословиц подробно описаны в статье). Все они носят разговорный характер. Многие параллельные словосочетания в сопоставляемых языках используют метафору для характеристики состояния человека, способа его существования или поведения. Представляет интерес анализ параллельного словосочетания, отрицательно характеризующего поведение человека, в котором использовано слово “*ветер*”. Кроме того, автор отмечает, что в анализируемых языках обнаруживается параллелизм судеб семасиологического развития слов (представлено, например, более 20 глаголов). Автор полагает, что многочисленные параллелизмы в сравниваемых языках – явление неслучайное, что духовная общность греческой культуры с культурой восточных славян

способствовала образованию параллельных языковых форм выражения норм этики, канонов веры, общих понятий взаимообогащённых культур.

В статье К. В. Першиной «Номинация дождя и погоды (по отношению к дождю) в русском языке» представлен ономаσιологический аспект номинации дождя и дождливой погоды. Автор приводит большой пословичный и поговорочный материал, отражающий значимость дождя в жизни людей. В нём, по мнению исследовательницы, отмечены выделившиеся в ходе общественной практики самые разные признаки дождя как природного явления, от которого во многом зависела и продолжает зависеть жизнь человека. Особенностью номинационной палитры этого явления является её двуслойность. Номинационный центр – лексема *дождь*. Первый слой палитры – словесные обозначения дождя как такового: *дождь, ливень, бус, ситник, росинец, крупный, затяжной* и т. д. Второй слой – словесные обозначения состояний погоды (в связи с дождём): *бусит* (идёт мелкий дождь), *дождёво* (дождливо), *козье ненастье* (дождливая погода в августе) и т. д. В статье представлены соображения этимологического характера, наблюдения за разнообразием диалектных форм, отслежено семантическое развитие этого слова в различных говорах русского языка, показаны семасиологически актуальные свойства дождя. По мнению автора, эпидигматика рассмотренных в статье лексических единиц свидетельствует о наличии тенденции деривационного объединения вокруг лексемы *дождь* словесных обозначений любых состояний погоды, так или иначе связанных с его наличием или отсутствием.

Н. А. Луценко в пятом выпуске ВУЛСа представил один из первых своих этимологических опытов в “новом” ключе – «Об этимологии слова *невеста*». Общеизвестно, что самого талантливого своего сотрудника, профессора Н. А. Луценко заведующий кафедрой общего языкознания Е. С. Отин любил, признавал его неоспоримый талант грамматиста и теоретика языка, однако предостерегал от “крайностей”. Одной из них Е. С. Отин считал увлечение Н. А. Луценко лингвистической палеонтологией (изучающей остатки начальных эпох существования языка) в духе воззрений Н. Я. Марра. Е. С. Отин, убеждённый и последовательный компаративист, работу Н. А. Луценко, тем не менее, опубликовал, в очередной раз подтвердив своё кредо редактора, о котором я упоминал, представляя статью Ю. А. Карпенко «Тихий Дунай». По мнению автора этимологического разыскания, среди различных именовании женщины слово *невеста* является древнейшим. Несмотря на то что к его этимологизированию обращались многие авторы, слово осталось загадочным и по происхождению, и по значению. Не вдаваясь в подробности рассуждений Н. А. Луценко (полагаю, что этимологи и не только, читавшие статью, получили большое удовольствие

от знакомства с ней), отмечу главный вывод автора. Полагая, что состав слова следует рассматривать как трёхэлементный (*не-ве-ста*), Н. А. Луценко утверждал, что в каждом из образующих его элементов слово *невеста* связано с обозначением одного и того же – женщины. Все другие смыслы, основываясь на которых, этимологизируют данное слово, являются вторичными, производными. В пределах слова *невеста*, узкоспециализированная семантика которого подтверждает мысль о его принадлежности к древнейшему слою лексики, эти смыслы не реализованы.

Следующая статья раздела «Определения понятий и описания объектов в текстах XVIII века», написанная О. И. Задорожной, посвящена текстовым определениям, “выросшим” в несловарную лексикографическую практику, прикнижные словари, служившие источником объяснительной части в научных и научно-популярных книгах XVIII века. Автор обратила внимание на параллельное существование в некоторых изданиях и внутритекстовых определений, и прикнижных словарей, отметила их роль в развитии словарного дела в целом, показала равноценность некоторых определений как для конкретных текстов, так и для больших словарей.

Статья Т. Е. Солдатовой «Взаимодействие заимствованных и исконных терминов пробирного дела и аффинажа в русском языке XVIII–XX вв.» продолжает поддерживавшийся и развивавшийся на кафедре общего языкознания интерес к истории русского языка, прежде всего, языка XVII–XVIII веков. Рассмотрев терминологию конкретной области – пробирного дела – автор показала влияние немецкого языка на его терминологию, затем появление в XVIII веке в специальных работах и словарях русских эквивалентов (нем. *Tiegel* – рус. *плавильный горшок*), приведшее в XIX веке к активной замене заимствованной лексики исконной. Эта взаимная борьба заимствованных и исконных дублетов и стала основной движущей силой развития терминологии пробирного дела и аффинажа.

Статья Е. А. Карпиловской «Суффиксализация конечных основ заимствованных композитов в современном украинском языке» открыла третий раздел сборника – «Словообразование». Автор сосредоточила внимание на функционировании в украинском языке послекорневых частей иноязычных по происхождению слов (суффикс; часть корня + суффикс; суффикс + флексия + флексия) и их развитии по пути сближения с суффиксальными морфемами. Задача, решавшаяся исследовательницей, заключалась в разработке градации основ композитов иноязычного происхождения в украинском языке, исходя из их смысловых, формальных и функциональных признаков. В результате было установлено, что широкий спектр морфемных структур позволяет определять

не только степень продвижения конечных компонентов основ заимствованных композитов по пути суффиксализации, но и определять конкретные формы её проявления.

С. П. Гирняк в статье «Словотворче гніздо з вершиною *казати* у сучасній українській мові» рассматривает словообразовательные характеристики лексической микросистемы с инвариантным значением говорения. Поставленная задача – выявить состав, наполненность, объём, способы и средства создания новых слов в рамках словообразовательного гнезда с вершиной *казати* в украинском языке – была решена. В статье автор показывает, что в создании производных участвуют четыре способа словообразования: постфиксальный, суффиксальный, префиксальный и основосложения. Среди них наиболее продуктивный – суффиксальный способ, с помощью которого образуются глаголы (22 деривата), причастия (15 дериватов), прилагательные (13 производных), наречия (4 деривата). Столь же конкретно, с примерами и подсчётами, представлены другие способы словообразования. Анализ фактического материала позволил автору сформулировать следующие выводы: 1) глагол *казати* входит в ЛСГ глаголов говорения, 2) словообразовательное гнездо квалифицируется как гнездо-дерево, 3) базовое слово развивает до трёх значений (прямых и переносных), 4) всего гнездо содержит 160 производных, образованных четырьмя способами, 5) мотивационная база гнезда – 57 слов, глубина – 5 словообразовательных шагов, ширина – 23 деривата. Статистическая формула гнезда с вершиной *казати* – 161-5-23-102.

В пятом выпуске ВУЛСа размещена следующая статья О. Е. Ольшанского серии, относящейся к анализу калек, – «Опращення лексических калек в руском языке. Стаття 2. Семантичеськеськесь калькесь». В первой статье, как показано выше, рассмотрено опращення словообразовательных калек. Автор показывает, что при семантичеськом калькировании иноязычньм является только лексичеськое значение. В этом случае у исконно руского слова развивается под влиянием иноязычньного переносное или дополнительное значение. Анализ семантичеських калек в руском языке показал, что они 1) подобно словообразовательным, переживают изменение морфемного строения, 2) иногда опращенню не подвергаются, 3) оформлєнню калькеськесь в самостоятельную лексему-омоним обязательно предшествует жизнь в составе полисемичньного слова, 4) опращення семантичеських калек – менее продуктивньй процесс в сравнении со словообразовательньм калькированием. Последним сделан вывод о теоретическом и практичеськом значении изучения истории морфемньх изменений при калькировании.

Раздел «Художественная речь» открывает статья А. П. Загнитко «Особливості сучасної української синтаксичної поезики». В ней

постулируется принадлежность синтаксической организации произведения его поэтике, что не вызывает сомнений, а также утверждается, что в синтаксисе едва ли не наиболее полно обрисовывается собственно авторская стилистика и, далее процитирую: “простежується основний / неосновний шлях осмислення пізнаного, встановлюються закономірності насичення речення інформацією та прагнення передати складний / надскладний світ авторського бачення” [Загнитко, вып. 5, с. 284]. Относительно этой, в определённом смысле дискуссионной, части мнения автора статьи, равно как и о других аналогичных утверждениях, глубже и, безусловно, правильнее, естественно, могут высказаться литературоведы. Мне же представляется, что здесь парадоксальным образом влюблённость в объект исследования проявляется в излишне категоричном “награждении” его всеобъяснительным могуществом. Что касается конкретных наблюдений над синтаксическим строем отдельных поэтических произведений, цитируемых в статье, то они действительно интересны и показательны, в особенности тогда, когда автор обращается к новаторским поискам современных поэтов, представляющих, воспользуясь его определением, “деструктивістсько-репрезентативно-епатажний напрям”, в котором (далее автор статьи цитирует Владислава Сикалова) “одинокий підмет і присудок розцінюються як стилістичне убозтво” [Загнитко, вып. 5, с.286]. Статья заслуживает внимательного прочтения, а заключительный вывод чреват новыми поисками в обозначенном автором направлении: “Постання новітніх тенденцій у синтаксичній поезиці, що відображають видозміни у художньо-естетичних пошуках і самих аспектах естетики поетичного слова, суттєво впливають на розвиток потенційних можливостей синтаксичних форм слова” [Загнитко, вып. 5, с.297].

Синтаксису сатирико-юмористической речи посвящено изложение наблюдений А. Р. Габидуллиной «Синтаксическая конвергенция в монологах М. Жванецкого». В проанализированных текстах автор статьи обнаруживает несколько видов синтаксической конвергенции: 1) семантическая неоднородность синтаксически однородных членов, 2) анаколупф (нарушение правильной формально-синтаксической связи, соединение членов предложения, подходящих по смыслу, но не согласованных грамматически), 3) силлепс (объединение двух и более однородных членов, так или иначе различающихся в грамматическом отношении), 4) зевгма (стилистическая фигура, в которой одно слово грамматически связывается с двумя или несколькими словами, хотя по смыслу оно относится только к одному из них), 5) нарушение смысловой однородности слов сочинительной цепочки при сохранении синтаксической однородности, 6) аппликативные каламбуры. Основной вывод автора состоит в утверждении продуктивности изучения синтаксической

конвергенции у М. Жванецкого, поскольку оно позволяет дополнить общую картину лексико-семантических и синтаксических основ каламбура в современной сатирической литературе.

В статье Г. П. Лукаш «Вияви категорії змістово-підтекстової інформативності в художньому тексті» прослеживается, как содержательно-подтекстовая информация воплощается на уровне минимальных контекстов. Среди средств воплощения информативности выделена детерминологизация, способствующая сжатой характеристике известных понятий, «развитие» их новыми нюансами, придающими терминам атрибутивные функции. Своеобразие поэтического мышления автор статьи видит в способе мышления образами, возникающими из словесных источников и на фоне далёких, казалось бы, ассоциаций порождающими неожиданные трактовки. Кроме детерминологизации, средством проявления категории информативности автор на языковом уровне считает явление контаминации функциональных стилей, наложения семантических полей, контактного и дистактного сопоставления различных лексических парадигм.

Завершает сборник раздел «Методика преподавания языка». В нём опубликована статья С. В. Кулиш, Е. В. Перебейнос и В. И. Rogozinoy «Из опыта работы над художественным текстом в иностранной аудитории». В ней, кроме положений общеметодического характера, представлена оригинальная авторская разработка урока, посвящённого отрывку из рассказа А. И. Солженицына «Матрёнин двор». Задания традиционно разделены на: 1) предтекстовые, содержащие информацию о писателе и несколько упражнений, направленных на снятие лексико-грамматических трудностей предстоящего чтения текста; 2) притекстовые (правильнее, пожалуй, было бы называть их уже текстовыми) и 3) послетекстовые задания.

***

Очередной (шестой) выпуск «Восточноукраинского лингвистического сборника» содержит шестнадцать статей в разделе «Ономастика», шесть статей в разделе «Лексикология и фразеология», три – в разделе «Этимология и история слов», две – в разделе «Словообразование», три – в разделе «Грамматика» и две статьи, опубликованные под рубрикой «Стилистика».

И. М. Железняк в статье «До походження топоніма *Ширма*» изложила результаты изысканий относительно этимологии микротопонима *Ширма*, которым названо урочище на территории Киева. Касаясь характера местности, носящей это имя, автор статьи отмечает, что всё урочище перерезано ярами (оврагами, балками), в каждом из которых можно предположить наличие ручейка и рассматривать микротопоним в одной плоскости с гидронимом *Ширма* предположительно тюркского

происхождения. Далее автор вначале приводит широкий спектр гипотетически родственных топонимов и антропонимов, находящихся поддержке в славянской апеллятивной лексике, затем рассматривает аргументы, которые позволяют трактовать анализируемый микротопоним как слово неславянского происхождения. Результатом “разведки” стало, с одной стороны, предположение о возможности генетической связи микротопонима *Ширма* как с тюркской лексикой для названия речки, так и с архаичным славянским образованием, образованным от реконструируемого индоевропейского **ser-* со значением ‘течь, струиться’, а с другой – убеждение автора в балтийском происхождении этого имени.

Далее ответственный редактор поместил мою статью “Феноменология поэтонима сквозь призму “философии имени” А. Ф. Лосева». В ней феноменологическое представление свойств поэтонима как художественного средства (несмотря на наличие такого замечательного инструмента наблюдений, как “лосевская призма”) принципиально отграничено от философско-богословской проблематики имяславия и эзотерических крайностей: “Никакой эзотерической, скрытой от непосвящённых, глубинной (в мистическом или метафизическом смысле слова) сущности в феномене поэтонима нет» [Калинкин, вып. 6, с. 11]. Исходя из того, что имя в художественном тексте является объектом чувственного *с о з е р ц а н и я* и складывающегося на основе чувственного постижения *о п ы т а*, ощущаться как образное средство оно может только при наличии у читателя соответствующих навыков интерпретации и толкования. Отправной точкой рассмотрения феноменологии поэтонима в статье являются размышления о его непосредственной данности, предполагающей, во-первых, существование явления, которое в равной мере чувствуется и писателем, создающим художественное произведение, и любым (потенциальным) читателем, и исследователем поэтики онима. А далее в статье “работает” призма “философии имени” А. Ф. Лосева. Обсуждаются свойства “непосредственной данности” поэтонима, проводится последовательная редукция свойств объекта. Субъективно переживаемое нерасчленённое единство символической и фонематической семемы поэтонима последовательно “освобождается” от звуковой оболочки, от субъективных факторов смысловой структуры для получения чистого смысла – чистой ноэмы. Это, по А. Ф. Лосеву, последний шаг популярного сознания и “ходячих” университетских лингвистических курсов. Однако остановиться здесь – значит не проникнуть в стихию, тайну слова, заключающуюся в том, что имя предмета – это арена встречи воспринимающего и воспринимаемого. Чистая ноэма – это единство предметной сущности и субъекта. И из неё следует исключить всё, что делает её переменной. Редуцированный остаток чистой ноэмы – идея,

идеальный коррелят предмета – исключает не только индивидуальную, но и всякую другую инаковость понимания. Следуя далее по линии рассуждений А. Ф. Лосева, автор статьи предложил согласиться с необходимостью рассмотреть диалектику инобытия смысловой энергии имени, распределяющейся в физической, органической, сенсуальной и ноэтической энегемах имени. Это позволило трактовать конкретно-идеальный смысл поэтонима, его эйдос. Преодолевая сложность понятийной и терминологической системы рассуждений А. Ф. Лосева, я в конечном итоге предложил для проникновения в живую жизнь поэтонима к его сущности в последнем эйдетическом смысле, кроме непосредственной данности [во всем её многообразии: фонематическая семема в фоносимволическом смысле + символическая (этимологическая + морфемная + синтагматическая) семема + пойематическая семема], добавить символический, мифический и психолингвистический моменты живой сущности поэтонима, позволяющие рассматривать его как непрерывно развивающуюся сущность.

Исследователь из Кировограда²⁴ В. В. Лучик в статье «Генетична диференція деяких центрально- та південноукраїнських гідрооснов» рассмотрел процессы взаимодействия аутохтонной и иноязычной лексики в традиционно контактирующих языках на материале изучения основ гидронимов. Учёный отметил, что давность и длительность взаимодействия языков приводит к тому, что процесс адаптации в конечном итоге усложняет возможности отграничения заимствований от аутохтонных лексем. По его мнению, только комплексное использование сравнительно-исторического метода и культурно-исторической интерпретации позволяет дифференцировать сходные факты и прийти к правильным выводам. Проблема рассмотрена на материале изучения гидронимии Центральной и Южной Украины. Изучены 1) аутохтонные основы, квалифицируемые как заимствования (названия рек *Висунь*, *Ингул*, *Ингулець*, *Товмач*, *Гірський* (вар. *Угорський*) *Тікич*, *Гнилий Тікич*, лимноним *Кабиця*, болото *Багнище*) и 2) иноязычные основы, которые квалифицируются или могут квалифицироваться как аутохтонные (названия рек *Биянка*, *Буг*, *Кільтінь*).

Шестичастная статья Е. С. Отина «Из заметок к лекциям по топонимике», по существу, представляют собой краткий конспект лекций к курсу, основным назначением которого автор считал популярное изложение основ методологии топонимических исследований в уже начавшей обретать собственное лицо ономастической школе Донецкого университета. Параграфы статьи посвящены соответственно:

1) Образованию топонимов, их мотивации (ономастиологической обусловленности “внутренней формы” географических

²⁴ Спустя несколько лет В. В. Лучик стал профессором Киево-Могилянской академии.

имён), деэтиологизации и деэтимологизации, реэтиологизации и реэтимологизации названий. В параграфе представлены соображения относительно: а) необходимости рассмотрения ономаσιологической обусловленности процессов топонимообразования в двух формах реализации – спонтанной и искусственной; б) рекомендации изучать типы топонимических этимонов с учётом характера референтных основ – материальной, каузальной и релятивной и в) указания на нестабильность референтных основ, ведущую к демотивации, довольно часто – к деэтиологизации и деэтимологизации топонимов. Обращено внимание на то, что одинаковые названия могут иметь не только разную этиологию, но и разные типы референтных основ, а также на причины экстралингвального характера, приводящие к истинной и ложной реэтиологизации топонимов.

2) Коннотонимизации топонимов – ещё одному процессу в смысловой истории ряда географических имён, заинтересованность которым привела в конечном итоге к развитию в рамках Донецкой ономастической школы целого направления исследований. При этом важно иметь в виду, что уже тогда Е. С. Отиным было сформулировано положение, не допускающее никаких двусмысленностей в толковании коннотонимизации. Появление коннотаций (добавочных значений в результате переносных употреблений) в топонимах не элиминирует их способности оставаться собственными именами в отличие от ряда топонимов, переживших деонимизацию (*'иордань'* – широкая прорубь во льду для крещенских купаний).

3) Трансонимизации и вторичной топонимизации, оттопонимному словообразованию. В процессах трансонимизации, происходящей по разным причинам и под влиянием разных ономаσιологических факторов, Е. С. Отиным были отмечены основные: а) близость сопредельных географических объектов; б) совпадение времени номинации с каким-либо событием, фактом общественной жизни; в) вторичная топонимизация коннотативных топонимов; г) сознательный перенос первичных топонимов на отдельные, территориально не связанные объекты; д) искусственная топонимизация непереоформленных антропонимов; е) процесс переосмысления формы родительного отношения или принадлежности как формы номинатива; ж) обратное словообразование (именительный падеж личного имени образуется из поссессивных форм топонима путём устранения суффикса).

4) Онимизации апеллятивной лексики. Этот процесс протекает по-разному: а) без структурных преобразований апеллятива или б) с изменением словообразовательной структуры при помощи топоформантов, аффиксоидов, флексий в роли топонимообразовательного средства.

5) Роли акцентных вариантов именований.

6) Топонимам-гипокористикам. Здесь Е. С. Отин отметил недостаточную изученность возникающих в разговорной речи, молодёжном слэнге и др. эквивалентов существующих традиционных и официальных названий. В этом параграфе были пунктирно указаны направления, по которым следует собирать и описывать соответствующий материал. Сегодня это путеводная нить для молодых исследователей ономастики Донбасса.

Статья В. П. Шульгача «Заметки по донской гидронимии: *Излегоща, Калдабаш, Доробин, Богатая Снова, Кобыльья Снова*» стала продолжением серии разысканий учёного в области этимологии гидронимов бассейна реки Дон. Гидроним *Излегоща*, вопреки мнению О. Н. Трубачёва, не усматривавшего в нём опоры в существующей апеллятивной лексике, В. П. Шульгач возвёл к сочетанию префикса предложного происхождения с пространственным значением, указывающим на месторасположение одного объекта по отношению к другому с именем Легоща *Из-Легоща*. Лимноним *Калдабаш*, по мнению учёного, восходит к первичному *Колдобаш, в основу которого положен соответствующий географический термин, который может быть соотнесён с его диалектными вариациями, имеющими значение 'глубокая яма с водой', 'яма, выбоина на дороге' и т. д. Гидроним *Доробин*, интерпретированный В. Н. Топоровым как возможный балтизм, по мнению автора заметок, имеет исконно славянское происхождение, что подтверждается гидронимическими параллелями и антропонимом *Дороба, мотивированным праславянским *dorba, восстановленным составителями Этимологического словаря славянских языков. Гидронимы *Снова* (Богатая и Кобыльья) сопоставлены с названием летописной реки Сновь (п. Десны п. Днепра).

Статья Е. Н. Ткаченко «Одно-, дво- та тріступінчата взаємодія гідронімів і ойконімів у топонімійному контексті Слобожанщини» посвящена вопросам топонимической метонимии. Автор доказывает, что перенос названий смежных объектов по модели "гидроним – ойконим / ойконим – гидроним" регулируется экстралингвистическими факторами и может иметь одну, две или три степени перехода.

Небольшая заметка И. В. Ефименко «Українські прізвищеві назви XVI ст. на -енк(о) (етимологічна інтерпретація)» посвящена трём украинским фамилиям – *Бобруєнко, Заторенко* и *Кораченко*, которые, по мнению автора, интересны прежде всего с позиций их происхождения и первичной семантической мотивации антропооснов. В статье осуществлена попытка проанализировать архаические фонетические явления в структуре антропонимов и восстановить семантическую мотивацию антропооснов.

В статье И. В. Бойчук «Личные имена французского языкового коллектива и некоторые вопросы их адаптации в русской и украинской языковой средах» рассмотрены распространённые во французском языковом коллективе личные имена, гипокористики и прозвища в связи с необходимостью их передачи по-русски и по-украински. Описаны сложности передачи, связанные с отсутствием единых правил транслитерации.

В работе В. А. Кравченко «Фамилии и прозвища греков в посёлке Старобешево Донецкой области» представлена часть антропонимической системы приазовских греков, связанная с территориальным и этническим факторами и несущая поэтому ценную лингвистическую и культурно-историческую информацию. Весь материал был собран автором посредством анкетирования местного населения в 1998 году и описан тремя группами: «Официальные фамилии», «“Уличные” фамилии» и «Личные прозвища». В официальном фамильном репертуаре коренных жителей греческой национальности автором обнаружены: 1) отыменные по происхождению фамилии на основе крестильных христианских имён и частично на основе общехристианских и библейских имён крымских греков, 2) отпрозвищные фамилии, восходящие к описательным прозвищам, обозначающим реальные признаки именуемых лиц. По форме практически все официальные фамилии греков посёлка Старобешево оформлены в соответствии со стандартной русской патронимической моделью. Заметного влияния украинской антропонимической системы на формирование “фамильника” греков автором статьи обнаружено не было, за исключением фамилии *Ткаченко*, являющейся целиком заимствованной единицей. Отдельную группу составили тюркские непереоформленные личные имена в фамильной функции. “Уличные” фамилии старобешевских греков – это наследственное родовое прозвище, причём каждый род, сколько бы семей в него ни входило, имеет свою постоянную уличную фамилию. В отличие от официальных, все без исключения уличные фамилии – греческого происхождения. Основную часть уличных фамилий составляют онимизированные апеллятивы. Автором отмечен факт наличия в прозвищном арсенале такой специфической производящей базы, как обценная лексика. Все уличные фамилии появились, как правило, в результате онимизации непереоформленных апеллятивов, а часть в результате трансонимизации – перехода топонимов и личных имён в прозвища. Особую группу составляют личные прозвища. Их сложно собирать в силу того, что они, как правило, табуированны для именуемых: кличками называют человека “за глаза”. Однако семантика индивидуальных именованных, как правило, прозрачна. Автором представлены обнаруженные типы тем или иным образом мотивированных кличек.

В статье Е. С. Отина «Материалы к словарю коннотативных собственных имён (буква А)» описаны коннотативные свойства следующих онимов: *Абрам, Абрамович, Август, Австралия, Автомедон, Агафон, Адам, Адонис, Азеф, Азия, Айболит, Акулина, Акулька, Акуля, Алёха, Алёша, Алёшка, Ален Делон, Алик, Алкивиад, Алкид, Алтай, Альфонс, Алые паруса, Аляска, Америка, Амур, Амфитрион, Ананий, Аника, Андрон, Аноха, Антон, Антошка, Аполлон, Аполлон Бельведерский, Аракчеев, Арарат, Арбат, Аргус, Аред, Арина Родионовна, Аристарх, Аристид, Аристотель, Аркадия, Армагеддон, Артюха, Артюшка, Асмодей, Аспазия, Атлантида, Афанасий, Афины, Афонька, Афоня, Африка, Ахрамей, Ахреян, Аякс*. Отмечу, что эти имена составили впоследствии основной корпус коннотативных онимов в изданном позднее словаре, однако словарные статьи в большинстве своём впоследствии редактировались и пополнялись новым материалом. Появились и несколько новых словарных статей на букву А.

Г. Лукаш в статье «Роль символьного значения історичного ономастикону в сучасній українській поезії» познакомила читателей сборника с наблюдениями за функционированием исторических собственных имён в современной украинской поэзии. По справедливому замечанию автора, символическое значение, присутствующее в исторических именах, гораздо рельефнее высвечивает все грани их коннотаций. Материал статьи составили произведения, опубликованные в 1990–1999 годах в «Літературній Україні» и «Донецчині». Автором описаны традиционные символические онимы и новые онимные единицы, получившие в сознании современников символическое значение и использованные с различными целями поэтами Украины. Основной вывод автора касается символьной семантики исторических онимов, которая в художественных текстах способна передавать широкий спектр значений, ориентированных на перестройку структуры в направлении к обобщению.

Э. В. Боева опубликовала статью «Номінаційне поле у контексті художнього простору оповідань Б. Грінченка», теоретическим базисом которой являются утверждения, касающиеся ценности номинаций, которые ярче всего фиксируют индивидуально-авторские особенности художественного письма. Среди положений, выдвигаемых автором, имеются касающиеся “неслучайности” любых онимных единиц в художественном произведении, что показано на примере употребления в одном из рассказов Б. Гринченко кинонима *Катай*: «Що може дати цей онімний компонент у даному творі? Безперечно, він з’являється далеко не випадково. Це не лише фоновий онім, не лише експресивний фактор ХТ. Це проявник настроєності персонажів, показчик позитивної чи негативної тональності, пов’язаної з головним персонажем» [Боева, вып.

6, с.159]. Это и другие мнения автора статьи подкрепляются обширным цитированием анализируемых произведений.

Статья горловчанки Н. И. Ивановой «Текстообразующая функция вариативных способов именования персонажей (на материале произведения В. Аксёнова)» в рамках сборника стала ещё одним подтверждением стремительного развития “литературно-ономастической” ветви Донецкой ономастической школы. Замечу, однако, что это было время, когда в деятельности в будущем “поэтонимологов” ещё не созрело желание, да и возможности, каким-то образом обозначить “своё лицо” в рамках научного направления. Е. С. Отин как руководитель, считавший, что любые новации вначале должны отстояться, получить широкое признание, а уж потом выдвигаться в качестве положений, поддерживаемых школой, не только не стремился к единообразию, но, наоборот, приветствовал разнообразие взглядов. Однако и хаоса, разнобоя, противоречивости в рамках конкретных публикаций не допускал. Н. И. Иванова, опираясь на авторитетное мнение Л. Я. Гинзбург о способности собственных имён концентрировать в себе сущность образа, показала, что развитие образов персонажей на протяжении повествования приводит к осложнению семантики, смещению в зону ядра коннотативных свойств и вытеснению на периферию социального и денотативного значений. По сути, это положение применительно к коннотонимам было сформулировано Е.С. Отиным лет за пятнадцать до появления статьи Н. И. Ивановой, но по отношению к поэтонимии использовалось впервые и получило подтверждение при анализе разнообразных именовании одного и того же персонажа в творчестве В. Аксёнова. Автор статьи далее предложила к обсуждению получивший относительную распространённость термин “вариант собственного имени” и сформулированное В. Н. Михайловым положение о контекстной синонимии и “фразосхемах” именования, выразила собственное отношение к дискуссии и предложила относить все оттенки смыслов номинативного ряда, именующего конкретный персонаж, к семантике “первичной” антропонимной единицы, становящейся символическим воплощением образа.

В статье Порпулит «Христианізація ономастичного простору чарівної казки» был описан механизм сосуществования языческого и христианского именников на примере женского антропонимикона украинских и русских волшебных сказок или, точнее говоря, трансформация языческих по происхождению фольклорных текстов под давлением церкви в тексты “христианизированные” за счёт преобразования состава и свойств собственных имён. Автору удалось показать, что фольклорные тексты экстенсивно используют лишь отдельные имена,

которые “скрыли” связь с древнейшими языческими именами и духовным миром славян.

Т. И. Крупенёва в статье «Ономастичний простір драматичної поеми «Кассандра» Лесі Українки» коснулась ранее не обсуждавшихся проблем анализа поэтонимосфер (этот термин поэтонимологии она не использовала) драматических поэм выдающейся украинской писательницы. Именно подход к совокупности собственных имён, функционирующих в драматической поэме, как к системному образованию в рамках целостного произведения позволил выявить оппозитивное строение ономастикона поэмы в целом (и антропо-, и топонимического). Автором статьи была показана индивидуальная и групповая оппозитивность антропонимного слоя поэмы, что, по сути, было первым шагом к осмыслению системности поэтонимосфер художественных произведений как явлению универсальному.

С. А. Реммер статьёй «Употребление хрононимов в тексте литературного произведения» продолжил линию исследования хрононимии в различных условиях функционирования. Исследователь попытался показать, что отражающие историю и культуру народа и, более того, человечества хрононимы наиболее полно реализуют свои потенции именно в текстах литературных произведений. Следует, однако, отметить, что анализы автора статьи не имели как-либо выраженной литературоведческой направленности. Поэтому определения и выводы носили подчёркнуто ономастическую направленность: хрононимы, по его мнению, 1) способствуют восприятию описываемых событий в определённой хронологической последовательности; 2) употребляясь в качестве временных вех, могут отражать очерёдность хозяйственных дел; 3) могут быть ориентирами крестьянского календаря. Исследователь отметил, что, благодаря контексту, хрононим может восприниматься двойственно: как событие, имеющее чёткие временные границы, и как его национально-культурное наполнение. Было отмечено, что преобладание событийного компонента лежит в основе индивидуально-авторских квази-хрононимных наименований. А в речи персонажей форма хрононима становится показателем принадлежности говорящего к определённому социальному кругу, сфере деятельности и др. Отдельно были рассмотрены случаи функционирования “свёрнутых” и плюральных форм хрононимов.

Раздел сборника, посвящённый лексикологии и фразеологии, открыла статья И. Г. Добродомова «Каламбуристий фразеологізм “строить куры”». В ней на ряде примеров из художественной литературы (притчи «Шалунья» А. П. Сумарокова, стихотворения «Дружеская беседа» П. А. Вяземского, «Наставления гр<афине> Р<астопчиной>» И. П. Мятлева, «Эпиграммы № II» Козьмы Пруткова, «Народной

притчи» П. В. Шумахера и др.) показана история распространения, а впоследствии забвения фразеологического оборота “строить куры” со значением ‘ухаживать за женщинами’. По мнению автора статьи, устареванию фразеологизма “строить куры” способствовала контаминация с близким по смыслу фразеологизмом “завести шуры-муры” и оборотом “строить глазки”.

Г. П. Цыганенко в шестом выпуске сборника опубликовала размышления «О лексическом и лексемном значениях слова». По её мнению, понятие “лексическое значение” таит в себе двуплановость понимания – частное и общее. Оба значения имеют право на существование. Однако необходимо их чётко разграничивать. Для обозначения семантики отдельно взятого слова (лексемы) предлагалось понятие и термин *лексемное значение слова* и была предложена классификация лексемных значений на референтные и нереферентные. Первые присущи знаменательным словам. А нереферентные лексемные значения предлагалось разделить на четыре группы: 1) реляционные лексемные значения; 2) дейктические (указательные) лексемные значения; 3) модальные лексемные значения и 4) сигнальные лексемные значения.

В 2000 году ушла из жизни жена и соратник Е. С. Отина Нинель Витальевна Максимова. Её памяти был посвящён сборник «Филологические исследования», ставший впоследствии первым на филфаке сборником универсального характера. В нём “на равных” стали публиковаться и лингвистические, и литературоведческие, и методические работы. К. В. Першина свою статью «О семантико-коннотативном объёме лексемы *журавль* в русском языке» памяти Н. В. Максимовой опубликовала в шестом выпуске ВУЛСа. В ней на примере одной лексемы рассматривался сложный вопрос взаимодействия литературного языка и языка художественной литературы. Остановлюсь на ней подробнее, поскольку в неявной форме в этой статье присутствуют мысли, “созвучные” ряду положений поэтонимологии, трактующих взаимодействие собственных имён в рамках поэтонимосферы художественного произведения с языковой системой и культурно-языковой средой описываемого в литературно-художественном произведении периода. Основываясь на том, что семантическое развитие слова является результатом его взаимодействия и взаимопроникновения в различные сферы функционирования, К. В. Першина подвергла анализу содержательные преобразования лексемы *журавль*. Ономаσιологический подход дал основания для признания того факта, что “птица как признак номинации” может рассматриваться в соположении с рядом других объектов, а также выделить постоянно актуализируемую в поэтической речи цепочку «человек – птица – природные стихии», которая, по мнению автора статьи, является одной из констант, организующих самосознание

человека в потоке бытия и запечатлённых в различных сферах русской языковой системы: 1) в сочетаемости одних и тех же глаголов и отглагольных существительных с лексемами, входящими в семантические поля “человек” и “птица”; 2) в обозначении лиц путём использования названий птиц; 3) в использовании “птичьих” фразеологизмов для характеристики человека; 4) в обозначении действий человека глаголами, соотносящимися с миром птиц; 5) в использовании “птичьих” сравнений для обозначения реалий и понятий, имеющих важное значение для человека, и, наконец, 6) в создании фамилий, в основе которых лежат названия птиц. Дальнейшее содержание статьи составили наблюдения функционирования лексемы *журавль* в языческой по происхождению обрядовости, в мировоззренческой стороне пословиц с этой лексемой, в народном поэтическом сознании и художественной литературе (по большей части, на материале творчества С. Есенина), в явлении символизации образа *журавля*.

Статья Н. Б. Клименко «Дублетно-синонімічні назви фартуха в східно степових говірках» посвящена представлению результатов изучения лексических дублетов названия передника (фартука) – предмета преимущественно женской одежды, предназначенного для защиты основной одежды от загрязнения при выполнении хозяйственных работ. Результаты представлены типологизацией говоров на основе номинации одной реалии, что, по мнению автора, свидетельствует о богатстве и разнообразии синонимических способов выражения.

Работа О. В. Тищенко «Ономасіологічна та семасіологічна характеристика слов'нської обрядової термінології (на матеріалі номінації сімейної обрядовості)» представляет контрастивное лексико-семантическое исследование обрядовой терминологии. Результаты получены при соотнесении внутренних форм терминов с мифолого-семиотическим членением обрядового континуума в процессе моделирования семиотических связей и словообразовательных гнёзд культурной лексики.

Лексико-семантическая группа глаголов речи в сопоставительном аспекте как объединение близких по значению слов, консолидирующихся вокруг базовой лексемы, представлена А. Р. Керопьян в статье «Ядро лексико-семантической группы глаголов речи (на материале русского и английского языков)». Противопоставляя глагол “говорить” другим членам ЛСГ, исследовательница пришла к выводу, что сложный процесс речевого общения включает в себя различные элементы речевой ситуации, понятия “говорящий” и “слушающий”, содержание и цель говорения. Было выделено четыре подгруппы глаголов речи: *общение, сообщение, инструктирование* и *эмоциональное воздействие*. В словарях дефиниции глаголов говорения конкретизируют содержание высказывания, манеру говорения, эмоции говорящего и т. д. В ходе анализа

словарных определений глаголов речи и их конкретных употреблений выяснилось, что в ядро ЛСГ глаголов речи входят также глаголы, имеющие отношение к “регламенту” диалога. В целом в сопоставляемых языках ядро ЛСГ глаголов речи является сложным образованием, включающим базовые глаголы *говорить, сказать, произносить* (*say, tell, utter, pronounce, phrase, voice*), глаголы, конкретизирующие манеру произнесения реплик или имеющие отношение к способу ведения диалога.

Третий раздел сборника составили работы, посвящённые этимологии и истории слов. Его открыла статья О. П. Карпенко «До етимології поліськ. *Gam'ina*». Это полесское слово, обозначающее скрученную ветку для перевязывания плотов, привязывания жердей к столбам, скрепления различных предметов, не исследовавшееся этимологами, гипотетически квалифицировалось как слово славянского происхождения. Автор статьи, соглашаясь с авторами гипотезы, возражает, однако, против тезиса о том, что уже в праславянском языке слова, однокоренные исследуемому, имели разное качество корня. Приведённый в статье материал позволил автору отести полесское *gam'ina* по общеславянским семантическим признакам к древней основе **gьl-t-* индоевропейского гнезда **gel-*.

А. И. Илиади в статье «До реконструкції та генетичної інтерпретації деяких слов'янських лексем» представил мнение относительно этимологического гнезда корня **ver-*, сохранившего в праславянском языке семантические параметры, сложившиеся в нём ещё в индоевропейский период. В комплексе они формировали базу номинации совокупности предметов, характеризующихся деформированностью, изогнутостью, кривизной.

Свою статью в этом сборнике Е. С. Отин посвятил этимологии украинского слова *тощо*. Это слово, входящее в синонимический ряд, состоящий из словосочетаний, завершающих перечисление, в период возникновения имело, по мнению автора, конкретное смысловое содержание, которое впоследствии частично “обесцветилось”. Структура слова *тощо* прозрачна: соположение указательного местоимения *то* и относительного *що*. Между ними никогда не существовало синтаксической связи. Задачей работы было выяснение причин лексикализации этих соположенных местоимений. По мнению автора статьи, вначале слово *що* вносило в словосочетание *то-що* смысловой оттенок неточности, неполной ясности и определённости. Ослабленная смысловая определённость сочетания нашла отражение в фольклоре, стала предметом смысловой игры. “Экспрессивное словосочетание *то що*, со временем ставшее юкстапозитивным словом *то-що*, в дальнейшем претерпевает новые изменения <...> расширяет сферу употребления,

становится нейтральным <...> превращается в цельное слово” [Отин, вып. 6, с. 258]. Изменился и его орфографический облик.

Раздел «Словообразование» открыла статья О. Е. Ольшанского «Фазы (этапы) соединения морфем производных в русском языке». В ней автор проследил словообразовательное наслоение и последующее слияние морфем в производящем-производном на материале анализа некоторых существительных. При этом основным механизмом в процессе словопроизводства объявлялось опрощение, поэтапная интеграция морфем в процессе употребления слов. В зависимости от количества фаз изменения морфемной структуры слова рассматриваемые слова были разделены на группы с одной или двумя фазами опрощения. Деривационная цепочка из трёх звеньев была прослежена при анализе русского по происхождению слова *папоротник*.

Статья Л. Ф. Компанцевой «Языковая игра как механизм формирования компьютерного сленга» обозначила ведущей тенденцией в изобретении слов, составляющих ныне компьютерный сленг, языковую игру, испытывающую мощное влияние творческой природы компьютерного программирования и подвижность его языков. Среди тенденций формирования компьютерного сленга отмечены: 1) установка на парадоксальное толкование слова путём прояснения или неузуальной интерпретации его внутренней формы; 2) установка на дешифрующую, номинативно ориентирующую функцию внутренней формы; 3) установка на уточнение номинативной функции слова и 4) установка на актуализацию ассоциативных связей; 4) ввод в тексты речь компьютерных команд.

В раздел сборника «Грамматика» вошли три работы. Статья Н. А. Луценко «К вопросу о сущности локатива» посвящена предложному падежу, который, по мнению автора, представлен в грамматической литературе в основном описательными работами. Острие критического анализа направлено автором на принципиальную недостаточность указания на термины “местный падеж”, “локатив” или “предложный падеж” при игнорировании аспектов семантики и взаимоотношений с другими падежами. Он отметил, что исследователей, решивших заняться изучением падежей и взаимоотношений между падежами и предлогами, подстерегают две трудности: 1) сложность совмещения друг с другом критериев формы и критериев функции; 2) трудности, связанные с разграничением случаев, когда падеж является формой предлога, а когда, наоборот, предлог является формой падежа. По мнению Н. А. Луценко, зафиксированные в древних памятниках формы локатива и их современные соответствия, совпадающие с формами множественного числа, являются одновременно и древнейшими (начальными) формами женского рода. Это “вопреки-компаративистское” утверждение позволило

автору установить, что историческая специфика местного падежа в одной своей части состоит в том, что исходно этот падеж был ориентирован на начальную форму имени (*на -i*), которая была одновременно и формой женского рода, и формой собирательности. Дальнейшие рассуждения автора связаны с анализом синтаксических связей локатива, что позволило ему характеризовать локатив не только и не столько со стороны формы, сколько со стороны понятийной и функционально-смысловой семантики. Это 1) обозначение не участвующей в действии субстанции; 2) имя или сочетание предлога с именем, характеризующееся в предложении связью “примыкание”; 3) синтагма, в которой предлог и флексия изосемантичны и изофункциональны, в силу чего нередко оказывается достаточным использование только одного из этих средств. Основной вывод автора связан с доказательством того, что собственно локатив со связью “примыкание” можно считать явлением архаичным, потенциальным падежом, лишь в отдельных случаях обозначающим субстанцию. Однако следует помнить, что по исходной своей сущности это примыкаемая, а не управляемая форма, т. е. не падеж.

А. А. Лучик в статье «Відображення буденної свідомості прислівниковими еквівалентами слів російської мови» показала, что усовершенствование естественного языка осуществляется в процессе осмысления принципов и закономерностей опредмечивания сознания. На материале наречных форм русского языка доказывается, что язык непрерывно стремится к усовершенствованию способов передачи смыслов, а это в свою очередь ведёт к тому, что создаются единицы, референцирующие появление новых представлений, которые появляются в процессе “опытного” постижения мира. Для бытового сознания характерна не столько фиксация определённых фактов, сколько субъективно-оценочное отношение к ним, что и демонстрируют исследованные наречные эквиваленты, к внутреннему составу которых относятся интенсифицирующие элементы, служащие способом усиления действий, состояний, признаков.

В этом же разделе Е. С. Отин разместил вторую статью А. Р. Керопьян «Засоби передачі видового значення в англійській мові (на матеріалі дієслів мовлення)». По мнению исследовательницы, категория вида глагола демонстрирует связь морфологии с лексической семантикой. В русском языке для выражения видового значения существует система морфологических средств. В английском же категория вида отсутствует. По мнению автора статьи, сформировавшегося под влиянием взглядов некоторых лингвистов и собственных наблюдений, видовые значения многократности, длительности, повторяемости, мгновенности, результативности, завершённости и незавершённости передаются в английском языке или с помощью специальных

морфологических и лексических средств (временной формы *continuous* или *simple*, сочетаний глаголов чувственного восприятия с деепричастием настоящего времени, модальных глаголов *would / used to* с инфинитивом, глаголов *keep / go on* с герундием, или сообщаются слову с помощью контекста.

В раздел «Стилистика» были помещены статья А. Р. Габидуллиной «Анекдот с точки зрения прагмалингвистики» и работа О. А. Жижомы «Функції okazіональних слів у поетичному мовленні». А. Р. Габидулина на материале анекдотов, построенных на диалоге, проанализировала проявления коммуникативной компетенции собеседников и коммуникативного смысла как комплекса интенций говорящего и слушающего. По её мнению, понимание сути анекдота начинается в тот момент, когда слушающий обретает способность сделать смысловой вывод из состоявшейся части сообщения при восприятии поступающей информации и её сознательном или бессознательном сопоставлении: 1) с другими семантическими компонентами и их конфигурациями в речевом сообщении; 2) с элементами содержания личной долговременной когнитивной памяти, релевантными содержанию сообщения; 3) с факторами ситуативного контекста сообщения; 4) с ролевыми характеристиками говорящего и слушающего. В качестве примера импликатур языкового типа автор статьи приводит анекдоты, построенные на основе каламбура. В анекдотах типа “когнитивно-тезаурусный вывод” комичная ситуация создаётся в силу разных причин: 1) несовпадения фоновых знаний коммуникантов, относящихся к разным социальным или этническим группам; 2) описания событий и поступков людей, несовместимых с привычными представлениями о ходе событий; 3) знания некоторых черт характера представительниц женского пола, особенностей той или иной профессии, типичных взаимоотношений в семье и т. д.; 4) обыгрывания представлений собеседников об этикетных нормах. В анекдотах, построенных на основе ситуативно-дейктического вывода, комическое, как правило, строится на нарушении тождества референтов, находящихся в общем поле зрения коммуникантов. Эффект прагматической имплицативности в анекдотах обычно наступает при нарушении разговорных “импликатур дискурса”.

Завершает шестой выпуск ВУЛСа статья О. А. Жижомы, посвящённая анализу экспрессивных возможностей окказионализмов в поэтической речи. Особое внимание автор статьи уделила индивидуальному словообразованию как наиболее выразительному средству проявления авторского стиля некоторых украинских поэтов. Среди описанных способов новообразования значатся создание необычных глаголов: (вереснитися, снитися, лебедіє; заїнилось, зазіміло), использование при этом, например, замены префикса на противоположный по значению

(відпахла, дохотіло), игра с формантами (дощисько, ганьбище), употребление “детских”, уменьшительно-ласкательных суффиксов (американя, сосеняточко, хмаренятко) и т. д. Отдельно рассмотрены случаи создания контаминированных новообразований.

***

Седьмой выпуск ВУЛСа был опубликован в 2001 году. И был он в определённой мере “отинским”. В нём ответственный редактор опубликовал три внушительных по объёму материала. В это время в ряде ВАКовских изданий получило широкое применение аннотаций и рефератов к статьям. Аналогичное решение было принято и Е. С. Отиным. Статьи следовало завершать аннотацией на двух языках: русском или украинском (асимметрично тексту статьи) в сопровождении английской версии. Опыт, однако, признать сразу и однозначно положительным было трудно. Дело в том, что авторы статей в ряде случаев ограничивались расширенным толкованием, а то и просто перифразированием заголовка статьи, что считать аннотацией в подлинном смысле слова было “натяжкой”. Даже Ю. А. Карпенко свою статью, открывающую блок ономастических публикаций, «Ономастичний пошук тривас: міркування про власні назви в романі Л. Костенко “Берестечко”», завершил более чем лапидарной аннотацией: «В статье исследуются художественные функции собственных имен в романе Лины Костенко “Берестечко”». Тем не менее, начало новой форме представления статей в ВУЛС было положено и принесло свои плоды.

Отметив последовательное нарастание онимных средств образности в поэзии Лины Костенко, автор статьи сообщил о трёх случаях “майже виключно онімичної мови” в романе «Берестечко». Поскольку о первой в романе “вставной топонимической поэме” Ю. А. Карпенко написал отдельную статью, здесь он ограничился цифровыми показателями: 61 стих написан при помощи 60 полнозначных и 39 служебных лексем; основу же его составляют 143 топонима. Именно уникальная плотность “онимного письма” и привлекла учёного. Второй “перечень” топонимов знаменует выход героя романа, Богдана Хмельницкого, из депрессии, которую он испытывал после поражения под Берестечком. Написанный в форме молитвы героя отрывок из 22 стихов содержит 33 топонима и два теонима, представленных по большей части в именительном падеже и звательной форме, что подчёркивает особую весомость обращений. Поэтика обсуждаемого в статье второго “ономастического” текста строится, по мнению учёного, не на информации о названных объектах и не на действительных этимологиях топонимов, а на смысле этимологий народных, поэтических. *Добринь, Гординь, Білобожниця, Богодухів, Вознесенка, Богуслав, Тернопіль, Ридомиль, Ташань, Біла Церква, Дивинь, Пуца, Добротвір, Дорожжинка, Мирогоща, Ніжсин,*

Любеч, Мединь, Умань, Горинь, Згубівка, Радомка, Божедарівка, Миролобівка – все эти топонимы, по мнению Ю. А. Карпенко, мастерски размещённые Линой Костенко в соответствующих местах второго “ономастического” текста, делают особо выразительными заключительные стихи:

Ганно-Зачатівко, сина зачни!
В Сумах Твоїх, у Твоім Голосієві –
на весь Хрестипіль, Хрестища, Хрести –
Сина Славутича, сина Месію,
Сина Спасителя!.. А нас прости.

Автор выдвигает и обосновывает любопытные предположения относительно смыслов, вложенных поэтом в эти строки, и переходит к анализу третьего случая использования онимного языка, опирающегося уже на антропонимию. По мнению Ю. А. Карпенко, все три фрагмента романа, написанные “языком онимов”, передают основное интеллектуальное и эмоциональное содержание романа.

Ирина Михайловна Железняк в статье «Про дві давні перекладацькі помилки» обратила внимание ономастов, этимологов и переводчиков на ошибочное осмысление греческого слова τοξότης в «Хрониках» Георгия Амартола и Иоанна Малалы, получившего отражение в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, что привело к некорректному объяснению происхождения названия урочища и поселения **Стрѣльники** вблизи древнего Киева. По её мнению, апеллятив **стрѣльник** создан по устойчивой модели *nomina agentis* для обозначения рода деятельности. Поэтому название урочища и поселения *Стрѣльники* соответствует названиям других древнекиевских поселений, названия которых происходят от профессий жителей: *Гончарі, Кожум'яки, Сокольники, Дегтярі* и т. д. Стрельники же вовсе не стрельцы (воины), а ремесленники, изготавливавшие стрелы.

Статья О. П. Карпенко «SE-префіксальний гідронім на Поліссі» посвящена установлению этимологии полесского гидронима с “мертвым префиксом” *še-* – *Шістень*. Он упомянут только в ряду с несколькими другими славянизмами с конечным гидроформантом *-ень*: *Стрижень, Чертень, Сирень* и др. На основании анализа гидронима *Шістень* исследовательница пришла к выводу о древнем славянском характере названия, а корневое *-стынь* позволило объединить название с непродуктивной основой в полесско-закарпатском ареале и расширить, таким образом, круг соответствующих параллелей.

В статье О. І. Ліаді «Гніздо кореня **verx-* у праслов'янській мові (реконструкція на ономастичному матеріалі)» осуществлена реконструкция комплекса праформ славянского этимологического гнезда с этимом **verx-*. Описание системы его архетипов позволяет реставрировать

отдельные характеристики праславянского словообразования, определить некоторые тенденции относительно закономерностей номинации целых лексических групп. Прояснение всех основных структурно-семантических нюансов действия этой генетической микросистемы, по мнению учёного, способствует систематизации её архетипов.

В статье автора этого обзора (В. М. Калинин) «Формирование конгеративной поэтики компаративов с поэтонимами в творительном сравнения-отождествления» представлены наблюдения над функционированием в художественной литературе сравнительных конструкций с собственными именами (поэтонимами) в творительном падеже и показаны механизмы формирования совокупной семантики и конгеративной поэтики в рамках минимальной модели предикативной единицы со сравнительно-отождествительным компонентом-поэтонимом. Понять их, по мнению автора, значит, по сути, ответить на вопросы: а) что сравнивается? б) с чем сравнивается? в) на каком основании осуществляется сравнение? г) каково влияние значения предикативного компонента на смысл конструкции? д) каким компонентом своей семантики “оперирует” компаратор?

В. А. Кравченко изучала лексико-семантические свойства фамилий приазовских греков-румеев и в своей статье «Лексико-семантические разряды фамилий греков-румеев» представила их характеристики и причины возникновения. В частности, было отмечено, что лексической основой фамильных антропонимов выступают некоторые разряды онимной лексики и семантические группы апеллятивной лексики, характерные для фамильной системы вообще. По этой причине автор статьи предложила разделить фамильные именованья геов-румеев на группы: 1) отыменные фамилии, восходящие к общехристианским крестильным личным именам, греческим и тюркским личным именам; 2) оттопонимические фамилии, отражающие географию различных регионов, где родились или жили до переселения именуемые; 3) фамилии отапеллятивного происхождения, связанные с прозвищами. Отпрозвищные фамилии мотивированы, как правило, физическими особенностями человека. Кроме того, довольно продуктивна группа отапеллятивных фамилий, связанная с прозвищами, дающими качественную характеристику человека (по способностям, привычкам, чертам характера, манере поведения). Отдельную группу составили фамилии, образованные от “анимальных” прозвищ, связанных с названиями животных. Менее продуктивными, но в то же время достаточно распространёнными являются фамильные именованья, указывающие на профессию, род занятий человека. Небольшие группы составляют фамилии, основы которых указывают на этническую принадлежность именуемых, фамилии, раскрывающие семейное положение, свойство,

родство, семейную зависимость. Автор отметила трудности, связанные с описанием значений слов, выступающих антропоосновами фамилий. Их причина – отсутствие в словаре урумских и румейских наречий и говоров, а также естественное исчезновение из лексикона некоторых апеллятивов.

К. В. Першина в статье «Хрононим *вербное воскресенье* в русском языке» выдвинула предположение, что в концептосферу (термин Д. С. Лихачёва) языка наряду с библионимами (названиями литературных произведений) входят единицы других проприальных классов, в частности хрононимы. Основной текст статьи посвящён анализу одного парадигматического ряда, связанного с хрононимом *вербное воскресенье*. *Вербное воскресенье* в церковном календаре именуется *Вход Господень в Иерусалим*. Редуцированное *вербное* сопровождается названиями недели *Вербная*, *Цветоносная*. Ёмким и содержательным является вариант хрононима *Вербины*. В статье на обширном языковом материале, включая литературно-художественный (глава «Вербное воскресенье» романа И. Шмелёва «Лето Господне» и др.), показано, что хрононим *Вербное воскресенье*, с одной стороны, вобрал в себя всё содержательное богатство названия *Вход Господень в Иерусалим* и дохристианские представления, связанные с вербой и её символическими осмыслениями, а с другой – послужил основой для возникновения новых языковых единиц, обозначающих референты, бытие которых совпадает во времени с бытием референта самого хрононима.

Е. В. Киселева в статье «Выражение эстетической категории комического с помощью онимных и отонимных окказионализмов» показала, как в современных средствах массовой информации действуют новообразования от онимной лексики, каким образом они превращаются в достаточно сильное выразительное средство и в рамках авторских текстов способствуют созданию их общей стилистической окраски и способствуют актуализации эстетической категории комического.

В. М. Галич в статье «Структурно-морфологічні й лексико-семантичні особливості ойконімів у легендах і переказах про походження назв сіл Міловського району Луганської області» рассмотрела лексико-семантические особенности некоторых названий населенных пунктов Миловского района Луганской области, отразившиеся в местных топонимических легендах. Всего в статье с лингвистических позиций было рассмотрено 8 ойконимов, после чего исследовательница предложила фольклорные тексты, в которых присутствовало народно-этимологическое объяснение происхождения соответствующих названий. В некоторых случаях они в той или иной степени отвечали реальной ситуации, в некоторых имели варианты легенд. В статье представлены фольклорные материалы о следующих ойконимах: *Безбожнівка*, *Новомикільськ*,

Зоринівка, Діброва, Зориківка (две легенды), *Півнівка* Миловского района Луганской области.

А. В. Чигирева и В. А. Бондарь в статье «Стилистические функции антропонимов в романах Ч. Диккенса “Приключения Оливера Твиста”, “Домби и сын”, “Крошка Доррит”» представили результаты наблюдений над функционированием имён персонажей в названных романах. Определённый интерес представляло то, что экспрессивный и стилистический потенциал онимов авторы не сводили только к значению нарицательных основ, от которых были произведены имена, а и объясняли некоторыми другими факторами. Особый интерес представляли случаи, когда актуализировалось символическое значение антропонимов, этимология которых не коррелировала с образом персонажа. Кроме прочего, авторы обратили внимание на проявления “системности” в антропонимии произведений Диккенса, однако далее указания на один пример [наличие при прозвище *Клеопатра* (*Mrs. Skewton*) имени Антоний (майор Бэгсток)] не пошли.

Е. С. Отин продолжил публикацию материалов к словарю коннотативных собственных имен (буквы *и, к, л*). В словарных статьях характеризовалось смысловое содержание коннотативных собственных имен, которые употребляются в современной русской речи, а также производных от них слов. Были представлены следующие словарные статьи: *Иван, Иван Гаврилыч, Иван Иванович, Иван Иванович Иванов, Иванов, Иванович, Иванушка, Иерихон, Иерусалим, Илья Муромец, Индия, Иордан, Ирод, Иродиада, Итака, Иуда, Иудушка, Ицык, Кабаниха, Казбек, Каин, Камил, Калифорния, Камчатка, Канны, Каранет, Карлсон, Карфаген, Касьян, Квазимодо, Квислинг, Кирилл, Кирюха, Кисловодск, Китай, Китайская стена, Клава, Клара, Клеопатра, Клондайк, Колумб, Коля, Колян, Конотоп, Криворожье, Крез, Кулибин, Кутузов, Лазарь, Лауса, Лапландия, Левиафан, Левша, Лёлик, Лилит, Лиса Патрикеевна, Личарда, Ловелас, Лолита, Луис Альберто.*

Евгений Степанович не ограничился публикацией этого довольно обширного материала, а дополнил его ещё и историко-этимологическим очерком «*Домаха* или *Адомаха?* (из исторической топонимии северного приазовья)». В нём исследовалось происхождение названия старинного казачьего поселения в гирле Кальмиуса, выяснились причины возникновения вариантов этого топонима.

В статье Е. М. Ткаченко «Родові та видові географічні апелятиви в терміносистемі топонімії Слобожанщини» была представлена лексико-семантическая классификация географических терминов, которые являются основой для образования названий селений Слобожанщины как в непереоформленном виде, так и в грамматически видоизменённом, а

также систематизация этой группы апеллятивной лексики в отдельные лексико-семантические ряды.

Раздел сборника «Лексикография» открыла статья И. Г. Добродомова «Кто такой *шаматон*?», в которой рассматривалась история слова *шаматон* / *шаматон*, а также его словарных дефиниций. Активно употреблявшееся русскими писателями XIX века слово к концу века настолько вышло из употребления, что даже известные филологи уже тогда затруднялись дать ему определение. По мнению автора статьи, шаг к правильному толкованию слова сделан в комментариях к «Воительнице» Н. С. Лескова в составе «Полного собрания сочинений в 30 томах», где даётся сочетание правильного толкования синонимом и традиционного: “*Шаматон* – франт, мот”.

Далее Е. С. Отин продолжил знакомить филологов с материалами к словарю субстандартной лексики. Были представлены словарные статьи: 1) На фиг, по фигу, фигня и 2) “Ещё раз о междометии *тю-тю*”. В первой части выяснялось происхождение словоэлемента *фиг*, его роль в составе множества лексических новообразований и жаргонных идиоматических словосочетаний, а во второй были представлены дополнительные сведения о функциональной нагруженности и территориальном распространении в начале XX века междометия *тю* и его деривата *тюкать*.

В. Ю. Дроботенко в статье «Темпоральна лексика східноєвропейських говірок у контексті сімейної обрядовості» показала, что в исследованных говорах длительность времени традиционно измеряется четырьмя способами: 1) днями, неделями, месяцами, годами; 2) календарно – временем года (осень, зима, весна, лето; 3) временем суток (утро, день, вечер, ночь); 4) периодом двух миров (жизни и смерти). Семейная обрядовость характеризуется соблюдением временных границ, которые мотивируются религиозными и народными убеждениями, индивидуально-семейными, морально-психологическими и ситуационными факторами.

Н. С. Арапова в статье «Средостение» исследовала два пути появления в русском языке слова *средостение* – в качестве градостроительного и анатомического терминов. Как термин градостроительства оно этимологически связано с греческим *mesotoichon*, а в анатомическом значении оно навеяно научно-латинским термином *mediastinum*.

В статье В. П. Шульгача «Из русской диалектной лексики. I (*рынок, егутка, егоза, курнопятый*)» представлены этимологические разыскания четырёх русских диалектных слов. Показана многозначность слова *рынок* и отмечены варианты топографической семантики ‘крутой берег, мыс’, ‘песчаная отмель на реке, озере’, ‘остров на реке’, ‘покатый спуск в лощину’ и др. Слово *егутка* в значениях ‘бурлак,

тянущий баржу' и 'наивный, простоватый человек' квалифицировано как потенциальный праславянизм. Слово *егоза* фиксируется в значениях 'торопливый, нетерпеливый человек', 'льстец', 'опухоль на шее у горла животного, затрудняющая дыхание', 'хитрый, изворотливый человек'. По мнению автора статьи, вывод следует из *язога. Слово *курнопятый* 'курносый', – потенциальный праславянизм.

М. Г. Сенив в статье «Семантичний аналіз дієслів динамічної просторової локалізованості у латинській мові» представил семантический анализ глаголов динамической пространственной локализованности в латинском языке. В лексико-семантическом микрополе глаголов динамической пространственной локализованности различаются а) глаголы движения, обозначающие изменение местоположения субъекта в пространстве (доминирующая сема – “двигаться, перемещаться”) и б) глаголы перемещения, обозначающие изменение местоположения объекта в пространстве (доминирующая сема – “двигать, перемещать”). Эти глаголы выделяются из лексико-семантического поля глаголов пространственной локализации на основе инвариантного лексико-семантического признака “изменить положение в пространстве”, по анатомическому признаку “не изменить положение в пространстве”. Указанным признаком исчерпывается значение глаголов *двигаться/двигать, перемещаться/перемещать*, который, в силу такой предельной простоты своей семантической структуры, является самым общим, ядерным членом всего поля.

Л. Е. Шокотько в статье «Дискурсивное слово *же*: семантическое варьирование (на материале житийной литературы XVII века)» описала лексико-семантические варианты дискурсивного слова *же* в Пустозёрском сборнике, представляющем житийную литературу «Житие» протопопа Аввакума, «Поучение аввы Дорофея о любви и обращение Аввакума к “питомцам церковным”», «Житие Епифания» и др.). Исследование контекстов употребления позволило выявить следующие основные сферы её проявления: 1) *же* сопоставительное; 2) *же* связующее; 3) *же* присоединительное; 4) *же* идентификации, или отождествительное; 5) *же* аргументативное; 6) *же* побуждения. Анализ показал, что слово *же* не являлось “пустым” соединительным словом, а имело уже в XVII веке вполне конкретные значения, выявляющиеся при исследовании контекстов.

Н. А. Жданова в статье «Современное терминоведение о соотношении слова и термина» доказывает целесообразность и перспективность интегрального подхода к исследованию соотношения слова и термина в языке.

Раздел «Словообразование» представлен единственной статьёй Л. Н. Ягуповой «Структурно-семантична та фонеморфологічна

характеристика комбинаторных утворень зі значенням пацієнту в середньовісній німецькій мові», посвященній изучению комбинаторных именных производных со значением объекта (пациенса) функционального типа «транспозиция». В работе определено место исследуемой группы существительных, проанализирован количественный состав соответствующих лексем, их структурно-семантические и фономорфологические свойства. Статья содержит иллюстративный материал, подтверждающий теоретические положения исследования.

Раздел «Фонетика и фонология» открывает статья Г. И. Лысы «До характеристики фонетико-орфографічної системи Добрилового Євангелія 1164 р.». В ней рассматриваются некоторые особенности формирования восточнославянской редакции старославянского языка, в частности рефлекс типа *tyrt, **отдельные результаты падения редуцированных** на материале Добрилова Евангелия 1164 года.

Вторая статья раздела «Особенности слогаделения на морфемных стыках (на материале русского языка)» в процессе анализа русских прилагательных демонстрирует особенности выявления слоговых границ на морфемных стыках. В. Ф. Кудрявцева призывает вслед за Е. Куриловичем чётко разграничивать слоговое и морфемное членение, поскольку случаи их совпадения не являются фактами приведения одного членения в соответствие с другим. Вокальное завершение большинства префиксов, а также употребительность глухих согласных в начале корня дают большой процент (84%) совпадений морфемной и слоговой границы в названной позиции, однако это всего лишь часть явления. Автономность префиксов в составе слова приводит к тому, что морфологическое членение часто вступает в противоречие со слоговым.

В статье А. В. Полищук «Системна мотивованість вільного фонемного варіювання дифтонгів: складова та акцентна структури слова» рассматривается связь свободного морфемного варьирования дифтонгов британской и американской произносительных норм с акцентной и слоговой характеристиками слова на материале авторитетных лексикографических источников. Предлагается детальный анализ массива лексики, в котором происходит свободное фонетическое варьирование дифтонгов в зависимости от их слоговой длины. Кроме того, это же явление рассмотрено в ударной и безударной позиции дифтонгов.

В раздел «Вопросы теории языка» Е. С. Отин поместил четыре публикации. Открывает их статья Н. А. Луценко «О безличности», в которой приводятся соображения учёного, направленные на: 1) истолкование безличности в терминах взаимоотношений субъекта и действия; 2) более конкретное определение отношения безличности к ряду семантически близких ей понятий. В частности, учёный показал, что соотносительный с личным безличный глагол отличается характером

реляционного элемента. Он содержит реляцию не к падежу, обозначающему исполнителя ненавязанного действия, а к падежу, обозначающему адресата навязанного действия. Такой получатель действия обычно обозначается формой непрямого падежа с пассивно-субъектным значением. Следствием этого становится возможность понимать и трактовать предложения типа *Меня там не было* в такой же мере двусоставными и расчленёнными, в какой расчленёнными и двусоставными являются предложения типа *Я там не был*. Отдельно в статье рассмотрен вопрос об отношении безличных глагольных форм к залогу. Главный вывод состоит в том, что расхождения между собственно залоговой семантикой и семантикой безличности достаточно значительны и должны быть тщательно изучены.

Статья И. С. Кубрак «Антропоцентризм: метафора и социально-культурный дискурс» посвящена исследованию процессов метафоризации языковых единиц в социально-культурном дискурсе. Анализ метафор выполнен в терминах семантических единиц, которые используются для описания мыслительных процессов и когнитивных значений дискурсивных высказываний. Результаты исследования “поставляют” знания о языке, языковой картине мира человека, взаимодействии языковых процессов и “человеческого фактора”.

С. Н. Кишко в статье «К проблеме соотношения “система – среда” у категории модерации в современном английском языке» рассматривает указанное взаимодействие в русле концепции функционально-семантических полей, в которой выявляется и обозначается центр – функционально-семантическая категория модерации – и периферия – среда – ряд контекстов и элементы разных уровней языка, которые порождают данную категорию. Анализ соотношения “система – среда” осуществляется системно с пониманием значения как функции контекста, причём учитывается не только лингвистический, но и экстралингвистический, общекультурный и социальный контексты. Подробно рассмотрены основные виды функции категории модерации: семантический, ономаσιологический, прагматический, психолингвистический и риторико-прагматический как объективное совмещение соответствующих аспектов семантики в рамках единого семиологического целого.

Свои синтаксические взгляды продолжил представлять А. П. Загнитко. В статье «Семантичні класи українських складнопідрядних речень: підходи, типи і різновиди» он рассмотрел проблемы классификационных основ украинских сложноподчинённых предложений, определил сущность семантически элементарных / семантически неэлементарных, формально элементарных / формально неэлементарных предложений, коммуникативные типы

проанализированных предложений, установил значимость семантической дифференциации украинских сложноподчинённых предложений.

Раздел седьмого сборника «Вопросы прагмалингвистики» составили четыре статьи. Т. Н. Лифшиц в статье «К вопросу о жанровых разновидностях рекламных текстов» представляет два направления решения вопроса о жанровой отнесённости рекламных текстов. С лингвистической точки зрения рассмотрены такие жанры, как объявление (информирующее, убеждающее, воздействующее), рекламная консультация, рекламное интервью и другие публицистические жанры, адаптированные к условиям рекламного функционирования. С точки зрения прагматики, реклама – это единый языковой жанр, который понимается как вербальное оформление типовой ситуации социального взаимодействия людей.

А. Р. Габидуллина в статье «Вопросительные предложения в романе М. Булгакова “Мастер и Маргарита”» использовала прагмалингвистический подход для изучения функций вопросительных предложений как средства речевой характеристики персонажей. По её мнению, стандартным типом вопроса является речевой акт, имеющий место в ситуации, когда говорящий не знает ответа, хочет его знать и предполагает, что тот, кому адресован вопрос, знает ответ. Составляющие ядро функционально-вопросительного поля моноиллокутивные квеситивы в романе М. Булгакова представлены редко, равно как и полииллокутивные квеситивы с эксплицитными и имплицитными показателями. Автор статьи обнаружила в романе Булгакова так называемые сложные речевые акты. В них поля квеситивности пересекаются с другими иллокутивными полями: экспрессивности, констативности, директивности и фатичности. Наиболее частотны в романе речевые акты с экспрессивами. Практически все речевые акты пронизывает ирония. Некоторые вопросительные предложения выступают в роли метакommunikативов, отмечены менасивы и директивы (прогибитивы и реквестивы).

О. П. Чекулай в статье «Типи реакцій на інтерогативні висловлювання звинувачення» проанализировала интерактивный аспект интеррогативных высказываний обвинения в современном французском языке. В результате исследования установлено, что интеррогатив-обвинение является особым речевым средством, которое регулирует интеракцию между обвиняющим и обвиняемым и заставляет отвечающего осуществлять выбор конъюнктивных или дизъюнктивных стратегий речевого поведения. Вопросительное высказывание обвинения определяет направленность межличностной коммуникации, а также тип совместных реакций коммуникантов. В статье выделены такие типы реакций на интеррогатив-обвинение, как согласованность,

отсрочка, конкуренция, переспрашивание, игнорирование, побуждение, проявление эмоциональности.

На материале, полученном при анализе сатирической прозы, И. В. Розова в статье «Роль коннотации в достижении сатирического эффекта» попыталась раскрыть характер и основную сущность возникновения коннотации в сатирических произведениях английской художественной литературы XX столетия, исследуя её на лексическом и синтаксическом уровнях языка.

Две статьи сборника составили рубрику «Сравнительно-сопоставительное языкознание». Ш. Р. Басыров в статье «Немецкие рефлексивные глаголы и их соответствия в украинском языке» осуществил контрастивный анализ немецких и украинских рефлексивных глаголов, образованных способом одновременного присоединения к первичной основе или префикса и рефлексивного элемента, или префикса и суффикса вместе с рефлексивным элементом. Подобные конфликтные рефлексивные глаголы исследованы с позиций частичной припадежной первичной основы. В каждом из сопоставляемых языков обнаружены смысловые группы конфликтных рефлексивных глаголов, не отмеченные в другом. Определена продуктивность смысловых групп отглагольных конфликтных рефлексивных глаголов.

Статья Н. А. Жихаревой «Суб'єктно-предикатні відносини в інформаційно-знаковому аспекті (на матеріалі англо- та україномовної художньої прози XIX – XX століть)» устанавливает количественно-качественное, или “квалиметрическое” распределение синтаксической информации между составами субъекта и предиката простого двусоставного предложения языков номинативного типа (украинского и английского); раскрывает тенденции в исторической динамике категории “субъект – предикат” и с определённой степенью достоверности прогнозирует структуру и относительный объём составов, а в отдельных случаях даже типовое значение предложения. Отсутствие чёткого соотношения между средней длиной субъекта и предиката и их структурно-семантическими особенностями рассматривается как отклонение от основного принципа иконизма.

Раздел «Из истории русского языкознания» открыла статья признанного лидера лингвисториграфических исследований на Украине В. А. Глущенко «Учёные Московской школы об историческом и описательном изучении языка». В ней отмечено, что доминирующим в сравнительно-историческом языкознании первой половины XIX века был подход, понимающий языкознание как историческую науку, предметом которой является человеческий язык и его история. Новый взгляд, сформировавшийся в компаративистике в трудах учёных Московской школы, по мнению автора статьи, провозглашает научным не только

историческое, но и описательное (статическое) изучение языка. При этом, к примеру, А. А. Шахматов ставил знак равенства между понятиями исторического изложения и объяснительного изложения. Несколько иначе понимал это соотношение Н. Н. Дурново, считавший, что статическое изучение более независимо от исторического и более ему противопоставлено. Вместе с тем Н. Н. Дурново не соглашался с абсолютным характером противопоставления синхронии и диахронии, присущим концепции Ф. де Соссюра.

Замыкает раздел и сборник в целом статья О. Е. Ольшанского «Значение трудов К. Ю. Аппеля и А. И. Анастасьева по словообразованию». В ней раскрыто значение для исторического словообразования трудов двух талантливых учёных, представлявших Казанскую лингвистическую школу.

***

Приступая к формированию восьмого выпуска ВУЛСа, Е. С. Отин предпринял очередной шаг по совершенствованию формальной структуры публикаций. Наличие вторичных источников информации (аннотации, реферата, ключевых слов) при опубликованном в сборнике материале открывало возможности для экономного(!) информирования научной общественности о новых работах учёных-лингвистов, в первую очередь о работах ономастического направления, в том числе о трудах представителей Донецкой ономастической школы, которое оставалось для ответственного редактора сборника приоритетным. Появилась возможность не только передавать эту информацию в реферативные журналы и библиографические указатели, но и размещать её в интернете на различных сайтах. Кроме того, в сборнике началось информирование коллег об авторском коллективе, принимавшем участие в создании выпуска. Представлялись: фамилия, имя и отчество автора, его научные регалии, сообщалось место работы и занимаемая должность, давались домашний и служебный адреса, домашний и служебный телефоны. Позднее появились данные об электронных адресах. При этом обязательным считалось только информирование об имени и отчестве автора. Эта новация способствовала установлению новых и укреплению уже имевшихся контактов, повышала мобильность научного обмена.

Восемнадцать публикаций раздела «Ономастика» открывала статья автора обзора (Калинкина В. М.) «Тайный смысл их царственных имён», посвящённая Юрию Александровичу Карпенко – «первому “космономасту”» Украины. Исследование функций космопоэтонимов показало, что эта группа онимов вместе с апеллятивом “звезда”, его производными, контекстными синонимами, дескрипциями и перифразами широко использовалась И. А. Буниным в поэзии и

прозе. Космопозтонимы занимают важное место среди семиотически-ценностных антиномий и категорий “авторской онтологии”, входят в систему образности, продуктивно и своеобразно участвуют в формировании художественной картины мира выдающегося русского писателя. Поскольку в тексте публикации содержался ряд утверждений, нуждающихся в дальнейшем прояснении, она была завершена следующим выводом: «Можно строить сколько угодно как угодно достоверных предположений относительно того, почему И. А. Бунина, всегда придиричиво и строго отбиравшего средства выразительности, откровенно не любившего “литературность” и связанные с ней излишества, так волновал смысл “царственных имён” космических объектов, которые он особенно щедро использовал в поэзии. Но когда знаешь, что писатель всю свою жизнь стремился проникнуть в тайны человеческой души, то, может быть, не самым неправильным среди прочих будет и ответ, заключённый в последних стихах <...> “Летней ночи”: /Прекрасна ты, душа людская! Небу / Бездонному, спокойному, ночному, / Мерцанью звёзд подобна ты порой/» [Калинкин, вып. 8, с.17-18].

Вторая статья “космонимического” блока «Звёздное небо Донского края» была представлена одесситкой Л. Ф. Фоминой. В ней анализировались русские народные названия Большой Медведицы, Млечного Пути и других космических объектов, зарегистрированных в “Словаре русских донских говоров”. По словам автора статьи, она была продолжением темы “Народная астрономия в говорах Воронежской области”, начатой Г. Ф. Ковалёвым на страницах ВУЛСа в 1998 г. Как показали наблюдения, наименования Большой Медведицы группировались вокруг семантики “повозка” (*Арба, Воз, Возило, Возилка, Возок, Повозка, Телега*). Любопытно, что в речи донских казаков бытовали и названия деталей “небесной повозки” – *колёса, дышло, чепига*. Млечный путь именовался словосочетаниями со вторым компонентом “дорога” (*путь, дорога, шлях, дорожка*). На народную космонимию Донского края оказали влияние и украинские космические номинации.

Э. А. Кравченко в статье «Коммуникативно-прагматическая обусловленность личных номинаций романа В. Набокова “Приглашение на казнь”» предложила анализ онимных и безонимных номинаций в романе с опорой на коммуникативно-прагматические пресуппозиции говорящего и денотаты имен. Исходя из предложения Л. В. Лисоченко относительно включения в способ осмысления денотата социальных, национальных, возрастных и других коммуникативно-прагматических факторов, автор статьи показала, что выявление коммуникативно-прагматических пресуппозиций способствует экспликации содержания вариантов собственных имён персонажей, дополняющих и раскрывающих

семантику “первичных” (под которыми понимаются наиболее полные формы) именованій персонажей. Это в свою очередь является продуктивным для антиутопического уровня интерпретации произведения.

Воронежский исследователь М. А. Ююкин в статье «Древнерусские топонимы с основами тюркского происхождения на территории Украины» рассмотрел этимологии некоторых древнерусских топонимов с основами тюркского происхождения, первые упоминания которых в письменных источниках датируются периодом до конца XIII в. включительно и которые локализованы в границах современной Украины. Среди них проанализированы *Бяхань / Вьяхань, Дегинь, Евханьць, Кобоудь, Корань, Кучарь, Кучелминь, Мелтеково, Удечь, Чапчакла* и *Шелво*. По мнению автора статьи, рассмотренные названия, несмотря на свою немногочисленность, дают вполне адекватное представление об общих характерных чертах древнерусской топонимии, мотивированной тюркскими основами.

Е. М. Ткаченко в статье «Форми зв'язку апеллятивної та ойконімної лексики (в межах Слобожанщини)» рассмотрены различные точки зрения учёных на топонимизацию географических апеллятивов, а также проанализированы связи этой группы лексики с ойконимами на разных уровнях топонимического словообразования.

Л. В. Стоколос в статье «Морфологическая адаптация английских сложных топонимов в русском языке второй половины XX века» предложила результаты изучения морфологической адаптации английских топонимов в русском языке. Рассматриваются особенности склонения и графического оформления английских наименований, встречающихся в периодических изданиях.

Л. М. Бражник в статье «Графическое и фоно-графическое освоение немецких топонимов русским языком XVIII в.» рассмотрела вокальные и консонантные субституции, которые позволяют сделать следующий вывод: в XVIII в. при заимствовании немецких топонимов русским языком имели место две модели их освоения – графическая и фоно-графическая.

Аспирантка Е. С. Отина Чжоу Шао Бо в статье «О типологическом сходстве русских и китайских хрононимов» отметила важнейшие факторы, позволяющие типологически сравнивать хрононимы русского и китайского языков, и выявила ряд типологических сходств данных онимных классов в указанных языках.

Е. Н. Белицкая в статье «Синтаксичні та номінативні моделі конотативних онімів» изложила результаты исследования особенностей синтаксической сочетаемости коннотативных онимов. Анализ имел целью обнаружение отличия между онимами с дополнительными коннотативными значениями и “чистыми” собственными именами на

синтагматическом уровне. В результате выявлены основные модели сочетаемости в разных типах контекстов. Рассмотрен номинативный аспект коннотативной проприальной лексики, проанализированы типы номинаций, их специфика.

Н. И. Иванова в статье «Об активизации семантической перспективы онимов» рассмотрела проблемы функционирования собственных имён и семантики коннотативных онимов, а также осуществила попытку раскрыть механизмы коннотонимизации ингерентных *poen propra*, изучала референтную синсемантическую номинаций персонажей художественных произведений, выявляла концепты у онимов, что позволяет, по мнению автора, им самим формировать суггестивно-образные связи, становящиеся ядром семантики. А возникающая при этом смысловая перспектива выводит оним за пределы первоначальной номинативно-выделительной функции.

Е. С. Синенко в статье «Структурно-семантические типы экклезионимов в Иоасафовской летописи» на материале экклезионимного “среза” (132 лексические единицы) первой половины XVI века в Москве рассмотрела структурно-семантические типы экклезионимов, особенности сочетаемости компонентов в структуре экклезионима, а также варианты экклезионимов и особенности их функционирования. Были выделены экклезионимы, образованные 1) в результате трансономизации агнионимов (единичных, парных и собирательных), 2) в результате трансономизации хрононимов. Для обозначения монастырей в Иоасафовской летописи использовались три вида наименований: 1) официальное (в честь христианского праздника или святого угодника), 2) в честь создателя монастыря, 3) оттопонимическое (называющее местность около монастыря. По мнению автора, существовали общепринятые в то время полные (официальные, торжественные) и стяженные формы именования, отличающиеся сферой и стилистикой употребления.

Е. С. Отин продолжил публикацию материалов «Из словаря коннотативных собственных имён (буквы М, У)». В словарных статьях характеризовалось смысловое содержание коннотативных собственных имен, которые употребляются в современной русской речи, а также производные от них слова. Были представлены словарные статьи *Магдалина, Магеллан, Магнитка, Магомет, Мазепа, Макар, Макиавелли, Максим, Маланья, Малюта Скуратов, Мальвина, Мамай, Мамед, Манилов, Манька, Мария, Марс, Марта, Маруся, Маруха, Марфа, Марфутка, Марь Иванна, Марья, Марьяна, Матвей, Матрёна, Матросов, Матюха, Мафусаил, Махно, Махновщина, Маша, Машка, Медуза, Мекка, Менделеев, Ментор, Меркурий, Мессалина, Меценат, Милитриса, Мирон, Мирошка, Митёк, Митрофан, Митька,*

Митюха, Митя, Миша, Мишка, Мойша, Молох, Монблан, Монтекки и Капулетти, Монька, Морфей, Москва, Мотря, Мотя, Моцарт, Мурка, Муська, Мюнхен и большая статья *Уотергейт*.

К. В. Першина в статье «О топонимах в русской песне» проанализировала использование топонимов в русских песенных текстах, выявляя характер содержательности этой группы онимов в песнях разных жанров, как народных, так и литературных, обозначила особенности и тенденции развития в этой области языкотворчества. В топонимии народных песен (исторических, разбойничьих, солдатских, ямщицких, бурлацких) были найдены названия стран и территорий, рек, морей, озёр, гор, селений, дорог и т. д.: *Россия, Сибирь, Чёрное море, Азовское море, Волга, Урал, Дон, Донец, Камышинка, Кама, Нева, степь Моздоцкая, Байкал, горы Воробьёвские, Москва, Астрахань, Саратов. Таганрог, Царицын, Киев* и т. д. По мнению автора статьи, топонимы в песнях повернуты к носителям языка прежде всего своими общезыковыми содержательными гранями; на их фоне становится более ощутимым семантико-коннотативное богатство художественной топонимии.

М. В. Жарикова в статье «Городская хоронимия Донца» рассмотрела городские хоронимы – неофициальные именованья отдельных участков топонимного пространства города, их этиологию, структурные типы, словообразование, вариативность, особенности употребления. Среди них получили подробное описание следующие хоронимы: *Абакумово, Авдотьино, Административный, Александровка, Алексеевка, Ампилогово, Асмолово, Бахмутка, Безалкогольный, Белый карьер, Бирюзово, Богоявленка, Боссе, Будённовка, Бутовка, Ветка, Восточный, Гладковка, Горняк, Грабари, Дачный посёлок, Двенаха, Донская сторона, Дохловка, Евдокиевка, Жилкоп, Закон, Заперевальный, Засядько, Звёздный, Калиновка, Караванная, Карла Маркса, Кириша, Конный двор, Красный городок, Красный пахарь, Ларинка, Ливенка, Лидиевка, Майка, Макаронка, Мандрыкино, Маргаринка, Масловка, Монахи, Мушкетово, Нахаловка, Нестеровка, Новороссийск, Новостройки, Новый свет, Обиточный, Объединённый, Октябрьский, Ольга, Опытный, Павлоградское, Первомайский, Победа, Пожарная, Поповка, Полежаково, Полотняный куток, Причишиловка, Посёлок НКВД, Пугачёвка, Путиловка, Пятихатки, Пятиэтажки, Рутченковка, Сахалин, Семашко, Семёновка, Скоморовщина, Смолянка, Собачёвка, Соловки, Сорокино, Стандарт, Старомихайловка, Текстильщик, Тибо, Тридцать первая шахта, Трудовской, Угледар, Февральки, Флора, Химик, Царское село, Цветочный, Черёмушки, Чулковка, Чумаково, Шанхай, Шахтостроитель, Шестая колония, Шесть-капитальная, Шесть-красная, Широкий, Щегловка, Щётка, Южные склоны, Януковка.*

В публикации А. В. Ясыбы «Словообразовательные особенности комонимов немецкого происхождения» на материале наименований немецких поселений на территории Украины начала XX столетия представлены результаты изучения особенностей словообразования комонимов. Рассмотрены способы ойконимной номинации, источники формирования, модели и грамматический состав комонимов немецкого происхождения.

Н. В. Мудрова в статье «Способы отражения особенностей онимии повести Н. С. Лескова “Левша” в переводе на английский язык» поделилась наблюдениями над языковыми средствами, использованными Джорджем Хана, переводчиком «Левши», для сохранения и адекватной передачи информации, содержащейся в онимной лексике оригинала. Были отмечены как находки, так и неудачи в “перевод”. Так, народные формы “этимологизации” топонимов *Канделабрия* и *Динаминде* переводчик заменил официальными английскими эквивалентами – *Calabria* и *Dünamünde*. То же произошло в ряде других случаев: вместо *Аболон полведёрский* переводчик использовал нейтральное *a statue of the Apollo Belvedere*, а *граф Кисельроде* передан официальным именованием *Count Nesselrode*. Иными словами, приём “исправления” просторечных именовании, которыми изобилует лесковский текст, привёл к нарушению эстетической целостности оригинального текста.

Н. А. Ярошенко публикацию «О библиониме “Садок судей”» посвятила анализу поэтики библионима «Садок судей». Были рассмотрены особенности семантической нагрузки многозначного производного слова “садок” в составе упомянутого библионима, выявлены возможности использования полисемии в художественном микротексте. Автор высказала свою точку зрения относительно смысловых отношений между компонентами проанализированного библионима.

Н. В. Павлюк в статье «Мифологическая и библейская онимия как источник именовании персонажей» на фонографическом, морфологическом и лексическом уровнях рассмотрела функционирование антропонимов, образованных от мифологической и библейской проприальной лексики. Была показана структурно-композиционная и стилистическая роль совпадения начальных графем в именах двуипостасных («Кентавр» Дж. Апдайка) и “парных” («На восток от Эдема» Дж. Стейнбека) персонажей, проанализирована роль “ономастических игр” в организации иронического (постмодернистского) подтекста («Песнь Соломона» Т. Моррисон), представлены лексико-семантические средства выразительности собственных имён.

В раздел «Лексикология. Этимология» Е. С. Отин включил восемь материалов: свою работу «Из новых материалов к “Словарю русской субстандартной лексики”», статьи А. И. Илиади «Этимологические

заметки по славянской лексике. 1-5», В. П. Шульгача «Из русской диалектной лексики. IV», О. П. Карпенко «Українське діал. *замухраний* та генетично споріднена лексика», Н. А. Ждановой «Лингво-когнитивные аспекты формирования биржевой лексики в английском языке», Т. В. Голи-Оглу «Народна етимологія: лінгвістична сутність та функціональний статус», Н. А. Луценко «В какой ус не дует, на какой ус мотать» и разыскание И. Г. Добродомова «Репрессированное слово из поэмы А. С. Пушкина “Граф Нулин”».

В статье Е. С. Отина объяснялись происхождение, семантика и функции жаргонной частицы “*tuna*”; слов и фразеологем, которые появились в языке в результате эвфемизации “непристойных” лексем с начальным слогом *-je-* / *-jo*, а также прижившихся в современном жаргоне производных форм личных имён с экспрессивным суффиксом *-an*: *Ё-моё* и *Ёлки-палки*, а также *Вован, Колян, Толян*.

А. И. Илиади на основании лексических данных диалектов современных славянских языков произвёл этимологический анализ нескольких архаичных славянских лексем и восстановил их первичную форму. Словенский глагол *žvrkljati* ‘взбалтывать, мешать’, по мнению автора, имеет типологические признаки, позволяющие поставить его в один ряд с древними имперфективами на *-jati*, имеющими в своём составе экспрессивный глагольный суффикс *-(ь)l-* / *-(ь)l-*. Корневая часть словенского слова (*-vrk-*) объясняется как фонетическая трансформация праславянской глагольной основы **vьrt-* ‘вертеть’. Рассмотрена корневая группа славянских лексем, восходящая к пл. **zěpati* / **zěpiti*. Истоки украинского карпатского диалектного *трам* автор видит в индоевропейском этимологическом гнезде. Ключевым моментом в установлении мотива номинации в зарегистрированном в говорах завожской диалектной зоны русского языка слове *одын* ‘сруб для покойника’ автор считает видение погребального ложа (гроба) как основания (дна), над которым возвышаются стенки.

В. П. Шульгач изложил точку зрения на этимологию русского диалектного слова “тога” и родственную с ним апеллятивную и онимную лексику.

О. П. Карпенко предложила этимологию украинского диалектного слова “*замухраний*” и генетически родственной с ним лексики, в том числе русского и белорусского слова *замухрышка*.

В статье Н. А. Ждановой «Лингво-когнитивные аспекты формирования биржевой лексики в английском языке» освещены вопросы, связанные с формированием и репрезентацией английской биржевой лексики, являющейся составной частью системы знаний, получаемых студентами в процессе изучения английского языка. Процесс усвоения биржевой терминологии квалифицируется как когнитивный. При этом

“фрейм” рассматривается как наиболее значимый тип когнитивной структуры и специфическая унифицированная конструкция знаний, обеспечивающая концептуальный базис для усвоения значительного объёма лексического материала.

В публикации Т. В. Голи-Оглу «Народна етимологія: лінгвістична сутність та функціональний статус» исследуется проблема определения лингвистической сущности народной этимологии, которая характеризуется как разновидность лексической ассимиляции. Обращается внимание на тесную связь этого явления на функциональном уровне с ритуальным поведением человека.

Статья Н. А. Луценко «В какой *ус* не дует, на какой *ус* мотать» объясняет происхождение фразеологизмов русского языка со словом “*ус*”. Предложные сочетания с этим словом предлагается рассматривать как эквиваленты форм творительного падежа. Анализ осуществлён на основе учёта взаимодействия соотносительных смыслов, среди которых конкретное значение слова *ус* становится периферийным, незначительным с точки зрения рассмотрения поставленной проблемы. В каждом из рассмотренных фразеологизмов отсылка к усам – чисто внешняя, шифрующая, т. е. содержание этих фразеологизмов не однослойно, а многослойно, включает в себе некую загадку, которую слушающему предлагается разгадать.

И. Г. Добродомов в статье «Репрессированное слово из поэмы А. С. Пушкина “Граф Нулин”» рассмотрел историю эвфемизации пушкинского слова *урьльник* при публикации поэмы «Граф Нулин» и “цензурную” замену его словом *будильник*. Кроме того, учёный обратил внимание на недостатки некоторых лексикографических изданий, описывающих слова *урьльник* и *будильник*.

Раздел «Вопросы теории языка» открывает статья Ю. А. Карпенко «Проблема нулевих афіксів у слов’янських мовах». В ней рассмотрены необходимые условия реально существующих нулевых морфем и их возникновение. Разграничиваются нулевые морфемы, фактически существующие в языке, и условные, конструируемые учёными по каким-либо теоретическим соображениям, но в языке отсутствующие.

В статье О. Л. Бессоновой «Основні концепції мовленнєвої поведінки чоловіків та жінок» рассматриваются концепции речевого поведения, которые легли в основу анализа оценочных стратегий представителей мужского и женского полов. Доказывается, что гендерная дифференциация наиболее отчётливо проявляется на фонологическом и дискурсивном уровнях языка.

Своеобразным продолжением обсуждения проблем “лингвистического нуля” стала статья А. П. Загнитко «Варіантні вияви синтаксичного нуля». В ней рассмотрены проблемы выявления синтаксического

нуля в грамматическом строе украинского языка. Установлено, что наиболее репрезентативно синтаксический нуль обнаруживается в пределах простого двусоставного и односоставного предложений, бессоюзного сложного предложения и в структуре составного именного сказуемого. Понятие синтаксического нуля существенно расширяется, охватывая область семантического, семантико-синтаксического и коммуникативного синтаксиса.

В статье Е. Г. Микиной «Исторический и генетический подходы в изучении семантики» анализируется группа глаголов речи современного французского и старофранцузского языков с точки зрения развития значений и изменений, которые произошли в парадигме в течение продолжительного времени. На примере глаголов доказывается необходимость изучения семантики в историческом и генетическом аспектах.

Н. А. Весёлая в статье «Именительный падеж существительного в позиции и функции обращения как функциональный эквивалент звательного падежа ($N_1 \approx N_7$)» рассмотрела $N_1 \approx N_7$ на фоне N_7 , в его специализированной позиции обращения, и на фоне N_1 в специализированной функции подлежащего. Совпадение формы выражения обращения и формы выражения подлежащего в современном русском языке, а точнее, последовательное вытеснение именительным падежом существительного звательного падежа есть проявление действия принципа функциональной эквивалентности. С точки зрения концепции функциональной эквивалентности, можно предположить, что “ты” – скорее звательный, чем именительный, на том основании, что именно данная словоформа выступает в роли идентификатора позиции обращения с общепризнанной семантикой объекта – адресата речи, специализированной формой выражения которого является звательный.

В раздел «Словообразование» редактор включил статью О. Е. Ольшанского «Композиты с опрошенным составом в русском языке», в которой была рассмотрена недостаточно исследованная группа слов русского языка, которые пережили опрощение основ. Анализ 230 слов-композигов показал, что их опрощение явилось результатом действия, часто совокупного, фонетических, семантических и лексических факторов. Степень опрощения композитов различна, по этому признаку они были разделены в статье на 1) пережившие полное опрощение и 2) частично опрощенные.

А. В. Петров в статье «Построение толково-гнездового словаря сложных имён существительных» постулировал следующие положения: 1) объект описания словаря данного типа – сложные имена существительные с глагольным компонентом; 2) сложные слова могут формировать самостоятельные гнёзда; 3) глагольное слово является организующим центром гнезда; 4) наименьшей структурной единицей

гнезда является словообразовательная пара. Словарь восполняет пробел, существующий в толковой лексикографии, в которой не отражены сложные и сложносоставные слова, реализующие активные модели. В статье описывается 90 гнёзд, исходными единицами которых являются глаголы одной лексико-семантической группы.

В статье «Степень семантической связанности между членами словообразовательного гнезда с вершиной *есть*» Е. В. Ситникова показала, что семантические изменения при словообразовательном процессе происходят в границах лексических и грамматических значений и соотношение их в производных словах по сравнению с оригинальными может быть разным. На основании лексических и грамматических соответствий / несоответствий, которые входят в словообразовательную пару слов, можно определить степень семантической связанности производного слова с оригинальным, что и осуществляется на избранном материале.

Л. М. Ягупова в статье «Substantivableitung mit *GE*- in den bairischen Handschriften (2. Hälfte des 12. Jahrhunderts)» изложила результаты исследования функционирования имён существительных с префиксом *ge-* в баварских рукописях второй половины XII века: выделены графические и фонетические особенности, которые позволяют отнести проанализированные рукописи к верхненемецкому языковому пространству.

Раздел «Фонетика и морфология. Структура слога» содержит четыре статьи. В. А. Глущенко в статье «Корреляция звонкости / глухости в восточнославянских фонологических подсистемах» выделил типы и подтипы восточнославянских фонологических подсистем в зависимости от того, сохраняется ли оппозиция звонких / глухих согласных в позиции конца синтагмы, или она нейтрализуется в глухой фонеме. Диалектные фонологические подсистемы (их ареалы не совпадают с членением восточнославянского языкового массива на русский, украинский и белорусский языки) представлены как последовательные стадии процесса становления корреляции звонкости / глухости, сменившей корреляцию напряжённости / ненапряжённости (оппозиция *fortis* / *lenis*).

В статье Л. В. Сторчак «Акустические типы слогов русского языка» исследуются акустические типы слогов современного русского литературного языка. Выявлены 15 вариантов акустического рисунка русского слога, а также определена их продуктивность.

Е. А. Марчук (в заголовке статьи указаны инициалы О. И.) в статье «Орудий порівняльний в українській мові: на матеріалі творів М. М. Коцюбинського» рассмотрела семантику, функционирование, особенности строения и контекстуального окружения компаративных

конструкций в форме творительного падежа. Затрагивались также ди-ахронические аспекты этой разновидности бессоюзных сравнений.

В. М. Мойсиенко в статье «Морфологічні діалектні особливості писемних пам'яток північноукраїнського ареалу XVI–XVII століть» рассмотрены памятники полесского региона XVI–XVII веков. Североукраинские диалектные черты прослеживаются на всех уровнях языковой системы. Эти памятники на морфологическом уровне языковой системы содержат много оригинальных диалектных черт. Наиболее характерные североукраинские морфологические черты рассматриваются на уровне существительных, прилагательных, местоимений, числительных, глаголов и наречий. Анализ памятников североукраинского ареала XVI–XVII столетий **убедительно свидетельствует, что на морфологическом уровне делопроизводство в Житомире, Овруче, Киеве характеризуется выразительными полесскими лингвальными чертами.**

Л. П. Васильева в статье «Лінгвістичні передумови існування боснійського літературно-мовного страндарту» показала, что сербско-хорватский язык функционировал на территории Югославии в двух вариантах – сербском и хорватском и, кроме этого, имел ещё несколько переходных реализаций (Черногория, Босния и Герцеговина). После создания независимых государств – Югославии, Хорватии, Боснии и Герцеговины – как самостоятельные стали функционировать сербский, хорватский, черногорский и боснийский языки. Боснийский стандарт, обладая общими чертами с сербским и хорватским, характеризуется рядом специфических черт и, в первую очередь, значительно большим количеством туркизмов и других восточных элементов. Эти заимствования и явились предметом исследования в статье.

В публикации И. А. Плетенецкой «Основні способи творення сучасних хорватських термінів галузі економіки та підприємництва» показано, что современные хорватские термины экономики и предпринимательства по происхождению являются: 1) прямыми заимствованиями из других языков; 2) кальками иноязычных слов и словосочетаний; 3) аутохтонными единицами. Преобладают кальки и прямые заимствования из английского языка, но встречаются и заимствования из других (немецкого, итальянского, латинского, испанского) языков. Аутохтонные хорватские термины образованы преимущественно суффиксальным способом.

В статье Н. Б. Клименко «Функціонування назв нагрудного одягу в східностепових говірках», составившей раздел «Диалектология», на основании системного анализа одного сегмента бытовой лексики восточностепных говоров рассмотрены структурно-семантические особенности названий нагрудной одежды: определена специфика

проанализированной лексики с учётом соотношения архаичных и инновационных наименований.

В раздел «Рецензии» было помещено сообщение В. И. Супруна «Вклад в изучение русской ойконимии (Дмитриева Л. М. Ойконимический словарь Алтая. Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 2001. 416 с.; тираж 500 экз.)», в котором дана оценка словаря барнаульского исследователя топонимии Л. М. Дмитриевой, представляющего региональную ойконимию Алтая. Проанализирован состав словаря, форма лексикографического описания и содержание некоторых словарных статей.

Второе сообщение В. М. Калинкина «Волгоградский форум ономастов (IX Международная конференция “Ономастика Поволжья”: заметки участника») содержит информацию о IX конференции «Ономастика Поволжья» (9-12 сентября 2002 г). Кроме сведений о программе и ключевых документах, в сообщении представлено мнение автора о проблемах, затронутых на пленарных заседаниях, и о работе секции «Литературная ономастика».

***

Девятый выпуск сборника был опубликован в 2004 году. Вышел он с посвящением: “К 75-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Юрия Александровича Карпенко”. Е. С. Отина и Ю. А. Карпенко связывала, кроме научных интересов, крепкая дружба. В кратком предисловии к сборнику Е. С. Отин отметил и первый приезд Ю. А. Карпенко в Донецкий университет со спецкурсом по ономастике, и его почти непререкаемый авторитет учёного, создавшего, кроме классических трудов по украинской и русской ономастике, монографические исследования по фонетике и фонологии современного украинского литературного языка, словарь русских говоров Одесщины, учебники по введению в языкознание и общему языкознанию и многое другое. “Одна мысль о том, что в Одессе живёт и работает учёный такого масштаба, к которому всегда можно обратиться за советом и получить поддержку, окрыляет нас и сплачивает в единое ономастическое братство”, – подчеркнул Е. С. Отин.

Четырнадцать статей ономастической рубрики сборника окрыла статья О. В. Антонюк «Відображення назв природних явищ у прізвиськах Донеччини». В ней были проанализированы отапельлятивные прозвища Донецкой области, которые образовались путем непрямого номинации от названий животных, птиц, растений и т. д. Автор определила специфику рассмотренных апеллятивов и пути перехода их в прозвища. Анализ был осуществлён по 11 подгруппам лексического поля «Явления природы». Результатом описания стал вывод о том, что переход апеллятива в прозвище происходит, как правило, на основании

сходства человека с представителями животного или растительного мира.

Л. М. Бражник выступила со статьёй «Структурная адаптация составных немецких топонимов в русском языке XVIII в.». В работе были установлены наиболее продуктивные модели освоения составных немецких топонимов и определены основные причины семантических передач онимных компонентов. Исследовательница отнесла к составным топонимам словесные комплексы с одним опорным словом и одним-двумя опорными словами. Об освоенности названий топообъектов, по мнению автора статьи, свидетельствует вычленяемость приагионимного компонента в составе русских эквивалентов (например, компонент *Sankt* в структуре немецких топонимов). Русифицировался и основной элемент названия. Отмечены были и своеобразные передачи-описания, включающие в свой состав географический термин *река* или подчинительный союз *что* как дополнительные уточнения и пояснения структуры составных названий с предлогом. Например: ойконим *Frankfurt am Main* передавался сочетаниями ‘Франкфуртъ при рѣкѣ Майнѣ’, ‘Франкфуртъ что на рѣкѣ Меинѣ’ и пр.

Н. И. Иванова опубликовала работу «Специфика онимной лексики в прозе А. П. Чехова». Как полагает автор статьи, традиционное представление об онимной лексике А. П. Чехова как состоящей из слов с демонстративно актуализируемой семантикой нуждается в существенном уточнении. Функционирование имён в художественном пространстве его прозы разнообразно, тонко и ненавязчиво. Использование онимов немотивированных – принципиально новое видение писателем их роли в семантике текста. В статье исследуются механизмы создания семантически нейтральными именами собственной эстетической реальности.

А. И. Илиади подготовил для сборника очередное этимологическое исследование топонимии «Слов’яньські топоніми на території Греції (етимологічний коментар). IV». На основании данных ономастики Греции в статье осуществлён этимологический анализ нескольких архаичных славянских лексем, которые до сих пор не привлекали внимания исследователей, реконструирована их первоначальная форма, а также этимологическая ориентация мотивирующих их апеллятивов. По мнению учёного, наличие значительной прослойки архаической славянской топонимии свидетельствует о высоком уровне заселённости территории Элады и Пелопонесса древним славянским этносом.

Автор обзора (В. М. Калинин) в соавторстве со своей аспиранткой Л. О. Панасюк представил к опубликованию статью «Поэтика именований главного персонажа тетралогии Т. Манна “Иосиф и его братья”». В работе описано многообразие способов именования заглавного персонажа тетралогии Т. Манна, рассмотрены ситуации употребления

различных номинативных средств, относящихся к образу Иосифа, проанализирована роль внутренней формы именованний героя. Показано значение смены номинаций для изображения свойств мифологизированного сознания персонажей. Обращено внимание на “ироническую составляющую” в содержательной структуре онимов, ономастических перифраз, дескрипций и контекстуальных синонимов проприальных единиц, а также её роль для поэтики собственных имен и романа-мифа в целом.

Е. Ю. Карпенко подготовила для сборника статью «Роль собственных имен в когнитивной обработке и переработке информации». В ней имена собственные квалифицируются как тара, сохраняющая в ментальном лексиконе большие объемы информации и помогающая при необходимости извлечь её для коммуникации. Когнитивная ономастика, когнитивный подход свидетельствуют, что имена собственные служат могучим рычагом связи языка мозга и языка звукового (письменного) общения. Такая роль имён собственных по сути не изучалась и вообще была неизвестна ни когнитивной лингвистике, ни классической ономастике. Имея только одного носителя, имя собственное вмещает всю известную данному человеку информацию об этом носителе и тем самым содействует её сохранению и использованию.

О. П. Карпенко предложила для сборника этимологический этюд «З історії віддієслівних імен: укр. гідронім Сунка», в котором на основании сравнения сходных по форме гидронимов татарского происхождения и гидронимов ареала Славии, изучения апеллятивной базы украинского гидронима *Сунка* объяснила семантику гидроосновы как исконный славянизм.

В. А. Кравченко в статье «Личные имена в фамильных основах приазовских греков» на основании недостаточной изученности системы личных имён в онимном пространстве приазовских греков предложила своё видение проблемы отымённых фамилий, дающих богатый материал для определения состава именника греков в прошлом, этапов его развития и становления, для выявления разговорных вариантов имён, частотности употребления имён в хронологических срезах. В статье описаны личные имена, послужившие источником формирования фамильной антропонимии приазовских греков: определены типы имён и их продуктивность в фамильной номинации. Отымённые фамилии в фамильном словаре урумов составляют 17,6%, румеев – 14,6% и содержат в своей основе личные имена разных антропонимических систем: славянской, греческой, тюркской.

Л. В. Соснина подготовила для сборника в честь Ю. А. Карпенко статью «Особенности передачи немых и удвоенных согласных в составе английских онимов». В ней представлен подробный обзор работ,

затрагивавших проблему и так или иначе представлявших её. В статье рассматривается связь между сохранением геминат и их положением в слове. Выводы автора: сохранение удвоенных согласных в составе английских собственных имён, заимствованных русским языком, в большинстве случаев имеет веские основания.

Е. В. Филатова в статье «Отражение в словарях коннотаций имени «Иван» и его иноязычных соответствий» представила характер и виды коннотаций онима *Иван*, отражённые как в лингвострановедческих, так и специализированных лингвистических словарях. Обосновывается единство происхождения имён Иван – Ян – (Иоганн) Ганс – Джон и т. д. Уделяется внимание развитию дополнительных значений у этого онима и особенностям их отражения в словарях английского, немецкого языков и в «Словаре коннотативных собственных имён» Е. С. Отина. Сделана попытка сопоставительного анализа способов отражения коннотативных значений интралингвального онима в различных словарях.

В. П. Шульгач в этюде «Заметки по донской гидронимии. *Ольм*» изложил этимологию гидронима *Ольм* (бассейн Дона); установил топонимические параллели, доказывающие типологическую регулярность этого онима.

Т. В. Чуб в статье «Поэтика мужских антропонимов в «Ballade des seigneurs du temps jadis» Франсуа Вийона» осуществила исследование антропонимного материала баллады и показала, что, используя замены прямых номинаций идентифицирующими дескрипциями, паронимичными онимами, искажёнными формами имён, автор выразил не только эмоционально-экспрессивную характеристику персонажей, но и передал идейный замысел произведения.

М. А. Ююкин в работе «Некоторые гидронимические основы славянского происхождения в древнерусской ойконимии XIV–XVI вв.» отметил, что для древнерусской топонимии наиболее характерным является направление производности «гидроним» > «ойконим». Таким путём образованы летописные древнерусские ойконимы XIV–XVI вв. *Валуйки, Дрегли, Еглино, Колочь* и др.

А. В. Ясыба статью «Особенности адаптации комонимов немецкого происхождения в украинском языке» посвятила проблеме адаптации комонимов немецкого происхождения в условиях билингвизма в иноязычном окружении. В статье рассматриваются способы перевода, передачи и воспроизведения комонимов с учётом фонетических, графических, орфоэпических и орфографических особенностей немецкого языка в сравнении с украинским.

В разделе «Лексикология. Фразеология» были размещены девять статей.

Т. В. Голи-Оглу в статье «Специфіка обрядового терміна, його структура й особливості функціонування» **рассмотрела** целесообразность и корректность присвоения обрядовой лексике терминологического статуса. Было обращено внимание на то, что обрядовый термин не является идеальным, поскольку не соответствует всем требованиям, предъявляемым к идеальному термину. Исследовались структурные особенности данного класса лексики, а также специфика её функционирования в рамках традиционной картины мира.

Е. И. Гусева в работе «Новые заимствования в лингвистических текстах, или Языковой меланж» исследовала влияние новейших заимствований на содержание, структуру и процессы интерпретации лингвистического текста. Взаимодействие заимствованных терминов с традиционной лингвистической терминологией и общеупотребительными словами определяется автором как особый вид “смешения”, соединения слов в лингвистическом тексте – языковой меланж. Описывающие термин контексты (дефиниции, рефлексивы) рассматриваются как структурные единицы лингвистического текста – метаязыковые высказывания, выполняющие функции семантизации заимствования и установления его системных связей с единицами заимствующего языка. Определяются основные формы языкового меланжа: содержательная корреляция “слово-прототип – заимствование – общеупотребительное слово (термин)”, метаязыковое высказывание, меланжевый текст.

Постоянный автор сборника, москвич И. Г. Добродомов предложил для публикации статью «Из истории разысканий о слове *интеллигенция*». Как показали поиски, в истории изучения слова *интеллигенция* и связанного с ним понятия накопилась значительная литература, неучёт которой отрицательно сказывается на значимости разысканий в области социологии и исторической лексикологии, где малоизвестные, но чрезвычайно важные статьи А. К. Панфилова должны занять подобающее им место. Этот автор тщательно разработал историю возникновения мифа об апокрифической причастности к появлению этого слова известного писателя П. Д. Боборыкина. По мнению И. Г. Добродомова, работы А. К. Панфилова в необходимом обобщении займут центральное и решающее место.

А. А. Козлова в статье «Соотношение процессуальности и предметности во фразеологической системе языка В. А. Жуковского» дала структурную характеристику основных моделей фразеологических единиц, синтаксически тождественных словосочетанию. Были описаны тематические общности глагольных и именных фразеологических единиц в прозе В. А. Жуковского. Отмечено значение индивидуально-авторских преобразований языковых средств выразительности в процессе формирования национального литературного языка.

В статье И. С. Кубрак «О культурно-национальной специфике фразеологизмов-идиом, соотносящихся с концептом Failure (неудача / неудачник)» даётся анализ ценностных культурных ориентиров лингвокультурной общности людей, говорящих на английском языке, исследуются механизмы реализации номинативно-знаковой функции фразеологизмов-идиом. Выявляется соотносённость фразеологизмов-идиом с ментальными репрезентативными структурами, отражающими неодобрительную культурно-национальную рефлексию на проявление неудачи. Возникающее при этом содержание фразеологизмов-идиом, их ассоциативные образы, культурные коннотации выявляют культурно-национальную специфику исследованной фразеологии.

Н. Ю. Лозовская в работе «К вопросу об адаптации заимствованной терминологии подязыка экономики в русском и украинском языках» рассмотрела вопросы заимствований и языковых уровней их адаптации в языках-реципиентах. Была рассмотрена возможность освоения английской экономической заимствованной терминологии на всех уровнях в процессе вхождения термина в заимствующий язык.

Н. А. Луценко представил фрагмент своих словарных разысканий «Из материалов к объяснительному словарю фразеологизмов». В статье автор делится своими наблюдениями над историческими процессами в языке, характер которых так или иначе сказывается в форме, составе и значении фразеологических единиц. Как это ни странно, но истолкование фразеологизмов как таковое, по мнению автора, – не главное в изложении. Просто качественные особенности идиом делают их удобным объектом приложения указанных наблюдений. В силу универсальности отражаемых в наблюдениях фактов, значимость таковых представляется более весомой, чем предлагаемые конкретные объяснения фразеологических единиц. Такие объяснения тем не менее тоже интересны, в особенности для тех, кто тяготеет не к общезыковедческим, а к культурологическим (филологическим) аспектам лингвистики.

В статье М. В. Мирончук «Вплив варіативності на кількісні характеристики дієслів розміщення в англійській, німецькій та українській мовах» излагаются результаты лексико-семантических исследований явлений функциональной эквивалентности и многозначности семантической парадигмы глаголов размещения. Также прослеживается непосредственная взаимосвязь полисемии и полилексии с количественными характеристиками и влияние на контекстуальные расхождения.

В работе Н. С. Хороз «Субституція компонентів фразеологізмів як один з видів структурно-семантичних трансформацій (на матеріалі сучасної хорватської преси)» исследуются особенности применения в текстах современных хорватских периодических изданий основных приёмов индивидуально-авторской трансформации узуальных

фразеологических оборотов. Детально рассматриваются фразеологические единицы, подвергающиеся структурно-семантическим изменениям в текстах, а именно лексическим заменам компонентов нормативных устойчивых оборотов словами свободного употребления.

О. А. Жижома в статье «Відсубстантивні дієслівні інновації у сучасному поетичному дискурсі» рассмотрела окказиональные глаголы, мотивирующей основой которых выступают существительные и прилагательные. Обращается внимание на то, что семантическая ёмкость таких единиц в поэтическом дискурсе обусловлена влиянием нескольких составляющих: словообразовательной моделью, по которой они образуются, словообразовательными аффиксами, которые используются при образовании окказиональных слов, а также контекстом.

В очередной раз со статьёй, посвящённой словообразованию, выступил О. Е. Ольшанский. В работе «Синхронное своеобразие одноструктурных производных в русском и украинском языках» он предложил одноструктурные суффиксальные существительные в русском и украинском языках рассматривать в трёх группах: 1) сохраняющие исконную морфемную структуру в обоих языках; 2) пережившие демотивацию и опрощение основы в обоих языках; 3) сохраняющие исконную морфемную членимость лишь в одном из языков. И показал, что несовпадения морфемной структуры возникают по нескольким причинам. При этом сопоставительный анализ различного рода однокоренных дериватов русского и украинского языков позволяет наблюдать и процесс изменения состава производных слов в настоящее время. А постепенная утрата семантической соотносительности может быть предметом специального исследования.

А. В. Петров в статье «Отфразеологическая деривация сквозь призму базовых понятий словообразования» представил результаты исследования отфразеологической деривации с точки зрения словообразовательной структуры производных фразем, словообразовательных средств и способов словообразования. Рассматривалась специфика сжатия фраземы в слово, анализировались ограничения, налагаемые системой языка на процесс отфразеологического словообразования. Описаны словообразовательные структуры и средства отфразеологических дериватов, узуальные способы образования отфразеологических дериватов: лексико-фразеологическая конденсация с вычленением глагольного, адъективного и субстантивного компонентов. Кроме того, описаны лексико-морфологический и морфолого-синтаксический способы узуального образования отфразеологических дериватов. Особое внимание было уделено окказиональным способам образования отфразеологических дериватов: 1) заменительному словообразованию, 2) тмезису, 3) словообразовательной контаминации. Рассмотрены также

фразеологические единицы с заменённым компонентом и фразеологические единицы с расширенным компонентным составом как производящая база отфразеологической деривации.

Н. А. Ярошенко в статье «Місце складних слів у словотвірному гнізді в контексті зіставної композитології» на материале словообразовательных гнёзд с базовыми глаголами *сажати*, *садити* и *sadzić* в русском, украинском и польском языках XIX–XX ст. рассмотрела вопрос о месте сложных слов в гнезде. Путём сопоставления названных словообразовательных гнёзд были проанализированы общие и специфические черты процесса образования сложных слов. На межъязыковом уровне были установлены основные типы лексической эквивалентности композитов, входящих в состав сравниваемых гнёзд, с учётом их семантической и словообразовательной структуры.

Статья Л. М. Ягуповой «Substantive mit *ge-* in der handschrift “Rechtsbuch” von Ruprecht von Freising (1. Hälfte des XIV. Jahrhunderts)» [«Имена существительные с префиксом *ge-* в рукописи “Rechtsbuch” Рупрехта фон Фрайзинга (первая половина XIV века)»] продолжила цикл публикаций автора по именному словообразованию средневерхненемецкого языка. В ней проанализированы мотивационные отношения между производными с префиксом *ge-* и их базами в рукописи “Rechtsbuch”. В ходе анализа было представлено большое количество иллюстративного материала, который подтверждает теоретические положения исследования.

Под рубрикой «Синтаксис» в сборнике была опубликована всего одна статья – Е. И. Федотовой «Способи представленості оцінного змісту в реченні». В ней рассмотрены мотивированные и немотивированные виды оценки, определяют составляющие структуры оценки, а также выясняется, что разница между оценочными предложениями, ориентированными на говорящего, и оценочными предложениями, ориентированными на адресата, состоит в различии между их денотатами.

В рубрике «Стилистика» Е. С. Отин разместил две публикации.

Э. С. Ветрова статью «Засоби вираження прохання в українському епістолярному дискурсі XIX ст.» посвятила анализу малоизученного в современной лингвистике речевого жанра просьбы. На материале украинских эпистолярных текстов XIX столетия рассмотрена специфика этикетных выражений просьбы, разнообразные виды модификаций перформативных высказываний-просьб. Использован прагматический подход к анализу этикетных единиц.

Одесские авторы Н. Г. Иванова и Л. Г. Кириченко в статье «Терминологизированный глагол – центр валентностного ядра в научном стиле речи» рассмотрели некоторые аспекты базовой теории о

терминологизированных глаголах. Осуществлена попытка описать терминологизированный глагол как валентностный центр в предложениях научного стиля речи, что, несомненно, привлечёт внимание преподавателей иностранных языков, использующих терминологизированные глаголы в своей практической деятельности.

Раздел «Лингвистика текста» в сборнике составлен четырьмя работами.

И. М. Артамонова в статье «Текст газетного видання як системне явище» представила размышления о тексте особого типа – макротексте газетного издания. Был определён его статус, типологические характеристики, лингвистические и паралингвистические параметры и их функции, установлены системно-структурные факторы порождения макротекста газетного издания, предложен комплексный подход к его исследованию, благодаря чему появляется возможность восприятия газетного издания как единого целого.

Статья В. М. Коваленко «Принципи словотвірних зв'язків у тексті» была посвящена исследованию различных видов текстовых связей словообразовательного характера. В ней проанализирована межфразовая корреляция производных суффиксальных существительных и определена их роль в создании поверхностной и глубинной структуры текста.

В. В. Слабоуз в статье «Онимы-глоссемы как ключевые слова художественного текста» рассмотрела выполняющие ключевую роль в художественном произведении онимы-глоссемы. Автор утверждает, что онимы-глоссемы несут наиболее весомую смысловую, эстетическую и дидактическую нагрузку. Устанавливаются функции онимов-глоссем в контекстах разного уровня протяжённости в художественном тексте.

В статье Т. В. Туковой «Антиномия кода и текста в современном русском языке» изложены результаты исследования проблемы динамических процессов саморазвития языка, связанных с одним из постоянных стимулов – противоречий между количеством языковых знаков и размерами текста. Основной вывод автора состоит в том, что существующая антиномия между количеством кодовых знаков для обозначения одних и тех же денотатов и размерами текстов в конечном итоге, наряду с иными антиномиями, определяют саморазвитие языка.

Раздел сборника «История языка» составили три публикации.

Н. И. Зубов в статье «Давньоруська переробка південнослов'янського перекладу “Слова на Божоявлення” Григорія Назіанзіна: аналіз генетичних зв'язків» представил сумму лингвотекстологических доказательств того, что древнерусское церковное поучение «Слово св. Григорья изобрѣтено в тольцьхъ о томъ како первое погани суще языцы кланялся идоломъ и требы им клали» составлено на основе текста южнославянского перевода XI века – 39 Слова Григория Назиазина. Тем

самым решается известный в славистике вопрос о генезисе этой древней проповеди.

Е. С. Отин в статье «Из историко-этимологического словаря жаргонной лексики и фразеологии» установил происхождение и историю ряда жаргонных слов и фразеологических выражений. Часть из них уже имеет предложенные другими исследователями этимологии (*заначка, канать, клёвый, лажовый, мент, мусор, на арапа, на шарап*) которые оспариваются или развиваются автором статьи, другие этимологизируются впервые (*кадрить, пендюрка, фанера, фенечка, фиолетово, фитюлька, чмо*). Представлены следующие словарные статьи будущего словаря: Заначка и Занычка; Кадрить(ся), Кадра и Кадр; Канать; Клёвый и Лажовый; Мент и Мусор; На арапа, на шарапа; Пендюрка, выпендриваться, выпендрёж; Фанера; Феня, фенька, фенечка, до фени, к едрене фене; Филон, филонить; Фиолетово; Фитюлька, Чмо.

В статье Л. М. Устюговой «К вопросу о чередовании сочетаний *оро/ра, ере/ре, оло/ла, оло/ле* в современном русском языке» показано, что в морфонологической системе современного русского языка имеют место участки, где наблюдается сосуществование гомогенных и гетерогенных альтернатив. Одним из таких участков является огласовка корней слов типа *берег / прибрежный*. Проведённое исследование позволило автору утверждать, что гипотеза о чередовании сочетаний *оро/ра, ере/ре, оло/ла, оло/ле* на материале общеупотребительных слов современного русского языка не подтверждается.

В раздел «Вопросы теории языка» были включены три статьи.

Е. Н. Белицкая в статье «Собственное имя: рефлекс мифологического и узуального в восприятии и функционировании» предложила следующий теоретический пассаж. Вопросы, связанные с восприятием и функционированием собственных имён, решаемые в русле традиционной грамматики, до конца не раскрывают сути антиномии *опота – appellativa*. А в качестве “панацеи” предложила когнитивный подход к трактовке специфики онимов, поскольку он позволяет вскрыть глубинные процессы восприятия имён в повседневном общении. Анализ оппозиции *рационалистическое – мифологическое* сознание позволяет точнее истолковать особый статус онимов в языке.

В статье «Коммуникативные неудачи в педагогическом общении» А. Р. Габидуллина исследовала причины коммуникативных неудач, связанных с нарушением различных аспектов коммуникативной ситуации. Коммуникативные неудачи классифицируются по разным основаниям: психологическим, социально-культурным, прагматическим, когнитивным и собственно языковым. Разновидности коммуникативных неудач множественны, причины их возникновения разнообразны. Бытование коммуникативных неудач в педагогическом дискурсе, особенно в

непринуждённом диалоге, практически неизбежно, но при их предвидении они могут успешно преодолеваются.

Ю. В. Дорофеев в статье «Интерпретация как философско-лингвистическая проблема» показал, что текст в лингвистике нынешнего этапа признан основным объектом изучения. Исследование текста допускает множество подходов, которые обусловлены объективными факторами. По мнению автора, центральной при этом оказывается проблема интерпретации. Интерпретация в герменевтике и интерпретация в лингвистике не являются противопоставляемыми методами экспликации содержательно-концептуальной информации. Они взаимодополняемы. Анализ без последующего синтеза, равно как и интерпретация, не основанная на анализе языкового материала, являются необоснованными.

Под рубрикой «Сравнительно-сопоставительное языкознание» в сборнике опубликованы две статьи.

А. И. Бондар в статье «Типологія функцій інфінітива складеного дієслівного присудка в українській мові і японських граматичних аналогів» исследовал систему инфинитивных функций украинского языка в составном глагольном сказуемом в сопоставлении с японским языком, в котором вместо морфологического инфинитива представлен синтаксический инфинитив, выражающийся чаще всего краткими формами глаголов настоящего-будущего времени, а также основами полных форм глаголов с синтаксическими суффиксами.

Л. П. Васильева статью «Деякі відмінності між сербською і хорватською мовами на рівні словотвору, морфології та синтаксису» посвятила изучению особенностей и тенденций в области нормирования сербского и хорватского стандартов. Учтены их отличия в реализации языковых фактов на различных языковых уровнях – словообразовательном, морфологическом и синтаксическом. То, что для одного стандарта является нормативным, для другого – ненормативным, что для одного стандарта является диалектным, для другого – активно употребляемым. Специфика социально-функциональной организации языковых фактов сербского и хорватского стандартов состоит в первую очередь в том, что каждый национальный лингвосоциум по-своему распределяет варианты, которые допускает штокавска система, как в плане социальной стратификации, так и в плане функционально-стилистическом.

Вторая статья этого же автора опубликована в разделе «Социолингвистика» вместе с двумя другими работами аналогичной направленности.

В статье «Соціолінгвістичні та лінгвістичні передумови існування чорногорської мови» отмечено, что черногорский язык обладает специфическими особенностями на всех языковых уровнях. На уровне фонетики это фонемы *ž, š, z*, особая йотация, фонологическая “екавица”.

В морфологии – “иекавица”, особый тип склонения имён и прозвищ, употребление древних форм у существительных, местоимений, а также форм инфинитива по происхождению из супина, исторических форм настоящего времени. На уровне синтаксиса – специфические предложные и именные структуры по сравнению с бывшим сербохорватским языком. Некоторые изменения характерны для лексики и устойчивых словосочетаний.

В. Г. Драган в статье «Соціолінгвістичний аспект комунікації у художньому творі» рассмотрела социолингвистические герменевтические ситуации на уровне диалога персонажей художественного произведения. Анализируются стилистические различия языка представителей разных социальных групп. Показаны факторы, обуславливающие использование таких ситуаций в художественном произведении. Исследование проводилось на материале английских, немецких, украинских и русских текстов.

В статье Е. И. Царенко «Отражение кечуа-испанских языковых контактов в кечуазычной литературе колониального периода» затронуты вопросы развития языка кечуа в XVI–XVIII веках. Испанская лексика по-разному представлена в текстах различных жанров. Обнаруживается влияние кечуанского субстрата на фонетические и грамматические особенности испанизмов. Слабее выражено испанское воздействие на фонетику и грамматику кечуа.

В разделе «История языкознания» Е. С. Отин разместил статью юбиляра, которому посвящён весь сборник, и статью О. Е. Ольшанского. Обе работы связаны с лингвистикоисториографическим осмыслением жизни и деятельности известных учёных.

Ю. А. Карпенко в статье «Лінгвістичний доробок Артема Амвросійовича Москаленка» проанализировал лингвистические труды известного украинского языковеда А. А. Москаленко (1901–1980), опубликовавшего отдельными изданиями, в журналах и сборниках 124 работы. Почти все они посвящены украинскому языку, преимущественно его истории и диалектологии. Больше всего внимания Москаленко уделял лексическому уровню языка. Учёный издал – к сожалению, отдельными разделами – уникальную историю украинской лексики от времён Киевской Руси до XX столетия.

О. Е. Ольшанский в статье «Василий Алексеевич Богородицкий» познакомил читателей ВУЛСа со взглядами видного представителя Казанской лингвистической школы, ученика Бодуэна де Куртенэ, на изменения морфемного строения слова в русском языке.

В разделе «Рецензии» была опубликована моя статья «Отклики и отражения», представляющая собой опыт “нерегламентированной” рецензии на вышедший на исходе 2004 года словарь Л. Н. Гуковой и

Л. Ф. Фоминой «Художественная характеристика топонимов в творческом наследии А. С. Пушкина». Тот факт, что словарь был посвящён учителю и наставнику, юбиляру и адресату девятого выпуска ВУЛСа, определённым образом отразился на тексте отклика. Он в целом – хвалебный. Однако отдельные моменты, оставшиеся для живых обсуждений на Святогорских ономастических чтениях, что называется, “зацепили”, заставили думать и искать. Забегая вперёд, сознаюсь, что это издание стало новым стимулом моих размышлений о лексикографии, толчком к тщательному изучению опытов ономографии в целом и поэтониографии в частности, отправной точкой новых собственных исследований в этой области и, как результат, опубликованием скромного ряда работ, написанных в течение десятилетия не без желания подискутировать, в том числе и с замечательным словарём Л. Н. Гуковой и Л. Ф. Фоминой.

***

Десятый выпуск «Восточнoукраинского лингвистического сборника» был опубликован в 2006 году. Это был щедрый подарок Евгения Степановича Отина ученику. Мне тогда исполнилось 60 лет, и именно к этой дате было приурочено издание. Поскольку я к работе над сборником не привлекался, многие моменты его подготовки для меня остались “за кадром”. Евгений Степанович написал вступительную заметку, в которой, как и приличествует случаю, тепло отозвался о юбиляре, несомненно, преувеличив достоинства и умолчав о недостатках. А сборник по традиции открылся рядом статей (всего их было 21) под рубрикой «Ономастика» Некоторые из них представлю подробнее, потому что это были работы моих аспирантов, начавших в рамках деятельности Донецкой ономастической школы разрабатывать под моим “управлением” новое направление исследований, позднее получившее название “поэтониология”, а тогда по традиции ещё называвшееся литературной ономастикой.

Е. М. Белицкая представила статью «Особливості синонімії у сфері конотативних пропріальних одиниць». В ней, как отмечено автором в реферате к статье, вопросы, связанные с функционированием коннотативных собственных имён, предполагают рассмотрение таких параметров, как значимость и валентность единиц. В частности, автора статьи интересовали парадигматические отношения коннотативных онимов на уровне синонимизации. Основной теоретический вывод статьи состоял в том, что анализ возможностей коннотонимов относительно вхождения их в отношения синонимизации позволяет раскрыть особенности семантических процессов, происходящие в пропріальной лексике.

М.В. Бирюкова в статье «“Магия слова” как фактор развития онимных деконнотонимов» обосновала гипотезу, согласно которой

коннотонимизация антропонимов обязательно включает в себя этап заполнения *pl*-лакуны в словоизменительной парадигме собственных имён под влиянием экстралингвистического фактора: установки на уничтожение предмета высказывания. Соответственно, актуализируется “магическая” интенция лишения соперника = врага имени, что и достигается – частично – приписыванием ониму несвойственного для его словоизменительной парадигмы множественного числа. Далее коннотативный оним “движется” по направлению к чистому апеллятиву, обозначающему то или иное качество, ситуативно объединяющее то или иное множество тезоименных объектов.

Моя аспирантка М. В. Бувеская, в то время пребывавшая в активном творческом поиске [через несколько лет она дважды (такова судьба нового) блестяще защитила диссертацию, посвящённую неподъёмно-целинной проблеме изучения и построения теории поэтонимосферы художественного произведения, а позднее издала монографию по материалам диссертации и других своих работ], опубликовала статью «Опыт психолингвистического анализа поэтики онима (М. Цветаева “Федра. Жалоба”». В ней с позиций психопоэтики (так А. А. Леонтьев предложил называть один из разделов психолингвистики) рассматривалось стихотворение Марины Цветаевой «Федра. Жалоба». Попытка проанализировать произведение как процесс порождения художественной речи привела к новому взгляду на поэтику функционировавшего в нём собственного имени *Инполит*. Гипотетическая реконструкция мотивов, активировавших деятельность сознания Марины Цветаевой при порождении этого поэтического текста, а также предположения о состояниях психики автора, отразившиеся в поэтике собственных имён, позволили по-новому взглянуть на лингвопоэтический результат – поэтику онима в конкретном тексте. Выводы, к которым пришла М. В. Бувеская, были далеко не тривиальны и демонстрировали глубину проникновения в материал. Проанализированный текст в данном случае был квалифицирован как эквивалент определённого фрагмента авторского сознания поэта, что как раз и дало основание говорить о “психосемантике поэтонима”. Вместе с тем автор статьи предупредила, что наряду с понятием “сознание автора” необходимо учитывать “авторскую сознательность” употребления имён, “чтобы не увидеть в стихотворении то, что не рождено автором”. Чуть позднее это утверждение стало стимулом для обсуждения на заседаниях постоянно действовавшего в то время (преимущественно в Горловском институте иностранных языков) ономастического семинара проблемы пределов “свободы интерпретации” фактов поэтики онимов. Путь собственного имени к читателю М. В. Бувеская представила как трёхэтапную линию развития осмысливания поэтики онима. Поэтоним “1) входит в художественное

произведение по воле автора, сквозь призму авторского сознания, принося экстралингвальные смыслы; 2) функционирует в тексте и наполняется коннотациями, отражающими состояние авторского сознания; 3) воспринимается читателем с определённой семантикой и оценкой” [Буевская, вып. 10, с. 29]. Опыт статьи давал основание утверждать, что психосемантические особенности функционирования собственных имён в художественных текстах – не выдумка автора работы, а реальность, с которой исследователь поэтики онимов обязан считаться.

Ещё одна моя аспирантка Т. Н. Винтонив попробовала себя на тоже новой в то время ниве анализа так называемых исторических (позднее, по непонятной для меня причине, собственные имена такого рода получили квалификацию “прецедентные”, что, по моему мнению, является ярким свидетельством терминологической неудачи, к сожалению, закрепившейся в научной практике) собственных имён. В статье «До питання походження прізвища *Хмельницький* та його поетика в українських історичних романах» предметом анализа стала поэтика собственных имён главного героя двух исторических романов: П. Загребельного «Я, Богдан» и Лины Костенко «Берестечко». Основное внимание было уделено происхождению и функциональным проявлениям фамилии *Хмельницький*, отфамильных производных, дескрипций и онимных перифраз в названных романах. Антропоним *Хмельницький* трактуется неоднозначно. *Хмельницький* – официальная фамилия, которая используется в романах, но этимологически она связана с прозвищем *Хмель*. Именно на отсылке к внутренней форме строится одна из линий поэтики фамилии *Хмельницький*. Разумеется, вывод о разнообразии форм именования главного персонажа романов, которое якобы “отображает реальное состояние антропонимии того времени, что способствует реалистичности этих произведений”, нельзя назвать новаторским. Такого рода утверждениями пестрели сотни публикаций, посвящённых поэтике онимов. Однако, и это следует отметить, в работе, кроме этимологических разысканий, были отмечены и игра вокруг собственного имени, и авторские дескрипции, и перифразы, и апеллятивные замены, сослужившие известную роль в формировании *художественного образа* гетьмана.

Л. П. Дядечко в статье «От поэтонима – к крылатому имени» высказала ряд любопытных положений, касающихся одной из линий онимогенеза – этапа его существования в реальном общении после того, как имя свою “поэтонимную службу” уже завершило. По мнению автора статьи, одна из форм рефлексии, созданных писателем, актёром, мультипликатором образов, состоит в закреплении в языке соответствующих собственных имён для номинации социальных типов, явлений. Формирование таких обозначений – крылатых имён – как языковых

единиц связано с преобразованием исходного прототипа – поэтонима и осуществляется по определённым моделям, при этом становление семантико-структурных признаков нового языкового образования не исключает их варьирования в определённых границах.

Ещё одна моя аспирантка, В. Ю. Канна, в статье «Топопоэтоним как средство образности» проанализировала некоторые свойства топопоэтонимов, открывающие возможность для их образного использования в художественных текстах. В статье было обращено внимание на уровень так называемой “нулевой” образности топопоэтонимов и её художественную роль. Отмечено, что образность топопоэтонимов базируется на внутренних свойствах топонимии как разряда онимной лексики, а также на способности топопоэтонимов функционировать в составе метонимических и метафорических конструкций, трансформироваться и превращаться в апеллятивы.

Е. Ю. Карпенко в статье «Когнітивна ономастика як новий напрямок вивчення власних назв» очертила основные проблемы когнитивной ономастики, среди которых, по мнению автора, ведущей является изучение бытия собственных имён в ментальном лексиконе. Онимы в языке мозга становятся концептами – активными, с которыми ведётся в данное время ментальная работа, и пассивными, спрятанными в глубинах памяти. В пределах ментального лексикона онимические концепты: 1) служат организаторами этого лексикона; 2) формируются во фреймы; 3) подвергаются категоризации, трансформации и профилированию.

Э. А. Кравченко в статье «Поэтика имени автора в произведениях В. Набокова» изложила своё видение проблемы присутствия автора (его имени) в собственном произведении. Исследование поэтики имени автора, в скрытом или явленном облике представленного в текстах В. Набокова, позволило выявить несколько приёмов, которыми пользовался для этого писатель. Изучен приём открытого включения псевдонима Сирина в русскоязычные и англоязычные произведения. Описаны ономастические приёмы, с помощью которых автор зашифровывает собственное присутствие в тексте, выявлена функциональная нагрузка онимных и безонимных номинаций, содержащих имя писателя.

Г. П. Лукаш опубликовала в сборнике двести статьи. Первая – «Матеріали до словника конотативних власних назв» – содержит словарные материалы на буквы Б, В и Г. При этом осуществляется попытка упорядочения коннотативных собственных имён на основе разработок Е. С. Отина, созданных и апробированных при работе над «Словарём коннотативных собственных имён». В статье предложены для рассмотрения собственные имена различных классов – антропонимы, топонимы, зоонимы и т. д. Слова этой категории вследствие вторичной номинации замещают в речи понятия, названные именами нарицательными,

но придают им эмоционально-экспрессивную коннотацию. Перечислю словарные статьи, представленные в публикации: *Бабин Яр, Баден-Баден, Бальзак Оноре, Батурин, Барбос, Бастилия, Бахус, Бендер Остап, Берестечко, Биківня, Бобик, Богун, Бонапарт, Борей, Боян, Бріджит Бордо, Бровко, Бродвей, Бруслі, Бутирка, Буратино, Вавилон, Вавилонська вежа, Ванька, Ваня, Васька, Вася, Венера, Володимир, Гадес, Гаврилка, Гамлет, Ганнібал, Гапка, Герострат, Гершко, Гефсиманський сад, Глитай, Гнучкошиєнко, Говерла, Голгофа, Голіаф, Голохвастов, Гольфстрим, Гомер, Грушевський.*

В статье «Процес моделювання конотонічних конструкцій» Г. П. Лукаш рассмотрела особенности структуры коннотонимных конструкций и способы их моделирования. Процесс моделирования рассматривается в аспекте действия универсальных ономастических постулатов и прослеживается на основе лингвокультурологического подхода.

В публикации М. Р. Мельник «Солярні мотиви у поезії раннього Івана Драча» рассмотрена многоаспектность семантического и образно-поэтического наполнения космонима Солнце в сборнике Ивана Драча «Соняшник». Солнцем наполняются сердца, люди, использованные в сборнике собственные имена, прежде всего – антропонимы.

А. Ф. Михина, известный специалист в области исследования болгарской антропонимии на территории Украины, опубликовала статью «Антропонимические формулы именованных женщин в болгарских сёлах Запорожской области (по архивным материалам второй половины XIX – начала XX в.)». В ней анализируются антропонимические формулы именованных болгарских женщин времени их переселения из Болгарии в Бессарабию и далее в Таврическую губернию России; рассматривается структура антропоформул, соотношение онимных и апеллятивных компонентов; даются комментарии к некоторым личным именам, патронимам и прозвищам; выявляются особенности отдельных структурных компонентов антропоформул. Фактическим материалом послужили архивные источники: фрагмент ревизской сказки 1835 г., метрические книги 2 пол. XIX – нач. XX вв., владенные записи 1872 г. болгарских сёл нынешних Бердянского, Приморского и Приазовского районов Запорожской области.

В статье Н. В. Мудровой «Стилистика антропоэтонимов в “Житии” Ивана Флягина» (тоже моей аспирантки) отмечалось, что в системе собственных имён персонажей повести Н. С. Лескова «Очарованный странник» выделяются антропоэтонимы, генетически восходящие к именам реальных лиц, сакральным, библейским, иноческим и мирским онимам. Анализируются функции паспортных и качественных именованных в тексте произведения, русских имён в иной языковой и

социальной среде, особое внимание уделяется мотиву смены имени. Исследуется стилистика средств художественной выразительности, в которых функционируют проприальные единицы

В статье О. В. Оборновой, тоже моей аспирантки, «Инобытие древнерусской ономастики в “The song of Igor’s campaign, Igor son of Svyatoslav and grandson of Oleg” В. Набокова» проанализирован антропонимикон двух вариантов текста «Слова о полку Игореве»: древнерусского и поэтического переложения В. Набокова на английский язык. Рассмотрены возможности передачи проприальной лексики одного языка средствами другого. В. В. Набоков, талантливый писатель-билингв, владеющий в равной степени как русским, так и английским языками, воспроизводит внешнюю оболочку антропонимов средствами английской графики, сохраняя при этом внутреннюю суть онимов, их коннотативную окраску.

Нередко в личных беседах с Евгением Степановичем Отиным, в кулуарных встречах во время работы различных ономастических семинаров и конференций, на Святогорских ономастических чтениях, когда мы не расставались по несколько дней, нам не раз приходилось касаться вопроса об особенностях Донецкой ономастической школы, о необходимости обозначить её отличительные черты. Чаще всего Евгений Степанович отшучивался, говорил о том, что умный исследователь всё видит по работе с конкретным материалом, что об этом, конечно же, нужно думать и рано или поздно он обязательно свои позиции по ряду вопросов изложит. Его статья «О принципах составления гидронимических каталогов нового типа: “Каталог гидронимов бассейна реки Дон”» стала одним из ответов на вопросы, время от времени интересовавшие коллег-ономастов: “А чем, собственно говоря, Донецкая ономастическая школа отличается от других?” В статье, размещённой в десятом выпуске ВУЛСа, Е. С. Отин изложил требования к научным гидронимическим каталогам (“спискам рек”) нового типа: максимальная полнота фактического материала, почерпнутого из многочисленных и разнообразных исторических и современных источников; учёт сопутствующих гидронимам однокоренных или одноосновных названий других видов в общем топонимном пространстве данной территории – ойконимов, оронимов, дримонимов и др.; точность локализации названия в гидрографической системе бассейна; подача всех зафиксированных источниками структурных вариантов и грамматических форм гидронимов и способов их графического выражения и т. д. В ней он также обосновал необходимость составления фундаментального “Каталога гидронимов бассейна реки Дон” и опубликовал три пробных (экспериментальных) фрагмента этого каталога и список источников, на материале которых

они были составлены. Это был один из наиболее серьёзных и обширных документов теоретического характера. Опираясь на принципы, изложенные в статье, Е. С. Отин осуществил грандиозный замысел: создал «Гидронимию Дона», двухтомный труд, прославивший и автора, и основанную им Донецкую ономастическую школу.

Ученица Е. С. Отина, точнее сказать, его соратница К. В. Першина в статье «Номинационная база названий художественных фильмов. I», подготовленной для сборника, поделилась своими мыслями о составной части русской идеонимии – названиях художественных кинофильмов. По её мнению, одной из номинационных опор для названий художественных фильмов является текст песни (песен). В этом случае названия кинокартин представляют собой своеобразные цитаты, извлекаемые из песенного текста, через который выражается определённая часть идейного содержания фильма. В статье были рассмотрены пути реализации указанного номинационного взаимодействия.

В этом сборнике Е. С. Отин собрал статьи, кажется, всех моих аспирантов и соискателей, работавших в то время над серьёзными исследованиями в области поэтономологии. Н. В. Усова, уже завершавшая кандидатскую диссертацию, в статье «Фоноэма как эмический компонент семантики поэтонима» обосновала применение термина “фоноэма” для обозначения материальной (фонетической и графической) стороны содержательной структуры онимов. В ней также утверждалось, что ономастическим единицам изначально свойственны потенции служить фонетическим средством выразительности художественной речи, которые имплицитно или эксплицитно присутствуют в их структуре. Была также представлена систематизация поэтонимов с точки зрения специфики их звучания.

Ещё одна моя аспирантка, Е. В. Филатова опубликовала статью «Роль коннотативных онимов английского языка при подготовке студентов специальности “гид-переводчик”», в которой рассматриваются наиболее употребительные онимы, используемые в различных вариантах английского языка на территории Соединенных Штатов Америки, Великобритании, Австралии и Новой Зеландии, которые приобрели коннотативные значения и стали употребляться в качестве синонимов нарицательных имён.

Моя первая аспирантка, ставшая кандидатом наук после защиты диссертации, посвящённой литературной ономастике, Т. В. Чуб в статье «Реальная антропонимия как основа иронической образности в “Завещаниях” Франсуа Вийона» писала, что исследование антропоэтонимов в его замечательных произведениях показало, что под влиянием словообразовательных, фонетических, структурно-семантических,

грамматических мотиваторов в семантике антропонимов формируется коннотативный ореол. Иронический подтекст произведений обеспечивается онимным каламбуром и оксюморонами, поэтонимами отконнотонимного происхождения.

В. П. Шульгач на этот раз в статье «Рефлексы псл. **Āls-* в ономастичній лексичі» предложил в сборник реконструкцию фрагмента праславянской лексической системы с корнем **Āls-* в сфере антропонимии. Реконструкция была осуществлена вопреки постулированной сложности задачи, связанной с разнообразием фонетических модификаций бинарной группы *-yl-* в структуре *tylt*.

М. А. Ююкин в статье «Древнерусские летописные ойконимы XIV–XVII вв., образованные от личных имён тюркского происхождения», рассмотрел этимологию некоторых названий населённых пунктов, упомянутых в русских летописях и образованных от личных имён тюркского происхождения. Были предложены этимологии имён *Аргуново, Бабашево Баранчеево городище, Болхов, Бурдюково, Енгирь, Каван, Киясово, Кулиберева, Курмыш, Опаково городище, Сарыево, Турдеево, Улдино, Хозяково, Черкизово, Янгурчеев городок*.

В разделе «Семантика» в сборнике была опубликована всего одна работа – М. Г. Евсеевой «‘Оборотень-хранитель’ в семантическом пространстве лиминальности». В статье рассматривался процесс формирования семантической реляции ‘оборотень-хранитель’ и анализировались ключевые факторы её коннотирования. Особое внимание было уделено вопросу лингвоментальной органичности данной реляции в семантическом пространстве лиминальности и концептосфере города.

Раздел «Словообразование» открыла статья В. Н. Липич «Нульовий формант у словотвірній структурі складно-суфіксальних іменників української мови XI–XVIII ст. (назви неосіб)». В статье на материале письменных источников украинского языка XI–XVIII ст. прослеживается динамика сложно-суффиксальной деривации имён существительных с нулевым формантом. Размещая эту статью, Е. С. Отин, думаю, руководствовался тем же правилом, что и в некоторых других случаях: давал право автору формулировать свою мысль в том виде и в тех понятиях и терминах, которые автор поддерживал или отстаивал. Разумеется, ни в XI, ни, по крайней мере, ещё в течение нескольких веков (вплоть до XIV) ни украинского, ни русского языков ещё не было. Однако процессы развития языка Древней Руси шли, и линии позднейшего расслоения уже намечались.

Е. В. Ситникова в статье «Границы словообразовательного гнезда» попыталась проанализировать, действительно ли с помощью критериев, выдвинутых И. А. Ширшовым, можно определить границы

синхронного словообразовательного гнезда. В ходе исследования были реконструированы основные черты истории гнезда на разных временных срезах; установлены мотивационные отношения в гнезде; проанализированы многозначные слова в соответствии с известными науке типами полисемии; определена структура гнезда через характеристику совокупности словообразовательных цепей и словообразовательных парадигм.

В. И. Теркулов в статье «Композитопостроение деривационного типа» рассмотрел вопрос о том, что является композитами деривационного типа. Автор предполагает, что к этому разряду относятся сложные слова, связанные с исходным словосочетанием мотивационными отношениями. При этом деривационное композитопостроение противопоставляется композитной универбализации, при которой создается простой вербальный вариант словосочетания в пределах одной номинатемы.

Раздел «Синтаксис» открыла статья С. Ф. Одайник «Предложение как многоаспектная единица синтаксиса». В ней были представлены аспекты изучения предложения как основной единицы синтаксиса. Уделено внимание структурному, интонационному, грамматическому, смысловому, стилистическому и речеорганизующему аспектам. Предложение рассмотрено как синтаксическая единица, на основании которой при её синтагматическом членении осуществляется изучение синтаксемы, членов предложения, словосочетания и синтагмы, их синтаксических связей и отношений.

Л. Н. Песорина в статье «Зевгма как средство создания комического эффекта» рассмотрела приём “зевгма” как эффективное средство создания комического эффекта. Проанализированы наиболее продуктивные модели этого явления. Определена тройственная обусловленность зевгмы (синтаксическая, морфологическая и семантическая).

Раздел «Теория и история языкознания» открыла статья М. Ангеловой-Атанасовой «Приносят на профессор Николай Ковачев и Центра по българска ономастика при Великотърновския университет за развоя на българската ономастика», в которой был представлен вклад профессора Николая Ковачева в развитие болгарской ономастики, формированию и функционированию под его руководством Центра болгарской ономастики при Великотърновском университете, реализованных научных проектах, перспективах развития Центра и основных направлениях его работы, связанной с собиранием, архивацией и научной обработкой болгарской онмии в Болгарии и за её пределами.

Е. И. Гусева статью «О становлении полифункциональности слова в языке-реципиенте (к проблеме единства языка)» посвятила описанию нескольких процессов, характеризующих динамику языка на рубеже

XX–XXI вв. Инновационные процессы, вызванные заимствованием английской терминологии, рассматриваются в связи с проблемой единства общелитературного языка и специального языка науки. Тенденция к интернационализации терминологии ведет к обособлению метаязыка, создаёт условия его дистанцирования от языка национального. Процесс детерминологизации заимствования в языке-реципиенте, напротив, обуславливает сближение метаязыка с общелитературным языком. Взаимодействие с “исконной” лексикой является предусловием функционального перехода заимствованного термина в область общего языка. Развитие полифункциональности заимствованного слова рассматривается как важный фактор восстановления целостности языка.

Ю. А. Карпенко в статье «Феномен Валерия Михайловича Калининкина» повторил свой оппонентский отзыв на мою диссертацию «Теоретические основы поэтической ономастики», сохранив все без исключения замечания, что лестно (поскольку согласился я только с одним из них) и сопроводив его несколькими, на мой взгляд, не вполне заслуженными комплиментами. В общей характеристике моей научной деятельности и развёрнутом анализе докторской диссертации Юрий Александрович увидел перспективы дальнейшего развития научного направления, которому я посвятил и посвящаю до сих пор практически всё время исследовательских занятий. Поскольку, как говорится, “своя рука – владыка”, процитирую фрагмент последнего абзаца статьи Ю. А. Карпенко, преследуя не столько цели саморекламы, сколько оценку научного направления, развитию которого надеюсь не только отдавать свои силы, но и готовить смену, продолжателей традиций Донецкой ономастической школы в сфере, относящейся к поэтонимологии. Ю. А. Карпенко десять лет назад написал: «Дисертаційне дослідження В. М. Калінкіна (робота захищена в 2000 г. – В. К.) залишається найкращою, найглибшою розвідкою з теорії літературної ономастики і на сьогоднішній день, на день 60-річчя автора. Колись працювати в галузі поетики оніма було неможливо без знайомства з працею Еммануїла Борисовича Магазаника «Ономапоетика или “говорящие имена” в литературе» (Ташкент, 1978). Через двадцять років такою етапною працею стала потужна монографія Валерія Михайловича Калінкіна «Поэтика онима» (Донецьк, 1999). Працювати на ниві літературної ономастики, не знаючи цієї монографії, неможливо. Без неї вчений залишається в XX столітті, не переходячи в XXI» [Карпенко, вып. 10, с. 339-340]. Добавлю к этому, что на рабочем столе моего компьютера созревает новая, теперь четырёхчастная (или четырёхтомная) монография «Поэтонимология». Первый её том надеюсь опубликовать в 2018 году. Это продолжение и развитие «Поэтики онима», новые направления и новые перспективы развития Донецкой ономастической

школы в области изучения поэтики собственных имён, функционирующих в художественных произведениях.

Н. Е. Касьяненко в статье «Концепты “боль” и “болезнь” и их речевые реализации в русском языке» рассмотрела универсальные концепты “боль” и “болезнь” и особенности их речевых реализаций в русской лингвокультуре. Путём анализа различных контекстов прослеживается представление о боли и болезни в обыденном сознании носителей языка, выявляются содержательные признаки названных концептов, описываются их языковые операторы. Характеризуются также метафорические реализации, связанные с индивидуальным восприятием описываемых концептов.

И. И. Меньшиковым в статье «Формализация как методологическая проблема прикладного и теоретического языкознания» рассматривается вопрос о соотношении формы и содержания в лингвистических исследованиях. Формализация целого ряда процедурных и предметных знаний о языке толкуется как очень важная, а для грамматики и абсолютно необходимая составляющая научных поисков и практических разработок, не противоречащая принципу единства формы и содержания.

З. П. Олейник в статье «Отступление или правило: категория одушевленности / неодушевленности в морфологическом аппарате русского языка» рассматривает сущность грамматического противопоставления одушевлённых/неодушевлённых существительных в русском языке: лексико-грамматические разряды или грамматическая категория классифицирующего типа. Представлено описание функционального содержания посессива “чей”, являющегося выразителем категории одушевлённости/неодушевлённости.

В. Просцевичус в статье «О внутрисловесном ресурсе языковой эволюции» предложил для обсуждения различные факторы языкового развития. В частности проанализировал природу метафоры как онтологического феномена, несводимого в своем генезисе к субъективным намерениям участников общения. Более того, язык и его конкретные реализации в речи рассматриваются автором с точки зрения их онтологической же первичности по отношению к эволюции мировоззренческих парадигм.

В статье В. А. Филатова «Личность и её языковая картина мира» освещается роль и место родного языка в жизни личности и народа в целом. Обращается внимание на его функции и правовой статус в многонациональном государстве.

Л. Ф. Фомина и Г. С. Яроцкая в статье «Языковая картина мира и “азбучные” идиомы» рассматривают “азбучные” идиомы как языковые репрезентанты фиксации человеческого сознания в целом и

культурного сознания в частности; определяют концептуальную составляющую рассматриваемых фразеологизмов и их место в русской и украинской языковых картинах мира.

Л. Е. Шокотько в статье «Особенности функционирования частицы *только* в древнерусской литературе» анализирует частицу *только* как средство выражения ограничительного значения в древнерусской литературе (по материалам Пустозёрского сборника и Памятников истории старообрядчества XVII века). Описаны условия реализации ограничительного значения, отношения акцентированного частицей компонента с остальными текстовыми фрагментами, передаваемая частицей дополнительная семантика. Отмечается связь понятия ограничения с противопоставлением множества и выделенного элемента и описываются следующие виды отношений элемента и класса: исключения и противопоставления. Рассматриваются возможности взаимозаменяемости выделительно-ограничительных частиц *только* и *лишь*.

Под рубрикой «Сравнительно-историческое языкознание» была опубликована статья Н. А. Луценко «О сравнительно-историческом методе». В статье обсуждается вопрос о том, что представляет собой сравнительно-исторический метод – основной метод компаративистики. Сравнительно-исторический метод считается единственным эффективным средством, позволяющим объяснить развитие языков, обосновать их родство. На самом деле компаративисты тезис о родстве принимают без доказательств, ибо априори допускают сравнение только форм родственных языков. Компаративисты не понимают, что из сравнения развившихся структур никакие исторические выводы сами по себе не вытекают. Компаративистика в целом – сфера мнений, а не доказательств. Назначение сравнительно-исторического метода – убедить неискущённого читателя в том, что такая псевдонаучная область, как компаративистика, является наукой.

В разделе «Лингвистика текста» были опубликованы две статьи.

В. В. Мозгунов статью «О синтаксической организации рекламного текста в русском языке: механизмы каузации» посвятил рассмотрению особенностей синтаксической организации рекламного текста. При этом используется материал современных СМИ, как печатных, так и электронных. Следует отметить, что основой являются общепринятые в языке синтаксические нормы, но существует и определённая специфика. В частности языку рекламы, с одной стороны, присущи и предпочтительны некоторые синтаксические конструкции, с другой – он избегает некоторых из них.

Статья Н. В. Павлик «Науковий лист як комунікативне і лінгвистичне утворення» посвящена исследованию малоизученного в современной отечественной лингвистике типа эпистолярной коммуникации

– научной переписки. В работе анализируется коммуникативно-прагматический, тематический и функционально-стилистический аспекты научного эпистолярия. Внимание акцентируется на особенностях построения научного письма в конкретной социокоммуникативной ситуации и специфических средствах выражения различных языковых уровней.

Под рубрикой «Язык прессы» в сборнике опубликована статья А. Ю. Хрипунковой «Мовні особливості конструювання гендерних образів у сучасних друкованих ЗМІ України». В статье рассматривается проблема формирования стереотипных гендерных образов на страницах современных печатных СМИ, конструирование которых происходит в первую очередь при помощи языка. Проведённый анализ позволяет выделить основные проявления дискриминации по половому признаку в журналистских текстах, а также систематизировать языковые и структурные методы, с помощью которых эта дискриминация формируется. Исследование сделано в контексте нового научного направления в современной журналистской теории, связанного с анализом языковых особенностей текстов СМИ, и способствует углублению научного видения гендерной проблематики в современной украинской периодике.

В приложении к сборнику опубликована «Библиография работ В. М. Калинкина».

Завершает выпуск статья В. В. Фёдорова «В чём необходимость поэта?», в которой автор утверждает, что Поэт – субъект бытия, являющегося человеческим по преимуществу. Некоторая онтологическая и ценностная тенденция, заложенная в человечестве, проявляется в поэте в наивысшей, возможной для нашего времени, степени. Поэт интересен не тем, что создаёт “поэтические произведения”, а тем, что является субъектом именно такого бытия, которое наиболее необходимо человеку в его теперешнем состоянии. В статье автор пытается дать ответ на два взаимосвязанных вопроса: какова форма бытия поэта и какова функция, которая им осуществляется.

***

Одиннадцатый выпуск ВУЛСа вышел с указанием: “60-летию профессора Николая Алексеевича Луценко посвящается”. В предисловии к нему Е. С. Отин отметил, что известный в стране и за её рубежами учёный, профессор кафедры общего языкознания и истории языка ДонНУ, почти сорок лет своей жизни отдавший филологическому факультету, уже в студенческие годы стал специализироваться на кафедре русского языка и его руководитель доцент М. В. Ионина первой увидела в нём “искру божью” будущего исследователя. К своему шестидесятилетию Н. А. Луценко пришёл как автор около 250 работ, многие из которых были опубликованы в авторитетных научных изданиях СССР, Украины

и России. Получили известность его монографии «Категория времени и вида в глаголе» (Донецк, 1997), «Грамматические категории в системе и узусе (глагол и имя)» (Донецк, 2003), «Введение в лингвистику слова» (Горловка, 2003).

Раздел «Ономастика» открыла статья И. Н. Апоненко «Онимия как признак жанра сказки», в которой представлен анализ собственных имён в разных жанрах фольклора и в литературной сказке. Отметив наличие специфических черт в фольклорной сказке, автор настаивает на наличии особенностей онимии в этом жанре устного народного творчества и обосновывает способы выявления специфики сказочных онимов на уровне народного и литературного сказочного текста. Кроме прочего, утверждается, что собственные имена в сказках, являющихся наиболее архаичным жанром устного народного творчества, были источником имён в более молодых жанрах фольклора: пословицах, поговорках, загадках и пр.

М. В. Буевская в статье «Онимные приметы поэтического цикла» рассмотрела поэтонимосферу художественного произведения как семантический и морфологический фрактал. Доказательством такого определения послужил лингвистический анализ контекстов поэтонимов. По мнению автора, фрактал как понятие междисциплинарного научного подхода действительно продуктивен при анализе поэтонимосфер художественных произведений, являя, с одной стороны, их системность, с другой, подтверждая агглютинирующую силу поэтонимов, организующих художественную целостность поэтического цикла.

В статье С. А. Вербича «З оронімії Прикарпаття (етимологічна характеристика) II» этимологизируются прикарпатские оронимы *Кигола*, *Крена*, *Чена* и *Шковица*, которые в своё время уже были объектом этимологического анализа, однако для двух из них – *Кигола* и *Шковица* – не был найден этимон. В результате анализа фонетической и словообразовательной структуры указанных оронимов, типологии семантических моделей при номинации объектов горного ландшафта делается вывод о славянском происхождении оронимов *Кигола*, *Крена*, *Чена* и *Шковица*, реконструируются праформы *kygola (*kьlgola), *щера, *skovica, которые относятся автором статьи к праславянскому лексическому фонду.

Ю. В. Зубрилова в статье «Типы метафоричних моделей ономастичної лексики» осуществила попытку рассмотрения параметров классификации ономастических метафор. При этом особое внимание было уделено фонетическим, графическим и грамматическим моделям ономастической лексики. Автор приходит к выводу, что наиболее распространённой грамматической метафорической моделью в ономастике является плюрализация. Достаточно распространены также суффиксальная деминутивация и смена родовой принадлежности онима.

В. М. Калинин в статье «Словарь языка Н. В. Гоголя и проблемы ономографии» представил соображения, касающиеся тех особенностей языка Н. В. Гоголя, которые при решении вопросов, связанных со словарём языка писателя, непременно встанут перед составителями. Они, во-первых, потребуют специфического подхода к описанию лексики в целом и, во-вторых, к ономографии поэтонимов. Кроме прочего, охарактеризован подготовительный этап работы над онимным материалом в целом и поэтонимной составляющей словаря языка писателя, в процессе которого, по мнению автора, могут обнаружиться различного рода промежуточные (между онимом и поэтонимом) и “пересекающиеся” состояния онимов.

И. М. Мирошниченко в статье «Семантичне поле “праця / неробство” засобами польських фразеологізмів з ономастичним компонентом» анализирует особенности фразеологизации собственного имени семантического поля “работа / безделье”. Автор устанавливает, что метонимически, метафорически и каламбурно переосмысленный оним играет во фразеологических единицах ведущую мотивирующую роль. Во фразеологических единицах с ономастическим компонентом содержится информация о ценностях, которые имеют для поляков особое значение (Библия, мифология, европейская литература), об истории или исторических личностях Европы, в частности польского народа, о культурных связях поляков с другими европейскими народами.

Н. В. Мудрова в статье «Паронимическая аттракция как ономастический приём: опыт сравнения двух переводов сказа Н. С. Лескова “Левша” на английский язык» обращает внимание на проблемы, возникающие при переводе этноспецифических художественных текстов на иностранный язык. Анализируется использование паронимической аттракции (народной этимологии) как средства образности в поэтонимосфере оригинала художественного текста и способы сохранения и передачи стилистического своеобразия произведения в переводах его на английский язык.

В публикации главного редактора выпуска Е. С. Отина «Гидронимия бассейна реки Битюг», носящей пробный характер, представлен фрагмент второй части каталога названий всех водных объектов одного из крупных притоков Среднего Дона – реки Битюг. Кроме основного материала, в статье осуществлён опыт внедрения в гидронимический каталог смежных с гидронимами географических названий с общей лексической базой, прежде всего, названий поселений. Приведено значительное количество синхронных и диахронных вариантов и дублетов этих названий; представлены некоторые апеллятивные соответствия из говоров донских казаков.

К. В. Першина в статье «Номинационные возможности тополексемы *Дон* в русском языке: апеллятивные производные», написанной в русле проблемы функционирования в общем языке онимов различных классов, подвергла анализу тополексему *Дон*, бытующую в современном русском языке. Выявляются её содержательные разновидности, определяется состав апеллятивов, словообразовательно связанных с той или иной из них, устанавливается характер данных связей.

Л. В. Соснина в статье «Особенности передачи фонемы [h] в составе английских онимов на язык-реципиент» обратила внимание на особенности передачи фонемы [h] в составе английских онимов на русский язык и рассмотрела наиболее спорные случаи адаптации этой фонемы. В связи с наличием разного рода трудностей при принятии решения о способе передачи автор приходит к выводу о том, что к началу XXI века было бы преждевременно говорить об упорядочении фонетической адаптации английской фонемы [h] в русском языке. Тенденция к её передаче с помощью русской буквы *х* определяется как ведущая в новых именах, однако она не отрицает случаев традиционного написания, сложившихся в прошлом.

Н. М. Федотова в статье «Текст прізвиська як знак» доказывает, что прозвище в коммуникативном процессе является целостным текстом, который оправдывает своё существование благодаря направленности на интерпретацию адресатами в виде проекции ассоциативных связей, которые возникают в сознании реципиентов, а также в связи с согласованием множества интерпретационных текстов и соотнесения знака-символа с образом поименованной личности. В свою очередь текст прозвища выступает знаком, который, воспринимаясь интерпретатором, сохраняется в его сознании как целостное образование и сохраняет при этом свою информативность.

Аспирантка ГПИИЯ И. М. Шлапак в статье «Функциональная роль антропонимов в моделирующей системе книги Джеймса Джойса “*Finnegans wake*”» рассмотрела поэтонимотворчество Джеймса Джойса на примере его последней книги «Поминки по Финнегану». Особое внимание автор статьи обращает на функциональную роль антропонимов в произведении, а также на воплощение идеи “цикличности”, которая отражена как в сюжете, так и в структуре книги.

М. В. Яковенко в словами, а не выступают разными значениями одного слова.

В разделе «Семантика» Е. С. Отин разместил статью Н. А. Навроцкой «Зіставно-порівняльний аналіз структурно-семантичних особливостей дієслів інхоативної семантики, які виражають психоемоційний стан особи». Исследование проводилось на материале английского, немецкого и украинского языков, типологически и генеалогически различных.

Инхоативные глагольные лексемы оказались наименее продуктивными в английском и немецком языках, а в украинском, напротив, – весьма продуктивными. Были определены структурные особенности глаголов инхоативной семантики. Среди глаголов украинского языка продуктивными способами словообразования оказались префиксально-суффиксальный, префиксальный и суффиксальный способы, а также присоединение постфикса *-ся*. Среди инхоативных глаголов английского языка наиболее продуктивными оказались глаголы, образованные с помощью конверсии. Исследованные глагольные лексемы инхоативной семантики в немецком языке оказались непродуктивными.

Под рубрикой «Лексикология» в сборнике опубликована заметка В. В. Шаповал «Українське (?) “нивизать” – ‘терять’ (губити час) у І. Репіна», касающаяся несуществующего “украинского” глагола, один раз употреблённого в воспоминаниях И. Е. Репина. По мнению автора, это слово является результатом ошибочного прочтения репинской записи украинского глагола “нивичить” – ‘портить’, не распознанного редактором воспоминаний К. Чуковским, в нетипичном единичном контексте.

Статьёй Г. В. Бышук «Rhythmic adjustment in spoken language» («Ритмическая адаптация устного дискурса») в сборнике был открыт отдел «Синтаксис». Ритм рассматривается автором как организующая сила устного дискурса. Акцентным моделям словоформ присуща ритмическая организация, она является характерной и для мелодического рисунка устного высказывания. Формальная система обозначения ритмических моделей при помощи решётки может рассматриваться как наглядная презентация иерархической природы ритма в речи. Эта структура является носителем концепта глобальной универсальной ритмической стабильности. Ритмические изменения встречаются не только в словах или словосочетаниях, но и в дискурсе как иерархии единиц разной ритмической весомости, который тяготеет к балансу независимо от качества или количества его элементов. В исследовании допускается мысль о размеренном ритме как важном интерактивном факторе дискурса. Тем не менее участники интеракции могут отступать от идеализированного сбалансированного ритма с целью выражения разной интенции своего высказывания.

В статье А. А. Овсянниковой «Словосочетание: строительный материал для предложения или метаструктура языка?» представлены критические замечания по поводу господствующей точки зрения на природу словосочетания, которая принадлежит В. В. Виноградову и его ученикам.

В разделе «Культура речи» была опубликована статья Л. Н. Саркисовой «О культуре речи в средствах массовой информации»,

рассматривающая активные процессы в лексике современного русского литературного языка, протекающие в условиях его интенсивной демократизации и европеизации, а также отражение этих процессов и их формирование в средствах массовой информации, влияющее на развитие нормы и культуру речи.

В раздел «История языкознания» была помещена статья О. Л. Жихаревой «Великоруська мова як результат інтеграції в концепції О. О. Шахматова». В ней рассматривается концепция А. А. Шахматова, согласно которой наречия русского языка образовались путём интеграции ранее разобщённых групп говоров, а не в результате распада «общевеликорусского наречия», которое является научной фикцией.

В разделе «Лингводидактика» опубликована статья польской исследовательницы проф. Лидии Бартошевич «Лингводидактические параметры упражнений-проектов в практике преподавания русского языка в Польше». В ней были представлены принципы, технологии и приёмы коммуникативно-творческого обучения русскому языку как иностранному на материале заданий-проектов, используемых в польских школах. Достоинства и недостатки этого типа заданий подробно рассмотрены на примере серии учебников русского языка для польских лицеев «Экспедиция».

Завершила сборник библиография работ профессора Н. А. Луценко за 1977–2007 годы.

***

В двенадцатом выпуске ВУЛСа (2008 г.) были размещены статьи по ономастике, лексикологии и лексикографии, фразеологии, словообразованию, этимологии, грамматике и стилистике украинского, русского и других языков, сравнительно-сопоставительному изучению языков, социолингвистике и истории русского и украинского языкознания.

Раздел «Ономастика. Этимология» открыла статья В. Ю. Неклесовой «Реалізація віртуального скрипту у хрононімії (на матеріалі роману “Кінець Вічності” А. Азімова)». В ней были представлены результаты исследования хрононимов в произведении, принадлежащем жанру научной фантастики. Выделены концептуальные метафоры, используемые в повседневной речи носителями языка, и те, которые указывают на индивидуальный стиль писателя.

О. О. Усова и В. Ю. Светличная представили в сборник статью «Жанрообразующая роль антропонимов (на материале новелл Н. Хвылевого)», посвящённую исследованию жанрообразующей роли поэтонимов в лексической организации новеллы. Осуществлён анализ исследований поэтонимосферы произведения как важной жанрозависимой категории. Проанализирован антропонимикон новелл

Н. Хвылевого, что дало возможность выделить особенности проявления их жанрового своеобразия.

Н. А. Луценко в статье «Русские этимологии» продолжил знакомить читателей со своими этимологическими наблюдениями. Изложение основывается на преодолении консерватизма традиционной этимологии. Используются новые идеи, касающиеся семантической стороны языка, а также тенденций развития гласных и согласных звуков. Слово как таковое толкуется как результат предикативного акта, носитель скрытой предикативности.

В статье «Контекстная семантика и поэтика онима *Лолита* в романе В. Набокова “*Лолита*”» Э. А. Кравченко поделилась результатами исследования контекстной семантики и поэтики имени *Лолита*: 1) установлены критерии выбора онима; 2) прокомментированы его взаимосвязи с апеллятивной и онимной лексикой; 3) изучены игровые приёмы, осложняющие звуко-смысловую структуру поэтонима: аллитерации, паронимии, рифмы, анаграммы, повторы и т. д. Доказана способность поэтонима к бесконечному содержательному насыщению и неисчерпаемость семантики имени в художественном произведении.

Е. Н. Сидоренко в статье «Культурная и социо-психологическая обусловленность номинационных процессов в эргонимии Мариуполя» проанализировала культурные, социальные и психологические факторы, прямо или косвенно влияющие на номинационные процессы в сфере современной эргонимии Мариуполя. Рассматривается их национальное своеобразие.

С. И. Гогильчин в статье «Этимологизирование гидронима *Байкал* при помощи семантической деривации реконструированных значений ностратических основ» предпринял попытку выяснить этимологию названия озера Байкал с точки зрения ностратической теории с помощью сопоставительного метода и метода внутренней реконструкции, а также с привлечением результатов геофизических исследований озера. Результаты исследования подтверждают предположение автора о том, что номинация этого гидрообъекта происходила в три этапа. В процессе исследования подтверждается идея о глобальном статусе образной метафоры.

Т. В. Чуб в статье «Поэтика имени главного героя в романе Ги де Мопассана “*Bel Ami*”» проанализировала влияние поэтики онимной парадигмы на идейно-художественное своеобразие романа. Образ Милого Друга в романе Мопассана во французской литературе продолжил галерею балзаковских героев-карьеристов Растиньяка и Люсьена де Рюампре. Ироническое звучание имя *Bel Ami* приобретает 1) под влиянием позиции в заглавии произведения и 2) смысловой нагрузкой прозвища, символизирующего мужчину-проститутку, использующего

любовь женщин для достижения финансового благополучия и высокого социального положения.

Е. С. Отин в статье «Из дополнений к словарю коннотативных собственных имен. I» опубликовал новые материалы для словаря коннотонимов русского языка. Восемь пробных словарных статей, отсутствующих в его последнем (третьем) издании или “недостаточно полных”, представляют часть новых материалов к готовящемуся к переизданию «Словарю коннотативных собственных имён». Из числа испытанных коннотонимизацию представлены имена: *Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна, Белый дом, Гапка, Мальчиш-Кибальчиш, Мальчиш-Плохиш, Муму, Савоська, Флоренция.*

В. М. Калинин предложил для сборника вторую статью серии «С точки зрения Ю. А. Карпенко. II. Восхождение (1981-1986 гг.)». Она посвящена разработке Ю. А. Карпенко ключевой проблемы литературной ономастики – выявлению специфических свойств онимии художественных произведений. Показана непреходящая значимость для дальнейшего развития поэтономологии попытки учёного обобщить интуитивно ощущаемые многими учёными, но не нашедшие теоретического обоснования особенности собственных имён, функционирующих в литературно-художественных текстах.

В. В. Максимова в статье «Поэтика имени *Гойя* в стихотворении А. Вознесенского “Гойя”» проследила взаимодействие имени и контекста представила фоносимволизм как ведущий принцип реализации художественного замысла произведения, рассмотрела звуко-смысловые связи поэтонима *Гойя* с апеллятивной лексикой. В статье доказывается, что антропоэтоним *Гойя* является центром семантического и эмоционально-экспрессивного поля произведения. Выделены основные приёмы (звуковые, графические и др.), формирующие поэтику собственно имени; установлено превращение поэтонима *Гойя* в символ.

В разделе «Теория языка» представлены три публикации.

Е. В. Филатова в статье «Синтагма: сфера функционирования и назначение» развивает мысли академика Л. В. Щербы о синтагме, выраженные им в последних выступлениях и неопубликованных записях. В ней утверждается, что исходной единицей организации и восприятия речи является синтагма. Уделяется внимание внутрисинтагматическим и межсинтагматическим связям и отношениям в речи.

Л. И. Чернышова в статье «Особливості функціонального навантаження предметних імен у наукових текстах» проанализировала особенности функциональной нагруженности предметных субстантивов в научных текстах, проследила семантическую дифференциацию субъектных и объектных синтаксем, лексическим наполнением которых являются предметные существительные. Определено разнообразие

морфологических вариантов, охваченных субъектными и объектными синтаксемами. Очерчен диапазон функциональной активности исследованных синтаксем в семантико-синтаксической структуре предложений научно-строительных текстов.

В статье Н. И. Ивановой «Смысловая актантность вставки в дневниках М. Пришвина» освещены результаты исследований специфики вставленных конструкций в дневниках писателя. Автокоммуникативность дневника, направленность содержания на себя способствует повышению эмоциональности таких текстов, а вставленные конструкции создают другой уровень, усиливая экспрессивность изложения.

В разделе «Фразеология» редактор сборника поместил две статьи.

Н. С. Хороз в работе «Явище фразеологічної алюзії на шпальтах хорватських газет» отметила, что умышленные авторские трансформации фразеологизмов на страницах современных хорватских газет – довольно распространённое явление, целью которого является повышение экспрессивно-эмоционального тона текста. Они влияют на сознание читателей, выявляют авторское отношение к сообщению. Одним из эффективных способов достижения экспрессивности газетной речи является приём фразеологической аллюзии, который состоит в использовании в контексте намёков на общеизвестные узуальные обороты. Детальное изучение этого явления позволило автору выделить четыре разновидности фразеологической аллюзии, которые чаще всего появляются на страницах хорватских газет: вольный пересказ фразеологизма в тексте, использование образа фразеологизма с нарушением его узуального смысла, выделение семантического ядра фразеологизма в тексте и окказиональный фразеологический аналог.

В статье О. М. Сагировой «Онімний компонент у грецькій фразеології» проанализированы фразеологические единицы греческого языка с онимным компонентом, а также рассмотрены вопросы их классификации и структурно-грамматической систематизации. Формулируются теоретические постулаты, релевантные для построения идиоматического справочника или словаря. Материал, который представлен в работе, достаточно разнообразен как в структурно-грамматическом, так и в семантическом и стилистическом аспектах.

В разделе «Лингводидактика» О. В. Подолина в статье «К вопросу о закономерностях функционирования терминологических словосочетаний в учебных текстах и профессиональной сфере общения (на материале учебных текстов “Финансы и кредит” и банковской сферы общения)» представила функционально-семантическое описание именных терминологических словосочетаний в сфере функционирования на устном и текстовом уровнях. Учитывая значимость

учебно-научной сферы общения для иностранных учащихся, материалом для исследования были избраны терминологические словосочетания, представленные в учебной и справочной литературе по финансам и кредиту, банковской и коммерческой терминологии. Характерные особенности этих языковых единиц прослеживаются в диахроническом аспекте. В результате анализа автор приходит к выводу, что функциональную особенность подъязыка “Финансы и кредит” составляет множественность номинаций в пределах одного текста. Встречаются как полные, так и редуцированные формы терминологических словосочетаний с параллельным употреблением различных синонимических конструкций.

***

Тринадцатый выпуск ВУЛСа оказался печальным: он был посвящён памяти выдающегося учёного, профессора Одесского университета, члена-корреспондента НАН Украины Юрия Александровича Карпенко. Примерно за год до смерти Юрий Александрович писал Е. С. Отину: «Милый друг, Евгений Степанович, очень рад возможности мысленно с Вами побеседовать. Я исполнен желания писать, работать, хотя недавно уже 79 лет отметил. А желаний и мыслей полна голова. Сейчас вот доделываю новое издание “Названий звёздного неба”. Там колоссальные изменения (в звёздном небе). Планет уже десять, а не девять. Спутников Юпитера уже более семидесяти, а было где-то около десяти... Названий поверхности Меркурия, Венеры, Марса (и его спутников), обратной стороны Луны – море. Астрономы названия давать любят, а вот лингвистический аспект у них не всегда хорош. Некоторые названия приходится критиковать. Потом хочу написать книгу о заглавиях. Я о ней давно мечтаю, а за буднями всё нет времени. Найду и напишу...». И Евгений Степанович сокрушался: «Не нашёл, не успел... А новое (уже третье, существенно дополненное) издание книги “Названия звёздного неба” вышло в Москве в начале текущего года. Оно бы ему понравилось» [Отин, вып. 13, с. 5-6].

Во вступительном слове к выпуску Е. С. Отин отметил также, что, кроме этого сборника, памяти выдающегося учёного посвящены материалы журнала «Λογος βνομαστικη» об истории формирования двух (Черновицкой и Одесской) научных школ и направлений исследования собственных имён на Украине, основоположником которых был Ю. А. Карпенко.

Раздел «Ономастика» этого выпуска ВУЛСа открыла статья М. В. Бувеской «Центробежные и центростремительные силы в поэтической атмосфере лирического цикла». В ней было показано, что творческое сознание автора (Марины Цветаевой) неразрывно связано с образом Москвы и его формальным воплощением в топониме, доказана

возможность существования поэтонимосферы поэтического цикла как целостности особого рода, установлены факты взаимодействия центрального образа и образа лирической героини, обозначены результаты этого взаимодействия, рассмотрен центральный поэтоним в динамике выработки, накопления и преумножения новых граней значения, дана характеристика поэтонимосферы цикла и описаны семантические процессы внутри совокупности собственных имён художественного произведения.

Ученики Ю. А. Карпенко Л. Н. Гукова и Л. Ф. Фомина в статье «Художественно-исторический взгляд А. С. Пушкина на Украину (на материале топонимии)» представили украинское географическое пространство произведений А. С. Пушкина, сосредоточив особое внимание на атрибутивных и перифрастических характеристиках географических номинаций, в частности тополексем Украина / Малороссия, позволяющих проследить разное восприятие Украины и её исторической судьбы самим поэтом в рамках его мировоззрения и персонажами поэмы «Полтава».

С. Е. Дворянчикова в статье «Из наблюдений над поэтонимами в ткани современного юмористического парадоксального афоризма» рассмотрела некоторые особенности функционирования собственных имён в составе современных юмористических парадоксальных афоризмов. Автор определила особенности исследованных единиц, проанализировала способы их создания и взаимодействие поэтики собственно-го имени и фразеологизма в составе парадоксальных юмористических афоризмов.

Л. А. Ерыш в статье «Ономастичні параметри виміру прецедентних текстів» рассмотрела типичные характеристики текста в рамках современных концепций лингвистики текста, описала роль контекста для определения значения слова. Особое внимание было уделено так называемым “прецедентным” текстам, их видам и характерным чертам.

Для этого выпуска сборника я (Калинкин В. М.) предложил Евгению Степановичу статью «С точки зрения Ю. А. Карпенко: I. Начало (1961-1981 гг.)». Это была первая статья серии, освещающей творческий путь Ю. А. Карпенко как одного из основоположников поэтонимологии – науки о собственных именах в художественной литературе. Предполагалось, что в ней будет подробно представлен путь учёного от формирования собственного взгляда на проблему до вершин, достигнутых главой первой и наиболее представительной на Украине школы литературной ономастики. Над серией я работал давно и даже опубликовал в предыдущем ВУЛСе вторую статью, которая к тому времени уже была завершена. А в этой, хронологически предшествующей уже опубликованной, дан аналитический обзор первых работ

Ю. А. Карпенко, посвящённых литературной ономастике. Прослежен путь учёного от конкретных наблюдений функционирования топонимической лексики до первой работы, ознаменовавшей поворотный пункт в развитии науки о собственных именах в художественном произведении. Показана последовательность появления в концепции учёного первых теоретических посылок, поиска методических подходов, апробации приёмов исследования, составлявших в то время подпочву методологического базиса поэтонимологии.

Статья В. А. Кравченко «Специфика антропонимной системы приазовских греков» была посвящена описанию специфики, отличительных особенностей антропонимной системы приазовских греков на примере основных её классов – личных имён, фамилий и “уличных” фамилий. Каждый из названных классов антропонимных единиц имеет свои характерные черты, связанные с лингвоэтнической природой приазовских греков. Специфика антропонимикона в целом обусловлена следующими основными факторами: во-первых, разноязычием в среде греческого этноса, во-вторых, этническим билингвизмом, в-третьих, влиянием русской и украинской антропонимии.

Г. И. Лазаренко в статье «Агіоантропоніми як джерело творення еклезіонімів XVIII-XX ст.» рассмотрела особенности развития экклезионимной системы в православной среде, проанализировала образование экклезионимов путём трансонимизации, изучила структурные и морфолого-синтаксические характеристики отагиоантропонимных экклезионимов и предложила классификацию экклезионимов, связанную с характером агиоантропонимного компонента.

В статье Н. Е. Михайличенко «Відгідронімі ойконіми на -ець західного регіону України» отмечено, что современные украинские ойконимы на *-ець* ещё не исследовались комплексно. При случае их, естественно, рассматривали, однако недостаточно углублённо и последовательно. В статье представлены краткие сведения о происхождении и значении форманта *-ець*, критерии выделения ойконимов отгидронимного происхождения, приведены примеры украинских ойконимов на *-ець* Львовской, Ивано-Франковской, Хмельницкой, Тернопольской, Черновицкой, Закарпатской областей, которые происходят от названий рек, протекающих около или непосредственно в этом населённом пункте.

А. Ф. Михина в статье «Антропонимические традиции болгарской диаспоры Украины (двухосновные семейно-родовые прозвища)» обосновала тезис о сохранении антропонимических традиций болгарской диаспорой Приазовья, рассмотрела антропоформулы функционирования в устной речи двухосновных семейно-родовых прозвищ, выявила ряды ветвей родовых имён, проанализировала закономерности

и особенности структуры антропоформул, доказала их информативность, выразившуюся в репертуаре типичных для XIX – начала XX вв. мужских личных имён, отражении в формулах тесных родственных отношений. Материалом для исследования послужили результаты полевых экспедиций по болгарским сёлам Запорожской области.

В работе О. В. Оборновой «Имя в пространстве чужой лингвокультуры» рассмотрено функционирование иноязычных поэтонимов в поэтонимосферах художественных произведений, написанных на другом (отличающемся от источника заимствования) языке. Не совпадая с онимной системой принимающего языка, имя приобретает новую сущность, начинается его инобытие. Будучи перемещённым в инознаковую среду, заимствованный поэтоним утрачивает или ингибирует ряд своих признаков за ненадобностью или неактуальностью в новом языке, но в свою очередь приобретает новые качества, невозможные прежде в рамках родной языковой системы.

В публикации «Гидронимия Дона ниже устья реки Тузлов, его дельта и гирла», носящей пробный характер, Е. С. Отин представил гидронимию Дона от Ростова-на-Дону до впадения его в Таганрогский залив Азовского моря (рукава дельты реки и её подводные русла – гирла). Позднее этот материал в частично дополненном и исправленном виде вошёл в главный гидронимический двухтомный труд автора «Гидронимия Дона» (т. 1 – 2011, т. 2 – 2012 гг.).

В статье С. А. Реммера «О специфике денотата хрононимов» определяется место хрононимов в ономастической системе, уделяется внимание особенностям природы этого разряда онимов, осмысливается специфика их денотатов.

Е. Н. Сидоренко в статье «Эргонимы в ономастическом пространстве Мариуполя» описала этапы формирования и развития эргонимикона города Мариуполя, проследила пути возникновения эргонимов под влиянием экономических и политических трансформаций в обществе и естественно-географических особенностей города.

В статье Е. С. Синенко «Структурно-семантические типы экклезионимов в летописных сводах XI–XVII веков» предлагается классификация экклезионимов, согласно которой они подразделяются на классы по происхождению, грамматической форме и полноте-краткости. На основе этого анализируются семантические, а также структурные особенности каждого класса экклезионимов. Теоретические положения иллюстрируются примерами названий XI–XVII вв.

Н. В. Усова в статье «О звукоонтологической традиции в поэтономологии: у истоков» представила предысторию и первопричины возникновения звукоонтологических воззрений на феномен имени. Прослеживается история формирования идей, связанных с

“взаимозависимостью” звука и смысла в имени в связи с эволюцией процессов мыслительной деятельности. Хронологически последовательно рассматриваются периоды развития человеческого общества: от первобытного состояния с его архаическим мышлением через мифологическое, затем метафорическое сознание к научному анализу и теоретическому осмыслению.

Т. В. Чуб в статье «Рекламные имена как ключевые компоненты поэтонимосферы романа Фредерика Бегбедера “99 франков”» показала, как лингвостилистическим результатом взаимодействия поэтонимосферы романа с системой произведения как художественной целостности стало формирование хронотопа постнатуралистического произведения. Поэтонимосфера романа организуется вокруг рекламных имён, включённых в рекламные массивы. Оставаясь идентифицирующими и индивидуализирующими знаками, рекламные имена выполняют идеологическую и эстетическую функции.

Последняя статья ономастического раздела сборника «Заголовок як засіб створення поетонімосфери (на матеріалі поетичного циклу Дж. Г. Байрона «To Thyrsa»)» написана А. В. Шотовой-Николенко. В ней излагаются результаты исследования особенностей взаимосвязи и взаимовлияния заголовка и поэтонимосферы поэтического цикла в процессе формирования художественного целого. Обращение Дж. Г. Байрона к необычному поэтому Thyrsa (Тирза), приобретая обобщённо-символическую функцию в контексте стихотворений, обуславливает тематическую направленность и соответствующее настроение одноимённого цикла. Тирза, с одной стороны, является онимом-заголовком, объединяющим стихотворения в единый цикл с единой же тематической и идейной направленностью, а с другой, является поэтом, олицетворяющим мировую скорбь по утраченной любви. Это создаёт соответствующую философскую тональность повествования и формирует ауру поэтонимосферы поэтического цикла.

Раздел «Лексикология» открыла статья А. Р. Азизовой «Запозичені назви птахів середньоанглійського періоду». В ней рассмотрены орнитонимы среднеанглийского периода, проанализированы перемены, произошедшие в этот период вследствие появления заимствованных названий птиц. Исследована степень ассимиляции заимствованных орнитонимов, обращено внимание на развитие синонимии заимствованных в среднеанглийский период развития орнитонимии и их соотношению с собственно древнеанглийской лексикой.

В статье В. С. Лугового «Лакунарні ФО-паремії з антропонімічним компонентом в романських та слов'янських мовах (французська, російська, українська)» выявляются основные факторы фразеологизации паремий с собственным именем-антропонимом. Уточняется статус

и место этих паремий во фразеологической системе, определяются основные способы перевода французских паремий на славянские языки.

Поликарпов П. В. в статье «Формирование научной терминологии по экологии посредством основосложения на базе корневых морфем новогреческого языка» доложил о результатах исследования формирования научных терминов по экологии носителями романо-германских языков с использованием производящих основ греческого языка.

Под рубрикой «История языка» в сборнике опубликована статья Л. Е. Шокотько «Особенности функционирования частицы *разве* в языке древнерусской литературы». В ней частица *разве* анализируется как средство выражения ограничительного и вопросительного значений в языке древнерусской литературы. По материалам Пустозёрского сборника и Памятников истории старообрядчества XVII века описаны условия реализации ограничительного и вопросительного значений.

В разделе «Этимология» была опубликована статья Н. А. Луценко «Русские и украинские этимологии». В ней излагаются взгляды автора на происхождение ряда слов. Изложение в его концептуальной части опирается на идею предикативности слова. Н. А. Луценко также исходил из того, что слова первоначально, чтобы “удержать” своё значение, вынуждены были непрерывно изменяться фонетически. Отправной пункт фонетических преобразований – стык согласных, являющийся источником смягчений, вставок, фонетических добавлений и т. д. Как и предыдущие статьи этимологической серии, эта последняя из опубликованных в ВУЛСе статей Н. А. Луценко показывает, сколь значимы выводы и обобщения, которые может дать опыт диахронических этюдов, внешне не связанных и к тому же критичных к традиции. В статье даны этимологии слов *Дитя*, *Дужий*, *Зиять*, *Игорь*, *Кивать*, *Кутерьма*, *Ломоть*, *Недолугий*, *Охляти*, *Первый*, *Ротозей*, *Рыба*, *Скубати*, *Три*, *Шея*.

Под рубрикой «Сравнительное языкознание» в сборнике опубликована статья С. И. Гогильчина «Сравнительный анализ концептосфер этнокультур США и Японии в контексте японской экономической экспансии», в которой предпринимается попытка произвести анализ концептосфер названных этнокультур. Особое внимание уделяется диаметральной противоположности ценностных составляющих двух концептосфер. На основании анализа делается вывод о приоритете духовной составляющей в “японском экономическом чуде”.

Раздел «Синтаксис» открыла статья Т. Н. Гапоновой «Актуальне членування складносурядних речень відкритої структури». В работе прослежена история изучения смысловых отношений на уровне сложносочинённых предложений в современной лингвистике, выяснены основные аспекты изучения сложносочинённых предложений в научной

литературе, прокомментировано соотношение понятий *открытая* и *закрытая* структура предложения, проанализированы основные подходы к изучению актуального членения сложносочинённых предложений открытой структуры в современной лингвистике.

Статья, скорее, просто заметка Н. В. Гут «Термін “слова автора” в сучасній лінгвістичній науці» посвящена функционированию вынесенного в заглавие статьи термина в современном языкознании.

В. В. Мозгунов в статье «Визначення адресата заповіту як перформативного мовленнєвого акту» осветил проблемы функционирования завещаний как особенного жанра речи. Акцентируется, что определённые экстралингвистические факторы на какое-то время вывели этот жанр из активного употребления. Но, несмотря на это, носители языка довольно легко создают тексты, соответствующие его требованиям. Автор статьи считает, что это объясняется “закреплённостью” модальной рамки жанра в сознании говорящих, и предлагает провести дальнейший детальный анализ особенностей проявления различных уровней функционирования этого жанра речи.

А. А. Овсянникова, как явствует из названия статьи «Синтагма: единица языка или единица речи?», совершает попытку выяснить сущность, природу, а также сферу функционирования синтагмы. Рассматриваются точки зрения известных учёных на эту единицу речи. Благодаря анализу проб и ошибок, которые делали лингвисты, давая определение синтагме, автор статьи утверждает, что получено целостное представление о её сути и отличии от языковой единицы – словосочетания.

В статье Е. В. Филатовой «Вопрос синтагмы в американской лингвистике» представлено освещение синтагмы в работах ряда американских лингвистов. Обращается внимание на их сильные и слабые стороны, а также на методологические ошибки при решении проблемы синтагмы.

Закрывает сборник статья С. Б. Серебровой «Интертекстуальность масс-медийных текстов: мода или потребность времени?», опубликованная под рубрикой «Культура речи». В ней рассмотрен вопрос о том, какую стилистическую и эмоциональную нагрузку несут прецедентные феномены в авторском тексте (на примере статей украинской журналистки Оксаны Забужко).

***

Четырнадцатый выпуск «Востокукраинского лингвистического сборника» вышел в свет только в 2012 году. Причин перерыва было несколько. Это и спад творческой активности авторов, и проблемы со здоровьем главного редактора, и его желание во что бы то ни стало завершить главные дела своей жизни: издать уже созданные словари и

завершить работу над «Гидронимией Дона», но, пожалуй, основная всё-таки связана с полным отсутствием финансирования издания. А поскольку и важнейшие свои труды, составляющие сегодня славу не только Донецкой ономастической школы, но и мировой филологической науки, Евгений Степанович издавал за счёт своих личных сбережений, денег на ВУЛС у него попросту не оставалось. Несмотря на это и даже вопреки этому, к юбилею Евгения Степановича были подготовлены и изданы и большой юбилейный сборник «И слово Ваше отзовётся», и четырнадцатый ВУЛС – сборник, в котором был представлен обычный набор статей по ономастике, лексикологии и лексикографии, фразеологии, словообразованию, этимологии, грамматике и стилистике украинского, русского и других языков. Статьи самого главного редактора в этот раз по вполне понятным соображениям в книге не было.

По недосмотру ответственного за выпуск, частично оправдываемому лишь тем, что статья А. А. Джелилова заканчивалась стихотворным поздравлением юбиляру, в начале сборника оказались опубликованными не ономастические материалы, а раздел «Фразеология».

Открыла сборник статья А. А. Джелилова «Фразеологические единицы с компонентом *deve* в крымскотатарском, турецком и урумском языках». В ней определяется понятие “национальная когнитивная картина мира” и проводится семантический анализ фразеологических единиц с компонентом *deve* в крымскотатарском, турецком и урумском языках. Компонент *deve* ‘верблюд’ у представителей рассматриваемых народов представляет собой важный фрагмент в структуре национальной когнитивной картины мира. А результаты когниции нашли отражение в содержательной части проанализированных фразеологических единиц перечисленных языков.

В статье О. М. Сагировой «Конотації особових імен у фразеологізмах античного походження» проанализированы коннотации собственных имён в составе античных фразеологизмов, функционирующих в новогреческом, французском и русском языках. Рассматриваются национально-культурный и общекультурный компоненты собственных имён, их проявления в узуализированных выражениях, зависимость этих проявлений от степени освоенности фразеологизмов языком-реципиентом.

Раздел «Ономастика» начинает статья Е. И. Бадасен «Композитні особові імена греків Приазов'я». В ней отмечается, что, несмотря на наличие работ Е. С. Отина по топонимии и В. А. Кравченко по антропонимии приазовских греков, антропонимный пласт ономастикона приазовских греков исследован не во всей полноте. В статье рассмотрены композитные имена приазовских греков с точки зрения их структурных особенностей, предложены этимологии компонентов композитных имён.

В статье Н. Н. Бербер «Асоціоніми Доля, Фатум, Судьба у поетонімопросторі прозових творів Марії Матиос» рассматриваются ассоционимы эпических произведений Марии Матиос. Исследованы особенности интродукции ассоционимов. Доказывается, что поэтонимное письмо, отражая философичность мышления автора, является одной из существенных особенностей идиостиля Марии Матиос.

В статье И. С. Гаврилюк «Красуня та чудовисько або опозиція “прекрасне” – “потворне” в поетонімосфері» проанализировано оппозиционное построение поэтонимосферы художественного произведения. В особенности подробно речь идёт об оппозиции “прекрасное” – “безобразное” и воплощении этих эстетических категорий в поэтонимах нескольких произведений литературы.

В статье «К метаязыку поэтонимологии. Новое введение» В. М. Калинин известил, что ею открывает новый цикл статей о метаязыке поэтонимологии как самостоятельной (в круге ономастических) научной дисциплины, исследующей онимию литературно-художественных произведений. Представлено мнение о возникновении и развитии идей о метаязыке как коде для описания естественного языка и о терминологических составляющих метаязыка поэтонимологии. Доказывается, что совершенствование метаязыка научной дисциплины, изучающей онимию литературных произведений, и унификация его собственно поэтонимологической терминологической подсистемы является важной задачей дальнейшего развития теории и практики поэтонимологии.

В. Ю. Канна в статье «Формирование коннотативного ореола топонимов» показывает различные аспекты функционирования топонимов в художественной литературе и художественно-публицистической речи. Исследуются широко распространённые случаи употребления отконнотонимных топопоэтонимов и коннотонимизации топопоэтонимов в текстах произведений. Отмечено, что процессы коннотонимизации могут проходить по двум направлениям. Установлен универсальный характер использования коннотативных интерлингвальных топонимов.

В статье Т. А. Космеды «Прагматика власної назви в его-тексті Т. Шевченка: особливості функціонування топонімів (до 155-річчя з часу написання письменницького “Щоденника”)» представлено языковое сознание Тараса Шевченко в ракурсе специфики вербализации концептов-топонимов, отражённых в писательском дневниковом дискурсе, входящем в систему его эго-текстов, которые наиболее последовательно передают субъективное мышление, лингвокреативную деятельность и прагматику речи.

Е. Б. Ляховин в статье «Концепти Дім/Дорога/Шлях/Подорож у німецькій, російській та українській лінгвокультурах як чинники

моделювання антропонімів» представила результати аналізу функцій перелічених концептів в порівнюваних лінгвокультурах сквозь призму антропонимии. Показані універсальні та національно-специфічні компоненти цих концептів.

Т. Ф. Осипова в статті «Комунікативні параметри як чинник мотивації власної назви», опираючись на твердження, згідно з яким вектор сучасних лінгвістических досліджень направлено на вивчення суспільства сквозь призму мови, показала, що взаємодія невербальної та вербальної діяльності моделює комунікативну поведінку та власне мислительний процес. Внутрішня форма прізвища, її мотивація обумовлюються найбільш важливими для людського існування факторами. В статті, крім іншого, освітлено комунікативний аспект мотивації внутрішньої форми власного імені, проаналізовані параметри невербальної комунікації, репрезентовані в українських прізвищах, а також запропоновано використання комунікативного підходу як одного з принципів типології власних імен.

В публікації В. Е. Полякова «Частотність кримськотатарських чоловічих та жіночих імен в Криму в початку ХХІ століття» здійснено спробу на основі наявного масиву даних проаналізувати частотність як чоловічих, так і жіночих імен кримських татар, а також їх стратифікацію за походженням з виявленням арабських, іранських, слов'янських, німецьких та власне тюркських джерел.

С. А. Попов в статті «Слов'янська ономастика в мережі Інтернет» інформують читачів, що слов'янська ономастика представлена багатьма сайтами в мережі Інтернет, починаючи з комерційних (виготовлення родинних та іменних дипломів) та закінчуючи освітніми. В статті дається коротка характеристика ономастических сайтів, детально описується освітній ресурс «Ономастика Росії» (www.onomastika.ru), який виступає як віртуальне наукове співтовариство ономастів Росії та ближнього зарубіжжя.

В. Д. Слипецька в статті «Прагмалінгвістичний аспект дослідження антропонімів (на матеріалі української та англійської лінгвокультур)» присвячує аналізу антропонімів, зокрема прізвищ та прізвищ, з урахуванням історії їх створення, фактора походження, формування значення, яке в сучасній мовознавстві кваліфікується як маюче прагматичну природу. Визначено особливості процесу концептуалізації позитивних та негативних ознакових характеристик людини, його емоцій, виражених оцінковою семантикою, вербалізовану в прізвищах та прізвищах; визначено національну специфіку згаданого процесу в українській та англійській лінгвокультурах.

Л. И. Соболев в работе «Номінації літер – джерело поповнення українського та російського ономастиконів» повествує о функціонуванні названий букв в українському і руському ономастических пространствах і створенні відповідуючих ономастиконів. Аналізується процес переходу названня букви як нарицательного существительного в собственное имя, что реализується в названнях журналов, именах и прозвищах людей и так далее.

Статья Т. В. Чуб «Adolf A Tué Adolphe (на материале пьесы Матье Делапорта и Александра де ла Пательера “Le Prénom”»)», повествующая об исследовании поэтонимикона пьесы «Le Prénom» Матье Делапорта и Александра де ла Пательера, показала, как иронический подтекст пьесы обеспечивается, кроме прочего, онимным каламбуром, “говорящей” внутренней семантикой имён и прозвищ, поэтонимами отконнотонимного происхождения и урбанопэтонимами. Художественно-эстетические функции проприальных единиц позволяют охарактеризовать пьесу как онимную, использующую возможности омофонии, гетерогенной семантики и авторской рефлексии на имена.

Раздел «Вопросы теории языка» открывается работой, имеющей историко-ономастическую направленность. С. Н. Пахомова в статье «Про роль держави у формуванні офіційних стандартів ідентифікації слов'ян» осветила роль государства в формировании способов именования человека в славянских языках. Переход от однолексемной антропосистемы к многолексемной рассматривается как одна из ономастических универсалий. Определяющим фактором в процессе формирования официальных антропонимических стандартов, по мнению автора, является влияние государства.

М. В. Пименова перед текстом статьи «Смена стереотипов в лингвокультуре, или новый взгляд на реликты древнего сознания» поместила обращение-пожелание следующего содержания: “Профессору Е. С. Отину: Юбилеям традиционно принято желать здоровья, счастья и успешного творчества! Эти пожелания хочу дополнить словами искреннего восхищения организаторским талантом, юношеским задором, такой удивительной любовью к жизни и азартностью – так гармонично сочетающимися в Вас”. Сама же статья посвящена результатам исследований русской языковой картины мира. Концептуальный и этногерменевтический подходы позволяют дать новую интерпретацию глубинного смысла привычных слов, скрывающих забытые стереотипы.

И. М. Сирко в статье «Концепт *Україна* та його асоціативний ряд у щоденникових записах М. Галабурди-Чигрин» осуществлена попытка реконструкции параметров речемышления автора дневниковых записей. Осуществлено это с привлечением языковых знаков украинской культуры, в частности концепта *Україна* и его лексических и

ассоциативно-семантических конкретизаторов *люди, украинское село, украинская песня, украинская хата* и т. д., актуализирующихся в дневниковом дискурсе М. Галабурди-Чигрин. Прослежены параметры речемышления автора, подчёркнуто, что особенности индивидуального стиля детерминированы экстралингвальными факторами, в частности “диаспорным” мировоззрением.

В статье Л. П. Ивановой «Роль экстралингвистических факторов в формировании и развитии литературных языков» утверждаются нижеследующие положения: “Возникновение и развитие языка является вечной проблемой нашей науки. Сформировались два наиболее общих понимания глоттогонического процесса: как его единство и как специфичность для каждого языка. Можно выделить определённые этапы, которые неминуемо должен пройти всякий развитый язык: 1) становление, 2) создание письменности, 3) приобретение языком литературного нормирования и функционально-стилевого членения. На формирование и использование системы функциональных стилей в разных языках воздействуют различные факторы. Одни носят более универсальный характер (языковая личность, язык художественной литературы, письменная традиция, разговорная стихия), другие – более частные (политика, фольклор, религия). Действие указанных факторов переплетается, их не всегда легко разграничить (политика – традиция, традиция – разговорная стихия и т. п.). На разных этапах развития функциональных стилей действуют различные факторы” [Иванова, вып. 14, с. 173-184].

Раздел «История языка» представлен статьёй У. А. Карпенко «Категория языкового познания и её отображение в первокорне». В работе обосновывается понятие первокорня и разрабатывается когнитивно-сравнительный этимологический метод для его анализа. Доказывается существование древнейших первокорней, которые присутствуют в разных, в том числе неродственных языках. Их наличие обусловлено не заимствованием, а восхождением к праязыку. Смысл первокорня остаётся неизменным и транслируется сквозь века, значения же трансформируются под воздействием метонимических и метафорических переносов, закрепляясь в конкретных словах того или иного языка на данном этапе его развития. Первокорень отображает процесс познания, в результате которого человеком был выделен и назван тот или иной фрагмент действительности.

В раздел «Язык и общество» была помещена статья Н. В. Ермаковой «Лингвистические особенности интернет-коммуникации», в которой представлено одно из направлений (по мнению автора статьи – “основных”) современной лингвистики и лингвофольклористики – метаязыковое пространство виртуальной коммуникации. В статье структурно представлены такие коммуникативные уровни, как текст, контекст,

гипертекст, рассмотрены фонетические и лексические особенности метаязыковой картины интернета на примере “языка кашенитов” “албанского языка”, “жаргона интернет-падонков”.

Статья К. А. Кантур «Манипулятивное воздействие и особенности функционирования эвфемизмов как средства митигации в языке СМИ» рассматривает вопросы, связанные с мировоззренческим значением манипулятивного воздействия средств митигации на человека, лингвистическими исследованиями по манипулированию реципиентами, анализом манипулятивных технологий и методов воздействия митигационных средств в языке СМИ, изучением принципов психологической защиты от манипуляции человеческим сознанием через средства массовой информации, с критериями отбора эвфемизмов в современной англоязычной и русскоязычной прессе, синтаксическими способами и средствами образования эвфемизмов, функционированием эвфемизмов и их прагматическими задачами в коммуникативном пространстве. Статья также направлена на определение факторов, обуславливающих пополнение словарного фонда английского и русского языков новыми единицами, и выявление природы и механизмов манипулятивного воздействия эвфемизмов, функционирующих в языке СМИ.

В раздел «Язык писателя», закрывающий сборник, была помещена статья И. Ю. Жигоренко «Ритм прози як засіб вивчення ідіостилю». В ней дана панорама использования ритма и рифмы в литературах Англии, Германии и Франции, начиная с VIII столетия и заканчивая произведениями наших современников. Анализируется возникновение терминов “ритм” и “рифма”; устанавливается связь между гекзаметром и штабраймом на уровне структуры; обосновываются предпосылки возникновения штабрайма (аллитерационного стиха) и использование его в героическом эпосе; прослеживается постепенный переход ритмизованной поэзии к ритмической прозе; приводится обзор исследований, касающихся определения единицы ритма художественной прозы; даётся подробная классификация выявленных в языкознании единиц ритма. Подчёркивается смена направлений исследования в ритмологии от рассмотрения структурных элементов прозы к анализу содержательных составляющих и, как следствие, переход к семантическому ритму как объекту анализа. Предлагается применять наработки ритмологии для изучения идиостиля.

***

Последний, пятнадцатый выпуск ВУЛСа был осуществлён в 2014 году. Как обычно, в нём были представлены статьи по различным направлениям языкознания, и, как обычно, основную часть публикаций составили работы по ономастике. Единственное, что отличало его от

предшествующих выпусков, стало разделение ономастических публикаций на две рубрики: «Ономастика» и «Поэтонимология».

Раздел «Ономастика» открыла публикация Г. П. Лукаш «Культурні смисли когнітивної матриці конотоніма». В статье осуществлена попытка представить когнитивную модель коннотонима как культурную матрицу. Автор попыталась доказать, что коннотоним испытывает мощное влияние культуры как когнитивного механизма, обеспечивающего аккумуляцию, переработку, трансляцию и продуцирование культурных смыслов вследствие накопления в его матрице информации о природе, человеке и обществе. Моделирование прослежено в полевом формате. Ядро матрицы коннотонима составляет концепт “культурный концепт знакового обозначения”, а периферийные компоненты – разные аспекты его осмысления носителем языка. Отмечено, что интеллектуальным потребностям личности должен отвечать и уровень развития общества, который побуждает говорящего повышать свою эрудицию, обогащая базу эталонных образцов.

Статья Н. В. Меркуловой «*L'évolution historique du système onomastique français*» (“Историческая эволюция французской ономастической системы”) посвящена вопросам изучения французской ономастической системы в её историческом развитии. Выделяются характерные особенности имён собственных на каждом этапе эволюции. Рассматриваются проблемы нормы и требования к процессу номинации. Затрагивается аспект социального восприятия онимов.

Ю. В. Мерьмова в статье «Класифікація онімів англійських та українських літературних казок у зв'язку з об'єктом іменування» рассмотрела онимию литературных сказок, которые представляют собой особую систему собственных имён. В работе представлена классификация онимов в связи с объектом именованья в английских, русских и украинских авторских сказках. Предложен сопоставительный анализ количественных показателей онимов различных разрядов в трёх языках. Выделены общие и отличительные черты функционирования собственных имён авторских сказок в трёх языках.

Н. С. Минина в статье «Выделение онимов в структуре стихотворения при помощи частиц (вот, не, один)» рассмотрела случаи выделения онимов при помощи частиц в поэтических текстах. Случаи акцентирования частицами онимов в структуре стихотворений нетипичны и представляют огромный интерес в качестве объекта исследования. В работе описаны случаи выделения онимов при помощи частиц *вот, не, один* в стихотворениях М. Ю. Лермонтова, А. Блока и М. Цветаевой.

В статье О. М. Сагировой «Конотації особових імен у фразеологізмах античного походження» анализируются коннотации античной онимии в новогреческом, французском, русском и украинском

языках. Представлено описание национально-культурной и общекультурной составляющих семантики составных онимов, примеры их употребления в составе устойчивых сочетаний в зависимости от степени их вхождения в языковую систему.

Т. А. Сироткина посвятила статью «Региональный ономастикон как средство вербализации ономастических категорий» анализу различных разрядов регионального ономастикона с когнитивной точки зрения. Автор приходит к выводу о том, что отражением представлений человека об окружающем мире имён являются ономастические категории. Получая репрезентацию посредством различных ономастических единиц, они строятся на основе определённых ономастических концептов, являющихся средством объективации категориальных смыслов.

Статья Н. В. Усовой «Осмысление онтологии имени в филологической традиции» представляет собой попытку анализа исторических предпосылок формирования особого статуса имени собственного в языке и культуре. Проблема онтологических истоков имени рассматривается с позиций традиций семиотической школы.

Раздел «Поэтонимология» открыла статья И. С. Гаврилюк «Особенности поэтонимосферы роману Франца Кафки “Замок”», в которой анализируется роль поэтонимов, употреблённых в конкретных контекстах, в осуществлении интертекстуальной связи, раскрытии новых слоёв значения текста. Важным аспектом является звуковая форма, которая может обуславливать психологическое восприятие персонажа.

В. М. Калинин в статье «Функции собственных имён как выразительного средства поэтики К. Ф. Рылеева» представил наблюдения над функционированием собственных имён в стихотворных произведениях К. Ф. Рылеева. Были определены тенденции развития стилистики имён в направлении от сентиментализма к романтизму и отдельным элементам реалистической поэтики онимов. Показана специфика употребления выразительных возможностей каждого из разрядов собственных имён, онимных перифраз и поэтических номинаций, использованных автором.

В статье А. Г. Козловой «О некоторых особенностях поэтонимосферы Тимура Шаова» анализируются основные особенности поэтонимосферы современного российского барда, характеризующейся высокой степенью концентрации онимов разных типов. Выявляются функции прецедентных онимов (в том числе их пар и рядов), в частности как маркеров интертекстуальности. Характеризуются случаи апелляции онимов и онимизации апеллативов, использования окказиональных антропонимов и топонимов, окказиональных отонимных диминутивов. Проведённое исследование свидетельствует о богатстве поэтонимосферы автора и открывает перспективы её дальнейшего изучения.

К. С. Федотова статью «Архаизация антропонима как способ создания образа времени в стихотворении Н. Гумилёва “Юдифь”» посвятила архаизации как одной из функций поэтонима. Уделяется внимание поэтонимосфере произведения, отдельно рассматривается поэтоним *Иоканаан*. Обращается внимание на специфику употребления указанного антропонима, а также влияние поэтики акмеизма на авторский выбор поэтонимов.

В разделе «Из истории языка» опубликована статья Л. Е. Шокотко «Союзные функции выделительно-ограничительных частиц в языке древнерусской литературы». В ней на материале Пустозёрского сборника и памятников истории старообрядчества и деловой письменности XVII века описаны особенности употребления ограничительных частиц в функции союзов в сложносочинённых и сложноподчинённых предложениях.

Раздел «Лингвистическая методология» содержит статью Н. А. Гайдук «Изучение онимной лексики в процессе обучения переводчиков». В ней освещены проблематика и значение изучения онимной лексики студентами-переводчиками. Поскольку онимная лексика по праву относится к фоновой, то онимы приобретают способность передавать информацию, известную носителю языка оригинала, но закрытую для “непосвящённых”, инокультурных восприимчивых. А, как известно, основная практическая цель деятельности переводчика – сделать “закрытую” информацию “открытой”, перекодировать информационное сообщение на языке оригинала в язык перевода, создать эквивалентный оригиналу текст перевода.

Раздел «Язык писателя» представлен двумя работами. Статья Е. А. Скоробогатовой «Языковой сигнал рекурсивной организации художественного текста (повтор имени)» рассматривает повтор антропонима как языковой знак рекурсивного образа в художественном тексте. Повтор антропонима с этой целью применяется как в поэзии, так и в прозе, что является отличительной чертой данного приёма. Анализируются рекурсивные образы в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» и в стихотворении А. Городницкого «Рахиль».

Большая публикация Е. И. Царенко «Некоторые способы интерпретации художественных текстов М. А. Булгакова» (130 страниц) представляет собой, по сути, монографическое исследование и могла бы быть опубликована как отдельная книга. Но вот беда: финансирование филологических исследований у нас, кажется, всегда носило условно-номинативный характер. Монография (буду называть так) Евгения Ивановича состоит из трёх очерков. В первом и втором представлен критический анализ работ некоторых авторов с их специфическими и в то же время типичными способами интерпретации художественных

текстов М. А. Булгакова. Показана неадекватность таких приёмов исследования, как прототипы, ассоциации, предположения и т. п. В очерке третьем предлагается собственный вариант комментариев к “древним главам” романа «Мастер и Маргарита».

В разделе «Из архивов» были опубликованы некоторые письма О. Н. Трубочёва к Е. С. Отину за период с 1952 по 1999 год. Размещена фотокопия тезисов доклада студента Олега Трубочёва (1952 г.).

Завершила сборник рецензия работающего в Польше болгарского языковеда Л. П. Селимски «Рецензия на кн.: Отин Е. С. Гидронимия Дона. Том 1. Верхний и Средний Дон. – Донецк: Юго-Восток, 2011. – 574 с.; Том 2. Нижний Дон. – Донецк: Юго-Восток, 2012. – 792 с.»

Последний выпуск Восточноукраинского лингвистического сборника не стал точкой в истории его существования. Верность принципам, заложенным Евгением Степановичем Отиным в проект универсального лингвистического издания, верность традициям, сформировавшимся за годы его существования, наконец, верность памяти Учителя обязывает продолжить его дело. Будет ли оно столь же авторитетным, зависит от нас, принявших на себя ответственность продолжить издание. Выходить он отныне будет с названием «Восточноукраинский лингвистический сборник имени Е. С. Отина». А чтобы сохранить память о ВУЛСе, нумерацию будем вести следующим образом: начнём с № 1(16), т. е. первый выпуск ВУЛСа имени Е. С. Отина будет одновременно продолжением пятнадцати выпусков ВУЛСов, подготовленных и изданных Евгением Степановичем. Пожелаем нашему новому изданию большого плавания. Нас объединяет также уверенность в том, что рано или поздно ВУЛС имени Отина займёт достойное место в ряду признаваемых международным научным сообществом авторитетных научных изданий.

СПИСОК ПРОЦИТИРОВАННЫХ СТАТЕЙ

- Борисова Л. П. Названия природных и искусственных водоёмов Донетчины [Текст] / Л. П. Борисова // Восточноукраинский лингвистический сборник: Выпуск первый. Сб. научн. тр. / Сост. Е. С. Отин [научн. ред.] и др. – Донецк: ДонГУ, 1994. – С. 79-85.
- Загнітко А. П. Типологія синтаксичних зв'язків [Текст] / А. П. Загнітко // Восточноукраинский лингвистический сборник: Выпуск второй. Сб. научн. тр. / Редколлегия: Е. С. Отин [отв. ред.] и др. – Донецк: ДонГУ, 1996. – С. 3-11.
- Загнітко А. П. Типологія семантико-синтаксичних відношень [Текст] / А. П. Загнітко // Восточноукраинский лингвистический сборник:

- Выпуск третий. Сб. научн. тр. / Редколлегия: Е. С. Отин [отв. ред.] и др.– Донецк: ДонГУ, 1997. – С. 22-33.
- Загнітко А. П. Лінгво-когнітивні параметри предикативного ядра [Текст] / А. П. Загнітко // Восточноукраинский лингвистический сборник: Выпуск четвёртый. Сборник научных трудов / Редколлегия: Е. С. Отин [отв. ред.] и др.– Донецк, 1998. – С. 24-33.
- Карпенко Ю. О. Феномен Валерія Михайловича Калінкіна [Текст] / Ю. О. Карпенко // Восточноукраинский лингвистический сборник: Сборник научных трудов / Отв. ред Е. С. Отин. – Вып.10.– Донецк: ТОВ «Юго-Восток. Лтд», 2006. – С. 333-340.
- Ковалёв Г. Ф. Ономастическая загадка Михаила Булгакова [Текст] / Г. Ф. Ковалёв // Восточноукраинский лингвистический сборник: Выпуск третий. Сб. научн. тр. / Редколлегия: Е. С. Отин [отв. ред.] и др.– Донецк: ДонГУ, 1997. – С. 40-47.
- Ковалёв Г. Ф. Похабен ли русский мат? [Текст] / Г. Ф. Ковалёв // Восточноукраинский лингвистический сборник: Выпуск четвёртый. Сборник научных трудов / Редколлегия: Е. С. Отин [отв. ред.] и др.– Донецк, 1998. – С. 82-85.
- Красных В. В. Когнитивная база vs культурное пространство в аспекте изучения языковой личности (к вопросу о русской концептосфере) [Текст] / В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: Филология, 1997. – С. 128-144.
- Луценко Н. А. Переход задненёбных в аффрикаты в славянских группах kv, gv [Текст] Н. А. Луценко // Восточноукраинский лингвистический сборник: Выпуск первый. Сб. научн. тр. / Сост. Е. С. Отин [научн. ред.] и др.– Донецк: ДонГУ, 1994. – С. 11-21.
- Луценко Н. А. Об именах существительных среднего рода в русском языке [Текст] / Н. А. Луценко // Восточноукраинский лингвистический сборник: Выпуск третий. Сб. научн. тр. / Редколлегия: Е. С. Отин [отв. ред.] и др.– Донецк: ДонГУ, 1997. – С. 3-16.
- Луценко Н. А. Творительный сравнения: условия реализации, исторические и функционально-смысловые связи [Текст] / Н. А. Луценко // Восточноукраинский лингвистический сборник: Выпуск четвёртый. Сборник научных трудов / Редколлегия: Е. С. Отин [отв. ред.] и др.– Донецк, 1998. – С. 3-23.
- Мурзаев Э. М. Материалы к «Русской энциклопедии» (Алтай. Байкал. Каспийское море. Personalia) [Текст] / Э. М. Мурзаев // Восточноукраинский лингвистический сборник: Выпуск первый. Сб. научн. тр. / Сост. Е. С. Отин [научн. ред.] и др.– Донецк: ДонГУ, 1994. – С. 66-72.
- Недотопа В. В. Окказиональные наименования атрибутов новой формации в антиутопии (на материале романов В. Войновича

- «Москва 2042» и Е. Замятина «Мы») [Текст] / В. В. Недотопа // Восточноукраинский лингвистический сборник: Выпуск третий. Сб. научн. тр. / Редколлегия: Е. С. Отин [отв. ред.] и др.– Донецк: ДонГУ, 1997. – С. 95-101.
- Отин Е. С. Введение [Текст] / Е. С. Отин // Восточноукраинский лингвистический сборник: Выпуск первый. Сб. научн. тр. / Сост. Е. С. Отин [научн. ред.] и др.– Донецк: ДонГУ, 1994. – С. 3.
- Отин Е. С. Дон и Донец [Текст] / Е. С. Отин // Восточноукраинский лингвистический сборник: Выпуск первый. Сб. научн. тр. / Сост. Е. С. Отин [научн. ред.] и др.– Донецк: ДонГУ, 1994. – С. 55-63.
- Отин Е. С. О происхождении фамилии Отин (к вопросу о мотивационной многоплановости некоторых фамилий) [Текст] / Е. С. Отин // Восточноукраинский лингвистический сборник: Выпуск второй. Сборник научных трудов / Редколлегия: Е. С. Отин [отв. ред.] и др.– Донецк: ДонГУ, 1996. – С. 84-88.
- Отин Е. С. Из истории названий рек Донецкого края [Текст] / Е. С. Отин // Восточноукраинский лингвистический сборник: Выпуск третий. Сб. научн. тр. / Редколлегия: Е. С. Отин [отв. ред.] и др.– Донецк: ДонГУ, 1997. – С. 78-85.
- Отин Е. С. Новые материалы по топонимии приазовских греков [Текст] / Е. С. Отин // Восточноукраинский лингвистический сборник: Выпуск третий. Сб. научн. тр. / Редколлегия: Е. С. Отин [отв. ред.] и др.– Донецк: ДонГУ, 1997. – С. 86-94.
- Отин Е. С., Борисова Л. П. Топонимия старого Мариуполя и его окрестностей (из материалов «Историко-этимологического словаря юго-восточной Украины») [Текст] / Е. С. Отин, Л. П. Борисова // Восточноукраинский лингвистический сборник: Выпуск третий. Сб. научн. тр. / Редколлегия: Е. С. Отин [отв. ред.] и др.– Донецк: ДонГУ, 1997. – С. 65-77.
- Отин Е. С., Максимова Н. В. Стилистические функции собственных имён в рассказах В. М. Гаршина [Текст] / Е. С. Отин, Н. В. Максимова // Восточноукраинский лингвистический сборник: Выпуск четвёртый. Сб. научн. тр. / Редколлегия: Е. С. Отин [отв. ред.] и др.– Донецк, 1998. – С. 156-164.
- Першина К. В. Из наблюдений над русской народной хрононимией [Текст] / К. В. Першина // Восточноукраинский лингвистический сборник: Выпуск третий. Сб. научн. тр. / Редколлегия: Е. С. Отин [отв. ред.] и др.– Донецк: ДонГУ, 1997. – С. 48-58.
- Реммер С. А. К вопросу об определении хрононимов [Текст] / С. А. Реммер // Восточноукраинский лингвистический сборник: Выпуск второй. Сборник научных трудов / Редколлегия: Е. С. Отин [отв. ред.] и др.– Донецк: ДонГУ, 1996. – С. 89-97.

- Рогозина В. И. Антропонимная номинация в романе В. Дружинина «Державы Российской посол» [Текст] / В. И. Рогозина // Восточноукраинский лингвистический сборник: Выпуск первый. Сб. научн. тр. // Сост. Е. С. Отин [научн. ред.] и др.– Донецк: ДонГУ, 1994. – С. 109-112.
- Святский Д. О. Очерки истории астрономии в Древней Руси. Ч.1 [Текст] / Д. О. Святский // Историко-астрономические исследования. – М., 1961. Вып. VII.
- Симоненко А. Е. Очерки по истории и теории русской терминологии XVIII – I-й пол. XIX вв. [Текст] / А. Е. Симоненко. – Юго-Восток, 2009. – 580 с.
- Царенко Е. И. О взаимодействии языковых уровней [Текст] / Е. И. Царенко // Восточноукраинский лингвистический сборник: Выпуск первый. Сб. научн. тр. // Сост. Е. С. Отин [научн. ред.] и др.– Донецк: ДонГУ, 1994. – С. 4-10.
- Шульгач В. П. Заметки по донской гидронимии: *Кереста. Шигор* [Текст] / В. П. Шульгач // Восточноукраинский лингвистический сборник: Выпуск третий. Сб. научн. тр. / Редколлегия: Е. С. Отин [отв. ред.] и др.– Донецк: ДонГУ, 1997. – С. 62-64.
- Юдин А. В. Калиновый мост [Текст] / А. В. Юдин // Восточноукраинский лингвистический сборник: Выпуск третий. Сб. научн. тр. / Редколлегия: Е. С. Отин [отв. ред.] и др.– Донецк: ДонГУ, 1997. – С. 59-61.

ПРИЛОЖЕНИЕ

«ВОСТОЧНОУКРАИНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СБОРНИК» 1994 – 2014 гг. СОДЕРЖАНИЕ ВСЕХ ВЫПУСКОВ.

Восточноукраинский лингвистический сборник: Выпуск первый. Сб. научн. тр. // Сост. Е. С. Отин [научн.ред.] и др.– Донецк: ДонГУ, 1994. – 118 с.

Редактор	Введение	3
ТЕОРИЯ ЯЗЫКА		
Царенко Е. И.	О взаимодействии языковых уровней	4
Луценко Н. А.	Переход задненёбных в аффрикаты в славянских группах <i>kv, gv</i>	11
РАЗВИТИЕ СЛОВАРНОГО СОСТАВА РУССКОГО ЯЗЫКА. ЛЕКСИКОГРАФИЯ XVIII ВЕКА		

Маторина Н. М.	Эволюция словообразовательного гнезда с вершенным словом дѣлати	22
Солдатова Т. Е.	Семантическое освоение заимствованной лексики пробирного дела и аффинажа в русском языке XVII-XIX вв.	28
Симоненко А. Е.	Из истории лексикографии “малых” форм: вводно-терминологические разделы в книгах XVIII в.	32
Касьяненко Н. Е.	Онимы и отонимные образования в русской лексикографии XVIII в. (объём, состав и способы словарного описания)	43
Задорожная О. И.	О смещении словарных жанров в русской лексикографии XVIII в. (по материалам “Словаря архитектурного” Ф. Каржавина 1791 г.)	50
МАТЕРИАЛЫ К «РУССКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ» И «ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМУ СЛОВАРЮ ТОПОНИМОВ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ УКРАИНЫ»		
Отин Е. С.	Дон и Донец	55
Карпенко Ю. А.	Днепр	63
Мурзаев Э. М.	Материалы к «Русской энциклопедии» (Алтай. Байкал. Каспийское море. Personalia)	66
Зубов Н. И.	Квазитеоним <u>Род</u>	73
Ковалёв Г. Ф.	Этнонимия древней Руси	75
Юдин А. В.	Мифонимы <u>Голубиная книга</u> и <u>трясовицы</u>	76
Борисова Л. П.	Названия природных и искусственных водоёмов Донетчины	79
Першина К. В.	Из истории ойконимов Донбасса	86
Реммер С. А.	Русская хрононимия	92
ПОЭТИЧЕСКАЯ ОНОМАСТИКА		
Михина А. Ф.	Состав и функции именованний мужских персонажей в народных песнях болгар Украины и Молдавии	100
Рогозина В. И.	Антропонимная номинация в романе В. Дружинина «Державы российской посол»	109

Восточнoукраинский лингвистический сборник: Выпуск второй. Сборник научных трудов / Редколлегия: Е. С. Отин (отв. ред.) и др. – Донецк: ДонГУ, 1996. – 192 с.

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

Загнітко А. П.	Типологія синтаксичних зв'язків	3
Луценко Н. А.	О соотношении I, İ и J (на материале русского языка)	12
Царенко Е. И.	О взаимодействии языковых уровней. (Часть II)	29
СТРУКТУРА СЛОВА. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ		
Ольшанский О. Е.	О морфемном строении собственных имён	38
Маторина Н. М.	О некоторых аспектах изучения словообразовательных гнёзд (на материале СГ <i>делать</i> и <i>деять</i>)	43
Борисова Л. П.	Словообразовательное гнездо с вершиной <i>воспитать</i> 'вращивать, оказывать педагогическое воздействие' в истории русского языка XVII-XX вв.	49
ОНОМАСТИКА		
Железняк І. М.	Лінгвістична аналогія та формування топонімного ареалу	56
Шульгач В. П.	К происхождению гидронима Шевалда	64
Отин Е. С.	О топониме Шевалда	66
Маторин Б. И.	Онимообразовательные процессы в современной русской эргонимии (на материале названий коммерческих структур)	68
Яковенко М. В.	Абсолютная межвидовая трансонимизация	74
Отин Е. С.	О происхождении фамилии О т и н	84
Реммер С. А.	К вопросу об определении хрононимов	89
ОНОМАСТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ К "РУССКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ"		
Русинов Н. Д.	Белая Русь. Калеметь. Клешино озеро. Переславль-Залесский. Переславль Рязанский. Пермь. Пермь, Пермь Великая. Пермь (город). Синий камень. Старая Рязань. Ярилова плешь. Биармия. Медвежий угол. Пашина гора. Тугова гора	98
Отин Е. С.	Обоянь	107
Юдин А. В.	Мифоним Смородина	109
ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА		
Отин Е. С.	Из коннотационного словаря русских онимов (буква Ф)	112
Симоненко А. Е.	Из истории создания первого толкового словаря русского языка: «Словарь российского языка» 1776 г.	125
Отин Е. С.	Материалы к словарю субстандартной лексики	150
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕЧЬ. ЯЗЫК ФОЛЬКЛОРА		

Саркисова Л. Н.	О лингвистической природе подтекста	166
Рымарь С. М.	К вопросу о категории рода имён с суффиксами субъективной оценки в языке русского фольклора	173

Восточноукраинский лингвистический сборник: Выпуск третий. Сборник научных трудов // Редколлегия: Е. С. Отин (отв. ред.) и др. – Донецк: ДонГУ, 1997. – 122 с.

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА		
Луценко Н. А.	Об именах существительных среднего рода в русском языке	3
Беляева М. Ю.	Внутренняя форма. Контаминант и контекст	17
Загнітко А. П.	Типологія семантико-синтаксичних відношень	22
ОНОМАСТИКА		
Карпенко Ю. О.	Велес залишається на троні	34
Ковалёв Г. Ф.	Ономастическая загадка Михаила Булгакова	40
Першина К. В.	Из наблюдений над русской народной хрононимией	48
Юдин А. В.	Калиновый мост	59
Шульгач В. П.	Заметки по донской гидронимии: <i>Кереста. Щигор</i>	62
Отин Е. С., Борисова Л. П.	Топонимия старого Мариуполя и его окрестностей (из материалов «Историко-этимологического словаря юго-восточной Украины»)	65
Отин Е. С.	Из истории названий рек Донецкого края	78
Отин Е. С.	Новые материалы по топонимии приазовских греков	86
Недотопа В. В.	Окказиональные наименования атрибутов новой формации в антиутопии. (На материале романов В. Войновича «Москва 2042» и Е. Замятина «Мы»)	95
СЛОВООБРАЗОВАНИЕ		
Маторин Б. И.	О некоторых тенденциях в процессах современного русского эргонимообразования	102
Маторина Н. М.	Исторический аспект исследования словообразовательных гнезд	106
СТИЛИСТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА		

Саркисова Л. Н.	К вопросу об определении понятий «стилистическая норма» и «стилистическая ошибка»	113
-----------------	---	-----

Восточнoукраинский лингвистический сборник: Выпуск четвёртый. Сборник научных трудов // Редколлегия: Е. С. Отин (отв. ред.) и др. – Донецк, 1998. – 220 с.

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

Луценко Н. А.	Творительный сравнения: условия реализации, исторические и функционально-смысловые связи	3
Загнітко А. П.	Лінгво-когнітивні параметри предикативного ядра	24
Беляева М. Ю.	Гибриды: действительность – мышление – язык	34

ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Касьяненко Н. Е.	Собственные имена в “Лексиконе Российском” В. Н. Татищева	43
Отин Е. С.	Материалы к словарю субстандартной лексики (продолжение)	53
Ковалёв Г. Ф.	Похабен ли русский мат?	82
Сидельников В. П.	Лексико-семантическая группа «запах» в русском языке XI-XVII вв.	86

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Ольшанский О. Е.	Опущение лексических калек в русском языке. Статья 1.	95
Гирняк С. П.	Опыт анализа словообразовательных цепочек и парадигм (на материале группы глаголов речи: <i>говорить, сказать, молвить</i>)	99

ОНОМАСТИКА

Калинкин В. М.	Ономастическая перифраза как проблема поэтики собственных имён (на материале творчества А. С. Пушкина)	107
Ковалёв Г. Ф.	Народная астрономия в говорах Воронежской области	130
Юдин А. В.	Виды номинации персонажей восточнославянских загадок типа “мышь спрашивает, где кошка”	138

Ткачёва В. М.	Структурно-семантические типы хрононимов в “Новгородской первой летописи старшего извода (Синодального списка)”	148
Отин Е. С., Максимова Н. В.	Стилистические функции собственных имён в рассказах В. М. Гаршина	156
Иванова Н. И.	Художественно-выразительные функции антропонимной лексики в романе В. Аксёнова “Остров Крым”	165
Карпенко О. П.	Етимологія гелоніма <i>Веребйоў Кóўтеб</i>	175
Шульгач В. П.	Заметки по донской гидронимии: <i>Варгол</i>	182
Вербич С. О.	Про походження гідроніма <i>Лочений</i>	188
Киселёва Е. В.	Онимые и отонимные окказионализмы как лексические единицы речи	192
Ткаченко Є. Н.	Метафоричні явища в топонімії чотирьох суміжних локалій (на матеріалі ойконімів Белгородської, Воронежської, Луганської, Харківської обл.)	201
Бойчук И. В.	О проблеме адекватности передачи французских собственных имён средствами современных украинского и русского языков	212

Восточноукраинский лингвистический сборник: Выпуск пятый. Сборник научных трудов // Редколлегия: Е. С. Отин (отв. ред.) и др. – Донецк: Донеччина, 1999. – 315 с.

ОНОМАСТИКА		
Карпенко Ю. А.	Тихий Дунай	3
Калинкин В. М.	В вопросе о метаязыке поэтики онима: поэтика онима и контекст (на материале творчества А. С. Пушкина)	10
Отин Е. С.	Топонимия Каменных Могил	23
Кравченко В. А.	Лексико-грамматические разряды урумских фамилий	29
Железняк И. М.	Л. А. Булаховський и проблема мови Київщини в домонгольський період	40
Шульгач В. П.	Заметки по донской гидронимии: <i>Скулябный Овраг, Субургун, Карамыш Голый, Карамыш Лесной</i>	47
Карпенко О. П.	Гідронімії етимології: <i>Тясмин</i>	52

Бузинова З. И.	Из истории развития русской эргонимии 20-30-х гг. (на материале названий промышленных предприятий)	60
Белицкая Е. Н.	Особенности окказиональных и узуальных коннотативных онимов (на материале русского, украинского, английского языков)	74
Ткачёва В. М.	Об исторической изменяемости хрононимов	82
Ефименко Єфіменко І. В.	Псл.*bъlda/*bъldъ і їх відбиття в слов'янському антропоніміконі та топоніміконі	95
Иванова Н. И.	Множественное число как актуализатор коннотативного значения антропонимов	102
Мельник М. Р.	Ономастика поезій Ліни Костенко: збірка “Вітрила”	115
Усова О. О.	Структура та функціонування антропонімів у новелах М. Хвильового (1921-1923 рр.)	120
Киселёва Е. В.	Закономерности функционирования отонимного префиксоида eugo-	127
Бойчук И. В.	К вопросу о возникновении ложной омонимии при фонографической адаптации заимствованных собственных имён	135
Белицкая Е. Н.	Графическое оформление собственных имён с референтными коннотациями	142
Калинкин В. М.	Поэтическая ономастика: проблемы и перспективы развития (по следам VII Всеукраинской ономастической конференции)	151
Белицкая Е. Н.	Характер определительных слов при коннотативных онимах	171
Отин Е. С.	Материалы к словарю ненормативной лексики (продолжение)	180
Клименко Н. Б.	Лексические, синтаксические и фразеологические параллелизмы в новогреческом и восточнославянских языках	194
Першина К. В.	Номинация дождя и погоды (по отношению к дождю) в русском языке	220
Луценко Н. А.	Об этимологии слова <i>невеста</i>	232
Задорожная О. И.	Определения понятий и описания объектов в текстах XVIII века	244
Солдатова Т. Е.	Взаимодействие заимствованных и исконных терминов пробирного дела и аффинажа в русском языке XVIII-XX вв.	251

Карпиловская Е. А.	Суффиксализация конечных основ заимствованных композитов в современном украинском языке	257
Гирняк С. П.	Словотворче гніздо з вершиною <i>казати</i> у сучасній українській мові	270
Ольшанский О. Е.	Опрощение лексических калек в русском языке. Статья 2. Семантические кальки	280
Загнітко А. П.	Особливості сучасної української синтаксичної поетики	284
Габидуллина А. Р.	Синтаксическая конвергенция в монологах М. Жванецкого	298
Лукаш Г. П.	Вияви категорії змістово-підтекстової інформативності в художньому тексті	302
Кулиш С. В., Перебейнос Е. В., Рогозина В. И.	Из опыта работы над художественным текстом в иностранной аудитории	307

Восточнoукраинский лингвистический сборник: Выпуск шестой. Сборник научных трудов // Редколлегия: Е. С. Отин (отв. ред.) и др. – Донецк: Донеччина, 2000. – 315 с.

ОНОМАСТИКА		
Железняк І. М.	До походження топоніма <i>Шурма</i>	3
Калинкин В. М.	Феноменология поэтонима сквозь призму “философии имени” А. Ф. Лосева	11
Лучик В. В.	Генетична диференціація деяких центрально- та південноукраїнських гідрооснов	29
Отин Е. С.	Из заметок к лекциям по топонимике	37
Шульгач В. П.	Заметки по донской гидронимии: <i>Излегоща, Калдабаш, Доробин, Богатая Снова, Кобылья Снова</i>	55
Ткаченко Е. Н.	Одно-, дво- та триступінчата взаємодія гідронімів і ойконімів у топонімійному контексті Слобожанщини	58
Єфіменко І. В.	Українські прізвищеві назви XVI ст. на <i>-енк(о)</i> (етимологічна інтерпретація)	66
Бойчук И. В.	Личные имена французского языкового коллектива и некоторые вопросы их адаптации в русской и украинской языковой среде	70

Кравченко В. А.	Фамилии и прозвища греков в посёлке Старобешево Донецкой области	91
Отин Е. С.	Материалы к словарю коннотативных собственных имён (буква А)	108
Лукаш Г. П.	Роль символического значения исторического ономастикону в сучасній українській поезії	152
Боева Е. В.	Номінаційне поле у контексті художнього простору оповідань Б. Грінченка	157
Иванова Н. И.	Текстообразующая функция вариативных способов именования персонажей (на материале произведения В. Аксёнова)	165
Порпуліт О. О.	Християнізація ономастичного простору чарівної казки	175
Крупеньова Т. И.	Ономастичний простір драматичної поеми “Кассандра” Лесі Українки	180
Реммер С. А.	Употребление хронимов в тексте литературного произведения	188
ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ФРАЗЕОЛОГИЯ		
Добродомов И. Г.	Каламбуристый фразеологизм <i>строить куры</i>	195
Цыганенко Г. П.	О лексическом и лексемном значениях слова	202
Першина К. В.	О семантико-коннотативном объёме лексемы <i>журавль</i> в русском языке	208
Клименко Н. Б.	Дублетно-синонімічні назви фартуха в східностепових говірках	225
Тищенко О. В.	Ономазіологічна та семасіологічна характеристика слов'янської обрядової термінології (на матеріалі номінації сімейної обрядовості)	231
Керопьян А. Р.	Ядро лексико-семантической группы глаголов речи (на материале русского и английского языков)	239
ЭТИМОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ СЛОВ		
Карпенко О. П.	До етимології поліськ. <i>гат'іна</i>	246
Іліаді О. І.	До реконструкції та генетичної інтерпретації деяких слов'янських лексем	250
Отин Е. С.	К этимологии укр. <i>тощо</i>	254
СЛОВООБРАЗОВАНИЕ		
Ольшанский О. Е.	Фазы (этапы) соединения морфем производных в русском языке	260

Компанцева Л. Ф.	Языковая игра как механизм формирования компьютерного сленга	264
ГРАММАТИКА		
Луценко Н. А.	К вопросу о сущности локатива	271
Лучик А. А.	Відображення буденної свідомості прислівниковими еквівалентами слів російської мови	282
Кероп'ян А. Р.	Засоби передачі видового значення в англійській мові (на матеріалі дієслів мовлення)	290
СТИЛИСТИКА		
Габидуллина А. Р.	Анекдот с точки зрения прагмалингвистики	295
Жижома О. А.	Функції оказіональних слів у поетичному мовленні	303

Восточноукраинский лингвистический сборник: Выпуск седьмой. Сборник научных трудов // Редколлегия: Е. С. Отин (отв. ред.) и др. – Донецк: Донеччина, 2001. – 473 с.

ОНОМАСТИКА		
Карпенко Ю. О.	Ономастичний пошук триває: міркування про власні назви в романі Л. Костенко “Берестечко”	3
Железняк І. М.	Про дві давні перекладацькі помилки	12
Карпенко О. П.	Ѕе- префіксальний гідронім на Поліссі	23
Гладі О. І.	Гніздо кореня * <i>verx-</i> у праслов'яській мові (реконструкція на ономастичному матеріалі)	30
Калинкин В. М.	Формирование конгенеративной поэтики компаративов с поэтонимами в творительном сравнения-отождествления	36
Кравченко В. А.	Лексико-семантические разряды фамилий греков-румеев	48
Першина К. В.	Хрононим <i>вербное воскресенье</i> в русском языке	66
Киселёва Е. В.	Выражение эстетической категории комического с помощью онимных и отонимных окказионализмов	77
Галич В. М.	Структурно-морфологічні й лексико-семантичні особливості ойконімів у легендах і переказах про походження назв сіл Міловського району Луганської області	89

Чигирёва А. В., Бондарь В. А.	Стилистические функции антропонимов в романах Ч. Диккенса “Приключения Оливера Твиста“, “Домби и сын“, “Крошка Доррит“	104
Отин Е. С.	Материалы к словарю коннотативных собственных имён (буквы И, К, Л)	119
Отин Е. С.	Домаха или Адомаха? (Из исторической топонимии Северного Приазовья)	208
Ткаченко Є. Н.	Родові та видові географічні апелятиви в терміносистемі топонімії Слобожанщини	213
ЛЕКСИКОЛОГИЯ		
Добродомов И. Г.	Кто такой <i>шаматон</i> ?	222
Отин Е. С.	Материалы к словарю субстандартной лексики (продолжение)	236
Дроботенко В. Ю.	Темпоральна лексика східностепових говірок у контексті сімейної обрядовості	243
Арапова Н. С.	Средостение	256
Шульгач В. П.	Из русской диалектной лексики. I (<i>рынок, егутка, егоза, курнопятый</i>)	262
Сенів М. Г.	Семантичний аналіз дієслів динамічної просторової локалізованості у латинській мові	268
Шокотько Л. Е.	Дискурсивное слово “же”: семантическое варьирование (на материале житийной литературы XVII века)	282
Жданова Н. А.	Современное терминоведение о соотношении слова и термина	292
СЛОВООБРАЗОВАНИЕ		
Ягупова Л. М.	Структурно-семантична та фонеморфологічна характеристика комбінаторних утворень зі значення пацієнту в середньовісній німецькій мові	305
Лиса Г. І.	До характеристики фонетико-орфографічної системи Добрилового євангелія 1164 р.	313
Кудрявцева В. Ф.	Особенности слога деления на морфемных стыках (на материале русского языка)	322
Поліщук А. В.	Системна мотивованість вільного фонемного варіювання дифтонгів: складові та акцентна структури слова	333
ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ЯЗЫКА		
Луценко Н. А.	О безличности	341

Кубрак И. С.	Антропоцентризм: метафора и социально-культурный дискурс	354
Кишко С. Н.	К проблеме соотношения “система-среда” у категории модерации в современном английском языке	364
Загнітко А. П.	Семантичні класи українських складно-підрядних речень: підходи, типи і різновиди	377
ВОПРОСЫ ПРАГМАЛИНГВИСТИКИ		
Лившиц Т. Н.	К вопросу о жанровых разновидностях рекламных текстов	389
Габидуллина А. Р.	Вопросительные предложения в романе М. Булгакова “Мастер и Маргарита”	401
Чекулай О. П.	Типи рекції на інтерогативні висловлювання звинувачення	414
Розова И. В.	Роль коннотации в достижении сатирического эффекта	426
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ		
Басыров Ш. Р.	Немецкие рефлексивные глаголы и их соответствия в украинском языке	435
Жихарева Н. А.	Суб’єктивно-предикативні відносини в інформаційно-знаковому аспекті (на матеріалі англо- та україномовної художньої прози XIX-XX століть)	441
ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ		
Глущенко В. А.	Учёные московской школы об историческом и описательном изучении языка	453
Ольшанский О. Е.	Значение трудов К. Ю. Апрея и А. И. Анастасьева по словообразованию	461

Восточноукраинский лингвистический сборник: Выпуск восьмой. Сборник научных трудов // Редколлегия: Е. С. Отин (отв. ред.) и др. – Донецк: Донеччина, 2002. – 525 с.

ОНОМАСТИКА		
Калинкин В. М.	“Тайный смысл их царственных имён”	3
Фомина Л. Ф.	Звёздное небо Донского края	20
Кравченко Э. А.	Коммуникативно-прагматическая обусловленность личных номинаций романа В. Набокова «Приглашение на казнь»	30

Ююкин М. А.	Древнерусские топонимы с основами тюркского происхождения на территории Украины	50
Ткаченко Є. М.	Форми зв'язку апелативної та ойконімної лексики (в межах Слобожанщини)	58
Стоколос Л. В.	Морфологическая адаптация английских сложных топонимов в русском языке второй половины XX века	67
Бражник Л. М.	Графическое и фонографическое освоение немецких топонимов в русском языке XVIII в.	79
Чжоу Шао Бо	О типологическом сходстве русских и китайских хронимов	91
Беліцька Є. М.	Синтаксичні та номінативні моделі конотативних онімів	103
Иванова Н. И.	Об активизации семантической перспективы онимов	113
Синенко Е. С.	Структурно-семантические типы экклезионимов в Иоасафовской летописи	121
Отин Е. С.	Из словаря коннотативных онимов (буквы М, У)	131
Першина К. В.	О топонимах в русской песне	190
Жарикова М. В.	Городская хоронимия Донецка	201
Ясыба А. В.	Словообразовательные особенности комонимов немецкого происхождения	217
Мудрова Н. В.	Способы отражения особенностей онимии повести Н. С. Лескова «Левша» в перевода на английский язык	228
Ярошенко Н. А.	О библиониме «Садок судей»	238
Павлюк Н. В.	Использование мифологической и библейской онимии для характеристики персонажей в американской литературе XX века	243
ЛЕКСИКОЛОГИЯ. ЭТИМОЛОГИЯ		
Отин Е. С.	Из новых материалов к «Словарю русской субстандартной лексики»	257
Илиади А. И.	Этимологические заметки по славянской лексике. 1-5	273
Шульгач В. П.	Из русской диалектной лексики. IV	278
Карпенко О. П.	Українське діал. <i>замухраний</i> та генетично споріднена лексика	284
Жданова Н. А.	Лингво-когнитивные аспекты формирования биржевой лексики в английском языке	290

Голі-Оглу Т. В.	Народна етимологія: лінгвістична сутність та функціональний статус	298
Луценко Н. А.	В какой ус не дует, на какой ус мотать? (Об этимологии фразеологизмов со словом “ус”)	305
Добродомов И. Г.	Репрессированное слово из поэмы А. С. Пушкина “Граф Нулин”	319
ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ЯЗЫКА		
Карпенко Ю. О.	Проблема нульових афіксів у слов’янських мовах	326
Бессонова О. Л.	Основні концепції мовленнєвої поведінки чоловіків та жінок	335
Загнітко А. П.	Варіативні вияви синтаксичного нуля	342
Микина Е. Г.	Исторические и генетические подходы в изучении семантики	352
Весёлая Н.	Именительный падеж существительного в позиции и функции обращения как функциональных эквивалент звательного падежа (N1>>N7)	360
Ольшанский О. Е.	Композиты с опрошенным составом в русском языке	371
СЛОВООБРАЗОВАНИЕ		
Петров А. В.	Построение толково-гнездового словаря сложных имён существительных	383
Ситникова Е. В.	Степень семантической связанности между членами словообразовательного гнезда с вершиной <i>есть</i>	405
Jagupova L. M.	Substantivableitung mit GE- in den bairischen Handschriften (2.hälfte des 12. Jahrhunderts)	413
ФОНЕТИКА И МОРФОЛОГИЯ. СТРУКТУРА СЛОГА		
Глущенко В. А.	Корреляция звонкости / глухости в восточнославянских фонологических подсистемах	425
Сторчак Л. В.	Акустические типы слогов русского языка	439
Марчук О. А.	Орудний порівняльний в українській мові: на матеріалі творів М. М. Коцюбинського	445
Мойсиенко А. К.	Морфологічні діалектні особливості писемних пам’яток північноукраїнського ареалу XVI-XVII століть	453
ВОПРОСЫ ЮЖНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ		

Васильева Л. П.	Лінгвістичні передумови існування боснійського літературно-мовного стандарту	459
Плетенецька І. А.	Основні способи творення сучасних хорватських термінів галузі економіки та підприємства	473
ДИАЛЕКТОЛОГИЯ		
Клименко Н. Б.	Функціонування назв нагрудного одягу в східноstepових говірках	484
РЕЦЕНЗИИ		
Супрун В. И.	Вклад в изучение русской ойконимии (Дмитриева Л. М. Ойконимический словарь Алтая. Барнаул: Изд-во Алтайск.ун-та, 2001, 416 с.: тираж 500 экз.)	497
Калинкин В. М.	Волгоградский форум ономастов (IX Международная конференция «Ономастика Поволжья»: заметки участника)	503

Восточноукраинский лингвистический сборник: Выпуск девятый. Сборник научных трудов // Редколлегия: Е. С. Отин (отв. ред.) и др. – Донецк: Донеччина, 2004. – 549 с.

ОНОМАСТИКА		
Антонюк О. В.	Відображення назв природних явищ у прізвиськах Донеччини	6
Бражник Л. М.	Структурная адаптация составных немецких топонимов в русском языке XVIII в.	14
Иванова Н. И.	Специфика онимной лексики в прозе А. П. Чехова	23
Іліаді О. І.	Слов'янські топоніми на території Греції (етимологічний коментар). IV	37
Калинкин В. М., Панасюк Л. О.	Поэтика именованій главного персонажа тетралогии Т. Манна «Иосиф и его братья»	43
Карпенко О. Ю.	Роль власних назв у когнітивній обробці та переробці інформації	58
Карпенко О. П.	З історії віддієслівних імен: укр. гідронім <i>Сунка</i>	68
Кравченко В. А.	Личные имена в фамильных основах приазовских греков	72
Соснина Л. В.	Особенности передачи немых и удвоенных согласных в составе английских онимов	82
Филатова Е. В.	Отражение в словарях коннотаций имени “Иван” и его иноязычных соответствий	91
Шульгач В. П.	Заметки по донской гидронимии. <i>Олым</i>	102

Чуб Т. В.	Поэтика мужских антропонимов в «Ballade des seigneurs du temps jadis» Франсуа Вийона	105
Ююкин М. А.	Некоторые гидронимические основы славянского происхождения в древнерусской ойконимии XIV-XVI вв.	112
Ясиба А. В.	Особливості адаптації комонімів німецького походження в українській мові	119
ЛЕКСИКОЛОГИЯ. ФРАЗЕОЛОГИЯ		
Голі-Оглу Т. В.	Специфіка обрядового терміна, його структура й особливості функціонування	134
Гусева Е. И.	Новые заимствования в лингвистических текстах, или языковой меланж	144
Добродомов И. Г.	К истории разысканий о слове <i>интеллигенция</i>	153
Козлова А. А.	Соотношение процессуальности и предметности во фразеологической системе языка В. А. Жуковского	158
Кубрак И. С.	О культурно-национальной специфике фразеологизмов-идиом, соотносящихся с концептом <i>failure</i> (неудача/неудачник)	169
Лозовская Н. Ю.	К вопросу об адаптации заимствованной терминологии подязыка экономики в русском и украинском языках	179
Луценко Н. А.	Из материалов к Объяснительному словарю фразеологизмов	187
Мирончук М. В.	Вплив варіативності на кількісні та якісні характеристики дієслів розміщення в англійській, німецькій та українській мовах	200
Хороз Н. С.	Субституція компонентів фразеологізмів як один з видів структурно-семантичних трансформацій (на матеріалі сучасної хорватської преси)	208
СЛОВООБРАЗОВАНИЕ		
Жижома О. А.	Відсубстантивні дієслівні інновації у сучасному поетичному дискурсі	222
Ольшанский О. Е.	Синхронное своеобразие одноструктурных производных в русском и украинском языках	234
Петров А. В.	Отфразеологическая деривация сквозь призму базовых понятий словообразования	242
Ярошенко Н. А.	Місце складних слів у словотвірному ґнізді в контексті зіставної композитології	265

Jagupova L. M.	Substantive mit <i>ge-</i> in der handschrift «Rechtsbuch» von Ruprecht von Freising (1. Hälfte des XIV. Jahrhunderts)	280
СИНТАКСИС		
Федотова Е. И.	Способи представленості оцінного змісту в реченні	299
СТИЛИСТИКА		
Ветрова Е. С.	Засоби вираження прохання в українському епістолярному дискурсі XIX ст.	309
Иванова Н. Г., Кириченко Л. Г.	Терминологизированный глагол – центр валентностного ядра в научном стиле речи	319
ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА		
Артамонова И. М.	Текст газетного видання як системне явище	324
Коваленко В. М.	Принципи словотвірних зв'язків у тексті	333
Слабоуз В. В.	Онiми-гloseми як ключові слова художнього тексту	342
Тукова Т. В.	Антиномия кода и текста в современном русском языке	346
ИСТОРИЯ ЯЗЫКА		
Зубов М. І.	Давньоруська переробка південнослов'янського перекладу «Слова на Богоявлення» Григорія Назіанзіна: аналіз генетичних зв'язків	359
Отин Е. С.	Из Историко-этимологического словаря жаргонной лексики и фразеологии	373
Устюгова Л. М.	К вопросу о чередовании сочетаний <i>оро/ра, ере/ре, оло/ла, оло/ле</i> в современном русском языке	409
ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ЯЗЫКА		
Белицкая Е. Н.	Собственное имя: рефлексy мифологического и узуального в восприятии и функционировании	423
Габидуллина А. Р.	Коммуникативные неудачи в педагогическом общении	434
Дорофеев Ю. В.	Интерпретация как философско-лингвистическая проблема	448
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ		
Бондар О. І.	Типологія функцій інфінітива складеного дієслівного присудка в українській мові і японських граматичних аналогів	457

Васильєва Л. П.	Деякі відмінності між сербською і хорватською мовами на рівні словотвору, морфології та синтаксису	466
СОЦИОЛІНГВІСТИКА		
Васильєва Л. П.	Соціолінгвістичні та лінгвістичні передумови існування чорногорської мови	479
Драган В. Г.	Соціолінгвістичний аспект комунікації у художньому творі	493
Царенко Е. И.	Отражение кечуа-испанских языковых контактов в кечуаязычной литературе колониального периода	501
ИСТОРИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ		
Карпенко Ю. О.	Лінгвістичний доробок Артема Амвросійовича Москаленка	516
Ольшанский О. Е.	Василий Алексеевич Богородицкий	525
РЕЦЕНЗИИ		
Калинкин В. М.	Отклики и отражения (Вместо рецензии)	530

Восточноукраинский лингвистический сборник: Сборник научных трудов / Отв. ред. Е. С. Отин. – Вып. 10. – Донецк: ТОВ “Юго-Восток, Лтд”, 2006. – 512 с.

Отин.Е. С.	Вступительное слово: <В. М. Калинkinу – шестьдесят>	5
ОНОМАСТИКА		
Беліцька Є. М.	Особенности синонимии у сфере конотативных проприальных единиц	7
Бирюкова М. В.	“Магия слова” как фактор развития онимных деконнотонимов	18
Бувевская М. В.	Опыт психолінгвістического анализа поэтики онима (Марина Цветаева “Федра. Жалоба”)	24
Вінтонів Т. М.	До питання походження прізвища <i>Хмельницький</i> та його поетика в українських історичних романах	31
Дядечко Л. П.	От поэтонима – к крылатому имени	42
Канна В. Ю.	Топопозтоним как средство образности	53
Мудрова Н. В.	Стилистика антропозтонимов в «Житии» Ивана Флягина	59

Карпенко О. Ю.	Когнітивна ономастика як новий напрямок вивчення власних назв	72
Кравченко Э. А.	Поэтика имени автора в произведениях В. Набокова	83
Лукаш Г. П.	Матеріали до словника конотативних власних назв	98
Лукаш Г. П.	Процес моделювання конотонімних конструкцій	113
Мельник М. Р.	Солярні мотиви у поезії раннього Івана Драча	127
Михина А. Ф.	Антропонимические формулы именованных женщин в болгарских сёлах Запорожской области (по архивным материалам второй половины XIX – начала XX в.)	134
Оборнева О. В.	Инобытие древнерусской онимии в «The Song of Igor's Campaign, Igor son of Svyatoslav and grandson of Oleg»	156
Отин Е. С.	О принципах составления гидронимических каталогов нового типа: “Каталог гидронимов бассейна реки Дон”	163
Першина К. В.	Номинационная база названий художественных фильмов. 1.	204
Усова Н. В.	Фоноэма как эмический компонент семантики поэтонима	211
Филатова Е. В.	Роль коннотативных онимов английского языка при подготовке студентов специальности “Гид-переводчик”	221
Чуб Т. В.	Реальная антропонимия как основа иронической образности в “Завещаниях” Франсуа Вийона	234
Шульгач В. П.	Рефлексия псл.*Съls- в ономастичній лексичі	243
Ююкин М. А.	Древнерусские летописные ойконимы XIV-XVII вв., образованные от личных имён тюркского происхождения	247
СЕМАНТИКА		
Евсеева М. Г.	‘Оборотень-хранитель’ в семантическом пространстве лиминальности	255
Ліпич В. М.	Нульовий формант у словотвірній структурі складно-суфіксальних іменників української мови XI-XVIII ст. (назви неосіб)	265
СЛОВООБРАЗОВАНИЕ		
Ситникова Е. В.	Границы словообразовательного гнезда	272

Теркулов В. И.	Композитопостроение деривационного типа	284
СИНТАКСИС		
Одайник С. Ф.	Предложение как многоаспектная единица синтаксиса	292
Песорина Л. Н.	Зевгма как средство создания комического эффекта	302
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ		
Ангелова-Атанасова М.	Приносът на професор Николай Ковачев и Центъра по българска ономастика при велокотърновския университет за развоя на българската ономастика	314
Гусева Е. И.	О становлении полифункциональности слова в языке-реципиенте (к проблеме единства языка)	322
Карпенко Ю. А.	Феномен Валерія Михайловича Калінкіна	333
Касьяненко Н. Е.	Концепты “боль” и “болезнь” и их речевые реализации в русском языке	341
Меньшиков И. И.	Формализация как методологическая проблема прикладного и теоретического языкознания	354
Олейник З. П.	Отступление или правило: категория одушевлённости / неодушевлённости в морфологическом аппарате русского языка	360
Просцевичус В.	О внутрисловесном ресурсе языковой эволюции	373
Филатов В. А.	Личность и её языковая картина мира	385
Фомина Л. Ф., Яроцкая Г. С.	Языковая картина мира и “азбучные” идиомы	405
Шокотько Л. Е.	Особенности функционирования частицы <i>только</i> в древнерусском языке	424
СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ		
Луценко Н. А.	О сравнительно-историческом методе	431
ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА		
Мозгунов В. В.	О синтаксической организации рекламного текста в русском языке: механизмы каузации	449
Павлик Н. В.	Науковий лист як комунікативне і лінгвостилістичне утворення	458
ЯЗЫК ПРЕССЫ		
Хріпункова Г. Ю.	Мовні особливості конструювання гендерних образів у сучасних другованих ЗМІ	471
ПРИЛОЖЕНИЕ		

Фёдоров В. В.	В чём необходимость поэта?	480
	Библиография работ В. М. Калинкина	488

Восточноукраинский лингвистический сборник: Выпуск одиннадцатый. Сборник научных трудов. – Вып. 11 / Редколлегия: Е. С. Отин (отв. ред.) и др. – Донецк, 2007. – 235 с.

ОНОМАСТИКА		
Апоненко И. Н.	Онимия как признак жанра сказки	7
Бувеская М. В.	Онимные приметы поэтического цикла	21
Вербич С. А.	3 оронімії Прикарпаття (етимологічна характеристика) II*	27
Зубрілова Ю. В.	Типи метафоричних моделей ономастичної лексики	32
Калинкин В. М.	Словарь языка Н. В. Гоголя и проблемы ономографии	42
Мирошніченко І. М.	Семантичне поле “праця/неробство” засобами польських фразеологізмів з ономастичним компонентом	52
Мудрова Н. В.	Паронимическая аттракция как ономастический приём: опыт сравнения двух переводов сказа Н. С. Лескова «Левша» на английский язык	62
Отин Е. С.	Гидронимия бассейна реки Битюг	69
Першина К. В.	Номинационные возможности тополексемы <i>Дон</i> в русском языке: апеллятивные производные	97
Соснина Л. В.	Особенности передачи фонемы [h] в составе английских онимов на язык-реципиент	111
Федотова Н. М.	Текст прізвиська як знак	117
Шлапак И. М.	Функциональная роль антропонимов в моделирующей системе книги Джеймса Джойса «Finnegans Wake»	127
Яковенко М. В.	Трансонимизация в общей теории номинации	133
СЕМАНТИКА		
Навроцкая Н. А.	Зіставно-порівняльний аналіз структурно-семантичних особливостей дієслів інхоативної семантики, які виражають психоемоційний стан особи	140
ЛЕКСИКОЛОГИЯ		

Шаповал В. В.	Українське (?) “нивизать – терять” [‘губити (час)’] у І. Репіна	149
СИНТАКСИС		
Byshuk G. V.	Rhythmic adjustment in spoken language	152
Овсянникова А. А.	Словосочетание: строительный материал для предложения или метаструктура языка?	162
КУЛЬТУРА РЕЧИ		
Саркисова Л. Н.	О культуре речи в средствах массовой информации	167
ИСТОРИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ		
Жихарева О. Л.	Великоруська мова як результат інтеграції в концепції О. О. Шахматова	188
ЛИНГВОДИДАКТИКА		
Бартошевич Л.	Лингводидактические параметры упражнений-проектов в практике преподавания русского языка в Польше	196
	Библиография работ Н. А. Луценко	227

Восточноукраинский лингвистический сборник: Выпуск двенадцатый. Сборник научных трудов. – Вып. 12 // Редколлегия: Е. С. Отин (отв. ред.) и др. – Донецк: Донеччина, 2008. – 183 с.

ОНОМАСТИКА. ЭТИМОЛОГИЯ		
Неклесова В. Ю.	Реалізація віртуального скрипту у хрононімії (на матеріалі роману «Кінець Вічності» А. Азімова)	3
Усова О. О., Світлична В. Ю.	Жанроутворююча роль антропоетонімів (на матеріалі новел М. Хвильового)	14
Луценко Н. А.	Русские этимологии	24
Кравченко Э. А.	Контекстная семантика и поэтика онима <i>Лолита</i> в романе В. Набокова “Лолита”	42
Сидоренко Е. Н.	Культурная и социо-психологическая обусловленность номинационных процессов в эргонимии Мариуполя	59
Гогильчин С. И.	Этимологизирование гидронима “Байкал” при помощи семантической деривации реконструированных значений ностратических основ	68
Чуб Т. В.	Поэтика имени главного героя в романе Ги де Мопассана « <i>Bel Ami</i> »	78

Отин Е. С.	Из дополнений к словарю коннотативных собственных имён. I	87
Калинкин В. М.	С точки зрения Ю. А. Карпенко. II. Восхождение (1981-1986)	97
Максимова В. В.	Поэтика имени <i>Гойя</i> в стихотворении А. Вознесенского «Гойя»	109
ТЕОРИЯ ЯЗЫКА		
Филатова Е. В.	Синтагма: сфера функционирования и назначение	122
Чернишова Л. I.	Особливості функціонального навантаження предметних імен у наукових текстах	130
Иванова Н. И.	Смысловая актантичность вставки в дневниках М. Пришвина	142
ФРАЗЕОЛОГИЯ		
Хороз Н. С.	Явиде фразеологічної алюзії на шпальтах хорватських газет	153
Сагірова О. М.	Онімний компонент у грецькій фразеології	163
ЛИНГВОДИДАКТИКА		
Подолоина О. В.	К вопросу о закономерностях функционирования терминологических словосочетаний в учебных текстах и профессиональной сфере общения (на материале учебных текстов «Финансы и кредит» и банковской сферы общения)	168

Восточноукраинский лингвистический сборник: Выпуск тринадцатый. Сборник научных трудов. – Вып. 13 / Редколлегия: Е. С. Отин (отв. ред.) и др. – Донецк, 2009. – 346 с.

Отин Е. С.	Вступительное слово: памяти Ю. А Карпенко	5
ОНОМАСТИКА		
Бувевская М. В.	Центробежные и центростремительные силы в поэтонимосфере лирического цикла	7
Гукова Л. Н., Фомина Л. Ф.	Художественно-исторический взгляд А. С. Пушкина на Украину (на материале топонимии)	22
Дворянчикова С. Е.	Из наблюдений над поэтонимами в ткани современного юмористического парадоксального афоризма	30

Єриш Л. А.	Ономастичні параметри виміру прецедентних текстів	43
Калинкін В. М.	С точки зрення Ю. А. Карпенко: І. Начало (1961-1981 гг.)	53
Кравченко В. А.	Специфика антропонимной системы приазовских греков	61
Лазаренко Г. І.	Агіоантропоніми як джерело творення еклезионімів XVIII-XX ст.	71
Михайличенко Н. Є.	Відгідронімні ойконіми на -ець західного регіону України	77
Михина А. Ф.	Антропонимические традиции болгарской диаспоры Украины (двухосновные семейно-родовые прозвища)	91
Оборнева О. В.	Имя в пространстве чужой лингвокультуры	112
Отин Е. С.	Гидронимия Дона ниже устья реки Тузлов, его дельта и гирла	125
Реммер С. А.	О специфике денотата хрононимов	156
Сидоренко Е. Н.	Эргонимы в ономастическом пространстве Мариуполя	165
Синенко Е. С.	Структурно-семантические типы экклезионимов в летописных сводах XI – XVII веков	175
Усова Н. В.	О звукоонтологической традиции в поэтонимологии: у истоков	185
Чуб Т. В.	Рекламные имена как ключевые компоненты поэтонимосферы романа Фредерика Бегбедера «99 франков»	194
Шотова-Ніколенко А. В.	Заголовок як засіб створення поетонімосфери (на матеріалі поетичного циклу Дж. Г. Байрона «To Thyrsa»)	203
ЛЕКСИКОЛОГИЯ		
Азізова А. Р.	Запозичені назви птахів середньоанглійського періоду	209
Луговий В. С.	Лакунарні ФО-паремії з антропонімічним компонентом в романських та слов'янських мовах (французська, російська, українська)	225
Поликарпов П. В.	Формирование научной терминологии по экологии посредством основосложения на базе корневых морфем новогреческого языка	237

ИСТОРИЯ ЯЗЫКА		
Шокотько Л. Е.	Особенности функционирования частицы <i>разве</i> в языке древнерусской литературы	246
ЭТИМОЛОГИЯ		
Луценко Н. А.	Русские и украинские этимологии	257
СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ		
Гогильчин С. И.	Сравнительный анализ концептосфер этнокультур США и Японии в контексте японской экономической экспансии	276
СИНТАКСИС		
Гапонова Т. Н.	Актуальне членування складносурядних речень відкритої структури	287
Гут Н. В.	Термін “слова автора” в сучасній лінгвістичній науці	294
Мозгунов В. В.	Визначення адресата заповіту як перформативного мовленнєвого акту	298
Овсянникова А. А.	Синтагма: единица языка или единица речи?	308
Филатова Е. В.	Вопрос синтагмы в американской лингвистике	313
КУЛЬТУРА РЕЧИ		
Сереброва С. Б.	Интертекстуальность масс-медийных текстов: мода или потребность времени?	325

Востокукранинський лінгвістический збірник: Випуск чотирнадцятий. Збірник научних трудов. – Вип. 14 // Редколлегія: Е. С. Отин (отв. ред.) и др. – К.: Издательский дом Дмитрия Бурого, 2012. – 244 с. : ил.

ФРАЗЕОЛОГИЯ		
Джелилов А. А.	Фразеологические единицы с компонентом <i>deve</i> в крымскотатарском, турецком и урумском языках	5
Сагірова О. М.	Конотації особових імен у фразеологізмах античного походження	17
ОНОМАСТИКА		
Бадасен Е. И.	Композитні особові імена греків Приазов'я	27
Бербер Н. М.	Асоціоніми <i>Доля, Фатум, Судьба</i> у поетонімопросторі прозових творів Марії Матіос	34

Гаврилюк І. С.	Красуня та чудовисько або опозиція “прекрасне”- “потворне” в поетонімосфері	42
Калинкін В. М.	К метаязыку поэтонимологии. Новое введение	49
Канна В. Ю.	Формирование коннотативного ореола топонимов	59
Космеда Т. А.	Прагматика власної назви в его-тексті Т. Шевченка: особливості функціонування топонімів (до 155-річчя з часу написання письменницького «Щоденника»)	68
Ляховин О. Б.	Концепти <i>Дім/Дорога/Шлях/Подорож</i> у німецькій, російській та українській лінгвокультурах як чинники моделювання антропонімів	83
Осіпова Т. Ф.	Комунікативні параметри як чинник мотивації власної назви	91
Поляков В. Е.	Частотность крымскотатарских мужских и женских имён в Крыму в начале XXI века	101
Попов С. А.	Славянская ономастика в сети Интернет	107
Сліпецька В. Д.	Прагмалінгвістичний аспект дослідження антропонімів (на матеріалі української та англійської лінгвокультури)	113
Соболь Л. І.	Номінації літер – джерело поповнення українського та російського ономастиконів	122
Чуб Т. В.	Adolf A Tué Adolphe (на матеріалі пьєсы Матьє Делапорта и Александра де ла Пательєра «Le Prénom»)	133
ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ЯЗЫКА		
Пахомова С. М.	Про роль держави у формуванні офіційних стандартів ідентифікації слов'ян	141
Пименова М. В.	Смена стереотипов в лінгвокультурі, или новий взгляд на реликты древнего сознания	154
Сирко І. М.	Концепт Україна та його асоціативний ряд у щоденникових записах М. Галабурди-Чигрин	162
Иванова Л. П.	Роль экстралингвистических факторов в формировании и развитии литературных языков	173
ИСТОРИЯ ЯЗЫКА		
Карпенко У. А.	Категория языкового познания и её отображение в первокорне	186
ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО		

Ермакова Н. В.	Лингвистические особенности интернет-коммуникации	194
Кантур К. А.	Манипулятивное воздействие и особенности функционирования эвфемизмов как средства митигации в языке СМИ	202
ЯЗЫК ПИСАТЕЛЯ		
Жигоренко І. Ю.	Ритм прози як засіб вивчення ідіостилю	216

Восточноукраинский лингвистический сборник: Выпуск пятнадцатый. Сборник научных трудов. – Вып. 15 // Редколлегия: Е. С. Отин (отв. ред.) и др. – К.: Издательский дом Дмитрия Бурого, 2014. – 360 с. : ил.

ОНОМАСТИКА		
Лукаш Г. П.	Культурні смисли когнітивної матриці конотоніма	3
Merkulova N. V.	L'évolution historique du système onomastique français	14
Мер'ємова Ю. В.	Класифікація онімів англійських та українських літературних казок у зв'язку з об'єктом іменування	28
Минина Н. С.	Выделение онимов в структуре стихотворения при помощи частиц (вот, не, один)	44
Сагирова О. М.	Конотації особових імен у фразеологізмах античного походження	50
Сироткина Т. А.	Региональный ономастикон как средство вербализации ономастических категорий	60
Усова Н. В.	Осмысление онтологии имени в филологической традиции	66
ПОЭТОНИМОЛОГИЯ		
Гаврилюк І. С.	Особливості поетонімосфери роману Франца Кафки «Замок»	76
Калинкин В. М.	Функции собственных имён как выразительного средства поэтики К. Ф. Рыльева	83
Козлова А. Г.	О некоторых особенностях поетонимосферы Тимура Шаова	111
Федотова К. С.	Архаизация антропонима как способ создания образа времени в стихотворении Н. Гумилёва «Юдифь»	122

ИЗ ИСТОРИИ ЯЗЫКА		
Шокотько Л. Е.	Союзные функции выделительно-ограничительных частиц в языке древнерусской литературы	128
ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ		
Гайдук Н. А.	Изучение онимной лексики в процессе обучения переводчиков	140
ЯЗЫК ПИСАТЕЛЯ		
Скоробогатова Е. А.	Языковой сигнал рекурсивной организации художественного текста (повтор имени)	146
Царенко Е. И.	Некоторые способы интерпретации художественных текстов М. А. Булгакова	152
ИЗ АРХИВОВ		
Трубачёв О. Н.	Е. С. Отину. Письма 1952-1999 гг .	282
	Фотокопия тезисов доклада студента Олега Трубачёва (1952 г.)	337
РЕЦЕНЗИИ		
Селимски Л. П.	Рецензия на кн.: Отин Е. С. Гидронимия Дона. Том 1. Верхний и Средний Дон. – Донецк: Юго-Восток, 2011. – 574 с.; Том 2. Нижний Дон. – Донецк: Юго-Восток, 2012. – 792 с.	342

ТОПОНИМИКА

И. А. Герасименко (Горловка – Ялта)

ЭРГОНИМИКОН СОВРЕМЕННОЙ ЯЛТЫ

***Реферат.** Статья посвящена характеристике эргонимикона г. Ялты, отражающего географические, культурологические особенности Южного берега Крыма и фиксирующего глобализационные и политические процессы, происходящие в обществе. Цель статьи – описать языковые средства актуализации ключевых кластеров эргонимного городского ландшафта.*

***Ключевые слова:** эргонимикон, слоган, текст наружной рекламы.*

Каждый город представлен своим специфическим эргонимиконом и способами его актуализации. Современная эргонимия города Ялты имеет своеобразные черты, обусловленные факторами глобализационного, географического, культурно-исторического, а также политического характера, вызванного сменой государственности. Это своеобразие охватывает не только разные виды телесных практик города, куда входят компоненты архитектурного абриса, социально-бытовой инфраструктуры, публичных и частных пространств города, легитимных и маргинальных проявлений городской жизни, но и эргонимию города. Цель статьи – описать лингвистические особенности этого ключевого кластера языка города Ялты.

Эргонимия современной Ялты как сложный лингвосоциальный и лингвокультурный феномен связана с доминирующим дискурсом этого южного города – дискурсом отдыха, солнца и моря. Концепты «курортного» кластера явились «ономасиологическим основанием» для широкого списка эргонимов, в числе которых *Спортивный клуб «Черномор», Агентство недвижимости «Золотой берег», Резиденция «Крымский бриз», Музыкальный салон «Чёрное море»* и под. С концептуальными полями ‘отдых’, ‘солнце’, ‘море’ соотносятся и эргонимы *Рекламное агентство «Бриз», Санаторий «Золотой пляж», Гостевой дом «Солнечный берег», Санаторий «Морской прибой», Центр отдыха «Жемчужный берег».*

Ялта – это и не только курортный, но и исторический город со сложной тканью культурных означающих. Ввиду этого его городские тексты насыщены эргонимами типа *Президент-отель «Таврида»* – имя, отображающее древнее название Крыма; *Гостиничный комплекс «Таврия»* и *Консалтинговый центр «Таврический»*, где *Таврия* – устаревшее название степной части Крыма и синоним *Тавриды*; *Ресторан «Максим Горький»*, *Кофейня «Пушкин»*, *Кафе «Белая дача»*, *Пансионат «Дом творчества имени А.П. Чехова»* как рефлексия относительно Горьковских, Пушкинских и Чеховских мест – особой гордости ялтинцев; *Ресторан «ЧеховСКУ»* (в названии которого реализовано смешение кириллицы с латиницей и использован англоязычный сегмент как игра с внутренней формой графическими средствами на базе контаминации – приёма образования слова при помощи наложения двух лексем). В исторический кластер эргонимного ландшафта города Ялты входит также ономастическая реалья *Ресторан «Царская конюшня»* – имя, связанное с расположением этого объекта в уникальном историческом здании царских конюшен, входящих в состав Ливадийского дворцового комплекса. Эргонимикон, обращённый к истории Ялты, представлен номинациями *Пансионат «Дарсан»*, *Ресторан «Учан Су»*, *Санаторий «Ай-Даниль»*, *Санаторий «Долоссы»*, *Дом отдыха «Аю-Даг»* – именами, образованными в результате семантической транонимизации от названий холма *Дарсан*, водопада *Учан Су*, поселков *Ай-Даниль* и *Долоссы*, горы *Аю-Даг* (более известной как *Медведь-гора*). Эти и подобные примеры иллюстрируют язык южного города как среду сосуществования дискурсов, в которые тесно вплетена история жизни Крыма и его жителей, их судьба.

Разновекторная система дискурсов Ялты включает эргонимикон, образованный от антропонимов его современных жителей. Результатом семантической транонимизации выступают номинации типа *Учебный центр «Институт ногтей Юлии Богомоловой»*, *Студия причесок Ирины Бондаревой*, *Дизайн-студия Ирины Шаповал*. Данные поссессивные наименования немногочисленны (они отображают так называемый «штучный товар»), однако их появление связано с традициями российского купечества включать в эргонимикон полные формы имён собственных.

В языке современной Ялты активно используются ретро-номинации – эргонимы, вербализованные глаголицей или включающие элементы дореволюционной орфографии: *Кондитерский магазин «Медоворы»*, *Банк «Рублев»*, *Ресторан-пивоварня «Фабрикантъ»*, *Кафе «Театръ»*, *Ресторан «Крымль»*, *Кафе-терраса «Репортеръ»*, *Ломбард «Экономъ»*, *Рестораны «Автографъ»*, *«Синематографъ»* и *«Крымъ»*. Использование букв **Ъ** и **Ы** вызвано воссозданием колорита

старинны, что ассоциируется со стабильностью, традициями и историей Российской империи.

Обращение Крыма к российским традициям обусловлено сменой государственности (Крымской весной), результатом которой явилось включение в языковую стихию проприальной лексики Ялты прецедентных имён русской лингвокультуры. К их числу относятся эргонимы *Страховая компания «Кремль»*, *Страховая компания «Арсеналь»*, *Адмиралтейское агентство недвижимости*, *Многофункциональный правовой центр «Русь»*, *БайкалБанк*, *Зелёная аптека «Травы Кубани»*. Эти номинации образованы с опорой на разные классы апеллятивов – хоронимы (*Русь*, *Кубань*), ойкодонимы (*Кремль*, *Арсенал*, *Адмиралтейство*), гидронимы (*Байкал*), эксприцирующие этнокультурные концепты.

Эргонимный ландшафт Ялты связан и с процессом глобализации, охватившим все сферы современной жизни и проявившим себя в семиотическом пространстве города, важным компонентом которого – и одновременно коррелянтом – является коммуникативное, языковое пространство. Влияние английского языка широко представлено в номинатамах *Туристическая фирма «Select Black Sea»*; *Агентство недвижимости «Golden City»*; *Мастер «Grill»*; *Шторы, мебель, дизайн «Art»*; *Ресторан «Allegro»*; *Кафе-бар «Cinema»*; *Салон-парикмахерская «Glamour»*, *Салон интерьера и декора «Grand Décor»*, *Ночной клуб «Chocolate»* и др.

Примечательно, что используемые в языке города проприальные единицы несут отпечаток культуры разных народов. Примерами могут служить вовлечённые в процесс трансонимизации прецедентные имена. Ср. особенности их использования: *Ресторан «Ван Гог»*; *Ирландский паб «Belfast»*; *Кафе-клуб «Geneva»*; *Art-kafe «Vincent&Frida»* (названное в честь двух эпатажных личностей прошлого – Винсента ван Гога и Фриды Кало); *Салон-парикмахерская «Нифертити»* – название, используемое для создания суггестивной номинации антропонима, чей денотат обладает широкой известностью и стал символом безупречной красоты; *Студия загара «Майами»*; *Вилла «Куришавель»*; *Отель «Малибу»*; *Ресторан «Saigon»*, который рекламируется как заведение с кухней в стиле «азиатский фьюжн» (где англ. *fusion* – термин, обозначающий направление в искусстве, сочетающее западноевропейскую академическую музыку и неевропейский фольклор). К эргонимикону, связанному с прецедентными именами, относятся *Ресторан-кондитерская «TRE GIOJE»*, который позиционируется как маленькая Италия в центре Ялты, а также *Ресторан «Венеция»* как импровизация на тему Италии.

Иноязычные вербальные знаки подаются и в неизменном, и в ассимилированном виде. Например: *Садовый магазин «Gardena»* – название, образованное от англ. основы *garden* – ‘сад’ с помощью русскоязычной флексии. Латиницей передаются русскоязычные номинации типа магазин мебели «*DiVan*»; компонент названия – антропоним *Елена* – отеля «*Villa Elena*»; имя клубного посёлка «*Gurzuf life*». Транслитерованные эргонимы также представлены в текстовом пространстве Ялты. Среди них – *Агентство недвижимости «Бест»*, где англ. адъектив *best* ‘лучший’ передаётся кириллической графикой.

В эргонимикон Ялты вовлечены связанные с восточными (в том числе и с татарскими) традициями названия, образованные как в результате трансонимизации (*Ресторан «Арзы»*, *Ресторан «Али-Баба»*, *Ресторан «Тифлис»*) так и прономинализации (*Ресторан «Мераба»*, *Ресторан «Гарем»*). При этом украинская лингвокультура продолжает быть представленной в широком спектре номинаций полифоничного языка Ялты. Среди них – *Ресторан «Украинский шинок»*, *Санаторий «Украина»*, *Пансионат «Украинские сувениры»*, *Санаторий «Киев»*, *Пансионат «Перлина»*, *Гостиница «Смерекова хата»*, *Санаторный комплекс «Зори Украины»*, *Санаторно-курортный комплекс «Запорожье»*, *Пансионат «Укрреставрация»*, *Пансионат «Мрия»*, *Магазин «Ялынка»* и др. (некоторые из которых, правда, переживают процесс ухода из эргонимного пространства южного года; ср.: *Санаторий «Украина»*, переименованный в «*Родина*»). Показательно, что своеобразным наследием Советского Союза продолжают оставаться эргонимы типа *Санаторий «Узбекистан»*, *Санаторий «Белоруссия»*, *Детский санаторий имени В.И.Ленина*, *Санаторий имени С. Кирова* и под.

Итак, эти и подобные примеры дают право заключить, что эргонимное пространство Ялты имеет свои особенности и общие для современной жизни закономерности. Оно включает наименования, которые, во-первых, передают особенности полилингвального пространства Крыма, культуру и традиции народов полуострова; во-вторых, отображают глобализационные процессы; в-третьих, иллюстрируют смену государственности. Рассмотренные названия характеризуют как прошлое Ялты, так и её настоящее и требуют дальнейшего лингвистического анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванова Н.И. Креативность онимов / Н.И.Иванова // *Λογος όνομαστική*. – 2012. – № 4. – С. 6-9.
2. Отин Е.С. Номинационные процессы в русской эргонимии XX века (названия промышленных предприятий, акционерных обществ)

- и фирм) / Е. С. Отин // Актуальные вопросы теории языка и ономастической номинации: [Сб. ст.]. – Донецк: ДонГУ, 1993. – С. 83-94.
3. Сидоренко Е.Н. Из истории исследования эргонимов [Электронный ресурс] / Е.Н. Сидоренко // Реквием филологический; Сб. статей, посвященный памяти Е. С. Отина. – Режим доступа: <http://azbuka.in.ua/category/azbuka/yubileynye/>

Irina A. Gerasimenko

Federal state Autonomous educational institution
“Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky”,
Yalta, Crimea

YALTA ERGONYMICON

The article deals with the characteristics of Yalta ergonymicon reflecting geographical, cultural peculiarities of the South Coast of Crimea and fixing global and political processes taking place in the society. The aim of the article is to describe the language means actualization of ergonymicon key clusters.

Key words: *ergonymicon, slogan, outdoor advertisement text.*

Статья поступила в редакцию 23.02.2016 г.

А. И. Илиади (Кировоград)

О НЕКОТОРЫХ ИРАНСКИХ ЛЕКСЕМАХ В СЛАВЯНСКОЙ ГИДРОНИМИИ

Реферат. Статья посвящена этимологическому анализу нескольких восточнославянских гидронимов, предположительно, имеющих иранское происхождение, что согласуется с известными лингвистическими выводами об иранском наследии в некоторых гидронимических ареалах России и Украины. Для каждого из анализируемых названий с разной степенью вероятности **восстанавливается отраженная** в нем архаичная восточноиранская форма, озаглавливающая соответствующий этимологический этюд.

Ключевые слова: этимология, дериват, ареал, рефлекс, гидроним.

1. *Ramana

Название притока Сулы (бас. Днепра) *Ромен*, *Ромон* в специальной работе О. Н. Трубачева признается неясным. Исследователь подчеркивает древний вид гидронима и ограничивается его сопоставлением с лит. *Armenà*, а также с *Armeno* – река в области Триент и некоторыми др., допуская отражение в них древнеевропейской гидронимической формы [Трубачев 209, 262: с литературой]. Закономерная для славянского метатеза **Ormen-* (**Armen-*) > **Romen-* делает весьма убедительным сравнение этих гидронимов в целом, но фонетический облик украинского примера с учетом его исторических форм оставляет возможность для иного толкования.

Прежде всего, отметим, что в географическом описании земель Российского государства первой половины XVII в. наше слово фигурирует в нескольких вариантах – *Рамон*, *Ромон*, *Ромонь*, ср. «... а Острия река вытекла от верху реки Удаи и речки Рамона; а Удаи река и речка Рамон пала в реку в Сулу» [КБЧ 1950: 107]. Оно же тут употребляется и как название города, выше которого одноименная река впадает в Сулу: «А выше Глинска 20 верст пала в Сулу речка Ромонь, а на устье город Ромон», «А вверх по Ромону город Медвежеи да городок Липовой; а Ромонь вытек от верху реки Острия, от городища от Белые Вежи» [КБЧ

1950: 108, 109]. Все они, на наш взгляд (если взять за этимологически наиболее авторитетный вариант *Ромон/Ромонь*), потенциально могут сохранять субстратное скифское **ramana* < иран. **ramana-* от **ram-* ‘быть в покое’, ср. осет. *raeton* ‘сдержанный’, ‘спокойный’ (функционирует в составе отрицательного *nae-raeton* ‘несдержанный’) [Абаев II, 371–372]. Поскольку речь идет о речном названии, предположим, что номинация в данном случае должна была подчеркивать спокойный, небыстрый характер течения. Употребление же одного и того же топонима для фиксации как гидрообъекта, так и смежного с ним населенного пункта, – результат переноса названия реки на город. В плане адаптации структуры скифской лексемы славянской речью интересно отметить аналогичное колебание *o//a* в корне другого иранского названия бассейна Сулы, ср. *Нодра/Надра* < **nadra-* [Трубачев 162].

Предлагаемая здесь этимология потапонима *Рамон/Ромон/Ромонь/Ромен* как иранизма имеет поддержку в его ономастическом окружении, т. к. он входит в ареал иранской гидронимии, к которой относятся как *Сула* (*Рамон* – её приток), так и названия ее рукавов *Удаи*, *Надра/Нодра/Недра* и *Сленород* [см. Трубачев 80, 138, 162, 184, 266].

2. **Sarti āpa*, **Sard-āpa* (?)

К восточноиранскому вкладу в восточнославянский гидронимикон предположительно можно отнести речное название *Сартаба* в бассейне Дона, ср. «А съ лѣвья стороны, съ верху рѣки Хопра, пала въ Хоперь рѣка Сартаба. А Сартаба вытекла // отъ Табалыка // рѣки; протоку Сартабы рѣки 130 версть» [КБЧ 1838: 48–49]. Теоретически, в нем можно усматривать аланское (?) сложение **Sarti āpa-*, в котором первая часть напоминает осет. послелог *særty*, *særti* ‘поверх’, ‘над’, ‘через’ – мест. пад. мн. ч. от *sær* ‘голова’, ‘верх’ (ср. скиф. *sara* ‘голова’ ~ Σάρων – местность на Борисфене), а вторая – скиф. **āp-* ‘вода’ [Абаев III, 87; Абаев 1979: 278, 302]. Семантика компонентов восстановленной таким образом синтагмы (= **‘В верховьях реки/ У истоков [находящийся]’*?) указывает на перенос её (как именованья) на реку с какого-то смежного географического объекта.

Существует иной путь интерпретации первой части композиты: в частности, в ней допустимо видеть рефлекс иран. прич. **šar-ta-* к **šar-* ‘мерзнуть’, ср. согд. **sart* (*srt*) ‘холодный’, авест. *sarəta-* ‘холодный’, пехл. *sart* ‘то же’ и др. В этом случае модель номинации для алан. **Sart-āpa* > **Sard-āpa* – «Холодная вода», ср. ягноб. гидроним *Үаҕнóб*, *Үахнóб*, *Үаҕнóр* из **уахн* ‘ледяной’ и *op* (?) ‘вода’ = ‘ледяная вода’ [Ягн.сл. 365]. И хотя осетинский язык, чей материал на правах ближайшего правопреемника сармато-аланской речи используют для восстановления её же элементов, удерживает в этом слове и.-е. *l* (ср. *sælyn*, *sælyn* : *sald*

‘замерзать’, ‘мерзнуть’ [Абаев III, 64]), все же нельзя полностью исключить употребление в сарматских или аланских диалектах наряду с формой на *-l-* варианта с *-r-*.

Т. к. известное из письменных памятников название имеет форму основы *Сарт-*, а не **Сарат-/*Сорот-*, которая бы ожидалась у рефлекса слова со структурой *tort* (иран. **Sart-* > псл. **Sort-*), мы в праве предположить, что гидроним был усвоен славянами уже после завершения процесса развития полногласия. Вполне возможно, что исследуемое *Сартаба* было перенято славянами уже не от самих иранцев, а от местного тюркского населения, в чьей речи он и принял такую форму.

3. *Hvara-dayaka

Со значительной долей вероятности можно предполагать отражение этой иранской формы в ст.-рус. гидрониме *Бородойка*, 1645 г. – река, упоминаемая в связи с другой рекой – Усмонь [АМГ II, 163], совр. Усмань – левый приток Воронежа, чье течение захватывает ареал скифской археологии. С учетом известного сегодня иранского лексического материала **hvara-day-aka* объясняется как сложение **hvar* (< **x^har-*) ‘солнце’ и суффиксированного (*-ak-*) рефлекса иран. **dai-* ‘сиять, светить, блестеть’, ‘гореть, жечь’ (ср. о нем: [ЭСИЯ 2, 288–291]), т. е. ‘Солнце отражающая’, ‘Солнцем освещенная’ (акцент на оптическом эффекте водной поверхности) или ‘Высушиваемая солнцем’ (акцент на обмелении небольшого водоема в летнее время из-за жары).

Отмеченная в документах форма, видимо, возникла из более старой **Вородойка* (один из примеров диалектной взаимозамены губных) с уже разрушенным анлаутом. Благодаря конечному сегменту *-ka* указанное название органично влилось в местную русскую топонимию с аналогичным исходом, что позволило ему просуществовать в ней довольно долгое время.

Впрочем, все сказанное выше о возможности отражения в славянском водном названии древней иранской формы все же не дает оснований отнести ее именно к скифскому языковому вкладу в местном гидронимиконе, поскольку данные скифского словаря показывают рефлекс праиранского **x^har-* как **xor-* [Абаев 1979: 291], потому результат славянской адаптации гидронима скорее выглядел бы как **Хородойка* или **Кородойка*.

4. *Axšen

Название одного из левых притоков Осетра в бассейне Оки *Аксень*, *Аксель* [Смолицкая 154], кажется, было обойдено вниманием исследователей. При отсутствии русской апеллативной основы для этого потамонима его источник логично искать в лексиконе неславянских

этносов, населявших/населяющих ареал окского бассейна. Учитывая значительный балтийский ингредиент в гидронимии Поочья, можно было бы сопоставить указанные названия рек с такими формами, как лит. *ākstinas, ākštinas* ‘колючка, шип’, ‘острога’ и лтш. *akstins* ‘то же’ и под. (приведены по: [Smoczyński 8]). Однако некоторое отличие в консонантизме потамонима и апеллативов (отсутствие/наличие *t*) наряду с семантикой, в таком виде вряд ли способствовавшей реализации их в сфере водной номенклатуры, делают сомнительным подобное сопоставление.

Генетическая атрибуция названия во многом зависит от того, какой из вариантов принять за исходный (или максимально приближенный к нему). Принимая в этом качестве форму *Аксень* < *Ахсень, мы считаем, что более приемлемой является иранская этимология потамонима. Имеется в виду возможное отражение в нем аланского адъектива *axšēn* ‘темно-серый’, ср. совр. осет. *æxšīn* ‘то же’, а также скиф. Ἰαξείνος в названии Черного моря Πόντος Ἰαξείνος ‘Синий Понт’ и др. < иран. **axšaina-* ‘синий, голубой, зеленый; сизый’ [Абаев 1979: 282–283; ЭСИЯ 1, 284–286]. Таким образом, имеем дело с довольно распространенной в гидронимии номинацией по цветовому признаку водной поверхности. Не исключено, что эта же лексема стоит за водным названием *Кшень* в гидронимии Дона, которое относят к балтийским лексическим реликтам (его еще сравнивают с *Кшеня Урля* в Поочье), объясняя как **Kuš-in-* (> **Къш-ьн-*) ~ лит. *Kūš-upis, kušėti* ‘двигаться, шевелиться’ [Топоров 319–320]. Утрата начального *A-*, искажившая первоначальный облик *Акшень/*Ахшень, в этом случае – закономерное для многих иноязычных названий следствие дэтимологизации.

5. *Ārtuča

Ст.-рус. *Ортуша*, 1615 г. – река в р-не исторического Хотимля (ПЮН 1990: 83). Название, вобщем, напоминает формы с разрушенным анлаутом, изначально представленным этимологическим *k-* или *x-*. Но даже определив исходный облик гидронима как *Корт-уша/*Хорт-уша, внешне соотносительный с псл. **kьrt-* ‘обрезанное’, ‘укороченное’, мы стоим перед необходимостью установить семантику номинации, которая при довольно пестром наборе значений рефлексов **kьrt-* остается размытой.

Не исключено иное толкование гидронима: возможно, мы имеем дело с адаптированным в славянской речи вост.-иран. названием *ārtuča или *ārtoča, продолжающим тот же праиранский архетип, что и пехл. *ātur(r)ōk / 'twrlwk' / < *āṭr-rauka-* ‘(место) возгорания (священного) огня’ [Perikhanian 340–341], точнее – вариант **āṭr-rauča-*. Вероятным источником названия могла быть соответствующая сарматская или аланская форма, ср. наличие обоих компонентов сложения в осет. *art*

‘огонь’, скиф., сарм. *rauca* ‘свет’, ‘светлый’, осет. *ruk, roz* [Абаев 1979: 282, 299]. Отсутствие «водной» семантики может свидетельствовать о перенесении на реку названия смежного с ней географического объекта, вполне вероятно, имевшего культовое значение.

Облик письменно засвидетельствованной формы отражает осмысление структуры непонятного для славян названия среди многочисленных вост.-слав. производных с формантом *-уша*, что, видимо, стало причиной переоформления исходного *Артуца как *Ортуша*.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев – *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР ; Наука, 1958–1989. – Т. I–IV.
- Абаев 1979 – *Абаев В. И.* Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания: Древнеиранские языки. – М. : Наука, 1979. – С. 272–364.
- АМГ – Акты Московского государства / [под ред. Н. А. Попова и Д. Я. Самоквасова]. – СПб., 1890–1901. – Т. I–III.
- КБЧ 1838 – Книга Большому Чертежу или древняя карта Российского государства, поновленная в разряде и списанная в книгу 1627 года. – СПб., 1838.
- КБЧ 1950 – Книга Большому Чертежу / [подг. к печати и ред. К. Н. Сербиной]. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950.
- ПЮН – Памятники южновеликорусского наречия. Конец XVI– начало XVII в. / [под ред. С. И. Коткова]. – М. : Наука, 1990.
- Смолицкая – *Смолицкая Г. П.* Гидронимия бассейна Оки (Список рек и озер). – М. : Наука, 1976.
- Топоров – *Топоров В. Н.* Балтийские следы на Верхнем Дону // Балто-славянские исследования. 1988–1996. – М. : Индрик, 1997. – С. 311–324.
- Трубачев – *Трубачев О. Н.* Названия рек Правобережной Украины: Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. – М. : Наука, 1968.
- ЭСИЯ – *Расторгуева В. С., Эдельман Д. И.* Этимологический словарь иранских языков. – М. : Вост. литература, 2000–2011. – Т. 1–4.
- Ягн.сл. – Ягнобско-русский словарь, сост. М. С. Андреевым, В. А. Лившицем и А. К. Писарчик // *Андреев М. С., Пещерева Е. М.* Ягнобские тексты. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1957. – С. 217–391.
- Perikhanian – *Farraxvmar t̄ Vahrāmān.* The Book of a thousand judgements (a Sasanian Law-Book) / [Introduction, Transcription and Translation of the Pahlavi Text, Notes, Glossary and Indexes by Anahit Perikhanian ; translated from Russian by Professor Nina Garsoïan]. – Costa Mesa ; California ; New York : Mazda Publishers & Bibliotheca Persica, 1997. – 432 P.

Smoczyński – *Smoczyński W.* Lietuvių kalbos etimologinis žodynas. – Vilnius : Printer Polyglott, 2007.

Alexander I. Iliadi

The Kirovohrad Volodymyr Vynnychenko State
Pedagogical University, Kirovograd, Ukraine

ON SEVERAL IRANIAN LEXEMES IN SLAVONIC HYDRONYMY

The article deals with the etymological analysis of several East-Slavonic hydronyms, which presumably belong to Iranian substrate and this supposition can be reconciled to the famous linguistic conclusions about Iranian heritage in some hydronymical areas of Russia and Ukraine. For each of analyzed hydronyms is with varying degrees of probability reconstructed an archaic East-Iranian prototype reflected in it. Each etymological etude is dedicated to reconstruction of a prototype.

Key words: *etymology, prototype, structure, hydronym, reconstruction.*

Статья поступила в редакцию 15.10.2015 г.

О.Н. Копытов (Владивосток)

МОРЕ КАК СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОСНОВА СИСТЕМЫ ТОПОНИМОВ ГОРОДА ВЛАДИВОСТОКА

Реферат. В статье описывается топонимическая система российского города Владивостока с упором на семантический подход. В этом – актуальность и новизна не только для данного объекта анализа. Автор вводит и обосновывает, в том числе опираясь на работы по семантике Анны Вежбицкой, понятие топонимического дистрибутива как основы распределения смыслов в словаре города. И приходит к выводу, что для Владивостока это прежде всего море. Причем у этого города это своеобразная, несколько иная семантическая топонимическая основа, чем подобная у других российских городов, расположенных на берегах морей. В статье выделяются и другие основы. А также описывается понятие топонимического нарратива и как инструмента лингвистического описания, и как адекватного способа перевода академических описаний в плоскость научно-популярную и краеведческую.

Ключевые слова: топонимическая система, семантические основы словаря города, город как социальный мир, антропоцентричный подход в лингвистике.

Изучение системы топонимов северо-западной части побережья Японского моря началось еще в 1880-х годах с возникновением первой научной организации на Дальнем Востоке России – Общества изучения Амурского края (1884). Одним из приоритетных научных направлений Общества были антропология и этнография, в «Записках...» и отчетах особое место отводилось быту, земледелию и промыслам «инородцев» – местных малочисленных племен и здешних китайцев, были и описания данных ими названий географических объектов. К 50-летию города Владивостока, возникшего, как и все города на Дальнем Востоке России, из военных постов, в 1910 году выходит серия изданий, в том числе значительный труд Н.П. Матвеева, последний раз

переизданный в 2012-м, «Краткий истерический очерк г. Владивостока» [1]. Немало эпизодов этой книги посвящено топонимике города, например, при описании возникновения «морских» слободок автор указывает генезис происхождения топонимов: «Главная улица этой слободки (Офицерской – О.К.) названа Афанасьевской, в честь начальника штаба главного командира портов Восточного океана Дмитрия Матвеевича Афанасьева» [там же: 190]. Сегодня бывшая Афанасьевская – часть главной улицы Владивостока Светланской, с 1924 года по 1992 носившей название Ленинской, объединившей в своем современном состоянии первоначальные Американскую, Портовую (Первую Портовую), Афанасьевскую, Экипажную, Поротовскую, последовательно шедшие с запада на восток [2]. В свою очередь Светланская названа по имени корабля – фрегата «Светлана», на котором в 1873 году во Владивосток прибыл Великий князь Алексей Александрович, и этот визит дал сильный толчок развитию города. Как, кстати, и многие другие основные топонимы города – исторические и актуальные, например, улицы, ведущие свои названия от кораблей «Америка», «Алеут», «Абрек»; гидронимы, например, бухта Диомид (1862, в честь брига «Диомид»); и т.д.

В советские и, в особенности, в постсоветские годы наблюдается возрастающий интерес к краеведению в Приморье, и в частности к дисциплине, которую мы бы назвали топонимикой в историографическом ключе: это описание происхождения названий географических объектов в русскую пору освоения Приморья (со второй половины XIX-го века) в строгой источниковедческой процедуре плюс фиксация переименований (советская эпоха) и двойных переименований, «возвращенных имен» («перестроечное» время). Библиография статей и книг с подобным аспектом топонимики весьма обширна, проводились и проводятся научные конференции (с включением аспекта «история» в само название [3]), а с развитием Интернета вторичных публикаций, сайтов с подобной тематикой появилось в количестве, вряд ли поддающимся исчислению.

На этом фоне выглядит диссонансом и нелогичностью то, что научных и научно-популярных работ, использующих методы и язык лингвистики и семиотики в описании имен географических и городских объектов Приморья очень мало (хотя такие есть, статьи О.Л. Рублевой, например, [3: 64-69; 4]), топонимический словарь Приморья, который планировался [3: 64-69], так и не издан, о создании неких фундаментальных трудов в этой области в обозримом будущем говорить не приходится (тогда как подобные труды, касаемо Северо-Востока России, имеются [5]).

Между тем, основной посыл лингво-семантического описания топонимической системы если не всего Приморья, то, по крайней мере, города Владивостока, на наш взгляд, лежит на поверхности. Он формулируется в унисон с названием данного доклада: **море** является семантической основой топонимической системы города Владивостока. От дня его основания – 20 июня (2 июля по новому стилю) 1860 года, по сегодняшний день.

Море – основа топонимики Владивостока и в плане денотата-референта, и в плане сигнификата, и в плане **семантического дистрибутива** – основы распределения смыслов. Причем третья ипостась – доминирующая и в лингвистическом плане так или иначе уточняющая «работу» в семантике топонимов (и вообще городских имен) первых двух. Цель данной работы – показать это.

Если посмотреть на топонимику Владивостока через «кристалл» классического логического подхода к семантике как отношению между знаками и внешним миром, то в нашей постановке вопроса «магическим» он не окажется: прямых логических соответствий между денотатом «море» и городскими именами мы найдем очень мало: строго говоря, четыре улицы – Первую Морскую (при том, что «Второй» нет), Приморскую, Беломорскую, Черноморскую, а также Морской вокзал и местный МГУ – Морской государственный университет им. адмирала Г.И. Невельского. В ономастике города в широком смысле, в перечне появляющихся и исчезающих из словаря города магазинов и торговых центров, кафе и ресторанов, клубов и «тусовок», иных торговых, общепитовских или досуговых заведений, и т.д., вероятно, тоже найдем немного имен с корнем *-мор-*. Короче говоря, такой подход ничего не даст.

Но вот, приняв возражения Анны Вежибичкой против сведения значения элементов естественного языка к отношению между языком и миром [6: 5] и приняв исповедуемый ею антропоцентричный и этноцентричный подход к описанию естественного языка, ее ключевые тезисы такого подхода, например: «Сама природа естественного языка такова, что он не отличает экстралингвистической реальности от психологической и от социального мира носителей языка» [7: 16], – мы можем говорить о море как об одном из главных, о центральном семантическом инварианте – семантической основе топонимического словаря города Владивостока.

История и география Владивостока теснейшим образом связаны с морем (вероятно, как нигде, ни в одном из городов России, включая и Санкт-Петербург, и Мурманск, и Архангельск и Севастополь). Владивосток складывался по берегам бухты, названной за год до его образования генерал-губернатором Восточной Сибири Н.Н. Муравьевым-Амурским Золотой Рог, площадью в 4,44 кв. км,

ранее носившей китайское название Хайшенвай (Бухта трепангов) и недолго – английское название Порт Мэй (**Port May**). И сегодня берега этой бухты и ближайшая к ней земля – большой социо-культурный и промышленный (десятки причалов «нон-стоп» торгового и рыбного портов, включая военный 33-й, плюс «Дальзавод»), и исторический центр города. Можно сказать, что бухта Золотой Рог – главная площадь города Владивостока (как в Санкт-Петербурге река Нева – главный городской проспект). В середине над этой бухтой тянется Золотой мост, таким образом, сегодня бухта Золотой Рог – трехмерное водно-земельно-инженерное пространство.

Географический фактор моря как референтное основание к тому, что мы ниже назовем топонимическим дистрибутивом и топонимическим нарративом, во Владивостоке необычайно силен и важен. Достаточно посмотреть на карту. Владивосток располагается на относительно узком полуострове Муравьева-Амурского, с запада омываемом много большим по размерам-площади, чем полуостров с городом, Амурским заливом, а с востока – таким же большим Уссурийским (кстати, к рекам Амур и Усури прямого отношения не имеющим: первый впадает в Охотское море, исток второго находится в горах Сихотэ-Алинь, а впадает Усури в Амурскую протоку Казакевичево близ Хабаровска). Такая «зажатость» морем Владивостока и «зажатость» всего Приморского края между морем и Китаем делают русскую часть Японского моря уникальным для России географическим объектом и фактором, который при описании любых дискурсов Владивостока и Приморья – как видов «речи, погруженной в жизнь» (Н.Д. Арутюнова), – необходимо учитывать в первую очередь. Достаточно сказать, что железная дорога из «неморского» Хабаровска в «мегаморской» Владивосток местами проходит буквально в метре от моря, и вообще инфраструктура Приморского края и его столицы развивается ровно настолько и только там, где ему позволяет сделать это российское Японское море.

Исторический фактор, как и в любом городе, в топонимике Владивостока крайне важен, но имеет такую особенность – город возникал как военно-морская база на русском побережье Тихого океана, его отцами-основателями были военные моряки, гражданские прибывали на кораблях, в том числе *первый гражданский житель* (здесь читай: *не военный не моряк*) – купец Яков Семёнов (чьим именем названы одни из центральных улица и площадь). Всё это вписывается в понятие, которое мы обозначили как **топонимический дистрибутив** – это когда в топонимическом дискурсе от главного референтного основания, в данном случае моря, в один или несколько ходов самой реальности, у носителей языка, помним Вежбицкую, сливающейся с

психологической, возникает название (у одних возникает, другие его принимают), топоним, семантически связанный с исходным, базовым. В нашем случае – с морем. Таким образом возникла вышеупомянутая группа улиц, связанная с названиями русских кораблей, первыми побывавшими в бухте Золотой Рог и в заливе Петра Великого, – вышеупомянутые Светланская, Алеутская, Абрекская, но также Аскольдовская, Гайдамакская, Японская, Маньчжурская, Паллады. Появилась большая группа названий улиц и других имен города Владивостока, связанная с фамилиями первых моряков, военно-морских командиров и капитанов Владивостока. Первым в качестве примера нужно назвать улицу Капитана Шефнера, названную в честь Алексея Карловича Шефнера – капитана военного транспорта «Манджур», доставившего к месту будущего города первую команду основателей поста, а затем 20 лет служившего во Владивостоке. В качестве командира порта он заложил судовые мастерские – будущий гигант (еще с дореволюционных времен) местной промышленности «Дальзавод» (сюжет с советским переименованием и вновь названием этим именем другой улицы во Владивостоке в 1985-м – в рамках рассуждений на другую тему). Военно-морская история Владивостока, разумеется, не прерывалась всё последующее его освоению время, конечно, появлялись и другие имена, связанные с ранними годами советской власти, с героикой Великой Отечественной войны, темой развития отечественного флота послевоенных лет. Имя Адмирала Фокина носит одна из самых популярных, любимых жителями и интересных для гостей города улица, спускающаяся с холма улицы Уборевича к главному городскому стадиону «Динамо» и Спортивной гавани и в большей части – пешеходная (посему в народном варианте имени – Арбат). Виталий Алексеевич Фокин – в 1958-1962 годах командующий Тихоокеанским флотом, в 1962-1964 годах – первый заместитель главнокомандующего ВМФ СССР. И – участник Великой Отечественной войны, был в знаменитых северных конвоях. Всего во Владивостоке сегодня, если не ошибаемся, десять улиц имен адмиралов – Горшкова, Завойко, Корнилова, Кузнецова, Нахимова, Невельского, Смирнова, Угрюмова, Фокина, Юмашева (шесть из таких улиц включают в свое название сам термин с прописной буквы – «Адмирал»). Есть большой густонаселенный окраинный район – Баляева, по названию улицы Баляева в честь рядового морской пехоты Героя Советского Союза Якова Баляева, совершившего подвиг при наступлении советских войск на корейский город Чхонджин во время советско-японской войны августа 1945-го. Еще одни герои той войны – командир взвода морской пехоты Николай Вилков, закрывший собой вражеский дзот в битве за остров Курильской гряды Шумшу. И улица

его имени. Вилков закрыл собой правую амбразуру дзота, а левую закрыл своим телом другой герой, боец взвода Петр Ильичев. Улица Ильичева тоже есть во Владивостоке. Есть улица Анны Щетининой в честь первой в мире женщины – капитана корабля дальнего плавания. И других людей, чья жизнь и подвиги связаны с морем.

Кроме имен кораблей и имен людей, семантически связанных с референтом моря и денотатами моря, в списках убранных и других ономастических терминов Владивостока, мы обнаружим с десяток групп с семантикой моря как топонимического дистрибутива: «океанскую» – Океанский проспект, кинотеатр «Океан», и т.д.; «навигационную» (или «мореходную») – улицы Рейдовая, Экипажная, Траловая, Верхнепортовая, улица Корабельная набережная и т.д.; «морских группировок» – Экипажная, Матросская (с 1-й по 7-ю), Флотская (с 1-й по 4-ю), «морских чинов» – та же Матросская, но и Командорская, Шкипера Гека (входящая и в группу антропотопонимов), «берегового ландшафта» – от улиц Мыс Кунгасный и Мыс Чумака до большого ряда названий мысов, бухт, полуостровов, находящихся в черте города, чьи имена, по нашему мнению, также отражают явление, названное нами топонимическим дистрибутивом, в том числе – полуостров Шкота, как разговорное, народное именование он же – Эгершельда (по названию мыса), он же – Маяк (во всяком случае, южная оконечность, примыкающая к Токаревскому маяку), полуостров Черкавского (он же и много более частотно – Чуркин, по одноименному мысу). Все антропотопонимы в этом ряду ассоциативны с морем: Николай Яковлевич Шкот командовал кораблем «Америка» – один из первых русских кораблей в нынешнем Приморском крае, Густав Христофорович Эгершельд командовал корветом «Гридень», ставшим родоначальником флотилии Владивостока, Павел Филиппович Чуркин был штурманом этого корвета, гидрографом, исследовавшим Тихоокеанскую акваторию России. Иван Францевич Черкавский командовал ротой 4-го Восточно-Сибирского линейного батальона, основавшей военно-морской пост Владивосток.

Однако описания с опорой на топонимическое распределение, на семантический дистрибутив тоже окажется недостаточно. Раскрытие тайн естественного языка опирается не только на психологический, но и на социальный мир его носителей. Поэтому исчерпывающая информация об имени собственном городского объекта, полный ответ на вопрос «Что в имени тебе моем?» («...Волны, плеснувшей в берег дальний...»), на наш взгляд, могут быть даны только в рамках подхода (или процедуры), условно названного нами **топонимическим** (или шире – ономастическим) **нарративом**. Это цельное повествование по сюжетному принципу и о происхождении имени, и о его значении, и

о значимости в динамике развития освоенного человеком, а значит, разыменованного пространства. Наиболее демонстративным примером кажется не просто перенос имени корабля на имя улицы, а целая история с именованной главной улицей Владивостока в Светланскую. Почему именно этого корабля, почему именно с Великим князем Алексеем Александровичем Романовым на борту? Почему именно в это время? Почему позже Светланская вобрала в себя еще несколько улиц? Всё дело в том, что до 1873 года, до визита высочайшей особы Владивосток жил с перманентным ожиданием того, что вектор развития Тихоокеанского побережья России изменится, что будущую столицу торгового и военного флота России на Тихом океане перенесут из бухты Золотой Рог куда-то в другое место. Наиболее вероятными назывались поселок Посыет на Новгородском полуострове южнее [1: 73-74] или бухта Ольги севернее. Официальный визит представителя высшей власти дал сигнал тому, что решение о том, чтобы закрепиться во Владивостоке и сделать его одной из столиц Восточной Сибири на высочайшем уровне принято, и переносов не будет. «Пригласив к себе купечество, он обращался к нему, призывая к самостоятельности» [1: 128]. Говоря в художественно-публицистическом стиле, фрегат «Светлана» привез благоую весть, что городу и быть и цвезть.

Тем более и историографического, и семантико-дистрибутивного подходов окажется недостаточно как вообще в культурно-проветительских, так и в конкретных дидактических целях. Для большинства не только иногородних, но и давних жителей города Владивостока, как источниковедческий генезис имен города, в том числе знаковых – его главных улиц, площадей, бухт, – неизвестен, так некий фундаментальный семантико-лингвистический труд, будь он написан, окажется, «игрой в бисер», «академической забавой». А вот топонимический словарь Владивостока, как и большинства знаковых городов России, снабженный топонимическими нарративами, историями о значительных событиях, сопровождавших процесс именованья – как и далее сюжеты переименования, сослужит большую службу не в тривиальном мнемоническом смысле, а в смысле гражданской позиции, подлинной любви к «малой родине», а значит – к Родине.

Ну и наконец, немного о том, что море – не единственная семантическая основа топонимической системы города Владивостока. Есть еще несколько. Например, революционная и советская. Так, только в одном районе города – Первореченском, множество улиц названо именами героев революции, войн и мирного советского строительства, например, есть улицы Аллилуева, Вострецова, Гамарника, Жигура, Постышева, Руднева, Сабанеева, Тухачевского. Есть и культурный топонимический кластер-основа, внутри которого ярко выделяется

один район города, начинающийся от Золотого моста и фуникулера, идущий на север, в котором параллельные и пересекающиеся улицы названы именами русских писателей-классиков: Некрасовская, Аксаковская, Гоголя, Грибоедова, Державина, Достоевского, Гаршина, Крылова, Чехова, рядом, разумеется, улица Пушкинская, Пушкинский театр и гора Пушкина. На полуострове Черкавского (он же и чаще – Чуркин/Чуркина) мы определим «ботаническую» основу топонимики (годонимики) Владивостока: одна за другой следуют улицы Ольховая, Пихтовая, Ёлочная, Вязовая, Кизиловая, Берёзовая, Кипарисовая, Черёмуховая. Это юг Владивостока, а на его севере есть небольшая улица Яблонева, а рядом – Абрикосовый переулок. Есть «датская» субоснова: проспект 100 лет Владивостоку (он же – 100-летия Владивостока). В северо-восточном углу Чуркина, рядышком с рекой Объяснения, по которой, сегодня не поверишь, глядя на этот ручей, забирался на полуостров английский корабль «Винчестер», тщетно искавший русскую эскадру в свеженазванной бухте Порт Мэй в 1856-ом (в Крымскую войну), сегодня находятся улицы с архаичным названием 40, 50 и 60 лет ВЛКСМ. Есть даже «Гомеровская» топонимическая субоснова (кстати, немало связанная с морем, как и всё в Греции): первые военно-морские офицеры Владивостока были начитанными людьми, поэтому неудивительны такие гидронимы как бухты Аякс, Патрокл (и улица тоже), Улисс, Парис.

Итак, топонимическая основа основ города Владивостока – море. Все остальные – либо локальны (та же «ботаническая» и «литературной классики»), либо замкнуто ограничены по времени, не номиногенны («революционная», «советская», «индустриальная»).

Морская семантическая основа словаря города Владивостока и тотально широка и всегда готова к воспроизводству по своим моделям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Матвеев Н.П. Краткий исторический очерк г. Владивостока. – Владивосток: Рубеж, 2012. – 512 с.
2. Кто в имени твоём: улицы города Владивостока / О.Б. Стратиевский, Н.Г. Мизь, И.А. Авдучевская. – Владивосток, 2008. – 288 с.
3. Вторая Приморская краевая научно-практическая конференция «Исторические названия – памятники культуры», 26-27 мая 1992 г. – Владивосток: Дальпресс, 1992. – 80 с.
4. Рублева О.Л. Разговорные топонимы в обиходной речи жителей Владивостока // Топонимия России и мира [Электронный ресурс]: <http://toponimika.ru/index.php?id=82>
5. Леонтьев В.В., Новикова К.А. Топонимический словарь Северо-Востока СССР. – Магадан: Кн. изд-во, 1989. – 456 с.

6. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
7. Wierzbicka A. Cross-cultural pragmatics: The semantic of human interaction. Berlin: Mouton de Gruyter, 1991. – 502 p.

Oleg N. Kopytov
Far East Federal University, Vladivostok, Russia

THE “SEA” AS THE SEMANTIC BASE OF THE TOPONYMIC SYSTEM IN VLADIVOSTOK, RUSSIA

The article contains the toponymic system of Vladivostok with the emphasis on semantic approach. This approach bears the actual value not only for this object. Building on the works in semantics by Anna Verzhbicky, the author introduces and justifies the notion of toponymic distributive as the basis to distribute meanings within the limits of the city dictionary. The author comes to the conclusion that as for as for Vladivostok is concerned, it is first of all, the “sea”. However, for Vladivostok, unlike for the other coastal Russian cities, it is to some extent different semantic base. The other bases are also represented in the article. The article also contains the notion of the toponymic narrative as a device for linguistic analysis as well as the adequate method for the conversion of the academic descriptions into the popular science and the local history ones.

Key words: *toponymic system, the semantic bases of the city dictionary, the city as the social world, the anthropocentric approach in the linguistics.*

Статья поступила в редакцию 28.02.2016 г.

В.В. Косолапов (Геленджик)

ИНДОАРИЙСКИЕ ТОПОНИМЫ ЧЕРНОМОРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

Реферат. Автор попытался дополнить список топонимов Черноморского побережья Кубани, оставленных нам индоарийскими народами. Их смысл зачастую касается основ индуизма.

Ключевые слова: топоним, индоарий, Черноморское побережье, Краснодарский край.

Олег Николаевич Трубачев в своей книге «INDOARICA в Северном Причерноморье» привел убедительные доказательства сосуществования здесь (индо)ариев-земледельцев и кочевых ираноговорящих народов. Тавры, меоты, синды и керкеты-тореты говорили на одной из ранних форм (индо)арийского языка [1].

Трубачев О.Н. приводит в своей книге следующие примеры. Mintana- ‘коренная земля’: название Тамани. Mai-ta- ‘материнские’: меоты. Sinda- ‘речные»: народ синды в районе Анапы. Abaraka- ‘круглое’: полуостров Абрау. Patta-, (parta-) ‘город, порт’: Патус, Бата, современный Новороссийск. Nikaksin- ‘находящийся в отдаленном скрытом месте’: поселение на берегу Новороссийской бухты. As(v)-amba- ‘конская вода’: Ашамба – река в Геленджике. Do-ab- ‘двуречье’: гора, мыс и река в Геленджике. Tarata- / tarita- ‘береговой’: античный народ тореты в районе Геленджика-Новороссийска. Tarika- ‘береговой, прибрежный; связанный с перевозом’: Торик / Торикос – античное название Геленджика. Uragra- ‘крайний’: Пагра, римская крепость на территории г. Геленджика. Византийское название Геленджикской бухты Ептала / Гептала произошло от su-parta- / su-patta- ‘добрая, прекрасная гавань’ [1].

Кроме этого еще некоторые топонимы побережья Краснодарского края сохранились со времен проживания здесь индоариев.

Ud-rish- ‘главный мудрец’: мыс Утриш – Большой и Малый в Анапе. Ср. др.-инд. ud- ‘превосходство в должности, общественном

положении или силе’, *rishi* ‘патриарх, прародитель человечества, мудрец’ [2].

I(n)do-koras- ‘мыс индов’: мыс И(н)докопас в Геленджике. Античные авторы знали два варианта названия племени синдов – *Sindoi* и *Indoi*. Второй вариант иранский *hind-* с утратой античными греками густого придыхания [1]. Ср. др.-инд. *Kara-* ‘череп; холм, бугор’, лит. *karas* ‘холм’, др.-слав. *корьсь* ‘холм, бугор’ [1]. Добавим еще англ. *cape* ‘мыс’ и русское «копчик» ‘конечная часть позвоночника’ от *корьсь*. Череп тоже конечная (верхняя, передняя) часть тела, а мыс конечная часть земли.

Su-gav-koras- ‘мыс тучного стада’: мыс Чуговкопас в Геленджике. Ср. др.-инд. *su-* ‘добро, хорошо, прекрасно’ [1], *gava-* ‘стадо крупного рогатого скота’ [2] и *koras* см. выше.

Go-avga- ‘приходящий на защиту коров’: мыс Гуавга в п. Новомихайловский Туапсинского района. Ср. др.-инд. *go-* / *gau* ‘корова / бык’, *ava* ‘защищать’ и *gaa* ‘приходить’ [2]. Одним из великих подвигов Индры было возвращение коров, похищенных у богов демонским племенем паниев, которое обитало в неведомых землях за пределами мира богов и асуров.

Agrya- ‘передний’: мыс Агрия в п. Ольгинка Туапсинского района. Ср. др.-инд. *agrya-* ‘передний, передовой, выдающийся’ [2].

Jana- ‘человек порождающий, воспроизводящийся’: река Жане (Жене) в г. Геленджике. Ср. др.-инд. *jana-* ‘человек порождающий, воспроизводящийся; живое создание, раса, люди; рождение’ [2].

Mandaara- ‘гора, использованная богами для пахтанья космического океана’: г. Мандрия в г. Геленджике. Ср. др.-инд. *man-daara-* ‘гора, использованная богами для пахтанья космического океана’ [2]. В «Махабхарате» гора Мандара – главная вершина горной страны Меру с вершинами до самого неба.

Ku-agma- ‘земля зла, несчастья, страданий; опасная, грешная земля’: река Куаго в г. Геленджике. Ср. др.-инд. *ku-* ‘земля; число «один»’, *agma-* ‘опасный, грешный; зло, несчастье’ [2].

Перечень таких топонимов можно еще продолжить.

Nava-giri- ‘девять гор’: хребет Навагир в Новороссийске. Ср. др.-инд. *nava-* ‘девять» и *giri-* ‘гора» [2].

Varada- ‘дарящий благо, щедрую природу, благотворный климат; особый класс умерших предков»: хребет Маркотх или Цементный в Новороссийске-Геленджике. Ср. др.-инд. *varada-* ‘дарящий благо, щедрую природу, благотворный климат; особый класс умерших предков» [2]. Для последних, возможно, предназначались дольмены.

Su-arana- 'рожденная в дикой местности': река Су-Аран в Геленджике. Ср. др.-инд. su- 'порождать, производить' и araNya- / araNa- 'дикая местность, пустыня, лес' [2].

Varda-vira- 'управитель облаков': Михайловский перевал в Геленджике. Ср. др.-инд. vaarida- 'облако; тот, кто дает воду' и vira- 'мужчина, герой, управитель' [2]. Этот перевал делит территорию г. Геленджика на две части: более сухую северную и более влажную южную. Ср. в Кабардинке выпадает 600 мм осадков в год, а в Архипо-Осиповке – 1000 мм.

Syak- 'особое легендарное племя людей с белой кожей, созданное священной коровой мудреца Васишты для уничтожения войска его противника Вишвамитры' (позднее их потомков связывали с индоскифами под именем саки): гора Шек/Шах возле устья р. Пшады в Геленджике. Ср. др.-инд. syaka 'особое легендарное племя людей с белой кожей, созданное священной коровой мудреца Васишты для уничтожения войска его противника Вишвамитры' [2]. Саки – город в Западном Крыму. Шака упоминается в перечне племен "выродившихся" кшатриев, проникших в Индию с северо-запада во II в. до н. э. [3].

Asmasyak- 'я есть шак/сак': река Азмашах в Молокановой щели возле мыса И(н)докопас в Геленджике. Ср. др.-инд. asmi- 'я есть' и syaka 'особое легендарное племя людей с белой кожей, созданное священной коровой мудреца Васишты для уничтожения войска его противника Вишвамитры' [2].

Толкование вышеприведенных топонимов Геленджика на основе характерных черт индуизма говорит об их принадлежности индоариям. Им до настоящего времени исследователями не уделялось должного внимания. Автор надеется, что в будущем его примеру найдутся последователи, которые продолжат исследование геленджикских топонимов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трубачев О.Н. INDOARICA в Северном Причерноморье. – М.: Наука, 1999. – 320 с.
2. Monier-Williams M. 1964: A Sanskrit-English Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Oxford <http://www.srimadbhagavatam.org/downloads/SanskritDictionary.html>
3. Саки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Саки_\(племена\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Саки_(племена))

V. Kosolapov (Gelendzhik)

INDO-ARYAN TOPONYMS OF BLACK SEA COAST OF KRASNODAR REGION

The author tried to supplement the list of names of the Black Sea coast of Kuban, left to us by the Indo-Aryan peoples. Their meaning often comes to basics of Hinduism.

Key words: *топоним, Indo-Arian, Black Sea coast, Krasnodar Krai.*

Статья поступила в редакцию 10.10.2017 г.

И.В. Пантелеев (Тула)

РЕГИОНАЛЬНАЯ МИКРОТОПОНИМИКА КАК ОДНО ИЗ СРЕДСТВ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ

***Реферат.** В статье рассматриваются вопросы патриотического воспитания молодежи посредством изучения региональной микро-топонимики. Изучая историю села Лапотково Щёкинского района Тульской области и находящегося в этом селе храма во имя Покрова Пресвятой Богородицы, мы имеем возможность познакомиться не только с историей села, становлением и жизнедеятельностью православного прихода, но и с историей России, поскольку история страны складывается из истории ее городов, сел и деревень.*

***Ключевые слова:** Православие, Покровская церковь, с. Лапотково, патриотическое воспитание, лингвокраеведение, история России.*

Всеобщая история и даже русская история
без местной отчуждается от местной жизни.

<...> Местная история необходима
не как занимательное описание,
а как образовательный предмет,
как введение в общенародное
и даже всемирное дело...

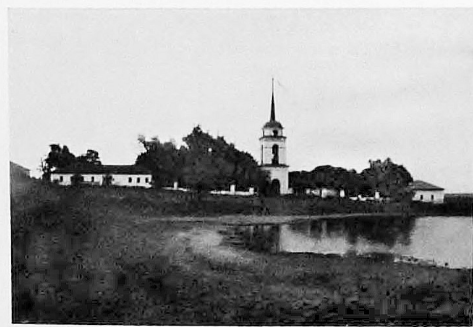
Н. Ф. Федоров

В отечественной ономастике давно и прочно утвердилось мнение, что «региональные описания ономастических состояний тесно связаны с краеведением» и что «не изучив всего топонимического комплекса какого-нибудь района или области, нельзя предвидеть того, что можно и нужно искать на соседних территориях» [9, с. 217]. Кроме того, «воспитывать любовь к малой родине, „нравственную, духовную оседлость“ (Д. С. Лихачев), невозможно без обращения к одной из составных частей этого понятия – языку своей местности» [3, с. 16], ибо именно в языке, по меткому замечанию С. Н. Булгакова,

«запечатлевается душа национальности», отражается душа народа, его вера, история, культура [1, с. 451].

ЛАПОТКОВО.

(Кранивенск. уезда, Тульской губ.).

Фото из журнала «Столица и усадьба».

Год реконструкции: 1820.

Снято: 1 января 1915

Цель статьи – посредством изучения истории возникновения одного из старейших храмов Тульской митрополии Русской Православной Церкви – храма во имя Покрова Пресвятой Богородицы – рассмотреть историю становления современного названия села Лапотково Щёкинского района Тульской области.

Основные сведения как о самом храме во имя Покрова Пресвятой Богородицы, так и об истории села Лапотково мы черпаем из книги П. И. Малицкого «Приходы и церкви Тульской епархии». К сожалению, в этом труде не содержится информации о дате возникновения Покровского храма и именах его строителей. Однако сам факт существования храма в 1694 году подтверждает надпись, сделанная на старинном деревянном кресте, сохранившемся со времени реконструкции храма во 2-й половине XIX в. Известно, что в конце XVII в. крупнейшим землевладельцем в этих местах был князь Иван Шаховской, поэтому П. И. Малицкий именно его считает строителем первого Покровского храма, тесного и темного, поскольку он имел небольшие размеры и глухой купол. Образовавшееся вокруг храма поселение назвали село Покровское, о чем свидетельствует надпись на потире 1730 года, подаренном князем Шаховским церковному причту: «Чаша святая подарена в село Покровское» [4, с. 272]. «В свое время новый этап в развитии истории Руси, ее крещение, естественно, нашел отражение и в топонимии. В ней начал формироваться пласт церковных названий религиозного характера. <...> Русские <...> агнооиконимы (названия поселений религиозного характера), возникали, как правило, по находившемуся в населенном пункте храму, а также часовне, монастырю», – пишет Л. А. Климова [2, с. 323]. «В ойконимии центра России эта модель начинает действовать с XV века» и своего пика

достигает во второй половине века XIX [Там же, с. 323]. Как видим, Покровский храм и село Покровское не являются исключением из общего правила.

На протяжении XVIII-XIX вв. Покровский храм неоднократно перестраивался. П. И. Малицкий в числе храмостроителей называет имена местных помещиков В. И. Воейкова (умер в 1813 году) и П. П. Щепотьева (умер в 1858 году). Наиболее масштабная перестройка Покровского храма связана с посещением его в 1787 [П. И. Малицкий ошибочно приводит дату 1776 год. – И. П.] году императрицей Екатериной II Великой, которая по дороге в Тавриду останавливалась в доме помещика Лазарева и слушала в этом храме литургию [4, с. 273]. Служба императрице понравилась, и помещик Лазарев решил перестроить Покровский храм.

В каком году Лазаревы стали полноправными владельцами села Покровское (Лапотково), выяснить не удалось, однако архивные документы свидетельствуют: в 1774 году среди прихожан и помещиков села Лапотково имя Лазаревых не значится, зато упоминаются помещицы Аграфена Алексеевна Коробанова, Марфа Семеновна Хонькова и Мария Семеновна Маслова. Служили в это время в Покровском храме иерей Петр Никифоров 67 лет, его сын дьячок Алексей Петров 40 лет, иерей Тит Михайлов 33 лет и диакон Василий Михайлов 40 лет [12]. В результате перестройки в Покровском храме поставили новый трехъярусный иконостас, к храму пристроили просторную трапезную и с правой стороны храма придел во имя св. Николая Чудотворца. В 1857 г. Лазаревы ремонтируют храм, строят отдельно от храма на значительном расстоянии колокольню, церковно-приходскую школу и временную усыпальницу для умерших. Храм и колокольню обносят кирпичной оградой.

Во 2-й половине XIX века (1860 год) владельцем села Лапотково с сельцом (каким? – И. П.) и деревней (какой? – И. П.) был Лазарь Якимович Лазарев, имевший 1119 крестьян мужского пола, дворовых людей 79, дворов или отдельных усадеб 294. Усадебной земли 116,86, пахотной 3044,50, сенокосу 313,27 десятин [10]. Интересно, что в это время в официальных документах современное село Лапотково упоминается под тремя названиями. Так, в «Сведениях о помещичьих землевладениях» мы находим название Лопатка [10], а в документе «Тульская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года» за № 2621 значится с. Покровское (Лапотково) Крапивенского уезда [11]. Как видим, во 2-й половине XIX столетия в официальных документах ни одно из трех названий села ещё не закрепилось. В начале XX столетия в качестве официально принятого используется ойконим Лапотково (Покровское): «В 3 верстах на з.-ю.з. от этой станции

[Лазарево. – *И. П.*], на старом Московско-Курском шоссе расположено с. Лапотково (*Покровское*), имеющее до 1.500 ж., волостное правление, богадельню, больницу, лавки, ярмарку и конский завод упряжных и рысистых лошадей кн. Леонины Лазаревны Урусовой (30 маток). В эпоху освобождения крестьян село это принадлежало отцу княгини Лазарю Якимовичу Лазареву, владевшему здесь 6.000 дес. земли [6, с. 439].

Похровский храм в с. Лапотково закрыли в 30-е годы XX века, однако упоминание о храме осталось в названии частей села: Покровка, Слободка и Свисталовка. Часть села, непосредственно примыкающую к храму, называли Покровка, другую часть – Слободка, вероятно, потому что жители ее не были крепостными и занимались кустарными промыслами [5, с. 508]. Ср.: Слободка, ж. 2. Часть селения, жители которой имели какие-л. особые права. **Том.**, 1853. **Дон.**, **Ворон.** [7, с. 289]. Мотивы названия Свисталовка выяснить не удалось.

С подачи П.И. Малицкого, среди краеведов закрепилось мнение: название Лапотково происходит от слова ‘лапоть’: наряду с другими промыслами, местные жители активно занимались плетением лаптей на продажу [4, с. 272]. Версия сомнительная: в официальных документах 2-й половины XIX столетия мы находим ойконим Лопатка, никак этимологически не выводимый из слова ‘лапоть’. Более вероятной представляется версия, согласно которой ойконим Ла/о/потково [именно Лопатково до сих пор пишут на автобусных билетах, хотя на указателе, стоящем на автотрассе «Москва-Крым», значится Лапотково. – *И. П.*] образован от ойконима Лопатка, который частотен на географической карте России. В Горьковской области этот термин обозначает «ровное гладкое место», в других регионах используется для обозначения лесов, полей, возвышенностей, сенокосов [5, с. 347]. Село Покровское (Лапотково) «лежит на возвышенной равнине и занимает сухую и здоровую местность» [4, с. 272], поэтому использование по отношению к нему названия Лопатка обосновано как рельефом местности, так и месторасположением села. Дальнейшее переименование села Лопатка в Лапотково было вызвано действием в языке закона аналогии, в результате чего старое название Лопатка было заменено тождественным по семантике, но образованным по продуктивной модели наименованием Лапотково. «Топоформанты среднего рода -ов-о (-ев-о), -ин-о достигают большой топонимической активности: Берегово, Звереве, Беседино» [9, с. 68]. Отказ от использования первоначального агеоойконима Покровское произошел по причине его частотности на географической карте России, т. к. храмы во имя Покрова Пресвятой Богородицы были широко распространены. В целях недопущения путаницы в почтовых отправлениях и деловых документах

многие села с названием Покровское переименовали. Ср.: «Покровское см. Галун; Покровское см. Кашма; Покровское см. Лапотково; Покровское см. Репец» [6, с. 678]. Однако такое переименование села, произведенное без учета мнения местных жителей, не только внесло путаницу в написание ойконима, поскольку его происхождение и для селян, и для официальных властей стало непонятным, о чем мы писали выше, но и поспособствовало делу воспитания космополитов. Об опасности такого переименования населенных пунктов прекрасно сказала А. В. Суперанская, поэтому мы позволим себе привести цитату полностью: «Есть люди, жизнь которых прошла в какой-нибудь *Ореховке* или *Талице*... У каждого человека есть свой уголок земли, свой *Берёзовый Куток* или *Чёрный Яр*, где прошло его детство. И когда во время Великой Отечественной войны человек шел в бой, он прежде всего думал о „том яблочном захолустье“ (Ю. Друнина), где живут его близкие. Для того чтобы связать все эти *Зелёные Рощи*, *Красные Глинки*, *Селеховы Дворы*, *Букреевы Бармы* с жизнью и деятельностью человека, с его духовным миром, со всеми воспоминаниями детства, у нас нет другого средства кроме географических названий. Поэтому мы не должны преднамеренно разрушать эти связи, лишая человека его “корней”, зачеркивая историю его семьи, искусственно перемешивая хронологически разные пласты топонимов» [8, с. 141].

В заключение отметим: проведение интегрированных занятий, во время которых факты истории подкрепляются фактами языка (историческое и лингвистическое краеведение) позволяет успешно решать как образовательные – готовить компетентных в своей области специалистов, – так и воспитательные задачи: воспитывать патриотов своей страны, хорошо знающих отечественную историю и национальную культуру, а потому являющихся ее приверженцами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгаков С. Н., свящ. Соч. в 2 т. Т.2. Избранные статьи. М.: Наука, 1993. 750 с.
2. Климова Л. А. Нижегородская микропонимия в языковой картине мира: монография. Арзамас, АГПИ, 2007. 394 с.
3. Майорова Т. В. Лингвистическое краеведение и его роль в формировании личностных качеств подростка. Тула, ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2007. 285с.
4. Малицкий П. И. Приходы и церкви Тульской епархии : извлечение из церковно-приходских летописей. Тула : Тип. Н. И. Соколова, 1895. 820 с.
5. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. 653 с.

6. Россия. Полное географическое описание нашего отечества: в 19 т. Т. 2. Среднерусская черноземная область / Под. ред. В. П. Семенова. – СПб., Издание А. Ф. Девриена, 1902. 717 с.
7. Словарь русских народных говоров. Вып. 38 / Глав. ред. Ф. П. Сороколетов. Санкт-Петербург: Наука, 2004. 372 с.
8. Суперанская А. В. Что такое топонимика? М.: Наука, 1985. 182 с.
9. Теория и методика ономастических исследований / А. В. Суперанская [и др.]. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с.
10. Сведения о помещичьих имениях. Т. IV. СПб., 1860. [электронный ресурс]. <http://maps.southklad.ru/forum/viewtopic.php?f=19&t=513> (дата обращения: 07.09.2015).
11. Тульская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. Издана Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. СПб., 1862 [электронный ресурс]. http://nipol.ucoz.ru/load/statistika_rossijskoj_imperii/spiski_naselennykh_mest_rossijskoj_imperii_izdannye_po_programme_csk_mvд/spisok_naselennykh_mest_tulskoj_gubernii_po_svedenijam_1859_goda/158-1-0-2793 (дата обращения 07.09.2015).
12. Церкви и приходы Крапивенского уезда по исповедным росписям 1774 года. ГАУ ТО, ф. 1770, оп. 1, д. 103. Т. 1. Л.... Т. 2. Л.... [Электронный ресурс, составитель М. Радин]. <http://adelwiki.dhi-moskau.de/index.php> (дата обращения: 07.09.2015).

Panteleev I. Valentinovich

Tula State University, Tula, Russia

REGIONAL TOPONYMY AS ONE OF MEANS OF PATRIOTIC UPBRINGING OF THE YOUTH

The article deals with questions of patriotic upbringing of the youth by studying of regional microtoponymy. While studying the history of settlement Lapotkovo of Shhyokino District of Tula Oblast and of the Church of the Intercession of the Most Holy Mother of God, which is situated in this settlement, we have the opportunity to learn not only the history of the settlement, formation activity of the orthodox parish, but also the history of Russia, because the land's history includes the history of towns, settlements and villages.

Key words: *orthodoxy, Church of the Intercession, s. Lapotkovo, patriotic upbringing, linguistic local studies, history of Russia.*

Статья поступила в редакцию 27.02.2016 г.

Р.В. Разумов (Ярославль)

ОЙКОДОМОНИМЫ: МЕСТО В ОНОМАСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

***Реферат.** Представлен анализ употребления термина ойкодомоним в российской ономастике. Показана ошибочность его отождествления с термином эргоним, а также отнесение к этому ряду неофициальных названий зданий. Указано место ойкодомонимов в ономастике русского города. Приведены примеры названий зданий различных исторических эпох. Намечены пути дальнейшего изучения ойкодомонимов.*

***Ключевые слова:** городское онимическое пространство, ойкодомоним, микроурбаноним, урбаноним, эргоним.*

Одной из актуальных задач российской ономастики остается упорядочение существующей терминологии. По мнению В.И. Супруна, она «нуждается в теоретическом осмыслении и практическом лексикографическом изложении» [15, с. 138]. Со времени публикации 2-го издания «Словаря русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской [8] прошло уже более двадцати пяти лет, отмеченные появлением целого ряда новых терминов, употребление которых необходимо систематизировать. К тому же требуется уточнение дефиниций терминов-футуронимов, отмеченных в словаре значком-стрелкой, направленной вверх (↑), принятие решения об их сохранении в словаре или исключении из него. Многие из них на момент издания словаря не прошли стадию регулярного употребления в исследованиях ученых, поэтому за последние десятилетия претерпели в некоторых случаях значительные трансформации. Особенно проблемными являются зоны ономастического пространства, изучение которых активизировалось в течение последних нескольких десятилетий. Одной из них является городское онимическое пространство.

На IX Международных Святогорских ономастических и IX Международных Михайловских литературно-ономастических чтениях мы представили доклад, посвященный рассмотрению

места ойкодомонимов — одной из разновидностей урбанонимов — в онимической системе населенного пункта, описанию истории формирования указанного типа названий [10]. Настоящая статья развивает основные положения этого доклада, конкретизирует условия включения собственных имен в данный онимический разряд. Ее целью является уточнение значения термина *ойкодомоним*, определение круга названий, которые могут рассматриваться в качестве разновидностей этого типа урбанонимов.

Впервые термин *ойкодомоним* зафиксирован во 2-м издании «Словаря русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской [8]. В нем он был отнесен к группе терминов-футуронимов, введение которых «обусловлено наличием ИС у определенных категорий объектов, которые постепенно включаются в сферу исследований ономастов» [8, с. 9]. Опыт подобных включений в 1-е издание словаря, с точки зрения Н.В. Подольской, сказался положительно на развитии ономастической терминологии: «многие из предложенных нами ранее терминов были приняты специалистами и сыграли свою роль в научном поиске: имена этой категории служили для специальных исследований, понятия уточнялись» [8, с. 9].

Включение термина *ойкодомоним* в группу терминов-футуронимов указывало на то, что к моменту публикации справочника термин не употреблялся. Анализ указателей литературы по ономастике, изданных в СССР [3; 4; 5], показывает отсутствие употребления не только самого термина, но и описательных оборотов (*наименование дома, название дома*), которые могли бы использоваться для обозначения данной группы собственных имен. Очевидно, подобные онимы не становились предметом исследования у ономастологов. Отсутствие интереса ученых к анализу ойкодомонимов объясняется тем, что в России, в отличие от западноевропейских стран, не сложилась традиция присваивать зданиям индивидуальные названия. Так, в английской лингвокультуре подобные онимы «составляют значительную часть британской микропонимии (Интернет-директория British Houses, в которой представлены названия известных домов, насчитывает свыше 4000 единиц)» [9, с. 10]. Однако не только периферийное положение ойкодомонимов в российском ономастиконе обусловило отсутствие подобных исследований. В основном названия зданий функционируют во внутригородском пространстве, активное изучение которого началось лишь в 1990–2000-е гг. Заметим, что интерес исследователей был направлен на анализ наименований линейных объектов (улиц, проспектов, бульваров, переулков и т.д.) и площадей.

Словарная статья содержит лаконичное определение термина: «Ойкодомоним — Имя собственное здания <...> *Происх.*: греч. οἰκοδομή

‘здание, строение’ + оним» [8, с. 88]. Заметим, что в этой дефиниции отсутствует указание на связь данного типа собственных имен с более крупными разрядами онимов. Его мы можем обнаружить в словарной статье к термину *урбаноним*: «Урбаноним — Вид топонима. Собст. имя любого внутригородского топографического объекта, в т. ч. агороним, годоним, хороним городской, экклезионим, **ойкодомоним** (выделено нами — Р.Р.» [8, с. 139]. Признание ойкодомонимов в качестве разновидности урбанонимов и, следовательно, топонимов, означает наличие у них такого важного свойства, как *топографичность* — четкая географическая привязка к определенной точке земной поверхности, способность реализовывать адресную функцию онима, которая для него является основной. На это указывает значение слова *топография*: (1) «отдел геодезии, изучающий земную поверхность и способы ее измерения» и (2) «совокупность признаков, характеризующих населенный пункт или административно-территориальную единицу в географическом отношении» [11, ст. 640–641].

Толкование термина было дополнено развернутым комментарием: «обычно это имя здания в городе, которое известно не только как памятник зодчества, но и как учреждение, в этом случае это вид эргонима (см.); но загородные здания также могут иметь собственные имена, это особенно относится к дворцам и домам в усадьбах; в настоящее время, напр., в Латвии появилась тенденция давать частным загородным домам имена собственные, иногда мотивированные занятием хозяина: „Песня“, „Выкрутасы“» [8, с. 88–89]. Похожий текст приведен и в словарной статье к термину *эргоним*, содержащей аналогичное примечание: «Здания, в которых размещаются постоянно многие крупные организации, носят то же ИС, что и сама организация. Эту особую группу ИС предлагается назвать ойкодомонимами» [8, с. 151]. Прочитанный комментарий формулирует дополнительный критерий: в качестве собственного имени здания могут употребляться лишь те коммерческие названия, которые принадлежат *крупным организациям*.

Прочитанные определения и комментарии к терминам *ойкодомоним* и *эргоним*, на наш взгляд, не являются удачными. С одной стороны, Н.В. Подольская подчеркивает самостоятельность данного типа собственных имен, указывает на его связь с термином *урбаноним*, а с другой, вводит комментарий, который позволяет его включение в ономастический разряд, имеющий иные характеристики.

Первые отождествление терминов *ойкодомоним* и *эргоним* произошло в исследовании А.М. Мезенко «Урбанонимия Белоруссии» [2], вышедшем спустя всего два года после издания словаря. Во введении к работе автор говорит о необходимости различения *урбанонимов* и

эргонимов: «Сложным является вопрос и о квалификации названий предприятий, учреждений, корпораций, заведений и других комплексных объектов. Их появление связано с необходимостью именования деловых объединений людей. С этой точки зрения данные единицы не могут быть причислены к урбанонимам, они составляют особый разряд онимов, который принято квалифицировать как эргонимы» [2, с. 14]. С другой стороны, в этом же абзаце автор указывает на то, что термин *ойкодомоним* «может быть применим как для названия отдельных зданий (дворцов, особняков, гостиниц), предприятий и заведений (учебных, промышленных, сферы обслуживания, торговли), так и для названий культурно-спортивных и мемориальных комплексов (театров, музеев, стадионов, архитектурных памятников, монументов, мавзолеев, пантеонов) и т.п.» [2, с. 14]. Очевидно, что этот текст противоречит предшествующему фрагменту. Анализ основной части исследования [2, с. 138–147] показывает, что автор отождествляет ойкодомонимы и эргонимы. Впоследствии данный подход был реализован в кандидатских диссертациях И.А. Астафьевой [1] и В.В. Стародубцевой [13], а также во множестве статей других авторов. Заметим, что ни в одной из указанных работ не проводилось исследования, действительно ли рассматриваемые названия используются в качестве наименования всего здания, а не его отдельной части. Размещение подобных объектов в городах Ярославской области показывает, что лишь незначительное количество организаций располагается в отдельно стоящих зданиях. Большинство же коммерческих и социальных учреждений находятся либо в пристройках, либо на первых этажах многоэтажных зданий. Авторы же указанных работ никак не оговаривают этот аспект в своих исследованиях. В диссертации И.А. Астафьевой рассмотрено 2,5 тысячи единиц [1, с. 5], а в исследовании В.В. Стародубцевой — 3 тысячи единиц [13, с. 4]. Сомневаемся, что в обоих рассматриваемых городах (Омске и Ульяновске) можно найти такое количество объектов, расположенных в отдельно стоящих зданиях.

Приведенные примеры показывают наличие проблемы в понимании термина *ойкодомоним*, необходимости упорядочения словарного толкования и определения круга собственных имен, относимых к данному разряду.

В словарном определении необходимо четко обозначить невозможность отождествления терминов *ойкодомоним* и *эргоним*. Это отмечала уже А.В. Суперанская в исследовании, вышедшем за 3 года до появления термина *ойкодомоним*: «Необходимо отметить разницу между названиями некоторых зданий и находящихся в них учреждений. *Сенат* как здание — урбаноним. *Сенат* как учреждение может заседать в другом месте (в школе), а в здании Сената в чрезвычайных

обстоятельствах может разместиться госпиталь. Названия организаций, предприятий, учреждений — эргонимы составляют самостоятельную группу собственных имен, лишь отчасти пересекающуюся с урбанонимами» [14, с. 75]. Отметим основные различия этих двух разрядов онимов. Эргонимы не являются топографическими объектами, поскольку не привязаны к определенному месту, легко изменяются и быстро исчезают, свободно переносятся с одного объекта на другой. Ойкодомонимы всегда четко закреплены за определенным объектом на поверхности земли, не могут быть перенесены на другой объект, сохраняются продолжительное время, даже в тех случаях, когда произошло изменение прав собственности или функционального назначения здания. Эргонимы функционируют преимущественно в рекламных текстах на плакатах, листовках и вывесках, ойкодомонимы — в официальном и научном дискурсах, в искусствоведческих и публицистических текстах, в краеведческих публикациях. В пределах населенного пункта один и тот же эргоним может встречаться неоднократно (сетевые эргонимы «Магнит», «Дикси», «Дружба» и т.д.), а ойкодомоним может употребляться лишь по отношению к одному зданию, иначе он теряет возможность различать объекты.

В словарной статье требуется уточнить, какие здания способны иметь собственные имена, более четко определить условия перехода эргонимов в разряд ойкодомонимов, о котором указывала в примечании Н.В. Подольская. В исследовании А.В. Суперанской отмечено, что «обычно индивидуальные названия получают не все здания и их части, а лишь **наиболее интересные, привлекательные, художественные** (выделено нами — *Р.В.*)» [14, с. 75]. Развитие указанной мысли мы находим в статьях Н.В. Подольской рубежа 1980-1990-х гг. «Имена внутри и около города» [6] и «Названия зданий — часть городской культуры» [7]. Эти работы, опубликованные в малотиражных сборниках и, по-видимому, малоизвестные ономатологам, остаются фактически единственным опытом описания российских ойкодомонимов. Данные статьи, на наш взгляд, и позволяют определить условия закрепления за зданием особого названия.

В начале статьи «Имена внутри и около города» Н.В. Подольская замечает: «Любое здание это архитектурная часть наших улиц и площадей. Некоторые из них составляют славу не только города, но и страны. В них вложена бездна таланта, воображения и труда. Они прославили имена своих зодчих» [6, с. 69]. Из этого фрагмента и процитированного выше высказывания А.В. Суперанской становится очевидным, что индивидуальные названия имеют здания, чем-либо интересные в архитектурном отношении, имеющие статус памятника истории и архитектуры. Обычная типовая постройка не способна

приобрести собственное имя, выделявшее бы ее из ряда однородных объектов. Несмотря на то, что все средние учебные заведения имеют свои собственные имена, они не переходят на здания, построенные по типовым проектам. При ликвидации или переименовании учебного заведения происходит утрата эргонима, он не переносится на постройку. Напротив, дореволюционные названия подобных учреждений, построенных по индивидуальным проектам, закрепились за зданиями. Например, в списке памятников Ярославской области [12] зафиксированы следующие ойкодомонимы: *Здание коммерческого училища* (Ярославль), *Здание Комаровского технического училища* (Рыбинск), *Здание земского училища* (Тутаев) и др.

Второе важное дополнение мы можем найти в статье «Названия зданий — часть городской культуры» [7]. Н.В. Подольская, рассматривая названия зданий Москвы и Санкт-Петербурга XVIII–XIX вв., отмечает: «В этот период здание специально строилось для данного учреждения или как жилое здание для определенного лица. Здание и то, что происходило в нем, крепко спаивалось, имея одно имя. После революции отмирали функции многих государственных учреждений, дворцы и особняки также начинали служить другим целям. <...> При этом собственное имя здания раздваивалось: возникало два имени — имя произведения архитектуры (старое название) и новое имя нового учреждения» [7, с. 134]. Указанный комментарий содержит второе важное условие для появления названия у здания — оно возникает у объекта, специально построенного для конкретного учреждения или лица, в соответствии с определенными функциональными или иными требованиями.

Процитированные фрагменты статей Н.В. Подольской позволяют предположить, что термин *ойкодомоним* вводился для обозначения исторических названий зданий и сооружений, функционирующих преимущественно в текстах путеводителей, исследованиях по архитектуре, искусству, истории. В подобных изданиях принято указывать не только имя архитектора, но и первоначальное наименование здания, которое обычно содержало указание на владельца сооружения, функциональное назначение постройки или ее местоположение. В настоящее время подобные наименования стали размещаться и на фасадах домов, они знакомят горожан и туристов с историей города. По этой причине нам кажется необходимым сохранение термина в будущих изданиях словаря ономастической терминологии.

Попробуем определить состав собственных имен, которые могут быть отнесены к ойкодомонимам.

Во-первых, к данному разряду следует отнести названия отдельных домов или комплексов зданий, построенных на территории

города. Дореволюционные ойкодомонимы этого типа могли содержать указание на владельца здания (*Дом Пашкова*, Москва; *Доходный дом Колчиной*, Москва; *Дом генерала Сорокина*, Ярославль и др.); его месторасположение (*Большой Кремлевский дворец*, Москва; *Покровские казармы*, Москва; *Волжская башня*, Ярославль; *Знаменская (Власьевская) башня*, Ярославль и др.) или функциональное предназначение (*Потешный дворец*, Москва; *Арсенал*, Москва; *Провиантские склады*, Москва; *Путевой дворец*, Тверь; *Новая Хлебная биржа*, Рыбинск; *Мучной гостинный двор*, Рыбинск; *Зеленая башня*, Ярославль; *Губернаторский дом*, Ярославль; *Дом призрения ближнего*, Ярославль и др.). Советские названия зданий указывали преимущественно на его функциональное предназначение (*Дом Наркомфина*, Москва; *Дом правительства (Первый Дом Советов*, более известный как *Дом на набережной*), Москва; *Дом Моссельпрома*, Москва; клуб «Гигант», Ярославль; *Ляпинская ГЭС*, Ярославль; *Фабрика-кухня*, Ярославль) или потенциальных жителей (*Дом полярника*, Москва; *Дом актера*, Москва; *Дом специалистов*, Ярославль и др.).

Во-вторых, к ойкодомонимам следует отнести названия городских и пригородных усадеб: *Усадьба Лопухиных*, Москва; *Усадьбы Кусково* и *Останкино*, Москва; *Усадьба Наумова*, Рыбинск, *Усадьба Петровское*, Рыбинск, *Усадьба Карабиха*, Ярославль и др. Безусловно, в этот разряд должны быть включены и названия зданий, построенных внутри усадеб. Например, в усадьбе Кусково (Москва) зафиксированы следующие ойкодомонимы: *Дворец*, *Голландский домик*, *Итальянский домик*, *Эрмитаж* или *Французский домик*, *Швейцарский домик*, *Грот*, *Большая каменная оранжерея*, *Американская оранжерея*.

В-третьих, к разряду ойкодомонимов следует отнести и такие новые типы городских объектов, как *названия жилых комплексов* и *названия торговых центров*. Пограничность подобных имен собственных, наличие у них как адресной, так и рекламной функции затрудняют их ономастическую квалификацию. Включение указанных названий в адресные базы данных, их активное функционирование в качестве ориентиров в городском пространстве позволяют, на наш взгляд, отнести эти наименования к ойкодомонимам. Заметим, что подобные онимы являются именами именно зданий, а не деловых объединений, осуществляющих их застройку или эксплуатацию. Так, компания «Ташир» владеет в Ярославле тремя торговыми центрами: «*Рио*» и «*Фараон*», а также осуществляет постройку жилого комплекса «*Сокольники*».

Недопустимо относить к ойкодомонимам неофициальные названия зданий и сооружений. Например, в Рыбинске нами зафиксированы такие наименования, как *Близнецы*, *Бухенвальд*, *Горельи*, *Кривой*, *Ласточкино*

гнездо и др., в Ярославле — *Белый дом, Два стакана, Китайская стена* и др. Аналогичные примеры мы можем найти во многих российских городах. Отнесение подобных названий к ойкодомонимам, на наш взгляд, неоправданно, поскольку они характерны для разговорной речи и просторечия, употребляются преимущественно представителями молодежи. Практически все подобные онимы экспрессивны, оценочны, поэтому невозможны в ситуации официального общения. Мы предлагаем выделить их в самостоятельный разряд онимов и обозначить как микроурбанонимы.

Таким образом, словарная статья термина *ойкодомоним*, может, на наш взгляд, выглядеть следующим образом:

Ойкодомоним (название здания) — Вид урбанонима. Имя собственное здания. *Примеч.:* обычно это название здания в городе или пригороде, известное как памятник истории и архитектуры; в настоящее время индивидуальные названия получают жилые комплексы и торговые центры; собственные имена деловых объединений людей (организаций, учреждений, предприятий, обществ, заведений и т.п.) составляют самостоятельный тип собственных имен — *эргонимы* (см.); не относятся к ойкодомонимам неофициальные названия зданий (*Китайская стена, Кривой*) относятся к микроурбанонимам (см.).

Требуется проведение комплексного исследования ойкодомонимов, анализ особенностей их употребления в населенных пунктах разного типа. Необходимо описать специфику ойкодомонимов различных исторических эпох, выявить различия в номинации подобных объектов, место данных названий в ономастической картине мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астафьева И.А. Способы номинации в речевой ситуации города: дис. ... канд. филол. наук. — М., 1996. — 148 с.
2. Мезенко А.М. Урбанонимия Белоруссии. — Минск: Университетское, 1991. — 167 с.
3. Ономастика: Указатель литературы, изданной в СССР с 1963 по 1970 гг. / отв. ред. Н.В. Подольская. — М., 1976. — 206 с.
4. Ономастика: Указатель литературы, изданной в СССР в 1971–1975 гг. с приложением за 1918–1962 гг. / отв. ред. Р.Р. Мдивани, Н.В. Подольская. — М., 1978. — 304 с.
5. Ономастика: Указатель литературы, изданной в СССР в 1976–1980 гг. / отв. ред. Р.Р. Мдивани, Н.В. Подольская. — М., 1984. — 268 с.
6. Подольская Н.В. Имена внутри и около города // Всесоюзная научно-практическая конференция «Исторические названия —

- памятники культуры» (17–20 апреля 1989 г.): тезисы докладов и сообщения. – М.: Наука, 1989. – С. 69–70.
7. Подольская Н.В. Названия зданий – часть городской культуры // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XXV. Ономастика. Кн. 1. Ч. 1. – М., 1993. – С. 134–140.
  8. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1988.
  9. Правдикова, А.В. Микропонимия как отражение картины мира (на материале английской литературы XIX–XX вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2009.
  10. Разумов Р.В. Ойкодомонимы как разновидность городских онимов // Имя собственное в жизни и литературе : мат-лы IX Междунар. Святогорских ономастических и IX Междунар. Михайловских литературно-ономастических чтений / отв. ред. В.М. Калинин. – Киев : Изд-кий дом Дм. Бураго, 2015. – С. 115–123.
  11. Словарь современного русского литературного языка [Текст]: в 17 т. – Т. 15. – М., Л., 1963.
  12. Список объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) федерального значения, расположенных на территории Ярославской области // Режим доступа: http://dcul.adm.yar.ru/files/info/federal_cultural_obj_reg.doc, свободный. (Дата обращения 01.07.2015)
  13. Стародубцева В.В. Номинация внутригородских предприятий и учреждений в современном русском языке (На материале ойкодомонимов г. Ульяновска): Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003. – 216 с.
  14. Суперанская А.В. Что такое топонимика? – М.: Наука, 1985. – 178 с.
  15. Супрун, В.И. Размышления над ономастической терминологией // Известия ВГПУ. – 2011. – №8. – С. 133–138.

Roman V. Razumov

Yaroslavl State Pedagogical University
named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, Russia

OYKODOMONYMY: A PLACE WITHIN THE ONOMASTIC SPACE

This article suggests the analysis of usage of the term oykodomonym in Russian onomastics. The fallacy of its identification with the term ergonym is demonstrated, as well as ascribing it to the category of the unofficial names of buildings. The position of oykodomonyms in onomasticon of a Russian city or town is indicated. The examples of the names of buildings

from different historic periods are given. The ways of further research of oykodomonyms are outlined.

Key words: *city onimic space, oykodomonym (names of buildings), microurbanonym, urbanonym, ergonym.*

Статья поступила в редакцию 18.07.2015 г.

О.А. Теуш (Екатеринбург)

ПУСТОЕ ПРОСТРАНСТВО: ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ С СЕМАМИ ‘ПУСТОЙ’, ‘ГОЛЫЙ’

Реферат. В статье рассматриваются русские литературные и диалектные лексемы, называющие неиспользуемые, пустующие земельные участки. С целью выявления представлений о пустом пространстве анализируется внутренняя форма лексем. Особое внимание уделено лексемам с корнем *пуст-*, являющимся основными репрезентантами исследуемой семантики. Этимологизируются заимствования, источниками которых оказываются различные финно-угорские языки.

Ключевые слова: лексема, семантика, праславянский язык, производный, заимствование, финно-угорские языки.

Территория Европейского Севера России освоена очень давно: по данным археологов с V тыс. до н. э. [Русский Север, 16]. Основное занятие местного населения – охота и рыболовство. Земледельческая культура в силу сложных природных условий региона развита в меньшей степени. До сих пор на Русском Севере достаточно много неосвоенных территорий. С другой стороны, отток населения на юг приводит к тому, что многие зоны освоенного пространства приходят в запустение и превращаются в пустыри.

Лексема *пусты'рь* ‘незастроенное, запущенное место близ жилья или на месте бывшего жилья’ (Влг.: Бабуш.) [КСГРС] производна от *пустой* ‘ничем не заполненный, голый внутри, лишённый содержимого’ [ТСРЯ, 778-779]. Того же происхождения слово *пúстошь* ‘невозделанный участок земли, заросший травами, мелким кустарником’ [ТСРЯ, 779].

В диалектах фиксируется целый ряд производных с корнем *пуст-*: *пустáрник* ‘участок луга, который не косят’ (Влг.:Влгд.) [КСГРС], *пустельгá* ‘нетронутая земля, никаким зерном не засеянная’ (Олон.:

Пт.) [Куликовский, 96], *пустовина*, *пустовина* ‘запущенный участок пашни’ (Влг.: Вож.), *пустоля'на* ‘невозделанный или заброшенный участок земли, пустошь’ (Влг.: Баб., Кир.) [КСГРС], (Влг.: Бел., Ваш., Кир., Устюж.) [СРГК 5, 355], *пустыля'на* ‘то же’ (Влг.: Бел., Ваш., Кир., Устюж.) [СРГК 5, 355], *пусто́ла* ‘то же’ (Влг.: Кир.; Карел.: Медв.), *пусто́ра* ‘невозделанная или заброшенная земля, пустошь’ (Карел.: Медв.), *пу́сторь* ‘то же’ (Карел.: Медв.), *пу́стоша* ‘то же’ (Карел.: Конд., Медв.), *пустошá* ‘то же’ (Карел.: Конд., Медв.), *пустоши́на* ‘то же’ (Карел.: Медв.) [СРГК 5, 356], *пусто́шка* ‘незанятое пространство между полями’ (Арх.: В.-Т.) [КСГРС], *пу́стошь* ‘пустырь’ (Влг.: Тот.) [КСГРС], (Арх.: Карг.; Влг.: Бел., Череп.; Карел.: Медв.; Ленингр.: Тихв.; Новг.: Пест.) [СРГК 5, 356], ‘заброшенное поле’ (Арх.: Карг., Нянд.; Влг.: В.-Уст.; Киров.: Халт.), *пусто́шь* ‘заброшенное поле’ (Влг.: У.-Куб.) [КСГРС], *пусту́ла* ‘заброшенное поле, покос’ (Влг.: Кир.; Карел.: Медв.) [СРГК 5, 355], *пу́стынь* ‘то же’ (Карел.: Кем.) [СРГК 5, 356], *пу́стыня* ‘то же’ (Влг.: Бабуш.) [КСГРС], *пусты́'ня*, *пустыня́* ‘то же’ (Влг.: Вож.) [КСГРС], *пусты́'рь* ‘пахотная земля, покинутая на время вследствие истощения почвы’ (Костр.: Меж.) [КСГРС], (Яр.) [Мельниченко, 170], ‘запущенная пашня, недосеянные концы, углы, обрезки в полях’ (Костр.: Остр.) [ККОС, 286], ‘вспаханное, но незасеянное место; также невосхожее место’ (Вят.) [Зеленин, 134], *пу́стышка* ‘невозделанная или заброшенная земля; пустошь’ (Карел.: Конд.; Лен.: Подп.), ‘место, где не взошли посеянные семена’ (Арх.: Он.) [СРГК 5, 357], *пу́стышь* ‘невозделанная или заброшенная земля; пустошь’ (Арх.: Пин.; Влг.: К.-Г.) [КСГРС], *пусты́'шь* ‘то же’ (Карел.: Пуд.), *пусть* ‘то же’ (Мурм.: Канд.) [СРГК 5, 357], *пуца́га* ‘запущенная пашня, пустое место в поле, поросшее сорными травами, а иногда кустарником’ (Влг.: Влгд.) [Опыт, 184], (Влг.: Влгд., Гряз.) [Дилакторский, 423], (Влг.) [Даль 3, 540], (Влг.: Череп.), *пуцень'га* ‘то же’ (Влг.: Череп.) [СРГК 5, 366]. Образованиями от *запустеть* ‘стать необитаемым, заброшенным’ [ТСРЯ, 262] являются *запу́стошь* ‘необработанный, заброшенный участок земли, поле’ (Арх.: Котл.) [КСГРС], (Карел.: Медв.) [СРГК 2, 187], *запу́стошье* ‘то же’ (Карел.: Пуд.) [СРГК 2, 187].

Неполным синонимом прил. *пустой* является *го́лый* ‘о местности: лишенный растительности’, которое наряду с соответствующими славянскими лексемами < и.-е. **ghel-* ‘блестеть’ (‘голый, гладкий’ < ‘блестеть’) [ТСРЯ, 160]. В диалектах производными являются: *голе́ц* ‘чистое, голое, безлесное место’ (Арх.) [Даль 1, 372], (Арх.: Шенк.) [Опыт, 39], *голы́'га* ‘участок земли, лишенный растительности’ (Яр.: Дан.) [ЯОС 3, 92], *голы́'зина* ‘то же’ (Арх.: Уст.) [АОС 9, 282], (Влг.: Влгд.) [Дилакторский, 87], *голы́'ш* ‘лишенное растительности или с незначительным растительным покровом место’ (Арх.: Мез.) [АОС 9,

283], *голь* ‘то же’ (Арх.: Леш., Он., Пин.) [АОС 9, 283]; (Костр.:Кадый.) [ККОС, 85]. С продленной ступенью вокализма восстанавливается праслав. корень **gol->*gal-* [ТСРЯ, 144], который в русском языке более редок: *прогáлина* ‘невспаханная полоса поля’ (Арх.: Он.), *прогáлок* ‘неплодородный участок земли’ (Карел.: Медв.), *прогáлочек* ‘не используемая в хозяйстве часть земли’ (Ленингр.: Волх.) [СРГК 5, 245-246].

Земля, которую не используют в сельском хозяйстве, называется *негодь* ‘земля, непригодная для возделывания’ (Костр.: Суд.) [ЯОС 6, 128]. С другой стороны, еще не паханная земля называется *непашь* (Яр.: Гавр.) [ЯОС 6, 136], часть такой земли – *непроórки* ‘кусочек поля, оставшийся случайно незапаханным, огрех’ (Яр.: Дан.), *непропáшки* ‘то же’ (Яр.: Дан.) [ЯОС 6, 138], *заór* ‘невспаханная полоса между дорогой и пашней’ (Ленингр.: Кириш.) [СРГК 2, 167].

Запущенная или непаханная земля именуется образованиями от корня **der-/dir-* ‘драть’: *дербá* ‘запущенная земля, сильно задерневшая, с моховиной и кочкарником, который надо сдирать’ (Арх., Влг.) [Даль 1, 429], *дёрд*, *дердúна* ‘непаханная или давно не подвергавшаяся обработке земля’ (Арх.: Прим.) [АОС 11, 43], *дернúна* ‘то же’ (Арх.: Вин., Он.), *дерно́* ‘то же’ (Арх.: Вель., Вин., Карг., Мез., Пин., Прим., Уст.), *дерновúна* ‘то же’ (Арх.: Вин., Холм.) [АОС 11, 97-98], *дерю'га* ‘целина, заросшая травой земля’ (Костр.:Буйск., Красн., Мант., Нейск., Чухл.) [ККОС, 99-100], *роздúр* ‘запущенное поле’ (Влг.: Бел.) [КСГРС], ср.: *драть* ‘отрывая отделять, снимать’ (<праслав. *dyrati) [ТСРЯ, 215].

Более редки наименования от других корней: *замóрина* ‘место, где растет плохая трава’ (Арх.: Холм.) [КСГРС], *вы'мок* ‘пустое место в поле из-за вымокания посевов’ (Яр.:Больш., Люб., Мышк., Яросл.) [ЯОС 3, 54], *загóнник* ‘запущенное место, где видать борозды, как свидетели, что когда-то тут была пашня’ (Влг.:Вель., Влгд., В.-Уст., Гряз., Кадн., Ник., Тот.) [Дилакторский, 146], *перелóг* ‘залежь, непаханная земля’ (Костр.:Вохом., Кологр., Макар., Мант., Нейск., Солиг.) [ККОС, 246], *про́шиб* ‘невспаханный участок поля’ (Арх.: Он.) [СРГК 5, 324]. Земля, не подвергавшаяся обработке, зарастает сорной травой, кустарником, деревьями: в языковом плане это отражают наименования с корнями *рос-/рост-*: *росивúна* ‘заброшенный, невозделываемый участок пашни, пустошь’ [СРГК 5, 561], *зáросей* ‘заброшенное поле, заросшее травой’ (Влг.: Сямж.) [СВГ 2, 147], *зáроследь* ‘пашня или сенокос, зарастающие лесом, самый мелкий кустарник’ (Влг.:Кадн., Сольв., Тот.) [Дилакторский, 161], (Арх.) [Даль 1, 627], (Арх.: Вин., В.-Т., Карг., Леш., Шенк.; Влг.: Выт., Сямж.) [КСГРС], *зáрость* ‘то же’ (Влг.: Бел., Вож.; Костр.: Пыщуг, Чухл.) [КСГРС], (Костр.: Галич.) [ЯОС 4, 98], а

также *пеннік* ‘заброшенный покос, заросший кустарником и молодыми деревьями’ (Влг.:Вож., Сямж.) [КСГРС].

Не используется для посева, посадки межевая земля: *промéжск*, *промéжка*, *промéжок* ‘незасеянное пространство между полями’, *межіна* ‘участок земли между домами, усадьбами, поросший травой’ (Влг.:Кад.) [СРГК 3, 216], *межеу́мок* ‘то же’ (Арх.: Вил.) [КСГРС], *меженье* ‘то же’ (Мурм.: Канд.) [СРГК 3, 215], *межняк* ‘участок запущенной, долго не обрабатывавшейся или невспаханной земли’ (Влг.: Устюж.) [КСГРС], ср. также *проу́лочек* ‘полоса невозделанной земли, межа между огородами’ (Влг.: Кир.) [СРГК 5, 313].

Заброшенная или неудобная для посадки земля находится позади или на краю освоенного пространства: *запо́лек* ‘неудобное для хлебопашества место за полями, по низам к воде, где стоят овины’ (Арх.: Пин.) [Подвысоцкий, 52], *запо́лица* ‘заброшенное поле около деревни’ (Влг.: Кир.) [СРГК 2, 179], *за́полок* ‘заросший травой край поля, который не вспахивают’ (Яр.:Пош.) [ЯОС 4, 94], *запо́лосинка* ‘поросшая травой межевая полоса между участками, полями’ (Карел.:Медв.) [СРГК 2, 180], *за́полоски* ‘неудобная для пахоты земля в низине’ (Яр.: Ил., Рост., Угл.) [ЯОС 4, 94], *за́полосок* ‘поросшая травой межевая полоса между участками, полями’ (Карел.:Медв., Пуд.) [СРГК 2, 180], (Влг.: Сок., У.-Куб.) [КСГРС], *запо́лосок* ‘то же’ (Влг.: Сямж.) [СВГ 2, 140-141], *запо́лосочек* ‘то же’ (Влг.: У.-Куб.) [КСГРС], *запо́льки* ‘земли, оставленные без засева’ (Олон.: Карг., Лп.) [Куликовский, 27], *зады́* ‘удаленный от дома участок поля, на котором в прошлом сеяли зерновые культуры, картофель’ (Яр.:Брейт., Мышк., Пош.) [ЯОС 4, 67], *укра́йна* ‘запущенное, заросшее место’ (Влг.: В.-Уст.) [КСГРС].

Истощенные посевами и посадками земельные уголья получают наименования суффиксально производные от основного термина: *полені́на* ‘пустошь’ (Арх.: Вин.) [КСГРС], *огоро́дище* ‘заброшенный огород’ (Карел.:Медв., Пуд.) [СРГК 4, 141], *ре́нище* ‘запущенное поле из-под репы, сенокос’ (Влг.:Кад.; Ленингр.: Тихв.) [СРГК 5, 516].

Пустое земельное пространство описательно именуется *плехові́на* ‘незастроенный или незасеянный пустой участок’ (Карел.: Пуд.; Ленингр.: Подп.) [СРГК 4, 545], *лишайі́на* ‘участок земли без растительности’ (Арх.: Вил.) [КСГРС], *проле́шина* ‘пустое, незасеянное место в поле’ (Ленингр.: Подп.) [СРГК 5, 272]. В Архангельской области зафиксировано *пропáль* ‘плохой или заброшенный участок земли, непригодный для обработки’ (Арх.: Вил.) [КСГРС], *проле́шина* ‘пустое, незасеянное место в поле’ (Ленингр.: Подп.) [СРГК 5, 272]. В Архангельской области зафиксировано *пропáль* ‘плохой или заброшенный участок земли, непригодный для обработки’ (Арх.: Карг.)

[СРГК 5, 283] – производное от *пропасть* ‘утратиться, исчезнуть, погибнуть’ [ТСРЯ, 759].

Место, которое является неурожайным, по представлениям местного населения, охраняется лесом: *стóрожье* ‘неудобное место, земля, по мнению простолюдинов стерегомая лесом’ (Арх.: Шенк.) [Опыт, 216].

‘Невспаханный или незасеянный участок земли’ называется *сэлезень, селізень* (Ленингр.: Тихв.; Новг.: Чуд.; Карел.: Конд.), *селізень, селізна* ‘поле, не паханное под зябь или паханное, но не перепаханное весной’ (Яр.) [Мельниченко, 182]. Если предполагать в этих лексемах упрощение *ц>с*, то можно считать их производными от *цельй* ‘невредимый, без изъяна, ущерба; нетронутый’ [ТСРЯ, 1077].

Некоторое количество лексем заимствовано из финно-угорских языков.

Кы'ртомка ‘сухое место с плохой почвой, где почти ничего не растёт’ (Арх.: Лен.) [КСГРС].

< Коми, ср. коми литер. *кыр* ‘обрыв, возвышенный склон, крутой берег’, удор., выч., сыс., печ. *кыр (ву)*, язьв. *кѠр* ‘гора’, печ. *кырт, кырта* ‘скалистое обнажение’, перм. *кырас* ‘обрыв’, удор. *кыртас* ‘крутая скала’, *кыр, кырта, кыртас* ‘гора, возвышенность’ [Матвеев 1959, 26]. Зафиксированное в русских говорах значение вторично.

Пурдеж, пурдега, пурдежь ‘запущенный, неплодородный участок поля’ (Арх.: Плес.) [КСГРС].

< Карел. люд. *purde*, вепс. *purde* ‘родник, ключ’, вепс. *purte* ‘открытое место в лесу, поляна’, вепс. *pursta*, карел. люд. *burzuta*, фин. *pursua, pursuta* ‘сочиться, просачиваться’ [ПФГЛ, 75]. Рассматриваемое значение производно, ср.: *пурдажник* ‘еловый лес на топком месте’, *пурвиж* ‘торфяноеболото’, *пурдеж* ‘низкое болотистое место на поле’, *пурдега* ‘низкая плохая трава на сырых местах’ (карел.) [ПФГЛ, 75].

Тэгра ‘пустое место на месте бывшей деревни’ (Влг.: В.-Уст.) [КСГРС].

Возможно, связано с карел. *kiekerö, čiekerö*, фин. *kiekerö* ‘зимнее пастбище оленей; ‘огороженное место’, саам. *šieggar, tšiegar* ‘зимнее пастбище оленей’, откуда русск. *кэгора, мэгора* ‘зимнее пастбище оленей’ [ПФГЛ, 39]. Относительно семантики нужно предполагать перенос ‘пастбище’ > ‘пустое место’.

Тутём ‘залежь, покинутая на годы, выпашь, залог, перелог’, *тутёмный* ‘покинутый на годы (о земле)’ (Арх., Вят., Костр.) [Даль 4, 445].

М. Фасмер считает неясным [Фасмер 4, 127]. Согласно В. И. Далю [Даль 4, 876] и Калиме [Kalima, 50-51] связано с *иутём*, которое

<комишут'ом 'заросшее сорняком поле'. В этом случае начальное *т* – опечатка вместо *ш*.

Халья 'пустое, лишенное растительности место' (Арх.: В.-Т.) [КСГРС].

Если предполагать мену *л/р*, возможную в севернорусских говорах [Большакова 1989, 9-14], лексему можно возвести к приб.-фин., ср.: карел. *harja*, *harju* 'вершина, гребень (горы)', 'холм, гора', 'песчаная отмель', ливв. *harju* 'возвышение, верхушка чего-либо (например, горы, борозды)', фин. *harja* 'вершина, гребень горы', *harju* 'песчаная отмель, низкий горный кряж' [ПФГЛ, 27], которые производны от карел. *harja*, ливв. *harju*, вепс. *harj*, фин. *harja* 'гривалошади', 'щетина (свиньи)', 'гребень (петуха)' и т. п. [SKES, 58]. Рассматриваемая нами семантика производна на русской почве.

Таким образом, «пустое» пространство – это хозяйственно неосвоенная территория или, наоборот, заброшенная земля. Из естественных объектов к «пустым» причисляются лишенные растительности пространства и места, неудобные, непригодные для хозяйственной деятельности. С точки зрения происхождения, рассмотренная лексика, в целом, является исконной. Заимствования редки и описываемая в данной работе семантика для них вторична.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словари (с используемыми сокращениями)

АОС – Архангельский областной словарь.– М., 1980 –. Вып. 1–.

Даль – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М., 1955.

Дилакторский – Словарь областного вологодского наречия. По рукописям *П. А. Дилакторского* 1902 г. – СПб., 2006.

Зеленин Д. К. Дополнительные и критические замечания о Вятской лексике. Приложение к отчету о диалектологической поездке в Вятскую губернию // Сб. ОРЯС. – Т. 76. – № 2. – 1903. – С. 15-189.

ККОС – Живое костромское слово: Краткий костромской областной словарь. – Кострома, 2006.

КСГРС – Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).

Куликовский Г. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. – СПб, 1898.

Матвеев – Матвеев А. К. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала. – Свердловск, 1959.

Мельниченко – Мельниченко Г. Г. Краткий ярославский областной словарь. – Ярославль, 1961.

Опыт – Опыт областного великорусского словаря, изданный вторым

- отделением Императорской Академии Наук. – СПб., 1852.
- Подвысоцкий – *Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. – СПб., 1885.
- ПФГЛ – Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. – Петрозаводск, 1991.
- СВГ – Словарь вологодских говоров. – Т. 1. – Вологда, 1983–.
- СРГК– Словарь русских говоров Карелии и сопредельных территорий. – СПб., 1994–.
- ТСРЯ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. – М., 2008.
- Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. – М., 1964-1973.
- ЯОС – Ярославский областной словарь. – Ярославль, 1981-1991. – Вып. 1-10.
- SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. – Helsinki, 1992.
2. Исследования
- Русский Север: этническая история и народная культура. XII-XX века. – М., 2004.
- Большакова Н. В.* О варьировании плавных согласных в народных говора // Севернорусские говоры. – Вып. 5. – Ленинград, 1989. – С. 9-14.
- Kalima J.* Syrjänisches Lehngutim Russischen. – Helsinki, 1927.

Сокращения

1. В названиях административных районов и областей
- Арх. – Архангельская область
- Баб. – Бабаевский район Архангельской области
- Бабуш. – Бабушкинский район Вологодской области
- Бел. – Белозерский район Вологодской области
- Больш. – Большевский район Ярославской области
- Брейт. – Брейтовский район Ярославской области
- Буйск. – Буйский район Костромской области
- Ваш. – Вашкинский район Вологодской области
- Вель. – Вельский район Архангельской области, Вельский уезд Вологодской губернии
- Вил. – Вилегодский район Архангельской области
- Вин. – Виноградовский район Архангельской области
- Влг. – Вологодская область
- Влгд. – Вологодский район Вологодской области
- Вож. – Вожегодский район Вологодской области
- Волх. – Волховский район Ленинградской области
- Вохом. – Вохомский район Костромской области

В.-Т. – Верхнетоемский район Архангельской области
В.-Уст. – Великоустюжский район Вологодской области
Выт. – Вытегорский район Вологодской области
Вят. – Вятская губерния
Гавр. – Гаврилово-Ямский район Ярославской области
Галич. – Галичский район Костромской области
Гряз. – Грязовецкий район Вологодской области
Дан. – Даниловский район Ярославской области
Ил. – Ильинский район Ярославской области
Кад. – Кадуйский район Вологодской области
Кадн. – Кадниковский район Вологодской области
Кадый. – Кадыйский район Костромской области
Канд. – Кандалакшский район Мурманской области
Карг. – Каргопольский район Архангельской области, Каргопольский
уезд Олонецкой губернии
Карел. – республика Карелия
К.-Г. – Кичменгско-Городецкий район Вологодской области
Кем. – Кемский район Карелии
Кир. – Кирилловский район Вологодской области
Кириш. – Киришский район Ленинградской области
Киров. – Кировская область
Кологр. – Кологривский район Костромской области
Кон. – Коношский район Архангельской области
Конд. – Кондопожский район Карелии
Костр. – Костромская область
Котл. – Котласский район Архангельской области
Красн. – Красносельский район Костромской области
Лен. – Ленский район Архангельской области
Ленингр. – Ленинградская область
Леш. – Лешуконский район Архангельской области
Лп. – Лодейнопольский уезд Олонецкой губернии
Люб. – Любутинский район Ярославской области
Макар. – Макарьевский район Костромской области
Мант. – Мантуровский район Костромской области
Медв. – Медвежьегорский район Карелии
Меж. – Межевской район Костромской области
Мез. – Мезенский район Архангельской области
Мурм. – Мурманская область
Мышк. – Мышкинский район Ярославской области
Нейск. – Нейский район Костромской области
Ник. – Никольский район Вологодской области
Новг. – Новгородская область

Нянд. – Няндомский район Архангельской области
Олон. – Олонецкая губерния
Он. – Онежский район Архангельской области
Опар. – Опаринский район Кировской области
Остр. – Островский район Костромской области
Пест. – Пестовский район Новгородской области
Пин. – Пинежский район Архангельской области
Плес. – Плесецкий район Архангельской области
Подп. – Подпорожский район Архангельской области
Пош. – Пошехонский район Ярославской области
Прим. – Приморский район Архангельской области
Пт. – Петрозаводский уезд Олонецкой губернии
Пуд. – Пудожский район Карелии
Пыщуг. – Пыщугский район Костромской области
Рост. – Ростовский район Ярославской области
Сок. – Сокольский район Вологодской области
Солиг. – Солигаличский район Костромской области
Сольв. – Сольвычегодский уезд Вологодской губернии
Суд. – Судиславский район Костромской области
Сямж. – Сямженский район Вологодской области
Тихв. – Тихвинский район Ленинградской области
Тот. – Тотемский район Вологодской области
Угл. – Угличский район Ярославской области
У.-Куб. – Усть-Кубенский район Вологодской области
Уст. – Устьянский район Архангельской области
Устюж. – Устюженский район Вологодской области
Халт. – Халтуринский район Кировской области
Холм. – Холмогорский район Архангельской области
Череп. – Череповецкий район Вологодской области
Чуд. – Чудовский район Новгородской области
Чухл. – Чухломской район Костромской области
Шенк. – Шенкурский район Архангельской области
Яр. – Ярославская область

2. Языки и диалекты

вепс. – вепсский язык

выч. – вычегодский диалект коми языка

и.-е. – индоевропейский язык

карел. – карельский язык

ливв. – ливвиковский диалект карельского языка

люд. – людиковский диалект карельского языка

печ. – печорский диалект коми языка

праслав. – праславянский язык

приб.-фин. – прибалтийско-финские языки
русск. – русский язык
саам. – саамский язык
сыс. – сысольский диалект коми языка
удор. – удорский диалект коми языка
фин. – финский язык
3. Прочие
литер. – литературное
н. э. – нашей эры
ср. – сравни
тыс. – тысячелетие

Olga A. Teush

Ekaterinburg
Ural Federal University
named after the First President of Russia B. N. Yeltsin

**EMPTYSPACE: A GEOGRAPHICAL LEXICON
OF THE RUSSIAN EUROPEAN NORTH WITH
SEMES'EMPTY', 'BARE'**

The article considers the Russian literary and dialectal lexeme, identifying unutilized, undeveloped land. With the aim of identifying ideas about empty space examines the internal form of lexemes. Special attention is paid to the tokens with an empty ным-, which are the main representante studied semantics. Etymologized borrowing, the sources of which are the various Finno-Ugric languages.

Key words: *lexeme, semantics, proto-Slavic language, derivative, borrowing, Finno-Ugric languages.*

Статья поступила в редакцию 17.04.2016 г.

АНТРОПОНИМИКА

*Г.Г. Еркибаева, С. Хамзаева
(Туркестан, Шымкент, Казахстан)*

УДК 81 373. 2

МОТИВИРОВАННОСТЬ КАЗАХСКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕН

***Реферат.** В статье рассматривается ономастическая система казахстанского сообщества, которая своими историческими корнями уходит в далекое многовековое прошлое. Казахские личные имена развиваются в соответствии с внутренними закономерностями казахского языка, создаются на основе всех отраслей лексики, полностью показывают культурно-историческую сущность казахского народа с древнейших времен. Учитывая, что ономастические единицы в настоящее время активно задействованы в международных официальных документах, а также то, что ни одно человеческое сообщество, ни одно государство в процессе своего развития не обходились без собственного набора антропонимов и топонимов, то и национальная ономастика начала активно вовлекаться в мировое пространство с приобретением независимости и становлением Республики Казахстан, как субъекта международных отношений. В настоящее время ономастика, как одно из ведущих направлений национально-языковой политики в республике, приобретает не только научно-практическое, культурно-историческое, но и общественно - политическое значение. В этой связи, в статье приведена подробная классификация имен по группам, таким как лексико-семантическая группа, группам, характеризующимся по морфологическим признакам и структурным компонентам, а также по именам новым, заимствованным, «говорящим» и именам, общим для женщин и мужчин.*

***Ключевые слова:** антропонимы, антропонимия, «говорящие» имена, заимствования, имя личное, имя собственное, лексика, морфология, ономастика*

Вступление. Имя играет важное значение в жизни человека. Старейшины отмечали, что имя влияет на жизнь человека: чем значимо имя человека, тем значительна судьба его.

Рождение ребенка связано с интересным и сложным актом имянаречения, которое является древней и значимой для народа традицией. Имя человека тесно связано с тем обществом и теми жизненными условиями, в котором он живет. Имена даются в связи с различными социальными явлениями, общественными событиями и передаются из поколения в поколение, также многие имена даны в честь каких-либо исторических событий, личностей, объектов и явлений окружающей действительности. История развития имен, их состав, изменение в зависимости от развития эпохи, общества, народа дает множество интересной информации о развитии и изменении самого общества, материальной и духовной культуры народа.

С древнейших времен люди давали своим детям имя, желая отразить в нем свою заветную мечту. В имени ребенка они хотели видеть какое-то новое, прекрасное начало. Как и все народы мира, казахи в своих именах отражали все самое лучшее, что они видели в жизни.

Имя человека – это то, что он получает при рождении и с чем живет всю свою жизнь. Оно важно в различных социальных и коммуникативных ситуациях, имя помогает нам общаться, утверждаться, фиксироваться. Для нас имя – это своего рода социальный идентификационный код, т.е. имена

выполняют важные функции: социальную и юридическую – идентификацию личности в обществе, дающие возможность войти в различные социальные институты. Поэтому функционирование имен собственных в обществе, их выбор, запись и употребление играют в жизни каждого члена общества существенную роль.

Человек издавна с особым вниманием относился как к своему, так и к имени, которое он присваивал своему ребенку, близкому человеку, недругу. Оно служило, по его мнению, своеобразным знаком, определявшим судьбу. Поэтому до сих пор существуют имена-пожелания, имена-обереги. Неважно, в каком обществе рождается имя, законы его образования всегда одинаковы.

В настоящее время ономастика, как одно из ведущих направлений национально-языковой политики в республике, приобретает не только научно-практическое, культурно-историческое, но и общественно-политическое значение.

На любом этапе развития общества ономастические наименования имели важное историческое значение. Ни одно человеческое сообщество, ни одно государство в процессе своего развития не обходились без собственного набора антропонимов и топонимов.

Также и казахстанское сообщество имеет свою ономастическую систему, сформировавшуюся в далеком историческом прошлом.

С приобретением независимости и становлением Республики Казахстан, как субъекта международных отношений, национальная ономастика начала активно вовлекаться в мировое пространство. Ономастические единицы в настоящее время активно задействованы в международных официальных документах.

Изучением собственных имен занимается доктор филологических наук, профессор Телгожа Жанузаков [1].

Казахских личных имен очень много, и они разнообразны по своему составу, компонентам. Часто встречаются традиционные казахские имена. Немало трудов посвящено этой проблеме в казахском языкознании. И среди них большое значение придается трудам, посвященным казахским именам.

В 1968 году издано краткое справочное пособие известного казахстанского ономаста Т. Жанузакова «История казахских имен» [2].

Это пособие способствовало не только выбору красивого имени для младенцев, но также ввело изменения в написание казахских личных имен. Наряду с исконными казахскими именами часто встречаются заимствованные имена, больше всего до 90-х годов имена заимствованы из арабского и персидского языков.

В Советском Союзе проблемами антропонимии занимались такие ученые, как: Г.В. Тропин, А.В. Сулова и А.В. Суперанская, В.А. Никонов, Н.А. Баскаков, [3; 4; 5; 6]. Были изданы такие труды, как: на узбекском языке Э.А. Бегматовой «Узбекские имена» [7], на татарском языке Г.Ф. Саттарова «Этапы развития и очередные задачи татарской ономастики» [8], Ш. Жапарова на киргизском языке «Словарь киргизских имен» [9], «Общая

теория имени собственного А.В. Суперанской [10], О. Мирзаева «Наши имена» [11]. В эту же группу можно отнести «Казахские имена (словарь-справочник) казахстанских ученых К.Есенбаевой и Т.Джанузакова [12].

Существуют различные классификации личных имен. Так, российский ученый В.А. Никонов выделил три группы личных имен: а) имена описательные, б) имена – пожелания, в) имена – посвящения [3]. Каждая группа может включать несколько подгрупп.

Казахстанский ученый Т.Джанузаков, разработавший детальную лексико-семантическую классификацию казахских личных имен, определил четвертую группу, объединяющую культурно- исторические или социальные имена, связанные, в основном, с религиозными верованиями, тотемом, табу и культурными традициями казахского народа [1].

Материалы исследования. Основной состав казахской антропонимии отражает культурно-историческую жизнь народа, начиная с древнейших времён и до наших дней. В лексическом отношении исконно казахский слой составляет основное ядро антропонимов.

Происхождение и мотивы присвоения собственно тюркских имен связаны с восприятием древними тюрками окружающей действительности, в частности, с одухотворением сил природы, например, имена Шолпан – «планета Венера», Жулдыз – «звезда», Айсулу – «луна красавица», Кунсулу – «солнце красавица» и т.д.

В основе ряда имен лежат различные пожелания, чувства родителей: Куандык – «обрадовались», Турсын – «пусть живет», Улмес – «не умрет», Талмас – «не устанет», Узак – «долгий», Умирзак и Мынжасар – «пусть живет 1000 лет».

Желание родителей видеть ребенка богатым, смелым, здоровым, счастливым отразилось в именах Алтын – «золото», «богатый», Гаухар – «бриллиант», Тастемир – «камень – железо», «Бахыт – счастье» и т.д.

Некоторые имена давались с пожеланием, чтобы следующий ребенок был обязательно сыном: Ултуар – «родит сына», Улболсын – «пусть будет сын», Улжан – «сын-душа», Кызтумас – «девочкой не родится», Улту – «роди сына», Улпан и т.п. Можно предположить, что такие имена давались в тех семьях, где до этого рождались только девочки.

В данном случае предки, вероятно, придерживались «ырым» (примета, суеверие) [13,492], суть которого сводится к тому, что если в семье рождаются одни девочки, то приостановить это можно лишь путем наречения самой младшей указанным именем, т.е. Кызтумас, и тем самым уверяли себя в том, что следующий ребенок будет непременно сыном.

На самом деле так и происходило. Так, в нашей семье третью девочку назвали Гульбала – цветок-мальчик, и вслед за ней родились аж 3 мальчика. Если в семье новорожденные умирали один за другим, то обычай был такой: ребенка проносили по подолом трех старых женщин, и каждый раз говорили: «покупаем, покупаем», называли этого ребенка «Сатыбалды – то есть «купленный» (это был мой двоюродный брат, за ним родились еще 9 детей).

Одним из самых распространенных «ырым» является обычай, по которому тюрки, желая сохранить ребенка от нечистых сил, давали ему имена, включавшие слова со значением «собака» и «падаль». Зная, что падаль не подбирает даже собака, они предполагали, что, назвав ребенка именем вроде Итбай, Байбори, Каскырбай, Жаманбай и т. п., они спасут ребенка.

Наречение детей названиями животных одно из очень распространенных явлений у тюркоязычных народов, распространенные также и у казахов. В этом, вероятно, отражается желание родителей, видеть своих сыновей сильными, быстрыми и ловкими: Арыстан, Арыслан – «лев», Жолбарыс – «тигр», Аюхан – «медведь-хан» и т.д.

Имена, происходящие от различных названий птиц, обычно встречаются у женщин: Сандугаш – «соловей», Карлыгаш – «ласточка», Булбул – «соловей», Лашын – «сапсан», Каршыга – «ястреб».

На время появления ребенка на свет и сопутствующие этому обстоятельства указывают имена типа Танатар – «родился на рассвете», Айтуган – «родился, когда была луна», Жанбырбай – «родился, когда шел дождь», Каржаубай – «родился, когда шел снег», Аяз – «родился в сильные морозы», Аманжол – «родился, когда мать находилась в дороге», Койгельды – «родился, когда стадо возвращалось с выпаса» и т.д.

Выбор личных имён у казахов практически не ограничен. Так, для близнецов даются имена, не изменившиеся до сих пор: *Айман-Шолпан, Асан-Үсен, Ақнұр – Гүлнұр, Егізбай* и др.

В течение веков наблюдается процесс и архаизации, и зарождения новых имён. Мотивировка личных имён может быть различной.

Традиционные имена эпических героев, замечательных мудрецов, поэтов, писателей передавались из поколения в поколение: *Абылай, Тауекель, Жәңгір* – в честь известных казахских ханов; *Мақанбет, Жамбыл, Абай, Шәкәрім, Ыбырай, Муқазалі* – в честь известных поэтов.

Весьма распространённым видом сложных и сложносоставных имён в казахском языке являются типы имён с компонентами *бай, бек, би, жан, султан, торе, шах, зада, мырза, биби, ханым* и др. Эти определительные – во многом величальные – части прочно вошли в состав личных имён не только казахской знати, но и простого народа. В наши дни они утратили своё первоначальное значение, а некоторые приобрели новый смысл. К примеру, слово *мырза* в настоящее время означает «*добрый, щедрый человек*», *бай* – «*обильный, богатый*».

Ныне родители редко дают свои детям имена с компонентами *бай, бек, хан, торе, султан*, а стремятся назвать детей благозвучными, красивыми именами – *Болат, Азат, Аскар, Серик, Марат, Дина* и т.д.

Личные имена казахов отражают различные пожелания:

– чтобы новорождённый был *состоятельным, зажиточным, богатым*: *Байбол* (будь богатым), *Даулетбай* (овладеть богатством), *Алтынбай* (овладеть золотом), *Малбай* (иметь много скота);

– чтобы новорождённый был *зорким, бдительным, мужественным, храбрым*: *Батырбек, Батыр* (герой, богатырь), *Кахарман* (смелый),

Алпамыс, Таргын, Кобланды, Камбар, Алибек (имена батыров – персонажей казахского героического эпоса);

– чтобы новорождённый был красивым, вежливым: **Айсулу** (красивая, как луна), **Асем** (изящная), **Аккыз** (белая девочка), **Аппак** (совершенно белый), **Арайша** (прекрасная, как утренняя заря), **Ботагоз** (верблюжий глаз), **Жамал** (красивая);

– чтобы новорождённый был здоровым, жил долгие годы: **Узак**, **Умирзак** (долгожитель), **Мынжасар** (пусть живёт тысячелетие);

– чтобы ребёнок был умным, находчивым: **Акылбай** (богатый умом), **Данышпан** (гений), **Есбол** (будь разумным), **Дана** (целомудренная);

– чтобы ребёнок был щедрым: **Жомарт**, **Мырзабек**, **Мартбай** (щедрый).

Кроме того, при выборе имени учитывались разные приметы, признаки, обстоятельства: **Аманжол** (доброе пути), **Жанбырбай** (богатый дождём), **Жолшибай**, **Жолай** (рождённый в пути).

В большинстве случаев имена раньше давались на основе народных обычаев и традиций. В тех семьях, где часто умирали дети, новорождённых сыновей называли **Токтар**, **Туар**, **Турсын**, **Токтасын** (пусть останется, будет жить), **Утемис**, **Тулеген** (возмещённый, возвращённый), **Ултуар**, **Ултусын**, **Улжан** (родит сына, да будет сын).

Лексические особенности лично-собственных имён в современном казахском языке проявляются ярче, чем фонетико-морфологические. В составе их сохранились многие элементы древнейших племенных языков. Эти характерные черты различны по составу и структуре.

Еще в институте я начала заниматься проблемами антропонимии. Долгое время собирала имена в своем районе. Собрала около 15 000 имен, основной целью работы было – выяснить мотивированность казахских личных имен.

Собранные нами имена классифицировали по следующим группам:

1. Лексико-семантическая группа:

Группа слов-имён, связанных с:

– животноводством: **Бота** (верблюжонок), **Бука** (бык), **Аккозы** (белый ягнёнок), **Кулынашак** (жеребёнок), **Жилкыбай** (богатый лошадыми), **Аққошақар** (белый баран), **Тайжан** (душа жеребенка) и др.;

– явлениями природы: **Таубай** (богатый горами), **Боран** (буран), **Кунай** (солнце-луна), **Айдай** (луноподобная), **Шолпан** (Венера), **Аяз** (мороз), **Қыраубай** (иней) и т.д.;

– названиями диких зверей и птиц, а также домашних животных: **Арыстан** (лев), **Тулкибай** (богатый лисами), **Буркит** (беркут),

Карлыгаш (ласточка), **Лашын** (сокол); **Бөрі** (волк), **Көжсек** (дитеныш кролика), **Шөжө** (цыпленок) и др.;

– названиями цветных металлов и драгоценностей: **Алтын** (золото), **Күміс** (серебро), **Болат** (сталь), **Гаухар** (жемчуг), **Маржан** (коралл) и др.;

– растениями: **Кызгалдак** (тюльпан), **Райхан** (красный цветок), **Гульжан** (цветок души), **Гулнур** (яркий цветок) и т.п.;

– названиями фруктов: **Алма** (яблоко), **Анар** (гранат), **Мейиз** (изюм), **Жангак** (орех), **Жүзім** (виноград), **Апельсин**;

– обозначениями родства: **Атабек** (дедушка), **Баба** (прадед), **Дадабай** (дед), **Жиенбай** (племянник), **Туганбай** (родственник), **Бөле** (кузен), **Нагашбай** (дядя + компонент бай);

– по специфическим особенностям тела: **Қалдыораз** – Ораз с родинкой, **Қалдыбай** – родинка + компонент бай, **Меңліқыз** – девочка с отметиной, **Анаркүл** – девочка с родинкой;

– названиями родов: **Албан**, **Адай**, **Әлім**, **Байыс**, **Беріш**, **Дулат**, **Жандар** и др.

– названиями национальностей: **Азербейжан**, **Қыргызбай**, **Өзбекәлі**, **Ногайбек** и т.п.;

– названиями местности: **Алтай**, **Алатау**, **Дубай**, **Байқоңыр** (Байконур) **Орал** (Урал), **Едил** (Волга), **Ертис** (Иртыш), **Марсел**, **Ургенибай** (Ургенч + компонент бай), **Шардарбек**, **Баздат** и др.;

– обозначениями домашней утвари: **Шара** (большая миска), **Табакбай** (блюдо), **Айнагуль** (цветок в зеркале);

– обозначениями продуктов питания: **Айранбай** (простокваша), **Ширынбай** (сок), **Суттибай** (молочный), **Шекер** (сахар) и др.

– по дням недели, месяцам: **Дуйсенбі** – понедельник, **Сейсенбі** – вторник, **Сарсенбі** – среда, **Бейсенбі** – четверг, **Жұма** – пятница, **Сенбі** – суббота, **Жексенбі** – воскресенье с компонентами: бай, бек, ғали, гелді, ғұл, мұрат.

Месяцы: **Низам**, **Рамазан**, **Сапар**, **Тоқсан** и т.п.

2. **Группа, характеризующаяся по морфологическим признакам:**

А. Существительное: **Темір** – железо.

Б. Прилагательное: **Тәуір** – правильный; **Тегіс** – ровный.

В. Неопределенная форма глагола: **Айту** – сказать.

Г. Гл. прошедшего времени + причастие: **Аяпберген** – дал, сжалившись.

Д. Причастие: **Сұраған** – выпрошенный.

Е. Деепричастие: **Демей** – поддерживая.

Ж. Наречие: **Алға** – вперед.

3. Группа, характеризующаяся по структурным компонентам:

А. Созвучные по началу:

мужские: *Ербол, Ержан, Ерлан, Ерсин, Еркин, Ерназ, Ернар; Гибрат, Гиззат; Айбек, Айдос; Нурхан, Нурлан, Нурбол;*

женские: *Гульмира, Гульнара; Зарина, Зарема;*

Б. Созвучные по концу:

мужские: *Жанболат, Нурболат, Ерболат, Есболат, Досболат, Шынболат;*

женские: *Айзада, Гульзада; Дамира, Ельмира; Гульназ, Дильназ; Айзат, Гульзат; Зарина, Карина;*

В. Переставленные слоги:

Женские: *Ай/нур – Нур/ай, Гуль/дана – Дана/гуль, Наз/гуль – Гуль/наз, Жайна/гуль – Гуль/жайна, Жан/сая – Сая/жан, Гуль/нур – Нур/гуль, Ерке/жан – Жан/ерке, Гуль/хыт – Бахыт/гуль, Ару/жан – Жан/ару, Жан/нур – Нур/жан.*

Мужские: *Болат/бек – Бек/болат, Темир/бек – Бек/темир, Сеит/жан – Жан/сеит, Жол/аман – Аман/жол, Жан/дос – Дос/жан.*

Г. Имена, которые можно прочесть одинаково с начала и с конца (“зеркальные” имена): *Науан, Танат, Азиза.*

Д. Имена, состоящие из нескольких компонентов: *Әбдікәрім – Әбді+ Кәрім, Еркебай – Ерке+компонент бай, Дәулетхан – Дәулет+компонент хан.*

4. Имена, общие для женщин и мужчин: *Айжарық – луна светит; Баглан – ягненок; Бақыт – счастье; Жанат – елот; Раушан – светлый* и др.

5. “Говорящие” имена: *Әшекей – бижутерия; Дастан – легенда; Дүкен – магазин; Ерлік – мужество; Ес – память; Жеткіншек – подросток; Айрықша – особая; Ардақ – дорогая* и т.п.

6. Новые имена: *Дана, Дияр, Аида, Марлен, Космосбек, Совет, Марс, Сократ, Мэлс, Анжела, Дамира* и др.

7. Заимствованные имена:

а) лично-собственные имена арабо-иранского происхождения;

б) лично-собственные имена монгольского происхождения;

в) лично-собственные имена русского происхождения;

г) лично-собственные имена, заимствованные из европейских языков.

Арабские и иранские заимствования объясняются следующим образом: значение арабского языка возросло в связи с арабскими завоеваниями, распространением ислама, выдающимися научными открытиями. В этот период в культурной жизни народов Ближнего и

Среднего Востока арабский язык играл роль межнационального языка. Такую же функцию чуть позже выполнял и персидский язык, как носитель старой литературной традиции.

А. Лично-собственные имена арабо-иранского происхождения в казахском языке разделяются на две группы:

а) имена, связанные с исламской религией, с именами и эпитетами божества, пророков, имамов, халифов;

б) имена, образованные из разговорно-бытовой лексики [14].

Исламская религия имела огромное влияние на антропонимию. В связи с принятием ислама изменились обычаи и традиции наречения детей. Отчасти вытеснялись языческие имена, но многие из них продолжали употребляться.

Например, наряду с арабо-иранскими именами *Алдаберген*, *Кудайберген* (богом дан) употреблялось *Танирберген*; наряду с *Камария* (луна), *Шамсия* (солнце) – *Айдай* (луноподобная), *Кунай* (солнце и луна) и др.

К числу иранских заимствованных имён относятся: *Наурызбай*, *Дастан*, *Садыр*, *Мардан*, *Зиба*, *Зарина*, *Гаухар* и др. Имена, заимствованные из арабо-иранских языков, в казахском языке подвергаются сильным фонетическим изменениям, в результате чего приобрели различные варианты, например:

* *Авраам* → *Абрамбай*, *Ибрагим*, *Ыбырай*, *Ыбыраш*;

* *Гайша* → *Кайша*, *Айша*;

* *Гали* → *Кали*, *Али*, *Уали*, *Алы*;

* *Юсуф* → *Жусип*, *Нусип*, *Дусип*, *Тусип*, *Тусып* и др.

Б. Монгольское господство дало казахам ряд новых имен, заимствованных непосредственно из монгольского языка.

Из лично-собственных имён монгольского происхождения имеются прямые заимствования и общие параллели. Монголизмы в системе антропонимии разделяются на две группы:

1) заимствованные непосредственно из монгольского языка: *Баян* (богатый), *Ноян* (чиновник), *Саин* (хороший), *Аймак* (край);

2) представляющие собой монголо-тюркские, казахские параллели: *Бура* (верблюд-самец), *Бука* (бык), *Тайлак* (верблюжонок по второму году), *Доненбай* (четырёхлетняя лошадь) и др.

Данные имена были образованы от общей для монголо-тюркских языков лексики. Как известно, этнокультурные связи монгольских и тюркских, в том числе казахских племён, по данным исторических источников, существовали в древности и раннем средневековье.

В. Происхождение русских имен объясняется присоединением Казахстана к России. Русские имена, заимствованные казахами, встречаются в документах, начиная с XVIII века. Тогда их было немного,

например: *Анна, Андре* (от Андрей), *Мекзил* (от Михаил), *Мэтби* (от Матвей), *Мариям* (от Мария), *Жагор* (от Егор), *Жакын* (от Яков).

Особенно большое количество заимствований русских личных имён наблюдается в XX веке. К этому периоду относится употребление следующих личных имён:

1) женские имена: *Алла, Анна, Аниса, Валентина, Галина, Зоя, Зина, Лариса, Люция, Нина, Римма, Светлана* и др.;

2) мужские имена: *Алексей, Андрей, Владимир, Владлен, Денис, Ждан, Ефим, Илья, Клим, Максим, Михаил, Мирон* и др.

Г. Лично-собственные имена заимствованные из европейских языков:

1) женские имена: *Роза, Сара, Жанна, Дина, Лола, Элеонора, Луиза, Маргарита* и др.;

2) мужские имена: *Марат, Диас, Артур, Суният, Тельман, Эрнст* и др.

Выводы. Казахские личные имена развиваются в соответствии с внутренними закономерностями казахского языка, создаются на основе всех отраслей лексики, полностью показывают культурно-историческую сущность казахского народа с древнейших времен.

Обобщим исследовательские наблюдения:

1. Традиция наречения у древних казахов связана с магией слова, в результате чего личное имя является семантически значимым;

2. Собранные нами имена классифицировали по следующим группам:

1. Лексико-семантическая группа:

В современной казахской антропонимике можно выделить имена, связанные с:

- животноводством; явлениями природы;
- названиями диких зверей и птиц, а также домашних животных;
- названиями цветных металлов и драгоценностей;
- растениями;
- названиями фруктов;
- обозначениями родства;
- со специфическими особенностями тела;
- названиями родов;
- названиями национальностей;
- названиями местности;
- обозначениями домашней утвари;
- обозначениями продуктов питания;
- днями недели, месяцев.

2. Группа, характеризующаяся по морфологическим признакам:

а) существительное;

- б) прилагательное;
  - в) неопределенная форма глагола;
  - г) гл. прошедшего времени + причастие;
  - д) причастие;
  - е) деепричастие;
  - ж) наречие.
3. Группа, характеризующаяся по структурным компонентам:
- а) созвучные по началу: мужские и женские имена;
  - б) созвучные по концу: мужские и женские имена;
  - в) переставленные слоги: женские и мужские имена;
  - г) имена, которые можно прочитать одинаково с начала и с конца («зеркальные» имена);
  - д) имена, состоящие из нескольких компонентов.
4. Имена, общие для женщин и мужчин.
5. “Говорящие” имена.
6. Новые имена.
7. Заимствованные имена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Джанузаков Т.Д. Из истории казахских личных имен. Вестник АН Каз.ССР – Серия филологическая. – 1960 №9; Жанұзақ Т. Есімдер сыры. Тайны имена. – Алматы, 2004, 210 б.; Жанұзақов Т. Есіміңіз кім? Ваше имя? Ана тілі. – Алматы, 2008, 168 б.
2. Жанұзақов Т.Ж. Қазақ есімдерінің тарихы / Т.Д. Жанұзақов. – Алматы, 1997.
3. Тропинин Г.В. О некоторых особенностях собственных личных имен в русском языке // Учен. зап. / Иркут. гос. пед. ин-т. – 1940. – Вып. 5: История, литература, языкознание, психология, география, библиография. – С. 198-211.
4. Сусллова А.В., Суперанская А. В. О русских именах. – Л: Лениздат, 1991. – 85 с.
5. Никонов В.А. Ищем имя. – М: Советская Россия, 1988. – 128 с.
6. Баскаков Н. А. Тюркские языки. Издательство: «ЛКИ», 2008.
7. Бегматов Э.А. Узбек исимлари: Энциклопедия, 2007. – 608 б.
8. Саттаров Г.Ф. Этапы развития и очередные задачи татарской ономастики. – Казань, 1970.
9. Жапаров Ш. «Личные имена в кыргызском языке». – Фрунзе, 1980.
10. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М., 1973.
11. Мирзаев О. Наши имена. – Баку, 1980.
12. Есенбаева К., Джанузаков Т. Казахские имена (словарь-справочник). – А-Ата: Наука, 1988.

13. Бектаев К. Большой казахско-русский, русско-казахский словарь.- Алматы: Алтын Казына, 2007. – 712 с.
14. Бекмухамедов Е.Б. Арабско-персидские слова в казахском языке. Толковый словарь заимствований. – Алматы: Казахстан, 1977. – 200 с.; Рустемов Л.З. Казахско-русский толковый словарь арабско-иранских заимствованных слов. – Алма-Ата: Мектеп, 1989. – 320 с.

Gulfayruz G. Erkibaeva, Saule D. Khamzayeva

Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University;
M. Auezov South Kazakhstan State University

The article discusses the onomastic system of Kazakhstani community names, which is historically rooted in the many centuries distant past. Kazakh personal names develop in accordance with the internal laws of the Kazakh language created on the basis of all branches of language; fully demonstrate the cultural and historical essence of the Kazakh people from ancient times. Given that the onomastic units are now actively involved in the international official documents, and that no human community, no country in the process of its development did not do without its own set of personal names and place names, then the national onomastics has been actively involved in the world space with the acquisition of independence and the formation of the Republic of Kazakhstan as a subject of international relations. Currently, onomastics as one of the leading areas of the national language policy in the country becomes not only a scientific-practical, cultural, historical, and socio - political significance. In this regard, the article contains a detailed classification of names on groups, such as lexical-semantic group, groups, characterized by morphological characteristics and structural components, as well as new, borrowed, “speaking” names and names comm

Key words: *anthroponomy, onomastics, a proper name, a personal name, borrowings, morphology, lexis, “speaking” names, anthroponymy*

Статья поступила в редакцию 04.04.2017 г.

А.В. Кузнецов (Вологодская область, Россия)

ИМЕНА КРЕСТЬЯН В НАЗВАНИЯХ ДЕРЕВЕНЬ РУССКОГО СЕВЕРА

***Реферат.** В статье приведены в виде таблицы и проанализированы многочисленные примеры употребления имён (прозвищ, отчеств) крестьян в основах названий деревень Русского Севера. В качестве источников привлечены писцовые, дозорные, переписные книги и иные памятники письменности XV – XVII веков. В результате создана классификация ойконимов по происхождению от различных типов крестьянских имён.*

***Ключевые слова:** происхождение ойконимов, классификация, актовые источники, полиойконимы.*

Когда на Севере стали появляться первые избы и деревни русских земледельцев?

Кто были эти отважные жители сурового таёжного края?

Откуда они пришли на речные берега Шексны, Сухоны, Двины, Ваги, Онеги и их притоков, на побережья Онежского, Белого, Кубенского и иных, малых, озёр?

Как возникали названия этих русских деревень; в какой мере отразились в них имена первопоселенцев?

Вот вопросы, которые пока ещё не до конца разрешены...

Моя родная деревня в Тотемском районе Вологодской области носит название Фоминское (с вариантами – *Фоминская, Фоминка*). Что можно сказать о происхождении этого ойконима, если использовать только топонимическую составляющую вопроса? Ясно, что в основе названия лежит мужское церковное имя *Фома*, а точнее – образованное от него отчество *Фомин*. Таким образом, Фоминское – «деревня, принадлежащая или основанная человеком по отчеству Фомин». Кем же он был на самом деле? Когда, в какое время жил? На эти вопросы топонимика уже ответить не в силах. Необходимо привлечь сведения из исторических документов – просматривать актовые источники и

материалы государственного делопроизводства, чтобы попытаться найти в них следы, оставленные неким Фоминым.

Деревня Фоминская впервые упоминается в дозорной и писцовой книгах волости Тиксна Тотемского уезда от 1619 и 1623 годов [ВТ: 72; СР: 34], когда в ней было уже 23 двора и проживало 32 мужчины. Описания Тотемского уезда проводились и раньше, в XVI веке, но эти писцовые книги до нас не дошли, что создаёт определённые сложности в поисках истоков деревень. В начале же XVII века Фоминская была одной из самых больших деревень в обширном тогда Тотемском уезде – по численности дворов и жителей она уступала только двум деревням – слободе Коченьге на реке Сухоне и Великому Двору в волости Толшма. А это значит, что возникла она значительно раньше, чем упоминается в указанных выше письменных источниках. Тем более что в дозорной книге 1619 года в деревне Фоминская не зафиксированы жители с именем *Фома* или с отчеством *Фомин* [ВТ: 72]. Поиск возможного основателя или владельца этой тиксенской деревни в памятниках письменности вывел на имена Осипки да Самелки *Фоминых*, владельцев рассолоподъёмных труб на Усолье Тотемском. Они упоминаются в деловых документах середины XVI века [ТСП: 95], а в 1620-х годах в Тотемском Остроге, за крепостными стенами стояла торговая лавка их возможного потомка Иванки *Фомина* [ГТ: 203]. Судя по этим свидетельствам, отчество Фомин уже тогда было передающимся из поколения в поколение семейным прозвищем-дедичеством (будущей фамилией). Могла ли семья Фоминых из Тотьмы владеть деревней Фоминская в Тиксенской волости, в 50 верстах от уездного посада? На этот вопрос можно ответить утвердительно, так как богатые (*лучшие*) люди Усолья Тотемского в XVI – XVII веках покупали «повытьё» в соседних волостях – или целые деревни, или части деревень. Сведения об этом можно найти в переписных книгах уезда [ГТ: 216]. Любопытно, что ещё в двух волостях Тотемского уезда – Цареве и Кулое – имелись две деревни с одинаковым названием Фоминская. Царевская носила второе имя – Левинская, а кулойская – Степановская [ТО: 276]. Эти вторые ойконимы говорят как раз в пользу смены владельцев деревень – и Левинскую, и Степановскую тоже могли купить состоятельные тотьмичи Фомины. Документальных свидетельств о приобретении Фомиными этих трёх деревень не сохранилось, но подобная версия вполне имеет право на существование.

Другой пример – происхождение названия деревни Княгининская (или Гора), что до середины XX века стояла на вершине высокого холма по-над рекой Царевой в Тотемском районе. Кто такая эта *княгиня*, титул которой нашёл отражение в данном ойкониме? Любопытно, что неподалеку от деревни Княгининская, рядом с церковным и

административным центром волости – Воскресенским погостом, на берегу реки Царевы есть Княжий луг. Значит и князь, и княгиня были совладельцами этих земель на каком-то историческом отрезке. Упоминаются ли они в документах? Пока удалось найти следующий факт: в конце XV века волость Царева принадлежала московскому князю Голенину. В его духовной от 1482 года есть такая запись: «А что моя отчина Царева река – жене моей Марие с моими детми, с Иваном, да с Семеном, да с Андреем...» [АФЗХ-2: 18]. Таким образом, происхождение ойконима Княгининская находит прямое подтверждение в памятнике письменности.

Деревня Неклюдиха стоит при впадении реки Старая Тотьма в Сухону. По археологическим данным, в XIII – XIV веках на этом месте располагалось первое поселение тотмичей. Затем большая часть жителей переселилась к вновь открытым соляным источникам в 15 верстах выше по Сухоне (на речке Ковде), а на месте городища возникла простая деревня. В писцовой книге волости Старая Тотьма от 1623 года она записана под двумя названиями – *Федосеевская* и *Неклюдиха* [СР: 17]. Возможно, эти ойконимы связаны с именами людей, живших в середине предыдущего столетия – монаха *Феодосия* Суморина, основателя Спасо-Преображенского монастыря близ Усолья Тотемского и его хорошего знакомого *Неклюдки* Юрьева, владельца Неклюдихи [ТО: 173-174]. «Целовальник Неклюдка Юрьев» упоминается в грамоте Ивана Грозного, посланной на Тотьму в 1555 году, после того, как тотмичи просили царя разрешить Феодосию строить свой монастырь. Неклюдка не только дал имя деревне, но и был родоначальником фамилии *Неклюдовы*, чьи носители живут в деревне Неклюдихе до сих пор. Так, ещё в таможенной книге 1679 года записано: «Дмитрии Фалалеев да Иван Осипов *Неклюдовых* из деревни *Неклюдиха*» [ТКМГ-3: 95об.].

Как видим, даже в тех случаях, когда в исторических документах удаётся найти имена возможных владельцев деревень, мы не можем быть полностью уверены во взаимосвязи антропонима и ойконима. Но в актах и материалах государственного делопроизводства можно всё-таки найти примеры, когда указываются точные имена первооснователей деревень, простых земледельцев, которые решили распахать где-то в лесу, на свободном месте, пашню; из срубленных стволов деревьев выстроить первую избу, первый хлев, амбар и гумно... В упоминавшихся уже выше дозорной и писцовой книгах Тотемского уезда 1619 и 1623 годов таких примеров совсем немного, потому что все деревни возникли значительно раньше и имена первопоселенцев остались забыты. Лишь в Окологородной волости писцовая книга 1623 года упоминает деревню ещё без названия – «дер. Ивана Любцова»

[СР: 16]. В настоящее время она называется Любавчиха, а в материалах Генерального межевания России 1780-х годов – Люботчиха [ММР: 101]. Исходя из отчества *Любцов*, нужно было бы ожидать такие варианты ойконима, как деревня Любцова или Любцовская, но по каким-то причинам они не появились... Вообще, сложностей с изучением именотворчества русских крестьян ещё довольно много, не всё выяснено доподлинно, что-то уже упущено безвозвратно, но кое-какие документальные материалы существуют. Именно опираясь на памятники письменности можно частично восстановить сложный процесс именования русских деревень на таёжных просторах от реки Сухоны до Белого моря и от Онежского озера до Северной Двины.

Нужно отметить, что далеко не все памятники письменности в равной степени «богаты» на примеры, по которым можно определить имя основателя деревни. В первую очередь, и это вполне логично, больше всего подобных фиксаций в ранних памятниках – до XVII века. Во-вторых, среди источников явно выделяются сотные грамоты и монастырские вытные книги с именами основателей деревни. По всей видимости, для этих памятников письменности было важно зафиксировать, в чьём владении находилась деревня во время очередной описи.

В таблице «Имена крестьян в названиях деревень» (см. ниже) собраны многочисленные примеры образования русских ойконимов от имён, прозвищ, отчеств и дедичеств проживавших в них людей. В первой графе таблицы даются имена крестьян в алфавитном порядке, во второй – производные от них названия деревень, в третьей – административная привязка ойконима на момент его фиксации в памятнике письменности, а в четвёртой – ссылка на источники. Результаты проведённого исследования можно обобщить в виде классификации различных способов номинации севернорусских ойконимов:

1 тип: Названия деревень, в основах которых положены полные народные имена (прозвища) людей.

Волк Остафей проживал в 1544 году в деревне **Волково** во владениях Кириллова монастыря в Белозерском уезде [ВХК-1: 47].

Иван **Жеровль** проживал в 1593 году в деревне **Жеровиха** Емецкого стана Двинского уезда. Очевидно, форма Жеровиха возникла из первоначальной *Жеровлиха, после гапакса согласных звуков [МИЕС-2: 228].

Михаил **Трегуб** проживал в 1544 году в деревне **Трегубово** в Сяме Вологодского уезда [СПСК: 91].

Здесь и далее для каждого типа приводятся наиболее характерные примеры ойконимов (не более 3-х) из таблицы, в которой при желании можно отыскать и иные примеры.

2 тип: Названия деревень, в основах которых лежат варианты народных имён (прозвищ) людей.

Пятко Микитин жил в 1544 году в деревне **Починок Пятков** в Чароме Белозерского уезда [МИЕС-2: 202]. Пятко – вариант прозвища Пятый.

Сурка Екимов жил в 1589 году в деревне **Сурково** волости Юг Вологодского уезда [СГНВО: 338], а **Тарутка** Якушев – в 1544 году на починке **Тарутин** в Чуровских Белозерского уезда [МИЕС-2: 201]. От имени Сурка ойконим должен был иметь форму Суркино, а от Тарутка – Таруткино, в то время как в источниках названия деревень зафиксированы в формах Сурково (< Сурко) и Тарутино (< Тарута). По всей видимости, в быту для именованья крестьян Екимова и Якушева использовались оба деривата: Сурко – Сурка и Тарутка – Тарута, но в сотной 1544 года и в писцовой книге 1589 года отложились лишь по одному варианту их имён.

3 тип: Названия деревень, в основах которых положены полные церковные (крестильные) имена людей.

Исаак жил в 1599 году в деревне **Исаково** во владениях Кириллова монастыря в Белозерском уезде [ВХК-2: 268]. Церковный вариант – Исаак.

Кузма жил в 1599 году в деревне **Кузмина** во владениях Кириллова монастыря в Белозерском уезде [ВХК-2: 265]. Церковный вариант – Косьма.

Родион жил в 1599 году в деревне **Родионово** во владениях Кириллова монастыря в Белозерском уезде [ВХК-2: 266]. Церковный вариант – Иродион.

Интересно, что все три примера взяты из одного источника – вытной книги 1559 года. В этом же источнике имеются и другие схожие примеры (**Федор** Калика – деревня **Федорово** [ВХК-2: 266]). Очевидно, при составлении данной вытной книги подобная номинация была чем-то оправдана. Возможно, составителем книги был учёный монах, хорошо знавший православный именовослов.

4 тип: Названия деревень, в основах которых положены народные варианты церковных (крестильных) имён людей.

Дема Нестеров да дети его Луня да Ивашко жили в 1544 году в деревне **Демин Дор** на Сизьме Вологодского уезда [СПСК: 93]. Дема – это дериват церковного имени Дементий.

Ивашко Карпов жил в 1681 году в деревне **Ивашково** Черевковской волости Устюжского уезда [ЩИЧВ: л.10]. Ивашко < Иван.

Фомка Иванов жил в 1544 году на починке **Фомкин** в Чароме Белозерского уезда [МИЕС-2: 203]. Фомка < Фома.

5 тип: Названия деревень, в основах которых положены отчества от народных имён (прозвищ).

Нечайко **Русанов** жил в 1589 году в деревне Кузнецовская (**Русановская**) в Ильинском погосте Вологодского уезда [МИЕС-2: 107]. Отчество этого человека ведёт начало от народного имени (прозвища) Русан.

Трофим **Бояринов** в 1593 году жил в деревне **Бояриновская** (Кондратовская) в Емецком стане Двинского уезда [МИЕС-2: 229]. Отчество этого человека ведёт начало от народного имени (прозвища) Боярин.

Дерюга **Боранов** в 1589 году жил на починке **Третий Борановский** в Усольском уезде [СПСК: 184]. Отчество этого человека ведёт начало от народного имени (прозвища) Боран.

6 тип: Названия деревень, в основах которых положены отчества от полных церковных (крестильных) имён.

Ондрейко **Филимонов** жил в 1556 году на починке **Филимоновский** волости Шелекса Каргопольского уезда [СПСК: 127].

Якуш **Яковлев** жил в 1556 году в деревне **Яковлевская** волости Нименьга Каргопольского уезда [СПСК: 135].

Гришка **Кузьмин** жил в 1585 году в деревне **Кузьминская** волости Иванов Борок Белозерского уезда [КСР: 65].

7 тип: Названия деревень, в основах которых положены семейные прозвания (дедичества).

Петрушка Максимов **Хомяков**, Якушко Яковлев **Хомяков**, Ивашко Иванов **Хомяков** проживали в XVII веке в деревне **Хомяковщина**, Михеевская тож Утмановской волости Устюжского уезда [ДПС: 80]. Их общий предок носил прозвище Хомяк.

Харка Архипов сын, Ефремка Иванов сын и Антонка Иванов сын **Наквасины** проживали в 1622 году в деревне Ярофеевская, **Наквасино** тож волости Уфтюга Тотемского уезда [ТУПМ: л.376]. В данном случае и ойконим, и семейное прозвание (дедичество) могли происходить

непосредственно от народного имени (прозвища) Накваса. Так звали основателя этой деревни и прародителя всех её жителей Наквасиных.

Максимко Ермолин сын **Чесноков** да его племянник Митрофанко Клементьев **Чесноков** проживали в 1645 году в деревне **Чесноково** волости Чадрома Устьянских волостей [УВПМ: л.126об]. Фамилия Чесноков обычна в именованье и современного Устьянского района [ИУВ: 123].

8 тип: Названия деревень, в основах которых положены имена (прозвища) или отчества людей, проживающих в соседней деревне.

Федко да Трофим **Бубновы** проживали в 1586 году на починке Карпушево, рядом с которым находился починок **Бубново** во владениях Коряжемского монастыря в Усольском уезде [СПСК: 187]. Починок Бубново мог основать отец Федька и Трофима по прозвищу Бубен, либо же крестьяне Бубновы по какой-то причине сами переселились с починка Бубново на починок Карпушево.

Борис **Дураков** жил в 1556 году в деревне Степановская, недалеко от которой была деревня **Дураковская** в Турчасовском стане Каргопольского уезда [СПСК: 96, 97]. Борис Дураков числился половником в деревне Степановской, а это значит, что его родной деревней могла быть именно Дураковская.

Лабуня **Лабунин** и Дороня **Лабунин** жили в 1544 году в деревнях Трофимово и Пантино, рядом с которыми была деревня **Лабунино** волости Федосьин Городок Белозерского уезда [МИЕС-2: 185]. Деревню Лабунино мог основать их отец Лабуня. Сыновья же его переселились в соседние деревни.

9 тип: Полюйконимы, в основах названий которых лежат имена (прозвища) и отчества одного и того человека, либо двух ближайших родственников.

Гридя **Кузнец Иванов** сын жил в 1556 и 1561 годах в деревне **Ивановская**, **Кузнецова** тож волости Кутованга Каргопольского уезда [МИЕС-2: 438; СПСК: 102]. Первое название деревня получила от отчества, а второе – от прозвища Гриди.

Гаврилко Дмитриев сын Кузнецов жил в 1627 году в деревне **Гавриловская**, **Дмитриевская**, а **Семеновская** тож в Емецком стане Двинского уезда [СГКЭ-1: стл.611]. Не исключено, что деда Гаврилка звали Семёном, отчего сотная и зафиксировала ещё и третье название.

Карпик Дорофеев сын **Кошеев** вместе со своим родственником Серешкой Тимофеевым сыном **Кошеевым** проживали в 1622 году в деревне **Карповская**, **Кошеево** и Заболотье тож в волости Уфтыга Тотемского уезда [ТУПМ: л.360, 360об].

10 тип: Ойконимы, которые ещё не успели оформиться топонимическими суффиксами -ская, -ова, -ина, -иха.

Гриша Раков жил в 1681 году на починке **Гриши Ракова** в Шенкурской чети Важского уезда [ВШЧ: л.176].

Ивашка Кривоног жил в 1556 году на починке **Ивашка Кривонога** в волости Шелекса Каргопольского уезда [СПСК: 128].

Якуня Окунев жил в 1559 году в деревне **Якуни Окунева** во владениях Кириллова монастыря в Белозерском уезде [ВХК-1: 47].

Любопытно проследить дальнейшую историю этих названий деревень в более поздних памятниках письменности и исторических источниках. Так, например, в списке населённых мест Талицкого сельсовета Кирилловского района 1974 года значится деревня Окунево [ВО: 195], стоящая на том месте, где в середине XVI века поселился Якуня Окунев. Починок Гриши Ракова ныне – деревня Раковская в Шенкурском районе, а вот следы починка Ивашки Кривонога отыскать не удалось.

Выше уже приводились примеры несовпадения основ названий деревень с дериватами имён (прозвищ) или отчеств, от которых ойконимы ведут своё начало (см. выше 2-й тип: Сурка – Сурково, Тарутка – Тарутин). Вот ещё несколько подобных случаев:

Афонька **Алексеев** жил в 1585 году в деревне **Олешкино** волости Липник Заозерский Белозерского уезда [КСР: 121]. Олешка – это дериват церковного имени Алексей, которое, в свою очередь отложилось в отчестве. В 1974 году – это деревня Алешково Андреевского сельсовета Вашкинского района [ВО: 52].

Иванко **Волк** жил в 1544 году на починке **Волчково** на Словенском Волочке Белозерского уезда [МИЕС-2: 192]. Волчѣк – это дериват прозвища Волк. Правда, в этом случае не прослежена пока возможная взаимосвязь ойконима Волчково с народным географическим термином *волок*, который имеется в топониме Словенский Волочѣк. В источниках XX века следы этого починка не прослеживаются.

Гриша Олешин и Поздейко **Гришин** проживали в 1561 году в деревне **Грехнов Пал** Вохтомской волости Каргопольского уезда [МИЕС-2: 390]. По-видимому, это были отец и сын, а Грехно и Гриша – дериваты церковного имени Григорий. Ныне – деревня Грехнев Пал Коношского района [АО].

Красной Васка Иванов сын жил в 1628-30 годах в деревне **Красково** Велетовского стана Устюженского уезда [У-3: 329]. Краско – это дериват прозвища Красной.

Дениско **Ларин** жил в 1561 году в деревне **Ларионовская** Устьволжской волости Каргопольского уезда [МИЕС-2: 317]. Отчество Ларин происходит от имени Ларя, а отчество Ларионов – от имени Ларион. Это производные от церковного имени Илларион. Ныне – деревня Ларионово Каргопольского района [АО].

Мосейко Лобанов жил в 1585 году в деревне **Мосеевская** в Яренском уезде [МИЕС-1: 458]. Мосейко – это дериват церковного имени Моисей (Мосей) > отчество Моисеев (Мосеев).

ИМЕНА КРЕСТЬЯН В НАЗВАНИЯХ ДЕРЕВЕНЬ

АНТРОПОНИМЫ	ОЙКОНИМЫ	Административная ПРИВЯЗКА	ИСТОЧНИКИ
Алексеев Афонька	Дер. Олешкино	Вол. Липник Заозерский Белозер. уезда	Писц. кн. 1585 [КСР: 121]
Алексейко Иванов	Поч. Алексеев	В Арбуе Белозер. уезда	Сотн. 1544 [МИЕС-2: 196]
Амосов Офонаско сын Копос	Дер. Омосовская	Вол. Подпорожье Каргопол. уезда	Сотн. 1561 [МИЕС-2: 455]
Андрей	Дер. Андрея Колышкина	Владения Кириллова мон. в Белозер. уезде	Вытн. кн. 1559 [ВХК-2: 266]
Аникеив Абакумко	Дер. Аникеивская	Калеский стан Двин. уезда	Сотн. 1586 [МИЕС-2: 249]
Анофриев Филипп Новгородец	Дер. Анофриева Гора , Шалыгино тож	Устюж. уезд	Писц. кн. 1656, межевание 1796 [СГНВО: 408-409]
Аристок Бобров	Поч. Аристов	У Коленца Белозер. уезда	Сотн. 1544 [МИЕС-2: 202]
Бабин Иванко	Поч. Бабин	Емецкий стан Двин. уезда	Сотн. 1593 [МИЕС-2: 228]
Бардаков Неклюд	Дер. Бардаков Дор	На Сизьме Вологод. уезда	Сотн. 1544 [СПСК: 93]
Бастины Митка да Иванко	Дер. Бастинская	Село Надпорожское Каргопол. уезда	Сотн. 1561 [МИЕС-2: 306]
Белуга	Дер. Белугинская	Вол. На-Наволоке Емецкого стана Двин. уезда	Сотн. 1552 [ВАИ: 457]

Беляев Пиминко Иванов сын, Беляев Ивашко Никанов сын	Дер. Бешковская, а Беляевская тож	Вол. Чадерма, а Чадрома тож Устьян. вол.	Писц. и межев. кн. 1645 [УВПМ: л.158, 158об]
Блинов Федко Данилов сын	Дер. Блиновская	Вол. На-Прилуке Каргопол. уезда	Сотн. 1556, 1561 [СПСК: 104; МИЕС-2: 439]
Бобин Наумка Митрофанов сын, ево Наумков родной брат Венедикто Бобин	Дер. Васильево, а Бобинская тож	Вол. Чадерма, а Чадрома тож Устьян. вол.	Писц. и межев. кн. 1645 [УВПМ: л.164, 164об]
Боранов Дерюга	Поч. Третей Борановской	Усол. уезд	Сотн. 1586 [СПСК: 184]
Борбошин Васько	Дер. Борбошино Ново	Село Рукина Слободка Белозер. уезда	Сотн. 1544 [МИЕС-2: 189]
Бояринов Трофим	Дер. Бояриновская, Кондратовская тож	Емецкий стан Двин. уезда	Сотн. 1593 [МИЕС-2: 229]
Брагин Борис	Дер. Брагинская	Окологородная вол. Тотем. уезда	Писц. кн. 1623 [СГНВО: 45-46]
Брюшинин Исачко Микифоров сын	Дер. Ондрейково, а Брюшинино, Плесово тож	Шангальская вол. Устьян. вол.	Писц. и межев. кн. 1645 [УВПМ: л. 236, 236об]
Бубновы Трофим да Федко (проживали на соседнем починке <i>Карпушево</i>)	Поч. Бубново	Владения Коряжемского мон. Усол. уезда	Сотн. 1586 [СПСК: 187]
Василев Климко	Дер. Василева	Вол. Сянжема Тотем. уезда	Писц. и межев. кн. 1622 [ТУПМ: л.987, 987об]
Васюк	Дер. Васюково	Владения Кириллова мон. в Белозер. уезде	Вытн. кн. 1559 [ВХК-2: 269]

Веретенев Афонасей Данилов сын	Дер. Степановская, Веретенниха тож	Быкокурский стан Устюж. уезда	Судное дело 1615 [АХУ-2: стл.839, 840]
Власов Федосейко	Дер. Власовская	Вол. Чюхчин Бор Каргопол. уезда	Сотн. 1556, 1561 [СПСК: 111; МИЕС-2: 474]
Власов Власко	Дер. Горка Власова	Белозер. уезд	Писц. кн. 1544 [СГНВО: 67]
Власьев Осипко, Власьев Гришка	Дер. Волосово	Богословская вол. Вологод. уезда	Писц. кн. 1627 [ПОВУ: 20]
Волк Остафей	Дер. Волково	Владения Кириллова мон. в Белозер. уезде	Вытн. кн. 1559 [ВХК-1: 47]
Волк Иванко	Поч. Волчково	На Словенском Волочке Белозер. уезда	Сотн. 1544 [МИЕС-2: 192]
Волов Венедихтко, Волов Исачко, Волов Бориско	Дер. Щепинская, а Волово тож	Вол. Шангальская Устьян. вол.	Писц. и межев. кн. 1645 [УВПМ: л.270об]
Воробьев Тишка Иванов сын	Дер. Воробьева	Важ. уезд	Д. у. 1680 [ИКУФ: 51]
Воронин Кондратко Матфиев сын	Дер. Воронинская	Вол. Пирзопельда Каргопол. уезда	Сотн. 1561 [МИЕС-2: 463]
Вороновы Максимко да Еська	Поч. Воронов	В Арбуе Белозер. уезда	Сотн. 1544 [МИЕС-2: 197]
Воршня Климов	Поч. Ворошнино	В Чуровских Белозер. уезда	Сотн. 1544 [МИЕС-2: 202]
Гаврилко Дмитриев сын Кузнецов	Дер. Гавриловская, Дмитриевская, Семеновская тож	Емецкий стан Двин. уезда	Сотн. 1627 [СГКЭ-1: стл.611]
Галафеев Филя	Дер. Филя Галафеева	Емецкий стан Двин. уезда	Сотн. 1578 [МИЕС-2: 218]
Галшута, Онтонко Левины	Поч. Галшутин	У Коленца Белозер. уезда	Сотн. 1544 [МИЕС-2: 203]

Голобок Федько	Поч. Голобоково	Белозер. уезд	Сотн. 1544 [МИЕС-2: 203]
Горбунов Олеша	Дер. Горбуновская	Плесовская вол. Усол. уезда	Сотн. 1586 [ШСС: 6]
Григоревы дети, Степанко да Ивоило да Сенка	Дер. Григоревская	Вол. Тихменьга Каргопол. уезда	Сотн. 1561 [МИЕС-2: 361]
Гриша Олешин, Поздейко Гришин	Дер. Грехнов Пал	Вохтомская вол. Каргопол. уезда	Сотн. 1561 [МИЕС-2: 390]
Гриша Раков	Поч. Гриши Ракова	Шенкурская четь Важ. уезда	Переписн. кн. 1681 [ВШЧ: л.176]
Гусев Васка Микитин сын	Дер. Гусева , Онцифоровская	Вол. Большая Шалга Каргопол. уезда	Сотн. 1561 [МИЕС-2: 356]
Давыдко	Поч. Давыдков	В Арбуе Белозер. уезда	Сотн. 1544 [МИЕС-2: 196]
Данилова , Титко да Ондрюшка Ивановы дети	Дер. Даниловская	Вол. Тихменьга Каргопол. уезда	Сотн. 1561 [МИЕС-2: 361]
Дема Нестеров да дети ево Луня да Ивашко	Поч. Демин Дор	На Сизьме Вологод. уезда	Сотн. 1544 [СПСК: 93]
Дмитреев Родка	Дер. Дмитреево , Семеновская тож	Емецкий стан Двин. уезда	Сотн. 1544 [МИЕС-2: 217]
Дураков Офонька	Поч. Дураков	В Чуровских Белозер. уезда	Сотн. 1544 [МИЕС-2: 201]
Дураков Борис (<i>половник в соседней дер. Степановская</i>)	Дер. Дураковская	Турчасовский стан Каргопол. уезда	Сотн. 1556 [СПСК: 96, 97]
Еремин Сенька, Еремин Фадейко	Поч. Еремин	Милобудово Белозер. уезда	Сотн. 1544 [МИЕС-2: 191]
Ермачко Царь Федотов	Дер. Ермаково	На Словенском Волочке Белозер. уезда	Сотн. 1544 [МИЕС-2: 192]

Ермолин Фомка	Дер. Ермолинская	Вол. У-Петра- Святого-Над- Порогом Каргопол. уезда	Сотн. 1561 [МИЕС-2: 454]
Ерофеев Ромашко	Дер. Ерофеева	Ярен. уезд	Сотн. 1585 [МИЕС-1: 454]
Еська Сухарев	Поч. Ескин	Село Рукина Слободка Белозер. уезда	Сотн. 1544 [МИЕС-2: 190]
Ефимов Бориско	Дер. Ефимовская	Село Надпорожское Каргопол. уезда	Сотн. 1561 [МИЕС-2: 306]
Жеровль Иван	Дер. Жеровиха	Емецкий стан Двин. уезда	Сотн. 1593 [МИЕС-2: 228]
Задорин Иван	Дер. Задориха	Пог. Чакула Ярен. уезда	Писц., переписн. кн.1678 [АИЕС: 405]
Захарья	Дер. Захарьино	Владения Кириллова мон. в Белозер. уезде	Вытн. кн. 1559 [ВХК-2: 265]
Зеленин Якуш	Поч. Зеленинский	Емецкого стана Двин. уезда	Сотн. 1593 [МИЕС-2: 226]
Зенов Сидорко Онфимов сын	Дер. Зеновьевская	Вол. По-Реке-Тамице Каргопол. уезда	Сотн. 1556 [СПСК: 128]
Злодеев Корнилко	Дер. Шелебинская, а Злодеева тож	Вол. Пежма Устьян. вол.	Писц. и межев. кн. 1645 [УВПМ: л.423об, 424]
Зыков Офонька	Поч. Зыков	Сысольская вол. Ярен. уезда	Сотн. 1600 [МИЕС-1: 480]
Иванко Иванов	Поч. Ивановской Щапова	Кодимская вол. Важ. уезда	Сотн. 1565 [МИЕС-1: 393]
Иванко Игнатов	Поч. Иванков	В Судьбицах Белозер. уезда	Сотн. 1544 [МИЕС-2: 201]
Иванка Потанин	Дер. Иванкина	Вол. Тиксна Тотем. уезда	Писц. кн. 1622-25 [ТУПМ: л.590об]

Иванов Бориско	Дер. Ивановская , Носилова тож	Вол. На-Прилуке Каргопол. уезда	Сотн. 1556 [СПСК: 104]
Иванов Микулко	Дер. Ивановская	Пог. Ильинский Вологод. уезда	Переписн. кн. 1589 [МИЕС-2: 109]
Иванов Васка, Иванов Суворко, Иванов Титко, Иванов Истомка	Дер. Ивановская , Тяпушинская тож	Пог. Лещовский Вологод. уезда	Переписн. кн. 1589 [МИЕС-2: 98-99]
Ивашка Пантелеев сын Попов с братьями Ермолкою, Нефедком Пантелеевыми	Поч. Ивашково Займище	Шарженгская вол. Устюж. уезда	Писц. кн. 1680 [ПКШВ: 35]
Ивашко Карпов	Дер. Ивашково	Черевковская вол. Устюж. уезда	Писц. кн. 1623 [ЩИЧВ: л.10]
Ивашко Чураков	Поч. Ивашка Чуракова	Шенкурская четъ Важ. уезда	Переписн. кн. 1681 [ВШЧ: л.179]
Исак	Дер. Исаково	Владения Кириллова мон. в Белозер. уезде	Вытн. кн. 1559 [ВХК-2: 268]
Исаков Ивашко	Дер. Загорье, Исаковская	Устюж. уезд	Сотн. 1623 [СГНВО: 150]
Исаковы Осифко да Матюш да Иванко	Дер. Исаковская	Вол. Тевза Гора Каргопол. уезда	Сотн. 1556 [СПСК: 100]
Июдин Данилко, Июдин Мелешка	Дер. Июдинская	Село Надпорожское Каргопол. уезда	Сотн. 1561 [МИЕС-2: 311]
Казаковы Обрамко да Васка Левонтъевы дети	Дер. Телепниха, Казаковская	Вотчина Антониево- Сийского мон. Двин. уезда	Сотн. 1578 [МИЕС-2: 214]
Калинин Юрка	Поч. Калинино	Вол. Уфтюга Устюж. уезда	Писц. кн. 1623 [УФВ: л.588]
Карповы Бориско да Амос	Дер. Карпова	Ярен. уезд	Сотн. 1585 [МИЕС-1: 445]

Келарев Ларка	Дер. Горка Захаровская, а Келарево тож	Вол. Пежма Устьян. вол.	Писц. и межев. кн. 1645 [УВПМ: л.465об]
Киселев Ивашко Фомин сын	Дер. Лисищово, а Киселево тож	Вол. Чадерма, а Чадрома тож Устьян. вол.	Писц. и межев. кн. 1645 [УВПМ: л.135об, 136]
Кислицын Михалко Дмитреев	Дер. Задняя Гора, Кислицыно	Устюж. уезд	Писц. кн. 1623 [ВРЛО: 108]
Кистенев Федюнка	Дер. Софоново, Кистенево	Вол. Угла Белозер. уезда	Сотн. 1544 [МИЕС-2: 200]
Клементьев Якуш	Дер. Клементьевская	Ярен. уезд	Сотн. 1585 [МИЕС-1: 454]
Клим	Дер. Климкино	Владения Кириллова мон. в Белозер. уезде	Бытн. кн. 1559 [ВХК-2: 268]
Климов Сенка	Дер. Климовская	Вол. Корельская Каргопол. уезда	Сотн. 1561 [МИЕС-2: 450]
Кобель Наумко Савин	Дер. Кобелева	Чюхчеремская вол. Двин. уезда	Сотн. 1593 [МИЕС-2: 230]
Кобинского сын, Якунка Яковлев	Дер. Кобина Гора	Павловская вол. Каргопол. уезда	Сотн. 1561 [МИЕС-2: 341]
Ковезицын Вешнячко Кузмин	Дер. Ковезина	На р. Кокшеньге	Писц. кн. 1623 [ВРЛО: 107]
Козлов Инюха	Дер. Симановская, Козлово	Пог. Иванова Слобода Вологод. уезда	Переписн. кн. 1589 [МИЕС-2: 131]
Конанов Федка, Конанов Васка, Конанов Тараско	Дер. Ильинская, а Конанова тож	Шангальская вол. Устьян. вол.	Писц. и межев. кн. 1645 [УВПМ: л.234]
Конев Ивашко Олексеев	Дер., что был поч. Конев	Устюж. уезд Вол. Шарженьга и Халезец и Березовец	Писц. кн. 1623- 26 [РНД: 45]
Конютин Иванко	Поч. Конютино	Село Рукина Слободка Белозер. уезда	Сотн. 1544 [МИЕС-2: 190]

Коркиных Петрушка Арефьев, Коркиных Гришка Парфенов	Дер. Коркин Дор , а Щановской тож	Устюж. уезд Вол. Никольская слобода	Писц. кн. 1676- 83 [РНД: 168]
Коряков Ивашко	Дер. Коряково	Кичменгская вол. Устюж. уезда	Писц. кн. 1624 [СГНВО: 175]
Костюнин Ивашко	Поч. Костюнино	На Словенском Волочке Белозер. уезда	Сотн. 1544 [МИЕС-2: 192]
Онцыга да Иванко да Давыдко Ивановы дети Котова	Дер. Котово	Кодимская вол. Важ. уезда	Сотн. 1565 [МИЕС-1: 393]
Кошеев Васько	Дер. Кошеево	Село Рукина Слободка Белозер. уезда	Сотн. 1544 [МИЕС-2: 189]
Кошеев Федька	Дер. Кошеева Гора	Емецкий стан Двин. уезда	Сотн. 1552 [ВАИ: 458]
Кошеев Серешка Тимофеев сын, Кошеев Карпик Дорофеев сын	Дер. Карповская , Кошеево и Заболотье тож	Вол. Уфтыога Тотем. уезда	Писц. и межев. кн. 1622 [ТУПМ: л.360, 360об]
Красин Ондрей	Дер. Красиновская	Плесовская вол. Усол. уезда	Сотн. 1586 [ШСС: 6]
Красной Васка Иванов сын	Дер. Красково , Квасково тож	Велетовский стан Устюжен. уезда	Писц. кн. 1628-30 [У-3: 329]
Кривоног Ивашка	Поч. Ивашка Кривонога	Вол. Шелекса Каргопол. уезда	Сотн. 1556 [СПСК: 128]
Крововицын Якуш (проживал на соседнем починке <i>Истоминский</i>)	Поч. Крововичинской	Владения Коряжемского мон. в Усол. уезде	Сотн. 1586 [СПСК: 185]
Куземка Кухта Илин сын, Кузмин сын Кухта Ондрюшка	Дер. Кузьминская	Вол. На-Кене- На-Реке Каргопол. уезда	Сотн. 1561 [МИЕС-2: 332]

Кузма	Дер. Кузмина	Владения Кириллова мон. в Белозер. уезде	Вытн. кн. 1559 [ВХК-2: 265]
Кузмин Мелешка	Дер. Кузминская	Вол. Чекуево Каргопол. уезда	Сотн. 1556 [СПСК: 110]
Кузьмин Гришка	Дер. Кузьминская	Вол. Иванов Борок Белозер. уезда	Писц. кн. 1585 [КСР: 65]
Кузнец Иванов сын, Гридя	Дер. Ивановская, Кузнецова	Вол. Кутованга Каргопол. уезда	Сотн. 1556, 1561 [МИЕС-2: 438; СПСК: 102]
Кузнец Ивашко Еремеев	Дер. Кузнецовская	Вол. Большая Шалга Каргопол. уезда	Сотн. 1561 [МИЕС-2: 353]
Кузнецов Якимко, Кузнецов Кондратко, Кузнецов Селиванко	Дер. Грунцово, а Кузнецово тож	Вол. Шангальская Устьян. вол.	Писц. и межев. кн. 1645 [УВПМ: л.288об, 289]
Кузнецов Сысойка Обросимов сын	Дер. Овдеевская, Кузнецово тож	Вол. Уфтюга Тотем. уезда	Писц. и межев. кн. 1622 [ТУПМ: л.362об, 363]
Курилов Еремка Игнатъев	Дер. Ладенино, а Курилово тож	Устюж. уезд Вол. Шарженьга и Халезец и Березовец	Писц. кн. 1623-26 [РНД: 43]
Курятков Степанко	Дер. Курятково	Вол. Нижний Бор-На-Плесе Каргопол. уезда	Сотн. 1561 [МИЕС-2: 330]
Лабуня Лабунин, Лабунин Дороня <i>(жили в соседних дер. Трофимово и Пантино)</i>	Дер. Лабунино	Вол. Федосъин Городок Белозер. уезда	Сотн. 1544 [МИЕС-2: 185]
Ларин Дениско	Дер. Ларионовская	Вол. Устьволжская Каргопол. уезда	Сотн. 1561 [МИЕС-2: 317]
Ласуков Поздей	Дер. Жилино (Ласуково)	Владения Кириллова мон. в Белозер. уезде	Вытн. кн. 1559 [ВХК-1: 125]

Левонтьев Петрунка	Дер. Левоновская , Павловская тож	Пог. Иванова Слобода Вологод. уезда	Переписн. кн. 1589 [МИЕС-2: 130]
Лихачев Васка, Лихачев Ивашко, Лихачев Онтропко	Дер. Тукумино, а Лихачево тож	Вол. Шангальская Устьян. вол.	Писц. и межев. кн. 1645 [УВПМ: л.349]
Логин	Дер. Логинова	Владения Кириллова мон. в Белозер. уезде	Вытн. кн. 1559 [ВХК-2: 269]
Лопатин Меркушко, Лопатин Семко, Лопатин Оксенко	Дер. Игнатовская, а Лопатинская тож	Шангальская вол. Устьян. вол.	Писц. и межев. кн. 1645 [УВПМ: л.361]
Лосев Куземка, Лосевы Олферко да Кирилко	Дер. Лосева	Вол. Чадерма, а Чадрома тож Устьян. вол.	Писц. и межев. кн. 1645 [УВПМ: л.130]
Лысков Лучка Степанов сын	Дер. Лысковская	Вол. У-Петра- Святого-Над- Порогом Каргопол. уезда	Сотн. 1561 [МИЕС-2: 453]
Лошкин Демко Юрев сын, Лошкин Шумилка Юрев сын	Дер. Клобуково, Лошкино тож	Вол. Царева Тотем. уезда	Писц. и межев. кн. 1622 [ТУПМ: л.491, 491об]
Макаров Федка, Макаров Вахрушка	Дер. Куницино (позднее – Макарово)	Окологородная вол. Тотем. уезда	Сотн. 1622-25 [НА ВГИАХМЗ: л.39 об]
Маков Степан	Дер. Маково (соседняя)	Владения Кириллова мон. в Белозер. уезде	Вытн. кн. 1559 [ВХК-2: 267]
Максимко	Поч. Максимков	Белозер. уезд	Сотн. 1544 [МИЕС-2: 203]
Мальшак	Дер. Мальшаково	На Баботозере Белозер. уезда	Вытн. кн. 1559 [АИЕС: 161]
Мартьянов Оксенка з братом з Баженком с Мортемьяновым	Дер. Мартьяново	Хрипелевская вол. Устюжен. уезда	Писц. кн. 1628-30 [У-4: 236]

Маслов Мелеха	Дер. Масловская	Усол. уезд	Сотн. 1586 [СПСК: 184]
Матвеев Левка	Дер. Матвеевская	Ярен. уезд	Сотн. 1585 [МИЕС-1: 458]
Махонин Якуш, Махонин Иванко, Махонин Ондрюшка	Дер. Махонинская	Вол. Устьвожская Каргопол. уезда	Сотн. 1561 [МИЕС-2: 317]
Микитка Савиков	Дер. Микитинская	Велетовский стан Устюжен. уезда	Писц. кн. 1628-30 [У-3: 335]
Микулина дети, Тасканко да Васка Савины	Дер. Микулина	Емецкий стан Двин. уезда	Сотн. 1578 [МИЕС-2: 216]
Михайло	Дер. Михайлово	На Баботозере Белозер. уезда	Вытн. кн. 1559 [АИЕС: 161]
Михалко Сазонов	Дер. Михалково	Владения Корельского мон. в Двин. уезде	Сотн. 1587 [МИЕС-2: 239]
Мишка Васильев	Дер. Мышкино	Велетовский стан Устюжен. уезда	Писц. кн. 1628-30 [У-3: 338]
Морыга	Дер. Ново Морыгино	Владения Кириллова мон. в Белозер. уезде	Вытн. кн. 1559 [ВХК-1: 89]
Мосейко Лобанов	Дер. Мосеевская	Ярен. уезд	Сотн. 1585 [МИЕС-1: 458]
Мякотин Корепанко Офонасьев сын	Дер. Мякотина Горка	Шевденицкая вол. Кокшенгской чети Важ. уезда	Гр. 1622 [АХУ-2: стл.653]
Назаров Ломака	Поч. Назарово	В Чароме Белозер. уезда	Сотн. 1544 [МИЕС-2: 202]
Наквасин Харка Архипов сын, Наквасин Ефремка Иванов сын, Наквасин Антонка Архипов сын	Дер. Ярофеевская, Наквасино тож	Вол. Уфтюга Тотем. уезда	Писц. и межев. кн. 1622 [ТУПМ: л.376]

Насонов Молчанко	Дер. Насонова	Вол. Шемокса Устюж. уезда	Пищ. кн. 1623 [ВУ-2: 285]
Неклюдов Иван Осипов	Дер. Неклюдиха	Вол. Старая Тотьма Тотем. уезда	Тамож. кн. 1679 [ТКМГ 3: 95 об.]
Некраско Степанов	Поч. Некрасов	В Юрьеве Наволоке Устюж. уезда	Сотн. 1556 [ВУ-1: 372]
Нестеров Данилко	Дер. Нестеровская	Вол. Ордомский Погост Каргопол. уезда	Сотн. 1556 [СПСК: 124]
Нестеров Ларка	Дер. Нестеровская	Усол. уезд	Сотн. 1586 [СПСК: 186]
Никитин Ивашко	Дер. Никитинская, Парфеева тож	Вол. Пертнема Каргопол. уезда	Сотн. 1556, 1561 [СПСК: 102; МИЕС-2: 435]
Никита	Дер. Никитино	Владения Кириллова мон. в Белозер. уезде	Вытн. кн. 1559 [ВХК-2: 267]
Обакумов Никитка	Дер. Обакумовская	Село Надпорожское Каргопол. уезда	Сотн. 1561 [МИЕС-2: 303]
Обакумов Онтропко	Дер. Обакумовская	Вол. Куша Каргопол. уезда	Сотн. 1556 [СПСК: 132]
Обакша Тарасов (1589)	Дер. Матюковская, Обакшинская (1678)	Вол. Ильинская Вологод. уезда	Переписн. кн. 1589 [МИЕС-2: 107]; переписн. кн. 1678 [АИЕС: 321]
Обаня	Поч. Обанин	Уломский Конец Белозер. уезда	Сотн. 1544 [МИЕС-2: 187]
Овдейко Софонов	Поч. Овдеев	Белозер. уезд	Сотн. 1544 [МИЕС-2: 188]
Овдокимовы дети, Сенка да Доронка	Дер. Овдокимовская	Вол. Волосовская Каргопол. уезда	Сотн. 1561 [МИЕС-2: 323]
Огафонов Мишка	Поч. Огафоново	Усол. уезд	Сотн. 1586 [СПСК: 186]

Окулко Гридин да сые ево Ивашка	Поч. Окулов	На Сизьме Вологод. уезда	Сотн. 1544 [СПСК: 94]
Омельяно Сонин	Поч. Омельянов	Белозер. уезд	Сотн. 1544 [МИЕС-2: 203]
Омосов Иванко	Дер. Омосовская	Вол. Волосовская Каргопол. уезда	Сотн. 1561 [МИЕС-2: 320]
Онишина дети, Ромашка да Васко Тимошины	Дер. Онишинская	Вол. Устьволжская Каргопол. уезда	Сотн. 1561 [МИЕС-2: 316]
Онцифоров Якунка Семенов сын, Онцифоров Сенка	Дер. Онцифоровская	Вол. Чекоево (Чекуево) Каргопол. уезда	Сотн. 1556, 1561 [СПСК: 110; МИЕС-2: 469-470]
Опалихин Лева да сын ево Тимонька	Поч. Опалиха	Городской стан Вологод. уезда	Сотн. 1544 [СПСК: 88]
Осифко Оксенов	Поч. Осифково	В Чароме Белозер. уезда	Сотн. 1544 [МИЕС-2: 203]
Останко	Дер. Останинская	В Ситцкой Луке Емецкого стана Двин. уезда	Сотн. 1552 [ВАИ: 454]
Осташев Левка	Дер. Осташевская, Исаковская тож	Вол. Волосовская Каргопол. уезда	Сотн. 1561 [МИЕС-2: 323]
Острецов Якуш	Дер. Острецова Гора	Вол. У-Петра- Святого-Над- Порогом Каргопол. уезда	Сотн. 1556, 1561 [СПСК: 118; МИЕС-2: 454]
Офонасьев Ортемко	Дер. Офонасьевская	Ярен. уезд	Сотн. 1585 [МИЕС-1: 445]
Ощерин Матфейко, Сенка да Левка Матфиевы дети Ощерина	Дер. Ощеринская	Вол. Заостровская На-Великой- Стороне Каргопол. уезда	Сотн. 1556, 1561 [СПСК: 115; МИЕС-2: 464]
Павловых Леванитко Федоров	Дер. Павлово	Шарженгская вол. Устюж. уезда	Писц. кн. 1680 [ПКШВ: 27]

Панютин Наумко	Поч. Панютин	В Арбуе Белозер. уезда	Сотн. 1544 [МИЕС-2: 196]
Парняков Мишка Семенов	Дер. Парняков Починок	Устюж. уезд	Роспись 1671 [АРС: 70]
Парша	Дер. Паршино	Белозер. уезд	Д. у. конец XVI [ВХК-2: 267]
Паршук Алексеев	Поч. Паршуков (Ново Паршуково)	Село Рукина Слободка Белозер. уезда	Сотн. 1544, вытн. кн. 1559 [МИЕС-2: 190; ВХК-1: 38]
Патрекеев Фелелеико	Дер. Патрекеевская	Вол. Шуйка Каргопол. уезда	Сотн. 1556 [СПСК: 134]
Пескишев Незговор, Пескишев Ермолка	Дер. Пескишева Гора	Пежемский стан. Устьян. вол.	Приказн. дело 1639 [ЗСРС-2: 243]
Петров Юшко	Дер. Петровская	Вол. На-Прилуке Каргопол. уезда	Сотн. 1556 [СПСК: 104]
Печенкин Гаврилко Иванов, Печенкин Дениско Иванов	Дер. Селковская, Печенкино	Утмановская вол. Устюж. уезда	Выпись 1688 [ИЛВЗ: 179]
Пинегин Онашко Алимпеев сын	Дер. Русановская, а Пинигина тож	Вол. Соденьга Устьян. вол.	Пищ. и межев. кн. 1645 [УВПМ: л.85]
Пожилой Андреев	Поч. Пожилово	В Арбуе Белозер. уезда	Сотн. 1544 [МИЕС-2: 197]
Полутины Лева да Олеша	Дер. Полутинская	Село Надпорожское Каргопол. уезда	Сотн. 1561 [МИЕС-2: 303]
Попиралов Васка Парфенов сын, Попиралов Фомка Парфенов сын	Дер. Попиралово	Юромский стан на Мезени	Сотн. 1578 [МИЕС-2: 215]
Попко Нечаико Митин сын (проживал в соседней дер. Кузнецово)	Дер. Попково	Вол. Вогнема Белозер. уезда	Пищ. кн. 1585 [КСР: 107, 108]

Поршень Онтонко	Дер. Поршнеvская	Двин. уезд	Купч. гр. 1590 [АХУ-2: стл.308]
Пьянков Сенька	Дер. Слободка Пьянкова	Окологородная вол. Тотем. уезда	Сотн. 1622-25 [НА ВГИАХМЗ: л.38]
Пятко Микитин	Дер. Починок Пятков	В Чароме Белозер. уезда	Сотн. 1544 [МИЕС-2: 202]
Рагоза	Дер. Рагозино	Владения Кириллова мон. в Белозер. уезде	Вытн. кн. 1559 [ВХК-2: 264]
Родион	Дер. Родионово	Владения Кириллова мон. в Белозер. уезде	Вытн. кн. 1559 [ВХК-2: 266]
Родин Жук	Поч. Родино	В Чароме Белозер. уезда	Сотн. 1544 [МИЕС-2: 202]
Русанов Нечаико	Дер. Кузнецовская, Русановская	Пог. Ильинский Вологод. уезда	Переписн. кн. 1589 [МИЕС-2: 107]
Рыбин Григорей	Дер. Даниловская, Рыбинская	Шенкурская четъ Важ. уезда	Переписн. кн. 1678 [СД: 230]
Рышков Мелешка Иванов сын	Дер. Горка, а Рышковская тож	Вол. Чадерма, а Чадрома тож Устьян. вол.	Писц. и межев. кн. 1645 [УВПМ: л. 161, 161об]
Савины Куземка да Петрок	Дер. Савинская	Вол. Шелекса Каргопол. уезда	Сотн. 1556 [СПСК: 127]
Савка Васильев	Дер. Савкино, Онохово тож	Сухонский Нововышлый стан Устюж. уезда	Писц. кн. 1624 [СГНВО: 307]
Саунин Зуй	Поч. Саункин	В Чароме Белозер. уезда	Сотн. 1544 [МИЕС-2: 203]
Свинин Сенка Иванов	Дер. Парфентьевская, а Свининская тож	Черевковская вол. Устюж. уезда	Писц. кн. 1623 [ЩИЧВ: л.31]

Селиванов Селиванко, Селиванов Лучка, Селиванов Нестерко	Дер. Дуброва, а Селиванова тож	Вол. Пежма Устьян. вол.	Писц. и межев. кн. 1645 [УВПМ: л.456об]
Селька Костин	Поч. Селиванов	Белозер. уезд	Сотн. 1544 [МИЕС-2: 203]
Семенов Павлик	Дер. Семеновская	Ярен. уезд	Сотн. 1585 [МИЕС-1: 458]
Семенов Тимоха Болшово	Дер. Семеновская	Вол. По-Речке-Тамице Каргопол. уезда	Сотн. 1561, 1556 [МИЕС-2: 443; СПСК: 128]
Семенов Якушко	Дер. Бучневская, Семеновская	Пог. Иванова Слобода Вологод. уезда	Переписн. кн. 1589 [МИЕС-2: 131]
Сергеев Давыдко	Дер. Сергейков Починок	Вол. Вогнема Белозер. уезда	Писц. кн. 1585 [КСР: 109]
Сидор Рязанов	Дер. Сидоровская, Рязаново	Пог. Пустыня Ярен. уезда	Писц., переписн. кн. 1608, 1678 [АИЕС: 409]
Сидоров Иван	Дер. Пепелы Сидоровы	Владения Кириллова мон. в Белозер. уезде	Вытн. кн. 1559 [ВХК-1: 53]
Сидоров Титко да брат его Иван	Поч. Сидоров	Милобудово Белозер. уезда	Сотн. 1544 [МИЕС-2: 191]
Синицын Якунька, Синицын Семен, Синицын Ивашка, Синицын Оничка	Дер. Игнатцово, Синицыно тож	Вол. Царева Тотем. уезда	Писц. и межев. кн. 1622 [ТУПМ: л.510]
Сиротинин Якунко	Поч. Сироткин	Пог. Валга Вологод. уезда	Переписн. кн. 1589 [МИЕС-2: 161]
Соболь Ивашко	Дер. Слободское, Соболево	Вол. Варжа Устюж. уезда	Писц. кн. 1623 [СГНВО: 327]
Соня	Дер. Ново Сонино	Владения Кириллова мон. в Белозер. уезде	Вытн. кн. 1559 [ВХК-2: 267]

Софонко Патров	Дер. Софоновская	На Вир-озере Обонежской пятины	Писц. кн. 1563 [ПКОП: 90]
Софронова Евдокейка (вдова)	Дер. Софроново, Софроновская Пустошь	Шарженгская вол. Устюж. уезда	Писц. кн. 1680 [ПКШВ: 17]
Спирин Ондрюшка, Спирин Офонка, Спирин Федка	Дер. Чюприна Веретя, а Спирина тож	Чушевицкая вол. Устьян. вол.	Писц. и межев. кн. 1645 [УВПМ: л.562]
Спирка да брат ево Иванко Яковлев	Дер. Спиркинская	Село Надпорожское Каргопол. уезда	Сотн. 1561 [МИЕС-2: 310]
Степанов Васка	Дер. Степановская	Ярен. уезд	Сотн. 1585 [МИЕС-1: 454]
Степанов Некраска, Степанов Назарка	Дер. пуста Степучиха	Пог. Лещовский Вологод. уезда	Переписн. кн. 1589 [МИЕС-2: 83]
Степанов Иванко Лихач, Степанов Мосейко	Дер. Степановская	Вол. Шелекса Каргопол. уезда	Сотн. 1556 [СПСК: 127]
Степановы дети, Демка да Пуминко	Дер. Степановская	Вол. На-Кене -На-Реке Каргопол. уезда	Сотн. 1561 [МИЕС-2: 332]
Степанов Петрок	Дер. Степановская	Кодимская вол. Важ. уезда	Сотн. 1565 [МИЕС-1: 391]
Суздалец Ивашко, Суздалец Васька	Дер. Починок Подольный, Суздальцево тож	Устюж. уезд Вол. Шарженьга и Халезец и Березовец	Писц. кн. 1624 [СГНВО: 337]
Сурка Екимов	Дер. Сурково	Вол. Юг Вологод. уезда	Писц. кн. 1589 [СГНВО: 338]
Суханов Иван	Дер. Починок Суханово	Владения Кириллова мон. в Белозер. уезде	Вытн. кн. 1559 [ВХК-1: 54]
Тараско Игнатов	Поч. Тарасов	Белозер. уезд	Сотн. 1544 [МИЕС-2: 203]
Тарутка Якушев	Поч. Тарутин	В Чуровских Белозер. уезда	Сотн. 1544 [МИЕС-2: 201]

Гверитинов (жил в соседней дер. Оверкеевская)	Дер. Гверитиновская	Устюж. уезд Черевковская вол	Писц. кн. 1623 [ЩИЧВ: 8об, 15об]
Тепягины, Иванко, Марко Гришины дети	Дер. Тепягинская	Вол. Рагонима Каргопол. уезда	Сотн. 1561 [МИЕС-2: 425]
Терентиев Фектиско, Терешка Осипов	Дер. Терехово	Вологод. уезд	Переписн. кн. 1670 [ПКВМ: 132]
Трегуб Михал	Дер. Трегубово	В Сяме Вологод. уезда	Сотн. 1544 [СПСК: 91]
Труфанов Сенка да сын ево Ефимко	Дер. Труфановская	Вол. У-Петра- Святого-Над- Порогом Каргопол. уезда	Сотн. 1556, 1561 [СПСК: 118; МИЕС-2: 453]
Тупицын Никонко, Тупицын Савка, Тупицын Офонка	Дер. Шелюбинская, а Тупицына тож	Вол. Пежма Устьян. вол.	Писц. и межев. кн. 1645 [УВПМ: л.433об]
Усач Митя	Поч. Усачов	На Словенском Волочке Белозер. уезда	Сотн. 1544 [МИЕС-2: 192]
Федор Калика	Дер. Федорово	Владения Кириллова мон. в Белозер. уезде	Вытн. кн. 1559 [ВХК-2: 266]
Федотовы Лихач, Герасимко	Поч. Федотов	В Чароме Белозер. уезда	Сотн. 1544 [МИЕС-2: 202]
Федьков Некраско	Поч. Федьков	На Словенском Волочке Белозер. уезда	Сотн. 1544 [МИЕС-2: 192]
Федячка Петров	Поч. Федячкино	На Словенском Волочке Белозер. уезда	Сотн. 1544 [МИЕС-2: 192]
Филимон Ондреев	Поч. Филимонков	На Сизьме Вологод. уезда	Сотн. 1544 [СПСК: 93]
Филимонов Ондрейко	Поч. Филимоновский	Вол. Шелекса Каргопол. уезда	Сотн. 1556 [СПСК: 127]
Фомины Михаил да Демид	Дер. Фоминская, Хорышевская тож	Емецкий стан Двин. уезда	Сотн. 1593 [МИЕС-2: 229]

Фомины Петрушка да Обросимко	Дер. Фоминская	Ярен. уезд	Сотн. 1585 [МИЕС-1: 454]
Фомка Иванов	Поч. Фомкин	В Чароме Белозер. уезда	Сотн. 1544 [МИЕС-2: 203]
Харламко Сонин	Поч. Харламков	На Словенском Волочке Белозер. уезда	Сотн. 1544 [МИЕС-2: 192]
Хомяков Петрушка Максимов, Хомяков Якушко Яковлев, Хомяков Ивашко Иванов	Дер. Михеевская, Хомяковщина	Утмановская вол. Устюж. уезда	Выпись XVII [ДПС: 80]
Хомяков Калистатка Онфилофьев сын	Дер. Быченово, Колотовское и Хомяково тож	Вол. Уфтюга Тотем. уезда	Писц. и межев. кн. 1622 [ТУПМ: л.359]
Худяк	Дер. Худяково	Владения Кириллова мон. в Белозер. уезде	Вытн. кн. 1559 [ВХК-2: 267]
Худяков Васко, Якуш Григорев	Дер. Якушевская, Худякова	Вол. Куша Каргопол. уезда	Сотн. 1556 [СПСК: 132]
Царев Калинка Денисов сын	Дер. Царево	Кодимская вол. Важ. уезда	Сотн. 1565 [МИЕС-1: 393]
Чемодановы Макарик да Лучка	Дер. Чемодановская	Вол. У-Петра- Святого-Над- Порогом Каргопол. уезда	Сотн. 1556 [СПСК: 118]
Черепов Савка	Дер. Череповская	Павловская вол. Каргопол. уезда	Сотн. 1561 [МИЕС-2: 338]
Чесноковы Максимко Ермолин сын да племянник ево Митрофанко Клементьев	Дер. Чесноково	Вол. Чадерма, а Чадрома тож Устьян. вол.	Писц. и межев. кн. 1645 [УВПМ: л.126об]
Шалимов Пумин	Поч. Другой Шалимовский	Усол. уезд	Сотн. 1586 [СПСК: 186]
Шевыря	Поч. Шевырино	В Чароме Белозер. уезда	Сотн. 1544 [МИЕС-2: 202]

Шилев Левка	Дер. Шилевская	Ярен. уезд	Сотн. 1585 [МИЕС-1: 448]
Шипицын Осеико, брат ево Васюк, брат их Исвоик	Поч. Шипицын	На Сизьме Вологод. уезда	Сотн. 1544 [СПСК: 93]
Ширяев Петр, Ширяев Павел	Дер. Ширяева Гора	Устюж. уезд	Писц. кн. 1656 [СГНВО: 411]
Шкулев Еремеико	Дер. Толовково, Шкулево	Вол. Старая Тотьма Тотем. уезда	Переписн. кн. 1646 [ЗСРС-1: 210]
Щекин Тимоня	Дер. Щекино	Троицкий угол Вологод. уезда	Писц. кн. 1543 [СГНВО: 418]
Щепелин Костька Семенов	Дер. Левунино, а Щепелино тож	Устюж. уезд Вол. Шарженъга и Халезец и Березовец	Писц. кн. 1623- 26 [РНД: 42]
Щепин Федор	Дер. Щепинская	Черевковская вол. Сольвыч. уезда	Писц. кн. 1646 [АР: 585]
Яковлев Якуш	Дер. Яковлевская	Вол. Нименьга Каргопол. уезда	Сотн. 1556 [СПСК: 135]
Якуня	Дер. Якуни Ненькина	Владения Кириллова мон. в Белозер. уезде	Вытн. кн. 1559 [ВХК-1: 99]
Якуня Окунев	Дер. Якуни Окунева	Владения Кириллова мон. в Белозер. уезде	Вытн. кн. 1559 [ВХК-1: 47]
Якуш Рябина	Дер. Якуша Онанина	Вол. На-Усть- Пурнемы-Реки Каргоп. уезда	Сотн. 1556 [СПСК: 130]

ЛИТЕРАТУРА

- АИЕС** - Аграрная история Европейского Севера СССР. – Вологда, 1970:
 ~ *Водарский Я.Е.* Вологодский уезд в XVII в.: К истории сельских поселений. – С. 253-366.
 ~ *Воскобойникова Н.П.* К истории поселений Яренского уезда в конце XVI – начале XVIII веков (по материалам писцовых и переписных книг). – С. 367-448.
 ~ Платёжная книга Двинского уезда 1560 г. – *Публ. А.И. Копанева.* – С. 514-536.

- АО** - Архангельская область: населённые пункты. ~ Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.BankGorodov.ru>
- АР** - *Шумилов Н.А.* Архангельский родословец: Генеалогия наиболее известных дворянских, купеческих, мещанских и крестьянских родов Архангельской земли. – Архангельск: ОАО «ИПП Правда Севера», 2009.
- АРС** - *Смольников С.Н.* Антропонимия в разных типах деловой письменности Русского Севера XVI – XVII вв. – Вологда: Русь, 2005.
- АФЗХ-2** - Акты феодального землевладения и хозяйства. – Часть вторая. – М.: Изд. АН СССР, 1956.
- АХУ-1, 2, 3** - Русская историческая библиотека: Акты Холмогорской и Устюжской епархий. – Часть первая: 1500 – 1699 гг. (Том XII); Часть вторая (Том XIV); Книга третья: В приложении «Акты Лодомской церкви» (Том XXV). – СПб., 1890, 1894, 1908.
- ВАИ** - Вопросы аграрной истории. – Вологда, 1968:
~ Не ранее 1552-53 г. Сотная из писцовых книг Ивана Петровича Заболоцкого, выданная крестьянам Емецкого стана Двинского уезд. – Публ. *А.И. Копанева*. – С. 453-462.
- ВО** - Вологодская область: Административно-территориальное деление. – Вологда, 1974.
- ВРЛО** - Вопросы региональной лексикографии и ономастики. – Вологда: Русь, 1995:
~ *Смольников С.Н.* Антропонимы с формантом -ица в деловой письменности Верхнего Подвинья конца XVI – первой половины XVII в. – С. 104-110.
- ВТ** - *Кузнецов А.В.* Волость Тиксна: топонимы и фамилии. – Вологда: МДК, 2012.
- ВУ-1, 2** - Великий Устюг: Краеведческий альманах. – Вып. 1. 2. – Вологда: Русь, 1995, 2000:
~ 1556-1557 г. Сотная с устюжских писцовых книг Ю.И. Александрова Самсонова на вотчину архиепископа Ростовского в Устюжском уезде. – Публ. *Ю.С. Васильева*. – Вып. 1. – С. 366-378.
~ *Смольников С.Н.* Фамилии устюжан в памятниках местной деловой письменности XVII века. – Вып. 2. – С. 271-292.
- ВХК-1, 2** - Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Вытные книги, хлебные оброчники и переписная книга вотчин Кирилло-Белозерского монастыря 1559 – 1601 гг. – Сост. *А.Х. Горфункель, З.В. Дмитриева*. – [Вып. 1, 2]. – М.; Л., 1983.
- ВШЧ** - Переписная книга Шенкурской чети Важского уезда 7189 г. (СПб ИИ РАН: Колл. 115. – Ед. хр. 312). ~ Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www/ysharipov.ru/...russkiy-sever-prerepishnaya...yezda>.
- ГТ** - *Колесников П.А.* Город Тотьма в XVII веке. // Тотьма: Краеведческий

- альманах. – Вып. 3. – Вологда: Легия, 2001. – С. 181-277.
- ДПС** - Диалектное и просторечное слово в диахронии и синхронии. – Вологда, 1987.
- ЗП** - Земледельческое производство и сельскохозяйственный опыт на Европейском Севере: Дооктябрьский период. – Вологда, 1985:
- ~ Список населённых мест бывшего Кеврольского уезда за 1623 – 1976 гг. – Публ. *Н.П. Воскобойниковой*. – С. 107-136.
  - ~ Вотчинная дозорная книга (обежная) старца Капитона на владения Соловецкого монастыря в Турчасовском стане Каргопольского уезд [1600 г.] – Публ. *Ю.С. Васильева*. – С. 136-158.
- ЗСРС-1, 2** - *Богословский М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII веке. – Тома I, II. – М., 1909, 1912.
- ИКУФ** - *Мосин А.Г.* Исторические корни уральских фамилий. – Екатеринбург: Изд-во «Гошицкий», 2008.
- ИЛВЗ** - *Чайкина Ю.И.* История лексики Вологодской земли (Белозерье и Заволочье). – Вологда: Русь, 2005.
- КСР** - Крестьянство Севера России в XVI в. – Вологда, 1984:
- ~ Писцовая книга езовых дворцовых волостей Белозерского уезда 1585 г. – Публ. *В.С. Барашковой, З.В. Дмитриевой, Л.С. Прокофьевой*. – С. 32-129.
- МИЕС-1** - Материалы по истории Европейского Севера СССР: Северный археографический сборник. – Вып. 1. – Вологда, 1970:
- ~ 1585-1586 г. – Сотная с писцовых книг И.Г. Огарева и подьячего Ф. Юрьева на город Яренск с уездом. – Публ. *А.А. Зимина, А.И. Копанева*. – С. 444-463.
- МИЕС-2** - Материалы по истории Европейского Севера СССР: Северный археографический сборник. – Вып. 2: Северные писцовые книги, сотницы и платёжницы XVI в. – Вологда, 1972:
- ~ Переписная дозорная книга дворцовых земель Вологодского уезда 1589-1590 гг. – Публ. *Н.И. Федышина*. – С. 6-177.
  - ~ Сотная на дворцовое село Турунтаево Вологодского уезда письма и дозора Вериги Федоровича Сабурова и подьячего Филиппа Митрофанова 1588-1589. – Публ. *Ю.С. Васильева*. – С. 178-183.
  - ~ 1544 г. февраля. Сотная из писцовых книг Ф.Ф. Хидырщикова и Г.Л. Клементиева на земли Кирилло-Белозерского монастыря в Белозерском уезде. – Публ. *Л.С. Прокофьевой*. – С. 184-204.
  - ~ Платёжная книга Каргопольского уезда, составленная около 1560 г. по книгам письма Якова Сабурова и Ивана Кутузова 1555-1556 г. – Публ. *А. Камкина* и др. – С. 253-290.
  - ~ Сотные на волости Каргопольского уезда с книг письма Никиты Григорьевича Яхонтова 1561-1562 года. – Публ. *Ю.С. Васильева*. – С. 300-475.

- ММР** - Экономические примечания к Генеральному межеванию Тотемского уезда. // Материалы и методические рекомендации к практическим занятиям по специальным и вспомогательным историческим дисциплинам. – Вологда, 1973. – С. 9-124.
- НА ВГИАХМЗ** - Научный архив Вологодского государственного историко-архитектурного музея-заповедника:
- ~ № 4368. Сотные выписи с писцовых книг Тотемского уезда писцов Фоки Дурова и подьячего Астафия Коллюпанова 1622/23 – 25/26 гг.
- ПКВМ** - Переписные книги вологодских монастырей XVI – XVIII вв.: Исследование и тексты. – Вологда: Древности Севера, 2011.
- ПКОП** - Писцовые книги Обонежской пятины: Материалы по истории народов СССР. – Вып. 1. – Л., 1930.
- ПКШВ** - Источники истории города Вологды и Вологодской губернии. – II: Выпись из писцовых книг Шарженгской волости письма и меры Алексея Лодыженского да подьячего Алексея Ерофеева 1680-х годов. – Вологда, 1912.
- ПОВУ** - Писцовое описание Вологодского уезда 1630 года. // Материалы для истории делопроизводства поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII веке, собранные *В.Н. Сторожевым*. – Вып. второй. // Записки Российской Академии наук по историко-филологическому отделению. – Том IX, № 2. – Петроград, 1918.
- РНД** - *Баданин Д.Д.* Родословие никольской деревни. – Кичменгский Городок, 2012.
- ~ Писцовые книги волостей Устюжского уезда 1623 – 1626 годов. – С. 34-61.
  - ~ Переписная книга 1658 года Устюга Великого. – С. 62-78.
  - ~ Писцовая книга 1676 – 1683 годов Устюжского уезда Поморского края. – С. 79-127.
  - ~ Писцовые книги волостей Устюжского уезда 1676 – 1683 годов. Волость Шарженьга и Березовец. – С. 128-151.
  - ~ Писцовая книга волость Никольская Слобода 1676 – 1683 гг. – С. 152-188.
- СГКЭ-1** - Сборник грамот коллегии экономии. – Том первый: Грамоты Двинского уезд. – Петербург, 1922.
- СГНВО** - *Чайкина Ю.И.* Словарь географических названий Вологодской области: Населённые пункты. – Вологда, 1993.
- СД** - *Колесников П.А.* Северная деревня в XV – первой половине XIX века. – Вологда, 1976.
- СПСК** - Социально-правовое положение северного крестьянства: Досоветский период. – Вологда, 1981:
- ~ 1544 г. Сотная с писцовых книг Т.А. Карамышева на земли Кирилло-Белозерского монастыря в Вологодском уезде. – Публ. *Л.С.*

- Прокофьевой.* – С. 87-94.
- ~ 1556 г. Сотная на Турчасовский стан Каргопольского уезда с книг письма Я.И. Сабурова и И. Кутузова. – Публ. *Ю.С. Васильева.* – С. 95-136.
- ~ 1586 г. Сотная с писцовых книг А.И. Вельяминова и дьяка И. Григорьева на земли Коряжемского монастыря в Усольском уезд. – Публ. *З.В. Дмитриевой.* – С. 178-191.
- СР** - *Колесников П.А.* Северная Русь: Архивные источники по истории крестьянства и сельского хозяйства XVII в. – Вологда, 1971:
- ~ Сельские селения в 1623 г. и земельные угодья волостей Тотемского уезда в 1623 и в 1678 гг. – С. 15-71.
- ~ Устюжский уезд: Списки селений и поволостные итоги Сухонской трети по описанию 1623 – 1626 гг. – С. 72-78.
- ~ Кокшеньская четь Важского уезда [*выборка названий деревень с писцовой книги 1685 г.*] – С. 79-88.
- ТКМГ-3** - Таможенные книги Московского государства XVII века. – Под ред. *А.И. Яковлева.* – В 3 томах. – М.; Л.: Изд. АН СССР, 1950 – 1951.
- ТО** - *Кузнецов А.В.* Тотемский ономастикон: Фамилии тотьмичей. Названия деревень. «Советские ойконимы». Русские гидронимы. – Вологда: Русь, 2007.
- ТСП** - *Григоров Д.А.* Тотемские соляные промыслы. // Тотма: Краеведческий альманах. – Вып. 2. – Вологда: Русь, 1997. – С. 84-131.
- ТУПМ** - 131-133 (1622-1625) гг. – Писцовая и межевая книга гор. Тотьмы с посадом и уездом письма и межевания московского дворянина Фоки Ратманова Дурова и подьячего Евстафия Коллюпанова. // РГАДА: Ф. 1209. – Кн. 480, 486. – Л. 1-1094.
- У-1, 2, 3, 4** - Устюжна: Историко-литературный; Краеведческий альманах. – Вып. 1, 2, 3, 4. – Вологда: Русь; Легия, 1992, 1993, 1995, 2000:
- ~ Писцовая книга станом и волостей Устюжны Железопольской 1628-30 годов. – Публ. *И.В. Пугача.* – Вып. 1. – С. 82-105; Вып. 2. – С. 153-172; Вып. 3. – С. 294-345; Вып. 4. – С. 163-238.
- УВПМ** - 154 (1645-46) гг. – Писцовая и межевая книга земель Устьянских волостей письма и межевания писцов стольника Ивана Иевлевича Загряжского и подьячего Семена Тимофеева. // РГАДА: Ф. 1209. – Кн. 510. – Л. 1-584.
- УФВ** - 131-134 (1623-1626) гг. – Писцовая книга гор. Устюга Великого и Устюжского у. письма и меры писцов Никиты Васильевича Вышеславцева и подьячего Аггея Федорова: Волость Уфтуга. // РГАДА: Ф. 1209. – Оп. 1. – Кн. 506. – Л. 567-596.
- ШСС** - *Шумаков С.А.* Сольвычегодские сотницы 7094 г. – М., 1905.

ЩИЧВ - *Щипин В.И.* История Черевковской волости. – Красноборск, 2008:

~ Фрагмент писцовой книги города Устюга Великого и Устюжского уезда письма и меры писцов Никиты Васильевича Вышеславцева и подьячего Аггея Федорова 1623 – 1626 гг. [Черевковская волость, волость Сидорова Едома] ~ Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.rummuseum.ru/portal/node/2841>

СОКРАЩЕНИЯ

б.п. – без пагинации

вол. – волость, волостка

вытн. кн. – вытная книга

гр. – грамота

дер. – деревня

дозор. кн. – дозорная книга

д.у. – дата (год или век) упоминания онима в памятнике письменности

купч. гр. – купчая грамота

межев. кн. – межевая книга

мон. – монастырь

писц. кн. – писцовая книга

переписн. кн. – переписная книга

пог. – погост

пос. – посад

поч. – починок

сотн. – сотная

стл. – столбец

тамож. кн. – таможенная книга

Уезды:

Белозер. – Белозерский

Важ. – Важский

Вологод. – Вологодский

Двин. – Двинской

Каргопол. – Каргопольский

Кеврол. – Кеврольский

Сольвыч. – Сольвычегодский ~ Усольский

Тотем. – Тотемский уезд

Усол. – Усольский ~ Сольвычегодский

Устюж. – Устюжский

Устюжен. – Устюженский

Ярен. – Яренский

Alexander V. Kuznetsov
(Vologda region, Russia)

NAMES OF PEASANTS IN THE DENOMINATIONS OF RUSSIAN NORTH'S VILLAGES

This article includes analysis of different cases of using names (nicknames, patronymics) farmers in the basics of the Russian North village names. The sources involve scribe, patrol, census books, and other written records XV – XVII centuries. Finally, the author suggests classification of oikonyms depending on the different types of peasant names.

Key words: *oikonyms origin, classification, assembly sources, polioykonyms.*

Статья поступила в редакцию 16.03.2016 г.

ИСТОРИЯ ЯЗЫКА. ОНИМООБРАЗОВАНИЕ

А.А. Исакова (Сыктывкар, Россия)

ТРАНСОНИМИЗАЦИЯ КОМИ МИФОНИМОВ (на материалах региональных русскоязычных газет Республики Коми)

Реферат. Национальная политика Республики Коми как национального субъекта России проявляется в возрождении и сохранении коми национальной культуры, которая, в первую очередь, представлена в мифологии. Одним из способов реактивизации мифа является наделение современных объектов мифологическими именами, или трансонимизация. Тенденция трансонимизации мифонимов нашла отражение в газетном поле Республики Коми.

Ключевые слова: трансонимизация, мифонимы, когнитивный признак, коми национальная культура, газеты.

Процесс пополнения ономастического лексикона русского языка, как и любого другого пласта русскоязычной лексики, может происходить за счёт заимствований из других языков, а также за счёт собственного потенциала. К последнему подвиду можно отнести такое явление, как трансонимизация, иными словами, «переход онима одного разряда в другой» [Подольская 1978: 152].

Несмотря на кажущуюся прозрачность определения, среди исследователей существуют разногласия по поводу того, что относить к понятию трансонимизации. Все сходятся во мнении, что новое имя собственное в рамках трансонимизации может появиться с помощью лексико-семантического переноса (*река Волга – автомобиль Волга*). Этот подвид Е.С. Отин называет абсолютной, безаффиксной трансонимизацией [Отин 2003: 60]. Некоторые исследователи ограничивают трансонимизацию этим процессом, считая, что прочие преобразования онимов относятся к другим феноменам, на- пример, к понятию трансформации [Гарбовская 2006: 11]. Второй тип трансонимизации Е.С. Отин называет смешанной, то

есть, трансонимизацией, которая происходит с участием аффиксов (*Иван – Иванов*). Ряд исследователей расширяет объём понятия «смешанная трансонимизация» (грамматическая трансонимизация / трансонимизация, осложнённая деривацией), добавляя в его состав такой способ словообразования, как сложение основ, добавление определительного слова или образование сложных номинативных единиц, один из компонентов которых – оним [Подольская 1978: 153, Долганова 2006: 25, Яковенко: URL] (*Нева – Невский проспект, Борис и Глеб – Борисоглебск, Алёшка – Алёшкин двор*).

Существует также противоположная точка зрения, суть которой заключается в том, что трансонимизация представляет собой феномен, при котором несколько имён принадлежат одному референту (*Свердловск=Екатеринбург*) [Васильева 2005]. Явление трансонимизации также может рассматриваться в терминах омонимии, синонимии, полисемии, антонимии [Суперанская 1973].

Мы будем рассматривать в качестве трансонимизации такие процессы, происходящие с собственными именами, как лексико-семантический перенос, аффиксация, присоединение определительного слова и образование сложных номинативных единиц, одним из компонентов которых является оним.

Отметим, что данное явление принадлежит к языковым универсалиям, и присуще разным языкам и пластам лексики [Яковенко: URL]. Вследствие того, что Республика Коми является национальным субъектом в составе Российской Федерации, то необходимым образом в русскоязычной лексике региона присутствуют коми компоненты. На сегодняшний день национальная политика является одним из важных направлений деятельности Правительства Республики Коми, в частности, об этом говорят периодически реализуемые региональные программы национальной политики [Постановление Правительства РК от 19.12.2013 №514: URL], поэтому возрождение, сохранение и популяризация коми культуры и языка оказывается в приоритете. На наш взгляд, подобной современной тенденции отвечает явление трансонимизации коми мифонимов, которое выявлено нами в процессе анализа русскоязычных газет Республики Коми (2009 – I квартал 2015 гг.).

К мифонимам мы относим мифологические, вымышленные имена собственные в мифах, эпосах, сказках, былинах [Подольская 1978: 124-125]. Трансонимизации подвергнутся мифоантропонимы (*Зарань, Корт Айка, Йиркап, Юрка, Гулень, Кудым Ош, Пера-богатырь, Мизя, Райда, Туган, Ме-лейка, Патрак, Стефан Пермский, Паляйка, Ульяна*), мифоперсонимы (*Яг Морт, Сюдбей*), мифодримонимы

(*Парма*), мифоэтнонимы (*чудь*), теонимы (*Зарни Ань, Войпель, Ен*), мифохоронимы (*Биармия*).

Отметим, что при трансонимизации перенос имени происходит за счёт метафорической или метонимической близости референтов [Ларина 2012, Чуб: URL], другими словами, основанием для переноса является некий ключевой когнитивный признак референта, получающий реализацию в новом денотате.

Первый выявленный нами признак, оказывающийся основанием для трансонимизации, имеет реализацию в идеонимах и хрематонимах, то есть, в наименованиях объектов духовной и материальной культуры. Как правило, основанием для номинации нового объекта именем из мифологии является непосредственное художественное отображение первоначального онима, то есть когнитивным классификационным признаком (ККП) является 'субъект, получивший отражение в искусстве'. С помощью трансонимизации с таким основанием появляются наименования предметов народного искусства, авторских поделок, литературных произведений, которые изображают того или иного персонажа, тот или иной объект коми мифа, раскрывают содержание связанной с ним легенды (теоним *Зарни Ань* – сувенир «*Зарни Ань*»; мифоантропоним *Кöрт Айка* – поэма, книга переводов «*Кöрт Айка*»; мифоантропоним *Пера* – сувенир «*Перышка*»; мифоперсоним *Яг Морт* – названия литературного произведения, предания и балета «*Яг Морт*»; мифохороним *Биармия* – поэма «*Би-армия*» и зрелищный номер «*Огни Биармии*»; мифоперсоним *Сюдбей* – спектакль «*Ожерелье Сюдбей*»; мифоантропоним *Патрак* – сувенир «*Патрак*», мифоэтноним *чудь* – керамическое изделие «*Чудь Пермская*», мифоантропоним *Кудым-Ош* – театральные зарисовки «*Свадьба Кудым-Оша*» и «*Легенда о Кудым-Оше*», мифодримоним *Парма* – спектакль «*Парма лов*»). Никаких дополнительных сходств между двумя референтами не наблюдается.

Второе основание для переноса мифологического имени на другой объект не имеет привязки к конкретному мифониму или легенде. Во второй группе признаков, по которым происходит перенос, мифологическое имя используется для наименования объекта, ассоциирующегося с коми традиционной культурой, то есть, имя употребляется вторично для того, чтобы подчеркнуть связь нового денотата с коми фольклором, традициями, историей, обрядами и т.п. или подчеркнуть географическую принадлежность Коми Республике (мифоантропоним *Зарань* – название детского сада, использующего в образовательной программе национальный компонент «*Зарань*» и фольклорный ансамбль «*Зарань*»; теоним *Зарни Ань* – парусное судно «*Зарни Ань*»; мифодримоним *Парма* – фольклорно-этнографический ансамбль «*Парма*», компания связи «*Парма-информ*», вокальная

группа «*Пармаса зоньяс*», районная газета «*Парма гор*», московское национально-культурное объединение «*Парма*», этнодеревня «*Парма*», дом культуры «*Парма*», кинотеатр «*Парма-2*»; мифоантропоним *Пера* – вариант названия этнопарка «*Пера богатырь*», ООО «*Пера*» по выпуску национальных сувениров; мифоперсоним *Яг Морт* – вариант названия этнопарка «*Поляна Яг Морта*»; теоним *Войпель* – варианты названия этнопарка «*Войпельленд*» и «*Войпельму*»; мифохороним *Биармия* – центр биосферного воспитания «*Биармия*», вариант названия этнопарка «*Бьярмланд*»; теоним *Ен* – вариант названия этнопарка «*Ёнландия*»; мифоантропоним *Райда* – ансамбль «*Райда*»). В указанных примерах находит отражение ККП ‘пространство коми традиционной культуры’.

Третья группа новых онимов, образованных от мифонимов, как правило, обозначает место, в котором произошли ключевые моменты из жизни того или иного героя легенды, то есть, происходит метонимический перенос «действующий герой → место действия», следовательно, реализуется ККП ‘место, связанное с мифонимом’. В большинстве случаев в данную совокупность входят топонимы, образованные от мифоантропонимов (мифоантропоним *Йиркан* – фитоним *Йирканув*; мифоантропоним *Юрка* – лимноним *Юрматы*; мифоантропоним *Гулень* – микротопоним *Гулень*; мифоантропоним *Кудым-Ош* – ойконим *Кудымкар*, мифоантропоним *Мелейка* – ойконим *Мелентьево*, мифоантропоним *Ульяна* – ойконим *Ульяново*, экклезионим *Ульяновский Троице-Стефановский монастырь*; мифоантропоним *Паляйка* – ойконим *Айкино*, мифодримоним *Парма* – ойконим *Парма*; мифоантропоним *Пера* – ойконим *Пермь*). В рамках данной подгруппы стоит отдельно выделить перифразу «земля *Стефана Пермского*», обозначающую село Усть-Вымь и его окрестности, где святитель Стефан Пермский активно вёл свою миссионерскую деятельность, а также перифразу «родина *Кört Айки*», то есть село Корткерос, где, по легенде, проживал кузнец Кört Айка. Также следует отметить мифоэтноним *чудь*, давший название экскурсионному туру «*Удорская чудь*»: считается, что в Удорском районе Республики Коми проживал сказочный народ *чудь*, который не захотел принимать христианство и ушёл под землю.

При трансонимизации следующей подгруппы новообразованных онимов не удалось выявить общий ККП, так как при их создании учитывался, по всей видимости, конкретный, дифференциальный когнитивный признак (ДКП) первоначального имени. Вследствие того, что метонимический перенос ДКП с одного референта на другой оказывается более или менее очевиден, следует рассмотреть каждый случай в отдельности.

К примеру, эргоним «*Зарань*» (название центра народных ремёсел) образован от имени прародительницы народа коми-зырян – *Зарани* – , то есть оба референта имеют ДКП ‘творить’, ‘создавать’.

В честь мифологического кузнеца *Кёрт Айки* названы фестиваль кузнечного дела «*Кёрт Айка*» и образовательный проект, направленный на обучение работе по металлу «*Кёрт Айка*», которые отображают ДКП ‘лучший кузнец’.

Легенда о чудовище *Яг Морте* и похищенной им красавице *Райде* дала наименования нескольким эргонимам, хремотонимам и идеонимам: коллекция этнической одежды под названием «*Яг Морт*» имеет, наряду с ДКП ‘чудовище’, ДКП ‘лохмотья’; конкурс красоты «*Райда*» и парикмахерская «*Мича Райда*» переняли от мифоантропонима *Райда* ДКП ‘красота’ (в коми лексиконе «*Райда*» является синонимом к лексеме «красавица», более того, в случае с эргонимом «*Мича Райда*» происходит явление плеоназма, поскольку когнитивный признак ‘красота’ усилен определением «*мича*» (пер. с коми «красивая, миловидная, привлекательная»)); имя литературного героя *Тугана*, который спасает *Райду* из логова чудовища, соответственно, обладает достаточной силой сразиться с великаном, имеет те же ДКП, что и идеоним «*Туган*» как творческий конкурс для юношей, а именно ‘сила’, ‘ловкость’.

Любопытным представляется трансонимизация мифоантропонима *Мизя*, который трансформируется в групповой антропоним *Мизевы*. По легенде, *Мизя* был братом *Перы-богатыря* и *Антипы*, однако, есть предположение, что семья, состоящая из трёх легендарных братьев, действительно существовала, и от *Мизи* пошёл род Мизевых. Предположим, что оба антропонима имеют ДКП ‘имя реально существующего лица’.

Наиболее многочисленными являются результаты трансонимизации мифоантропонима (или, возможно, мифоагионима) *Стефан Пермский*. Данный оним транслирует такие ДКП, как ‘христианский святой’ (экклезионимы *Щугорская Стефановская церковь*, *Ульяновский Троице-Стефановский монастырь*, *Свято-Стефановский кафедральный собор*, идеоним *Стефановский крестный ход*) и ‘значимая историческая личность’ (агороним *Стефановская площадь*).

Несколько более сложными, или опосредованными, являются новые онимы, которые прошли процесс трансонимизации, перенимая ДКП следующих мифонимов. К примеру, в диаде «мифоантропоним *Йиркан* и зимние игрища «*Йиркан*» происходит перенос ДКП, характеризующего занятия персонажа. *Йиркан* славился как самый быстроходный лыжник, поэтому можно предположить, что его сверхспособность была актуальна лишь для зимы, и именно ДКП

‘зима’, ‘лыжи’ стали ключевыми для выбора названия зимних игр для молодёжи. Хрематоним лыжа *Йиркана*, номинирующий музейный экспонат, также использует в качестве ДКП ‘лыжи’.

В случае с теонимом *Ен* и гидронимом *Емва* (*Енва*) для полного понимания процесса трансонимизации необходимы знания не только о языческих божествах коми народа, но и об их трансформации с приходом православия. *Еном* у коми называлось верховное божество, один из создателей всего живого на Земле, однако, со времён принятия христианства оно стало отождествляться с именем христианского Бога. В публикации газеты «Республика» указывается, что, несмотря на официальный перевод с коми языка гидронима *Емва* как «*игольная река*», то есть, чистая река, на дне которой можно разглядеть иглу, существует другой вариант – «*божественная река*», который раскрывает мысль о том, что именно с берегов этой реки христианство начало распространяться на Коми земле. Следовательно, гидроним *Емва/Енва*, на наш взгляд, ассоциативно содержит в себе ДКП ‘Бог’, ‘христианство’.

Также нами был найден единичный случай трансонимизации посредством паронимии. Так, наименование выставки кошек «*Зарни Кань*» («*Золотая Кошка*»), очевидно, берёт начало от теонима *Зарни Ань* («*Золотая баба*»). Однако данные онимы ничего, кроме созвучия, не связывает.

Итак, мы выяснили, что коми мифонимы активно включаются в процессы трансонимизации, при этом перенос наименования на новый денотат происходит за счёт актуализации одного из когнитивных признаков исходного имени. Так, нами выделены группы классификационных когнитивных признаков: ‘субъект, получивший отражение в искусстве’, ‘пространство коми традиционной культуры’, ‘место, связанное с мифонимом’, а также индивидуальные дифференциальные когнитивные признаки того или иного мифонима, отражающие ключевые признаки и свойства того или иного героя мифа или мифологического объекта. Чаще всего в процесс трансонимизации включаются мифоантропонимы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева Н.В. Собственное имя в мире текста. – М.: Акад. гуманитар. исслед., 2005.
2. Гарбовская Н.Б. Онимные и отонимные новообразования в современных масс-медийных текстах: Автореф. дисс. ... к. филол. н. – Майкоп, 2006.
3. Долганова А.Ю. Процессы трансонимизации в эргонимии (на материале названий магазинов Ижевска) // Вестник Удмуртского

- университета. Филологические науки. – 2006. №5(2). – С. 25–30.
4. Ларина Т.И. Трансонимизация имен собственных в публицистике // Язык. Общество. Проблемы межкультурной коммуникации: материал Междунар. науч. конф. (Гродно, 20-21 марта 2012 г.). В 2 ч. Ч. 1. / гл. ред. Л.М. Середя. – Гродно: ГрГУ, 2012. – С. 356–361.
  5. Отин Е.С. Коннотативные онимы и их производные в историко-этимологическом словаре русского языка // Вопросы языкознания. – 2003. – №2. – С. 55–72.
  6. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Изд-во «Наука», 1978.
  7. Постановление Правительства РК от 19.12.2013 № 514 «Об утверждении региональной программы Республики Коми по укреплению единства российской нации и этнокультурному развитию народов России «Республика Коми – территория межнационального мира и согласия (2014-2020 годы)» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://minnats.rkomi.ru/left/doc/normrk/> (дата обращения: 20.06.2015).
  8. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М.: Изд-во «Наука», 1973.
  9. Чуб Т.В. Трансонимизация как явление языка и средство поэтики онимов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dspace.nbuv.gov.ua> (дата обращения: 6.10.2015).
  10. Яковенко М.В. Трансонимизация как ономастическая универсалия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dspace.nbuv.gov.ua> (дата обращения: 6.10.2015).

Alexandra A. Isakova

Syktyvkar State University named after
Pitirim Sorokin, Syktyvkar, Russia

THE TRANSONYMIZATION OF KOMI MYTHONYMS (on the materials of local Russian press of the Komi Republic)

National politics in the Komi Republic as the national region of the Russia is expressed in reviving and saving komi national culture, which has place in mythology. The process of giving modern objects mythological names, called transonymization, is the way to reactivate a myth. The tendency of transonymization of mythonyms has place in press of the Komi Republic.

Key words: *transonymization, mythonyms, cognitive feature, komi national culture, press.*

Статья поступила в редакцию 21.02.2016 г.

О.В. Подолина (Донецк)

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ: К ВОПРОСУ О СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ТЕРМИНОВ-ЭПОНИМОВ

Реферат. Статья посвящена изучению эпонимической номинации в медицинской терминологии русского языка. Автор раскрывает понятие эпонимизации, дает описание структурно-семантической организации терминологических словосочетаний с именем собственным в их составе, а также исследует вопрос о функциях терминологических элементов в структуре медицинских терминологических словосочетаний-эпонимов.

Ключевые слова: эпоним, эпонимический термин, медицинская терминология, структурно-семантическая классификация, терминологические элементы, терминологическое словосочетание, терминосистема.

Одной из особенностей медицинской терминологической лексики является широкое использование наименований, образованных от имен собственных (выдающихся учёных, изобретателей, исторических личностей, писателей, врачей и т. д.). Собственное имя, как основной предмет исследования в лингвистической ономастике, рассматривается преимущественно как языковое явление в аспекте его лингвистического и исторического развития. Интерес современной лингвистики к терминологии, а также к терминам, компонентами которых являются имена собственные, способствовал образованию смежной филологической дисциплины, находящейся на стыке терминоведения и ономастики – терминологической ономастики, предметом исследования которой являются «происхождение, структура и функции имён собственных, включённых в профессиональную коммуникацию» [2:12].

Термины-эпонимы представляют собой достаточно обширный и автономный пласт терминологической лексики во всех подсистемах

медицинской терминологии. Данные языковые единицы служат для обозначения разнообразных понятий: болезней, их симптомов и синдромов, анатомических объектов, научных теорий и клинических классификаций, методов исследования, обследования и лечения, медицинского оборудования и т.д. Неупорядоченность таких номинаций является серьезным препятствием при обмене научной информацией, обучении языку специальности иностранных студентов, создает затруднения при адекватном научном переводе медицинской литературы. Как справедливо замечают современные лингвисты, изучение описываемой группы терминов на фоне сходных по структуре, по способам образования, по функциональным характеристикам апеллятивных терминологических наименований позволяет оценить имена собственные как потенциальный источник формирования номинативно значимых терминов, специфические черты которых не снижают их возможности фиксировать, хранить и передавать научно-техническую информацию [7]. А описание структурно-семантической специфики эпонимов способствует выявлению закономерностей использования этих терминов в общении и их систематизации.

Терминоведы обращают внимание на следующий факт: «В более старых терминологических системах часто используются термины, состоящие из одного слова. В более молодых системах преобладают двусловные и многословные термины» [6:120]. Учитывая тот факт, что современная медицинская терминосистема является развивающейся системой с открытыми границами, эпонимические термины в данном случае являются преимущественно многословными, в ряде аспектов они значительно удобнее однословных, так как позволяют на этапе формирования системы с большей степенью наглядности показать отношения между отдельными понятиями. Здесь функционируют как классические эпонимы, вошедшие в употребление в XVI–XIX веках, активно использующиеся и в настоящее время, так и новые термины, которые отражают этапы развития медицины, приоритет того или иного учёного или страны в открытии новых фактов, но не отражают отдельных признаков объектов номинации. Подвижностью терминологии объясняется не только появление неологизмов, но и такие процессы, как появление многозначных эпонимов (*диффузный токсический зоб в США и Британии известен как болезнь Грейвса, в Италии – болезнь Флаяни, в Ирландии – болезнь Пари, а в континентальной Европе и странах бывшего СССР – как болезнь фон Базедова (Базедова болезнь)*), синонимичных (*куперова связка и верхняя лобковая связка, слуховая труба и евстахиева труба*), вытеснение устаревших терминов (*пляска святого Витта – хорей*), добавление одного или двух имен к уже существующему эпонимическому термину (*синдром Шарко – Матри*

– Гуса – Гофмана; болезнь Клиппеля – Трено-не – Вебера – Рубашева, синдром Роя – Марото – Кремпа – Куртрекуза – Аладжила и др.).

По морфологической принадлежности главного компонента (имени существительного) анализируемые словосочетания относятся к субстантивным. Они выражают атрибутивные отношения (*Фаллопиева труба, мышца Жаржавея, Бартолиновы железы, Сальвиев водопровод, гипсовая повязка по Пирогову*). В качестве зависимых компонентов словосочетания содержат имена прилагательные и существительные и именуются соответственно субстантивно-адъективными и субстантивно-субстантивными. Можно выделить такие группы терминов-эпонимов на основе морфологического признака:

1) субстантивно-адъективные беспредложные (*Фаллопиева труба, Фатеров сосочек, шиффские клетки, мейсснеровское сплетение, везалиева кость, виллизиев нерв*);

2) субстантивно-субстантивные беспредложные (*симптом Абади, болезнь Прейзера, синдром Рота-Бернхарда*);

3) субстантивно-субстантивные с предлогом (*ампутация по Пирогову, проба по Зимницкому, кардиоластика по Петровскому*). Здесь терминологическое словосочетание-эпоним с предлогом *по* указывает на авторство термина или проведение исследования по методу конкретного ученого и часто бывает синонимично генитивной модели.

По своей структуре составные наименования эпонимического типа не отличаются от именных терминологических словосочетаний в беспредложном и предложном варианте. Как всякое другое словосочетание, обладающее «собственной моделью бинарной структурно-замкнутой единицей, образующейся в результате семантического и грамматического объединения не менее чем двух полнозначных слов» [9:39], медицинские термины-эпонимы бинарны. Специфика исследуемых номинативных единиц связана с тем, что в качестве двух полнозначных слов, образующих бинарную структуру, могут выступать в них: а) два имени существительных (*мышца Жаржавея, ядро Бехтерева, нерв Белла, артерия Арнольда, железа Альбаррана, узел Киса, пучок Гуса, тре- ножник Галлера*); б) притяжательные прилагательные при помощи словообразовательных аффиксов -ов, -ев с существительным (*Аранциев проток, Эдипов комплекс, Фаулеров раствор, везалиева кость, виллизиев нерв*) в) прилагательные, производные от имен собственных, с существительным (*ашоффские клетки, мейсснеровское сплетение, гипнотический сон, розеола сифилитическая*).

Однаковсвязистем, чтокаждое существительное, конституирующее бинарную структуру, может иметь при себе определения, в данном

случае несогласующиеся (*способ обработки костей Ромодановского, Анохина биологическая теория эмоций*), объем именного ТС может расширяться. Различные комбинации расширяющих бинарную структуру словосочетаний факультативных компонентов позволяет провести классификацию типов ТС по объему и выделить два класса описываемых языковых единиц:

1) простые бинарные ТС, состоящие их двух компонентов конструктивного минимума: *Альбрехта кость, Дарвина ухо, тренажник Галлера, Виллизиев круг, Боталлов проток, узелки Бианчи*;

2) сложные ТС, конституирующие компоненты которых распространены согласованными и несогласованными определениями: *варикозное расширение вен Претта-Пиуллакса-Видаля-Баракки; Ашоффа желчный пузырь; Айзенка личностный опросник, Анохина биологическая теория эмоций, Пирогова скульптурный метод, костная пластика Грейвса-Бруна, катарактальный нож Грефе* и т.д.

Семантический анализ описываемых эпонимов показывает, что данные единицы состоят из родовой (интегральной) семы и видовых (дифференциальных) сем. Родовая сема присутствует в семантической структуре всех эпонимических названий (*Вик-д'Азира кость, Келликера кость, Гете кость, Грубера кость*). Наричательная лексика выполняет здесь роль так называемых опорных слов-терминов. Их можно объединить по сфере распространения для каждой подсистемы медицинской отрасли в отдельные группы. Например, в клинической терминологии – это болезнь, симптом, синдром, перелом, вывих, реакция, операция, метод, способ, пятно, рефлекс и др.; в анатомической – канал, труба, проток, пазуха и др., в фармацевтической – мазь, таблетка, капли, раствор, жидкость, сбор и др. Одни могут иметь конкретно-научный характер (*болезнь Базедова-Грейвса-Перри, болезнь Боткина, болезнь Верльгофа, Волковича симптом, синдром Сали, синдром Вильсона и др.*), другие являются общенаучными (*метод Буяльского, метод Вейгерта, способ Амосова; способ Максимова; фиксация Гелли, классификация Дюка, теория Миллера и др.*)

Дифференциальным, видовым семантическим признаком для данных ТС является «лицо» имени и его характеристики. Имена собственные в таких эпонимических названиях выполняют, прежде всего, номинативную функцию – называют определенные предметы, нарицательные-семасиологическую – они не только называют, но и выражают понятие о предмете [8:49]. Основную смысловую нагрузку, таким образом, несет общее название, но имя собственное дополняет медицинский термин-эпоним определенной биографической информацией.

Специфика таких словосочетаний заключается в том, что в них по-разному представлена роль имени собственного. В наиболее продуктивной группе субстантивно-субстантивных составных наименованиях оно предстает в своем изначальном виде (*узел Киса, пучок Гиса*). У таких словосочетаний в качестве стержневого, определяющего компонента выступают существительные, по происхождению общелитературные, а имя собственное выступает в идентифицирующей функции. Обладая индивидуализирующей функцией, имя собственное придает неповторимость каждой терминологической единице, что приводит к многообразности профессиональной языковой картины мира [1:8].

В данной группе эпонимов отсутствует предметно-логическая мотивация. Входящее в их состав имя собственное – это особый разряд слов, языковое назначение которых состоит в выделении объекта из ряда ему подобных. Основной характеристикой имени собственного, используемого в его прямой, непереносной функции, является отсутствие причинно-следственной связи с номинируемым единичным объектом. Но в дальнейшем имена собственные, включенные в состав термина, подвергаются аппелятивации. В результате происходит «отрыв» имени от его носителя и «прикрепление» его к научному терминопонятию. Термин, возникший на базе имени собственного, теряет связь с единичным объектом, обретая тесную связь с понятием, и соотносится с классом однотипных объектов (*кость Гете, Альцгеймера болезнь, синдром Дауна, палочка Коха, зажим Кохера, корсет Гоффы, щипцы Гоффманна и др.*). В субстантивно-адъективных словосочетаниях имя собственное выступает в качестве основы производных терминов: прилагательных (*камперовская линия, гайморова пазуха, ахиллово сухожилие, рентгеновская трубка, адамово яблоко, кишечная клебсиелла*) и реже существительных (*аппаратный рентген, регрессивный гипноз*). Иногда оба термина, входящие в словосочетание, содержат в своей основе имена собственные (*нейссерия Моракселла, эриксоновский гипноз*). В немногочисленной группе субстантивно-адъективных словосочетаний имя собственное, становясь термином, переходит в разряд имен нарицательных и утрачивает свое онимическое написание, приобретая качества имени нарицательного. В основе образования таких терминов лежит полный или частичный перенос фамильного имени на предметы и явления материальной действительности, имеющие непосредственную связь с носителем данного имени.

Эпонимические термины-словосочетания различаются не только по своей структуре, но и по степени смысловой разложимости компонентов, а также по длине, т.е. по числу входящих в них слов.

По степени семантической спаянности компонентов термины-эпонимы целесообразно разделить на свободные и несвободные. К группе неразложимых (несвободных) составных наименований можно отнести те, которые перешли в разряд терминов-фразеологизмов (*адамово яблоко, евстахиева труба, жемчужины Эльшинга, ожерелье Венеры, пляска святого Витта, Аммонов рог и др.*). Данная группа эпонимических терминов, представленная незначительным количеством образований, отражает внешние признаки именуемых реалий и является причиной появления синонимических наименований в пределах терминосистемы.

Некоторые исследователи объясняют происхождение таких эпонимических единиц тем, что «в ходе длительного и сложного формирования медицинской терминологии происходила перегруппировка семантических слагаемых внутренней формы, и вторичная номинация в большинстве случаев строилась с учетом классификационных, родовых признаков изучаемых объектов и явлений, и поэтому эпонимический термин, как правило, вытеснялся» [5:43] Однако среди таких словосочетаний выделяется и такая группа номинаций, которая прочно вошла в систему медицинской терминологии и продолжает активно использоваться в современной медицинской терминологии, очевидно, в силу их краткости и привычности (например, *зажим Кохера, корсет Гоффы, щипцы Гоффмана и др.*). К группе неразложимых также относится особая группа эпонимов, в составе которых определитель представляет собой полилексемное слово, включающее от двух до пяти фамилий врачей (*болезнь Клиппера-Тренони-Вебера-Рубашева; варикозное расширение вен Претта-Пиуллакса-Видаля-Баракки; синдром Аллана-Касворта-Дента-Вильсона; синдром Мак-Кюна-Бруха-Олбрайта-Брайцева; синдром Хенда-Шюллера-Кристиана-Леттерера-Зиве; синдром Якобсона-Ласка-Бехтерева-Кемпнера и др.*).

Терминологические словосочетания-эпонимы, относящиеся к группе разложимых и составляющие основной массив словосочетаний эпонимического типа в медицинской терминосистеме, можно охарактеризовать как свободные, так как каждый из входящих в них компонентов вступает или потенциально может вступать в двустороннюю связь. Свободная сочетаемость компонентов составных наименований объясняется двумя причинами.

Во-первых, одно и то же собственное имя часто входит в несколько словосочетаний в пределах данной терминологии: *Арнольда волокна, Арнольда мышца, Арнольда пучок, Арнольда поясок, Арнольда нерв, Арнольда поле, Арнольда связка, Арнольда ушной нерв и т.д.*

Во-вторых, списки опорных слов-терминов для каждой из отраслей знания включают семантически определенное и количественно ограниченное число слов, поэтому каждое из этих слов встречается, как правило, более чем в одном словосочетании: *синдром Аперта-Галле, синдром Вернике, синдром Дауна, Унтерхарншейдта синкопальный вертебральный синдром и т.д.*

Кроме того, как показали наблюдения, субстантивно-субстантивные номинации, содержащие в себе имя собственное с предлогом или без, имеют тенденцию к расширению своей структуры: *Мечникова теория воспаления, Анохина биологическая теория эмоций, атаксия наследственная мозжечковая Пьера Мари, костно-пластическая операция по Пирогову, нейрокожный синдром типа Бурневилля, методика пластики трехстворчатого клапана по Д. Вега-Амосову, связка нижняя наружной лодыжки Вейтбрехта и т.д.* Многокомпонентные термины-описания (более трех компонентов) – это в большинстве своем узкоспециальные наименования. Особенностью их номинативной функции является то, что они обозначают предмет или явление, включая его в разного рода отношения или закрепляя за ним определенные качества и свойства. Бинарные субстантивно-субстантивные словосочетания в таких многосоставных терминах имеют значимость самостоятельного термина, употребление их в терминологических конструкциях сужает объем понятия до данного конкретного процесса, явления в данной конкретной ситуации.

Итак, эпонимические словосочетания содержат, с одной стороны, имена собственные или прилагательные, образованные от них; с другой стороны, в их состав входит апеллятивная лексика (неэпонимические прилагательные и существительные). Имя собственное занимает специфическое место в составе терминологических словосочетаний-эпонимов: выполняет в процессе коммуникации роль индивидуализирующего словесного знака, его значению присуща объективность, оно общепонятно и соотносится в сознании говорящего и слушающего с одним и тем же предметом действительности.

Медицинские термины-эпонимы имеют характерную структуру и характеризуются стилистической нейтральностью. Значение имени собственного, как и значение имени нарицательного, имеет двухуровневый характер, связанный как с возможностью выявления различных семантических компонентов в значении онима, так и с определенным лексическим фоном, который играет важную роль в формировании концептуального содержания онима. Эпонимические термины-словосочетания, образуя многокомпонентные термины, примыкают к бинарным терминологическим словосочетаниям, которые

образованы посредством вторичной номинации (заимствование, специализация значения, метонимизация, метафоризация).

ЛИТЕРАТУРА

1. Авербух К.Я. Лексические и фразеологические аспекты перевода: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям направления «Лингвистика и межкультурная коммуникация» / К.Я. Авербух, О.М. Карпова. – М.: Академия, 2009. – 172 с.

2. Вахрамеева В.В. Эпонимные термины в английских подъязыках науки и техники : автореф. дис. канд. филол. наук : спец. 10.02.04 / В.В. Вахрамеева. – Омск, 2003. – 16 с.

3. Горбач И.Н. Медико-терминологический словарь / Горбач И.Н. – Минск: Харвест, 2004. – 176 с.

4. Горбач И.Н., Гурленя А.М. Эпонимический словарь в невропатологии / Под ред. Н.С. Мисюка. – Минск: Вышэйшая школа, 1983. – 207 с.

5. Гринкевич Е.И. «К вопросу об использовании специфического вида мотивации в сфере медицинских терминов (на примере терминов-эпонимов) / Е.И. Гринкевич, А.А. Шарапа // Сб. научных статей Белорусского гос. мед. Университета. – Минск: Белорусский гос.мед. университет, 2013. – С. 43–53.

6. Диброва К.Ю., Ступин Л.П. Онтологические и гносеологические аспекты научной терминологии // Сб. научных трудов «Словообразовательная номинация в терминосистемах и норме»; Сб. научных трудов/ АН СССР, Дальневосточное отделение; Ред- кол.; Б.И.Бартков (отв.ред.) и др. – Владивосток, 1987. – С. 188–196.

7. Новинская Н.В. Эпонимические названия в составе современной русской терминологии: автореф. дис. канд. филол. наук : спец. 10.02.04 / Н.В. Новинская. – М., 1989. – 20 с.

8. Реформатский А.А. Введение в языковедение / Под ред. В.В. Виноградова. – М.: Аспект Пресс, 1998.

9. Филичева Н.И. О словосочетаниях в современном немецком языке. – М., Высш.школа, 1969. – 209 с.

Oksana V. Podolina
Donetsk Police Academy

PROPER NAMES IN THE MEDICAL TERMINOLOGY: TO THE QUESTIONS OF THE STRUCTURAL-SEMANTIC CLASSIFICATION OF THE EPONYMS

The article is devoted to the study of eponymic nomination in the medical terminology of the Russian languages. The author discloses the

notion of eponimization, gives the classification of medical terms-eponyms and dwells on the problem of the status of eponymic lexemes in the medical terminology.

Key words: *eponym, eponymic term, medical terminology, structural-semantic classification, terminological elements, terminological combination words, terminological system.*

Статья поступила в редакцию 19.07.2015 г.

С.А. Реммер (Донецк)

П.А. ФЛОРЕНСКИЙ О СУЩНОСТИ ИМЕН

***Реферат.** Статья посвящена анализу философских взглядов П.А. Флоренского на сущность и бытование имени как особого информационно-энергетического комплекса.*

***Ключевые слова:** имя, сущность, функционирование.*

Творчество Павла Александровича Флоренского (1882–1937 гг.) – выдающегося ученого, мыслителя, философа, религиозного деятеля, – считается одним из самых замечательных в русской философии XX века. Широкий спектр научных и духовных интересов ученого ярко отражает его главное убеждение «в цельности и единстве, источной связи и гармонии бытия».

Глубокий универсализм, разносторонняя одаренность, острота восприятия явлений мира, характерные для П.А. Флоренского – ученого и философа, – позволяют ему глубоко проникать в суть не только научных проблем, но и самых различных сфер философии, природы языка, теории искусства и многих других, связанных с идеей восприятия и освоения внутреннего единства, глобального синтеза. Именно так: тщательно исследуя все философские, психологические, мистические моменты, связанные с бытованием имени как особого информационно-энергетического комплекса, духовной сущности, во многом дающей личности «дорогу в жизнь», формирующей единый «именной тип личности» – подходит П.А. Флоренский к изучению имен личных (ИЛ) в своем фундаментальном труде «Имена». Значение этой работы в деле изучения функционирования ИЛ, особенностей их бытования, взаимопроникновения, взаимообогащения имени и личности, психологического, энергетического и даже мистического влияния, которое ИЛ оказывает на судьбу человека, трудно переоценить.

(Взгляды и позиции автора будем отмечать *, приводимые же автором данной статьи иллюстрации к ним в виде фактов исследований современных ономастов – **. Выделения в тексте, сделанные П.А. Флоренским, будем сопровождать пометкой **выдел. авт.**)

* П.А. Флоренский указывает на особую значимость роли имен в процессе их функционирования в социуме. Он подводит нас к началу этого функционирования – к моменту именованья родителями ребенка, точнее, к *выбору* имен. Выбор имени, по мнению автора, характеризуется словом «небезразличие»: «Небезразличие к именам большинства [...] людей, хотя и по причинам, сознаваемым смутно и прикрывающимся внешним соображениями о благозвучии или поверхностными ассоциациями о социальном неприличии... – это *небезразличие* есть тоже свидетельство какой-то *полуосознанной интуиции*» [9, 35].

Движущую силу подобного *небезразличия* П.А. Флоренский видит в предпочтении людьми определенного имени обычно выдающегося человека, правителя, руководителя, таланта и т.п., который вызывает в окружающих подражание. Поскольку последние «не могут изменить своего имени, то стараются **насадить** (выдел. авт.) имя такого лица в своей семье, в своем роде. Так в известное время заметно возрастает процентное содержание некоторого имени» [9, 36-37]. Ученый ссылается на Я.И. Булгакова, который считал имя императрицы – Катерина – наиболее предпочтительным для женских имен конца XVIII – начала XIX века, поскольку «все за счастье почитали давать ее имя своим дочерям, так как теперь все дают сыновьям имя Александра» [там же, 36].

**Современные исследователи ИЛ отмечают, что часто популярности того или иного имени способствовали выдающиеся писатели и поэты. Так, сближение письменного литературного языка с народной культурой привело к появлению в поэзии народных (неканонических) имен: «В стихах Г.Р. Державина, наряду с «Белокурой Парашей»,... появилась Милена – так поэт стал называть свою жену Дарью. Жуковский и Пушкин поэтически напомнили об имени Людмила. Возрожденное Жуковским имя Светлана сразу же понравилось его современникам: А. Пушкин упоминает его в «Евгении Онегине», К. Брюллов пишет картину «Светлана», В. Даль называет Светланой, вопреки церковным строгостям, свою дочь» [11, 44].

Решающим фактором для выбора имени становится мода. В качестве примеров можно привести ветхозаветные библейские ИЛ, бывшие популярными в конце XVII в.: Рут Ruth (Руфь), Рейчел Rachel (Рахиль), Джудит Judith (Юдифь), Ребекка Rebecca (Ревекка) и другие [1, 252]. Начиная с конца XIX в., на Западе дают имена знаменитостей – спортсменов, артистов, кинозвезд. К примеру, моде на имя Шерли /Shirly/, заимствованного из романа Ш. Бронте «Шерли» (1849), способствовала также известная американская киноактриса Шерли Темпл, начавшая сниматься в пятилетнем возрасте. «После выхода на экран фильма «Живаго» популярным в Америке стало имя Лара. Моде на имена в Англии способствует Королевский дом. Имена всех его обитателей

охотно повторяются в разных кругах общества» [1, 253]. Здесь нельзя не упомянуть и бурное, стихийное имятворчество периода Октября и первых пятилеток: мужские ИЛ Авангард, Бунтарь, Герой, Днепрогэс, женские – Искра, Победа, Свобода, Пятилетка и др., популярные в то время имена-композиата: Догнат-Переогнат, Гертруда («героиня труда»), Рабинт («рабочая интеллигенция»), Икки («исполком Коминтерна»), Ролен («рожден ленинцем») [11, 45]. «Небезразличие» именующих, лежащее, по мнению П.А. Флоренского, в основе выбора ИЛ, носило в последнем случае социально-политическую окраску. Таким образом, распространяясь в обществе, ИЛ несет в себе «комплекс известных представлений и эмоций».

* П.А. Флоренский считает каждое ИЛ некоей субстанцией, сгустком энергии и информации, «огромным и глубоким явлением первостепенной важности», неотъемлемым от жизни общества: «Убеждение в силе и существенности имен есть непрекращающееся явление, и, как постоянное в жизни общества, оно не может не считаться важным фактором общественной жизни: оно пронизывает ее» [9, 37]. По мнению автора, социальная значимость ИЛ определяется тем, что они служат определенными «точками приложения известных верований и убеждений народов: может быть, имена и ничто, но их признают народы за **нечто**, и в силу этого признания имена ведут себя в жизни общества как некие фокусы социальной энергии...» [там же, 40].

Важными в восприятии ИЛ как некоего эмоционально-энергетического комплекса являются представления П.А. Флоренского о роли имен в истории. Он подчеркивает, что в истории с некоторыми именами связан «определенный вид общественных отношений и **характер вытекающих отсюда событий** (выдел. авт.)». Подобная типология имен, с точки зрения ученого, может быть выведена «из привычек мысли и чувства, прочно **осевших на некоторое имя вследствие исторических очень ярких совпадений**, и из образовавшейся затем понятной склонности пользоваться таким именем как *лозунгом соответственного смысла*» [9, 45-46]. Автор считает, что здесь имеет место некое «психологическое» воздействие имени на исторические события:

«Веками направлявшиеся на него мысли и чувства имели в нем точку приложения и в конечном счете усвоили имени энергию *возбуждать и направлять общественные события и умонастроения в определенную сторону*» [там же, 46]. Подобно желудю, дающему жизнь огромному дубу, имя, каким бы ничтожным оно ни казалось, стало глазом бури в истории, во-первых, «утверждением силовой реальности и потенциальной [...] структуры самого имени», во-вторых, благодаря тому, что «обнаруживает элементы, заведомо не подлежащие [...] толкованию и

загадочные с точки зрения индивидуальной сознательности: есть что-то, неразложимый психологический остаток, свидетельствующий о силе имен» [9, 47].

Одним из таких «исторических» имен П.А. Флоренский считает ИЛ Яков, с которым, по мнению автора, с древнейших времен (от праотца Иакова) и до наших дней связаны в больших и малых масштабах некие исторические «вихри», потрясения, столкновения, заговоры и коварства. Автор убежден, что в историческом масштабе смысловое содержание этого имени предстает своеобразным психо-энергетическим и силовым комплексом, который есть «не бессильно сплетаемая интрига, не просто личный расчет и не черное предательство из корысти и злобы, а скорее *планомерное разворачивание некоторого исторического дела, уловленный ритм истории, собранный в один фокус и попирающий все, сто- ящее на пути*» [там же, 47]. Свои выводы ученый иллюстрирует примерами деятельности Ордена Тамплиеров, тайно подготавливавшего ниспровержение христианства, а вместе с ним и «величайшую социальную революцию» в XIV в., и его великого магистра Якова Моле, сожженного на костре в 1314 г.; разрушительным и опустошительным характером французской Жакерии, просветительской деятельностью «признанного вдохновителя» и «пророка» французской революции Жан-Жака Руссо. П.А. Флоренский пишет: «*Якобинизм* имел уже имя раньше того, чем главы заговора выбрали старую церковь монахов-якобистов местом для своих собраний. Их имя происходит от имени Якова – имени рокового для всех революций» [9, 48-49]. В подтверждение сказанного остается только вспомнить одного из признанных вождей революции Октябрьской – Якова Свердлова.

* Подобной энергетикой, проявившейся в истории с отрицательной стороны, обладает, по мнению ученого, ИЛ Варфоломей. Автор указывает, что сама этимология имени (евр. Бар-толмай «сын дерзновения») говорит о бунтарском и дерзком характере энергии, скрытой в имени. В положительном смысле, направленная на благие дела, она «указывает на дерзновенный духовный порыв». Однако, отмечает П.А. Флоренский, это есть высший план имени: «А на плане среднем и низшем это имя означает уже не дерзновение, а *дерзость*, может быть, *наглость*, опрокидывание каких бы то ни было преград...» [9, 50]. Если же носитель такого имени «не может вознести свое дерзновение до высоты Апостола Варфоломея [...], свои энергии направляет в сторону противоположную. Тогда это бывает не просто злобою, а коварною злобою, предательством, интригою, [...] действием злым по существу, злом ради зла или мишурным добром во имя *подлинного зла*» [там же, 50].

П.А. Флоренский пытается показать, как злобная энергетика данного имени «выплеснулась» в истории мрачными событиями, выраженными хрононимом Варфоломеевская ночь («массовая резня гугенотов католиками в Париже в ночь накануне Св. Варфоломея (на 24 августа 1572 г.)» [8, 62]. По мнению ученого, события «окрасили эту ночь таким сгущено-черным цветом предательства и вероломства, какого, кажется, не подберешь еще в летописях истории», ибо в основе их лежало «действие из-за угла, вероломное нарушение клятв [...], тщательно обдуманное и планомерно организованное [...] Тут было предательство не гугенотов только, а и собственных святынь, собственных королевских и дворцовых слов и священных обещаний» [9, 51-52].

Ученый отмечает, что в истории вряд ли можно найти еще подобное соотношение столь мрачных, зловещих событий с днем памяти святого или апостола: «Между тем в данном случае историческое сознание выразительно подчеркивает какое-то **Варфоломеевство** самого события и не случайное хронологическое совпадение с этим именем [...] Чувствуется, что в названии «Варфоломеевская ночь» предательское избиение сопоставлено не с памятью апостола, а с именем Варфоломея» [9, 52].

П.А. Флоренский пытается дать оценку внутреннему содержанию психо-энергетического комплекса этого ИЛ также путем анализа его экстралингвальных составляющих. Так, автор подчеркивает, что с днем апостола Варфоломея (в православной Церкви празднуется 25 августа ст.ст.) в народном месяцеслове *не связывается никаких примет*. У католиков и протестантов память апостола приурочивается к 24 августа и «ознаменована многочисленными календарными приметами». Их общий смысл сводится к *перелому* к осени: началу озимого сева, открытию охотничьего сезона, уборки урожая, появлению первых заморозков. К этому дню на Западе собираются в отлет птицы, «прекращаются грозы, от которых после Варфоломеева дня бывает вред», уменьшаются удои коров [...] Таким образом, даже в странах с теплым климатом в этот «переломный» день осень вступает в свои права, чувствуется приближение зимы: «с памятью Варфоломея происходит **надлом космической жизни**, зимняя спячка и, – по общечеловеческим воззрениям, – *смерть природы*: имя Варфоломея как-то связано с представлением *о смерти, разлитой в мире*» [9, 54]. У французов, замечает П.А. Флоренский, с этим днем традиционно связаны сроки платежей и денежных расчетов. Это означает некое *завершение* общественного годового круга: «Во всех областях сводятся концы с концами и *ликвидируется прошлое*» [там же, 54]. Отмеченные автором факты, замечания и наблюдения приводят его к окончательному вердикту

мистической «предрасположенности» исследуемого ИЛ: «Не это ли знаменование дня неоднократно вело в истории к *попытке посчитаться за прошлое и уничтожить* запутанные исторические отношения народов, партий, вероучений, а может быть, и наиболее давней из тях, Бога и дьявола, именно в память апостола Варфоломея?» [9, 54].

Ядром внутреннего содержания такого энерго-информационного комплекса как ИМЯ П.А. Флоренский считает его иррациональность («самый пристальный дневной взгляд не рассеивает имени») и субъективность. С ним автор связывает все проявление внутренней жизни («твердая точка нашей текучести»), в нем видит «объективный устой» и неизменное содержание нашего Я. Здесь взгляды П.А. Флоренского, по выражению самого автора, отражают позиции «феноменологической психологии и крайнего трансцендентализма»: «Первое и, значит, наиболее существенное самопроявление Я есть *имя*. В имени и именем Я ставит впервые себя объективно перед самим собою, а следовательно – этою своей тончайшей платою делается доступным окружающим,» – подчеркивает ученый. – «До имени человек не есть еще человек [...], не есть член общества, а лишь *возможность* (выдел. авт.) человека» [там же, 54-55].

В своей работе П.А. Флоренский приводит наглядное подтверждение своему тезису: «Общественно не существует тот, у кого нет имени» – оригинальный случай привлечения трибуналом во время Великой французской революции некоего гражданина с фамилией де Сен-Сир. Поскольку в революционное время нет более дворянства, его фамилия превращается в Сен-Сир, а так как революция отрицает существование святых – в просто Сир. Все королевские привилегии и титулы отменяются и привлеченный к трибуналу оказывается гражданином без фамилии, а значит не подлежит действию закона. Трибунал действительно вынужден был признать подсудимого невиновным, вынеся следующий приговор: «Гражданину Абстракции предлагается на будущее время избрать себе республиканское имя, если он не желает навлечь на себя дальнейших подозрений» [9, 57]. Итак, без имени обществу «нет средств включить в себя и соотносить с собою своих членов» [там же, 57].

** В качестве иллюстрации выводов П.А. Флоренского уместно вспомнить, как «неуютно» чувствует себя современное общество, испытывая нехватку имен. Так, в Швеции до недавнего времени было всего лишь 3(!) фамилии (Андерсон, Юхансон, Карлсон), которые до сих пор носит каждый 8-й житель страны, а в Исландии с 1925 г. их вообще нет [6].

Окончательная утеря имени, подчеркивает П.А. Флоренский, – общественно всегда означала *гражданскую и историческую смерть*,

окончательное исчезновение с горизонта истории; напротив, вхождение в историю, закрепление в ней своего места, своей реальности всегда обозначалось как создание себе имени.

Одним из основополагающих свойств имен П.А. Флоренский считает то, что «имена выражают *типы* бытия личностного», личное начало, и представляют собой тончайшую (и поэтому наиболее адекватную) «плоть» самой личности:

«Духовное существо личности само по себе невыразимо. Оно усваивает себе предлежащий ей материал из среды, в которой живет, – мистический, оккультный, социальный, психический, физический – и, взяв его, претворяет в свое тело, сквозит в нем, лучится сквозь него, его формирует. Но *выразить* мы можем не ее, а то, что она оформила» [9, 64]. То есть, ИМЯ. Это тот предел, который, по мнению ученого, составляет особое, самое тонкое из внутренних наслоений, «именное тело». Последнее обобщенно изображает личность, выявляя ее **индивидуальный тип**. «В имени, – подчеркивает П.А. Флоренский, – наиболее четко познается духовноестроение личности, не затуманенное вторичными проявлениями и свободное от шлаков биографии и пыли истории» [там же, 64]. По мнению ученого, в имени человека скрыты не только его творческие, духовные возможности, но в концентрированном («законсервированном») виде содержатся черты строго определенного характера, ведущего этого человека по определенным дорогам предначертанной именем судьбы.

** Важно отметить, что подобные взгляды разделяли некоторые современники автора. Это видно из фрагмента книги С. Минулова «Странное» (1915 г.), приводимого современным исследователем В.А. Щаницыным: «Имя не только как бы предрекает человеку завидное или теневое положение в жизни, оно заранее до некоторой степени очеркивает и его характер [...] Что такое влияние существует, сомневаться не приходится. Почему существует – на этот вопрос ответа ни- когда не будет» [11, 30].

Безуспешно пытаясь открыть тайну имени, человечество в своей многовековой практике лишь подтверждает ее наличие и тщательно оберегает. В качестве примеров можно привести факты наличия двух имен – великого и малого – у древних египтян, причем первое хранилось в глубокой тайне, а второе считали обиходным. Брахманы в Индии давали своим детям два имени: одно знали только отец и мать, а второе – все окружающие. Двойные имена имели нивхи, якуты, киргизы, арабы, калмыки, русские, белорусы, украинцы и другие народы. Имя оказывается неким «концентратом» жизненных сил человека, символом его духа и судьбы. С магией имени у многих народов связывалась практика лечения человека, вмешательства в его жизнь и судьбу. Так,

малайский обряд уничтожения врага предполагал произнесение имени человека при растапливании его восковой фигурки, а в Дагестане этнографы XIX века столкнулись с обычаем лечить больного путем выспрашивания у него имен людей, якобы наставших на него болезнь с записью этих имен и последующим сжиганием этих записей. Туземцы о. Сулавеси верят, что, написав имя человека, можно унести вместе с именем и его душу [6]. Произнесение имени у некоторых народов могло даже повлиять на поведение его обладателя. Представители имен банту (Южная Африка) могли исправить молодого вора, выкрикивая его имя над горшком с кипящей целебной водой. «Горшок закрывали крышкой, и имя вора вынуждено было вариться в этой воде несколько дней. И не обязательно, чтобы сам вор об этом знал. Моральное исправление совершится незаметно для него самого» [там же, 61].

О тщательно оберегаемой тайне имени говорит и сложная система табу на произнесение имен. Из этнографических записей русских исследователей XIX века узнаем о фактах запрета произносить имя жены (у абхазцев) или чужие имена (особенно девушек) в первый день Нового года (у грузин). У одних народов существовали – и существуют – табу на имена ближайших родственников, у других – на имена жены и мужа, у третьих – на старших по возрасту. У зулусов, к примеру, женщины избегали называть по имени и мужа, и всю его родню «из уважения» [6]. Один из героев повести известной американской писательницы-фантаста У. Ле Гуин размышляет: «В имени кроется глубочайшая тайна [...] Если мы произносим имя человека, то приводим в действие великое множество незримых сил, соединяющих его с духовным, невидимым миром и Самим Творцом [...] Тот, кто знает имя человека, тот владеет и его жизнью» [4, 189].

Вся история человечества, отраженная в древних литературных памятниках (Веды, Танах, Библия) наглядно подтверждает, насколько важным и значительным оказывается называние именем и борьба за его обладание. Так, уже в библейской книге Бытия повествуется о том, что именно первый человек на Земле Адам *называет* первых животных и птиц, которых к нему приводит Господь Бог, «чтобы видеть, как назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей. И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым...» [2, Быт.: 2, 19-20].

Стоит также вспомнить имя одного из первых земных праведников, сына Адама – Сиф, которое само по себе означает «имя» (т.е. «знающий имя Господа», «тот, кто ходит под Богом»), а также страстную борьбу за ИМЯ, которую вел один из праотцев еврейского народа Иаков с незнакомцем, за внешностью которого скрывался сам Всевышний: «Иаков [...] так страстно желал обрести духовную силу и боролся за имя

с тем, особенным человеком, что напал на него [...], и в сердце Иакова снова вошло что-то от той жестокой радости, которую он тогда ощущал, выпытывая у него *имя* кряхтящим шепотом [...]. А потом незнакомец умудрился не открыть своего имени, но зато нарек имя Иакову: «Отныне *имя* тебе будет Израиль» [7, 93-94]. Сказанное еще раз подтверждает мысль П.А. Флоренского об имени как *пределе* внутренних психоэнергетических наслоений «тела» человеческой личности. Пределом, «без которого личность уже не мыслима».

* Ученый убежден, что имя как структура цельно и неделимо. Оно не может быть определено с помощью деления, дробления его на части, выявления и описания его отдельных признаков, черт: «Имя постигается только через себя самого» [9, 65]. Будучи аналитически разобранным, оно утрачивает свою суть и оказывается неким нагромождением «психологических» черт, которые могут быть свойственны носителю данного имени, а могут оказаться случайными. «Не отдельные черты сами по себе характерны, – подчеркивает П.А. Флоренский, – а *известные сложные соотношения их*» [там же, 65]. По мнению ученого, подобные конкретные универсалии составляют суть научного анализа явлений природы и общества, вообще, и никакими определениями не устанавливаются. Так, сущность и предназначение имени как такового составляют «психологические типы личности», отображаемые этим именем. Поэтому «имена и должны быть рассматриваемы как некие инварианты личности», ибо их предназначение – «выражать и словесно закреплять **типы духовной организации**». И постижение последних, по мнению П.А. Флоренского, может осуществляться лишь с помощью *словесного искусства*, художественного образа, ибо «художественное изображение типов в слове есть словесный сгусток интуиции» [9, 67-69].

«Произведения из произведений культуры», имена обладают высочайшей ценностью для человечества. И этим они обязаны своей «высочайшей цельности».

Итак, по мнению П.А. Флоренского, имя оказывается неким психоэнергетическим носителем «типа духовной организации личности» – информации, словесно выражаемой и интуитивно постигаемой с помощью художественного образа. **Познавать, словесно выражать**, конкретные духовные формы призваны науки о культуре. Никакие отвлеченные категории и понятия не в состоянии выразить этого познания форм. Поэтому, подчеркивает ученый, «в языке необходимо должен наличествовать и *особый разряд слов, обслуживающий эту сторону познания* [...] Таковыми самосознание человечества признавало и признает **имена**» [9, 70]. Язык является орудием нашего собственного познания, а имена служат его острием, способствуя

познанию личностных форм. В этом П.А. Флоренский видит особую познавательную ценность имен.

В своем исследовании ученый обращает внимание на *немногочисленность* ИЛ, оказавшихся исторически жизнеспособными и выдержавших испытание временем. По мнению автора, практически ничтожное количество ИЛ заимствуется народами друг у друга. Но даже переходя «из рук в руки», будучи переведенными и подвергаясь различным переработкам, ИЛ сохраняют некий «инвариант их формообразующего личностного начала», «общую семему». К примеру, такой инвариант – «Божий Дар» – сохранило имя, у разных народов и в разные исторические эпохи имевшее различную звуковую оболочку – Matthoia – Матфей – Феодор – Theodor – Деодат – Богдан [9, 72]. Подобных имен-инвариантов, «устойчивых и четких типов личностной жизни», у человечества оказывается очень немного, несколько сотен (если включать подтипы). Оно бережет эти «архетипы духовного строения» как драгоценнейшее создание культуры, ведь корпус существующих ИЛ представляет собой «наиболее устойчивый факт культуры и важнейший из ее устоев» [9, 73].

Очень узким оказывается и круг письменных первоисточников ИЛ («имен не придумашь»). П.А. Флоренский называет их: Книга Мертвых, Веды, Зенд-Авеста, Библия и Коран. Собственно «устойчивых имен», по мнению автора, немного, они «заимствуются и перезаимствуются народами друг у друга», приспособлявая ИЛ к новым социо-культурным и языковым условиям. Однако нельзя считать имена исключительно еврейскими, греческими, латинскими или русскими: «есть только имена общечеловеческие, общее достояние человечества, которые являются весьма различных аспектах» [9, 81]. Ученый глубоко убежден: если мы говорим о существовании культуры, объединяющей человеческий род, то с неизбежностью должны признать и существование «типов духовного строения», освоение которых определяет «познавательную значимость имен» [9, 73-74].

** Что касается активного участия в процессе познания собственных имен, вообще, ИЛ в частности, то гениальная прозорливость ученого многократно подтверждается фактом существования отонимных апеллятивов, отражающих процесс освоения действительности с помощью имен. В качестве примеров приведем лишь некоторые названия растений. Б.В. Казанский отмечает, что нелепое название растения павловния «дано было каким-то ботаником, не знавшим русского языка, в честь Анны Павловны, дочери Павла I и жены голландского короля Вильгельма» [3, 24]. Растение фуксия, например, вывезенное в Европу из Южной Америки в конце XVII века, названо в честь немецкого медика и ботаника Леонарда Фукса. Целый ряд названий растений, цветов

восходит к именам героев античного мира: Адонис, Мирра, Гиацинт, Нарцисс, Дафния, Юнона и др. Большое количество русских народных названий растений происходит непосредственно от русских ИЛ: авдотка, акулинка, аннушка, тимофеевка, иван- чай, иван-да-марья, иванов цвет, василек и под. Интересна версия возникновения названия музыкального инструмента шарманка, появившегося в Западной Европе в начале XVIII века. По мнению Э.А. Варганыяна, в то время популярной была французская песенка «Charmante Catherine» – «Прекрасная Катерина» – и произвел ее впервые этот инструмент. Слово образовалось от укороченного названия песенки. У поляков и украинцев инструмент стал именоваться «катаринка» [3]. Можно также упомянуть названия всемирно-известной марки Мерседес, популярного мясного блюда бефстроганов, непромокаемого плаща макинтош, пирожного «Наполеон» и целого ряда других отонимных апеллятивов, восходящих к ИЛ.

Однако нельзя представить себе имени «в чистом виде», сводящимся к какому-либо отдельному признаку. Трудность постижения ИЛ, по П.А. Флоренскому, заключается в сложном взаимодействии имени в каждой личности с целым рядом других «формообразующих начал», участвующих в формировании этой личности. Таких факторов много: раса, народность, родовая наследственность, общественное положение, характер занятий, окружающая среда и т.п. «Без имени нет целостности личности, – пишет ученый, – но в опыте мы никогда не встречаем чистого имени, без того материала, в котором оно воплощено и которым, следовательно, оно окрашено» [9, 76]. Однако имя, будучи «уступчивым», даже «предупредительным» по отношению к различным факторам формы, по точному выражению П.А. Флоренского, «находит в себе энергию жизни и перерабатывается приспособительно к условиям страны, народности, духа времени, наследственности», даже адаптируется к оттенкам личных отношений. Имя – «сгущенное слово» – представляет собой неустанно «играющую энергию духа» [там же, 80].

Имя оказывается тем стержнем, который «действительно направляет жизнь личности по известному руслу», не давая потоку жизненных процессов «протекать где попало». Имя не только задает некий ритм жизни личности, но и предопределяет личность, намечая идеальные границы ее жизни. Ученый подчеркивает: «Каждое данное имя есть целый спектр нравственных самоопределений и пучок различных жизненных путей» [9, 78].

П.А. Флоренский усматривает в имени три полюса возможной нравственной самореализации его носителя. **Верхний полюс** – «чистый индивидуальный луч божественного света», прообраз совершенства, воплощаемый в святом этого имени. **Нижний полюс**

– нечто противоположное, извращение «божественной истины данного имени». Между верхним и нижним полюсами ученый помещает «точку нравственного безразличия», некий предел, к которому притягиваются обыкновенные – «средние» – люди. Эти три нравственных позиции и определяют «три типических разряда носителей данного имени». Однако ученый подчеркивает: **все** носители данного ИЛ осуществляют, каждый по своему, «один инвариант духа, один духовный тип» [там же, 78]. Иными словами, с этим именем можно быть и святым, и обывателем, и негодяем, так или иначе достигая различных ступеней духовности, но – в пределах СВОЕГО имени. ИЛ оказывается некой общей вертикалью многочисленных подъемов и спусков, а «совершенствование и падение *других*, носящих другие имена, определяется другими вертикалями» [9, 79]. Именно так, по мнению П.А. Флоренского, выявляются «типичные линии именной организации, единой и равной себе во всех своих проявлениях» [там же, 79].

П.А. Флоренский считает разнообразные варианты одного и того же имени – уменьшительно-ласкательные, уничижительные, насмешливые и бранные – формами приспособления ИЛ «к различным оттенкам отношений в пределах одного народа и одного времени», ведь будучи пластичным, имя «в совершенстве воспринимает каждый нажим на него» [9, 82]. Автор сетует на то, что в наше время имена из первоисточников («особенно имена духовно обязывающие», например, Иоанн) становятся невостребованными обществом, оказываясь для него далекими и непонятными. Так, по мнению ученого, более низкое порождение первоисточного имени (Иван) уже не содержит изначального высокого энергетического содержания и духовного строя, а оказывается его обедненным и расплывчатым слепком.

Займствуясь другими народами, такое имя может совсем лишиться духовной выразительности и крепости, характерных для бытования ИЛ в речевой атмосфере породившего его народа. Имена уменьшительные, употребляясь в условиях отсутствия личных чувств, близости, вообще «приобретают вкус явно слащавый», свидетельствуя в подобных случаях о «размягчении духовного стана культуры» (ср. известные ныне ИЛ Савик Шустер, Саша Брейлер с приводимым автором – Саша Шнейдер). Такие ИЛ свидетельствуют о том, что общество пытается «скрыть от себя внутреннюю пустоту суррогатами и украсить притворными и приторными чувствами» [9, 83]. Ученый подчеркивает развивая подобную «сентиментальность», «общество снимает с себя священный долг видеть в ближнем образ Божий», пытаясь подменить этот долг «слащавыми мечтаниями» [там же, 83].

Собственно уменьшительность имени призвана «выразить исключительный характер некоторых личных отношений», порыв

чувств. А субъективность *не может и не должна становиться общеупотребительной*: уменьшительное имя несет субъективный оттенок, которого у подавляющего большинства нет, быть не может и не должно. Тем самым «именем вносится в общественную атмосферу фальшь и необходимость какого-то подсознательного самовнушения» [9, 84].

Будучи гибким и емким, ИЛ сосредоточивает в себе некое «ядро личности». Постепенно обрстая «второстепенными ономастологическими символами», это ядро, вместе с главным символом, образует, по мнению П.А. Флоренского, *полное* имя данной личности: «отчество подчеркивает в имени духовную связь с отцом, фамилия – с родом». Ученый отмечает, что у разных людей по-разному (различными компонентами одного и того же имени) проявляется индивидуальность: у одних отчество явно преобладает над ИЛ, у других чувствуется «внутренняя необходимость перевернуть имя и отчество и сделать из личного имени – отчество, а из отчества – имя» [9, 85]. Разные оттенки индивидуальности, таким образом, могут быть выражены различными особенностями сочетания имен. В понимании автора, Пушкин для многих просто Александр Сергеевич, Толстой – Лев Николаевич, хотя существуют Вячеслав Иванов и Максимилиан Волошин, «отчество которых не приходит на ум». Для некоторых людей характерно растворение личного, индивидуального в бытовом и родовом, что «естественно именованию их по одному только отчеству; так в крестьянстве, где слитность рода и общества особенно прочна и индивидуализация выражена слабо [...], устанавливается обычай именовать почтенных людей лишь по отчеству» [9, 86].

** Эта тенденция, верно подмеченная П.А. Флоренским, очевидно распространяется и на именование пожилых носителей ИЛ, живущих в городах (ср. Ниловна в романе А.М. Горького «Мать» и современные Васильевна, Калистратовна, Петрович и под.).

Перемены в жизни человека, смена его места в мире, «новое онтологическое, мистическое, общественно соотношение с миром» ведут к такому явлению, как *переименование*. По мнению П.А. Флоренского, процесс переименования «прививает» к основному имени личности новые имена, которые при этом могут быть настолько сильны, «что оттесняют в сознании как самого переименованного, так и окружающих его основное имя на второй план» [9, 88]. Внимательно взглядываясь в личность, можно обнаружить ее прежнее имя и сопутствующий этому имени прежний духовный склад – «как бы отчество человека, родившегося от самого себя». Так, искреннее принятие монашества обычно превращает прежнее имя в такой вид отчества: «не без причины монахи нередко празднуют день памяти

своего мирского имени, имея в душе ощущение, что основное имя, с которым человек вошел в мир, пребывает навеки» [там же, 88]. В таких случаях, по мнению П.А. Флоренского, пострижение в монахи, которое само по себе является событием переломным, кризисным, может восприниматься как «некое мистическое посвящение и прерывное преобразование личности». В некоторых случаях наблюдение может обнаружить некую двуслойность: «под окраскою Павлом» может «мерцать глазу подгрунтовка Александром». В некоторых случаях процесс переименования может привести к образованию сложных именных образований при преобладании того или иного имени – «в зависимости от жизненного процесса усвоения их и от способа их получения» [9, 89].

** Следует отметить, что факты переименования в переломные, судьбоносные моменты жизни людей (в ходе обряда инициации, при пострижении в монахи и выборе иного жизненного пути) в целом, довольно редки. Основная масса переименований в жизни современного человека приходится на многочисленные факты смены имен в связи с их неблагозвучностью. Так, например, по данным пресс-службы Министерства юстиции Украины, в 2008 году зарегистрированы случаи смены ИЛ типа: Иююя → Дария, Вачаган → Вадим и под. Имена заменялись не только на благозвучные, но и также на двойные, представляющие более сложный эмоционально-энергетический комплекс: Тамара → Тамара-Аврора; Татьяна → Татьяна-Дарина, Оксана → Ксения-Карина, Степанида → Стефания-Даниэлла, Елена → Йола, Валентина → Леонила. Характерным моментом здесь является желание некоторых носителей ИЛ сохранить в новом имени старое, сберегая в обновленном облике своей личности ее предыдущий опыт. Замена одного ИЛ другим может приобретать самые неожиданные формы, когда имя собственное заменяется отапеллятивным эквивалентом: Минюст Украины зарегистрировал также факты смены имен на Счастливая, Украинец, Крала, Веселка, Квитень, Чорновривець, Рута, Заря [5, 5].

Завершая свою работу, посвященную **значимости имен и складу личности, носящей то или иное ИЛ**, П.А. Флоренский размышляет о самой возможности выявления отдельных «типов духовного строения», соответствующих различным именам. По его мнению, «само уловление хотя бы нескольких таких типов будет [...] служить доказательством существования именных типов» [9, 89]. Поскольку, бытуя в различных средах, ИЛ подвергается различным изменениям, установить тип имени возможно, лишь опираясь на тот или иной его вариант. И здесь мы сталкиваемся с проблемой возможного «перевода» имени. Однако

перевод неизбежно видоизменяет переводимое: «Имя нельзя перевести на другой язык вполне адекватно, как нельзя его перенести сырьем в другой язык [...] Оно должно быть *сотворчески* воссоздано в другом языке, и следовательно, необходимо будет *иным аспектом* того же именного типа» [9, 90-91]. Однако, существование частных аспектов исходящего духовного типа ИЛ дает основание для его выделения. Автор убежден в своем итоговом заключении: «Исследование имен начинается с определенного частного проявления известного имени в стихии некоторого языка, но по средствам этого проявления подходит к другим и простирается к самым духовным корням именного типа, всех их питающего» [9, 91].

** Все изложенные выше размышления П.А. Флоренского о типе имени, отражающем духовное строение личности, его носящей, воплощены ученым в уникальном «Словаре имен», где помещены наиболее употребляемые ИЛ. Содержание и основные проявления энергетики имени, темперамент и основные человеческие качества его носителей, судьба ИЛ через взаимодействие его носителей с другими людьми, *духовный портрет* имени – все подвергается автором самому тщательному анализу. Труд П.А. Флоренского, на наш взгляд, должен стать необходимой ступенью в дальнейшем исследовании имен в фокусе тщательного анализа их энергетики, воздействия на развитие личности, влияния на судьбу человека, а его «Словарь имен» – широким полем такого исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антропонимика (по материалам Интернет) // Флоренский П.А. Ономатология (наука об именах) // Имена // Промысл Божий в имени христианина: Тайный смысл имен. – Сост. О. Козаков. – СПб., 2003. – С. 236–237.
2. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М., 1993.
3. Вартаньян Э.А. В честь и по поводу. – М., 1987.
4. Гуин У.Ле Колдун Архипелага // Англо-американская фантастика. – Т.1. – М., 1991.
5. «Донецкие новости», № 2, 15 – 21.01.2009 г.
6. Ивашко В.А. Как выбирают имена. – Минск, 1988.
7. Манн Т. Иосиф и его братья. – Т.1. – М., 1991.
8. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен в русском языке: Общая характеристика и слов. статьи на букву В // Слово и мысль. Вестник Донецкого отд. Петровской Академии Наук и Искусств. Гуманитарные науки. – Вып. II. – Донецк, 2004. – С. 32–78.
9. Флоренский П.А. Ономатология (наука об именах) // Имена //

- Промысл Божий в имени христианина: Тайный смысл имен. – Сост. О. Козаков. – СПб., 2003.
10. Хорунжий С.С. О философии священника Павла Флоренского // Флоренский П.А. Собр. соч. – Т.1.: Столп и утверждение истины. – ч.1. – М., 1990. – С. 6–7.
11. Щаницын В.А. Народные личные имена. – М., 1989.

С.А. Реммер

Донецкий национальный технический университет

П.А. ФЛОРЕНСЬКИЙ ПРО СУТНІСТЬ ІМЕН

Стаття присвячується аналізу філософських поглядів П.А. Флоренського на сутність та буття імені як особисто-го інформаційно-енергетичного комплексу.

Ключові слова: ім'я, сутність, функціонування.

Sergey A. Remmer

Donetsk National Technic University

P.A. FLORENSKY ABOUT THE ESSENCY OF PROPER NAMES

The article is devoted to analysis of P.A. Florensky's views on essence and existing of the proper name as a specific information and energetic complex.

Key words: proper name, essence, functioning.

Статья поступила в редакцию 26.02.2016 г.

Н.В. Усова (Донецк)

ПРЕВРАЩЕНИЯ ИМЕНИ (к вопросу онимогенеза)

Реферат. *В исторической перспективе рассматривается одна из форм онимогенеза: трансонимизация. Реконструируется процесс преобразования немецкоязычного антропонима **Hannes/Hans** в поэтоним, при этом внимание фокусируется на изменениях в семантической структуре онима.*

Ключевые слова: *антропоним, апеллятивация, деонимизация, мезоним, поэтоним, собственное имя.*

В актуальных исследованиях онимного состава языков заслуженным вниманием все больше пользуются явления, связанные с семантикой имен собственных (ИС). Предпосылкой усиленного интереса к этому аспекту онимии является ряд существенных заключений ученых в области теоретической ономастики, значительно изменивших представления о характере семантики онима. Прежде всего это касается ономастических наблюдений Е.С. Отина относительно способности определенных собственных имен (СИ) в течение своего бытования в речи «приобретать целый пучок значений или коннотем» [8, с. 279 – 280]. Со временем этот класс СИ был назван коннотонимами, а процесс развития значений – коннотонимизацией. Еще ранее Е.С. Отин наглядно показал механизмы преобразования семантики при переходе имени из одного состояния в другое на примере онима *Иван/Иваны*, который из «абсолютного антропонима» перешел в класс топонимов и гидронимов [7, с. 177]. Похожие явления перехода онима из одного разряда в другой были названы трансонимизацией. По определению В. М. Калинкина, трансонимизация – это процесс, при котором «внешняя форма имени остается неизменной, но меняются и денотативно-сигнификативный комплекс, и референт» [2, с. 87]. Е.С. Отин считал, что процесс трансонимизации может проходить в несколько этапов, т. е. «трансонимизация может быть как одноступенчатой, так и многоступенчатой». При «многоступенчатой» трансонимизации

«онимообразовательная цепочка может иметь в себе собственные имена различных разрядов (межвидовая трансонимизация) или же состоять из онимов, принадлежащих одному виду (внутривидовая трансонимизация) [5, с. 46]. Ю.А. Карпенко рассматривал трансонимизацию с точки зрения словообразования, считая ее синхронным лексико-семантическим способом словообразования, связанным с явлениями полисемии и омонимии [4, с. 3]. При полисемии сохраняются отношения мотивации и отсутствует деривативный акт, при омонимии речь идет об образовании новых лексем, утрачивающих отношения мотивации с производящим словом. Существует еще «переходный тип» отношений от полисемии к омонимии, при котором сохраняется отдаленная мотивационная связь в семантике производящего и производных слов. Такое промежуточное состояние между полисемией и омонимией было определено Ю.А. Карпенко как «мезонимия», а лексико-семантический способ словообразования – «мезонимизация». Термин «мезоним» означает лексему, возникающую вследствие перехода семемы в отдельное слово на основе метафорического или метонимического переноса. В ономастике возникновение мезонимов – следствие перенесения ИС с одного объекта на другой на основании определенного сходства или смежности денотатов (референтов). По Ю.А. Карпенко, мотивирующее слово играет главную роль в акте трансонимизации, в результате которого от мотивирующего онима образуется производное, мотивированное ИС, сохраняющее форму производящего слова [3; 4]. Онимы активно выступают в роли мотиваторов в деривационных процессах, в результате которых образуются новые как онимные, так и апеллятивные единицы.

Трансонимизация является одним из путей развития СИ в процессе *онимогенеза* (термин В.М. Калинкина), отражающем динамическую сущность онима. При этом проявляется *континуальность онима*, которая отражает как изменения внешней и внутренней формы онима, связанные с функционированием в (лингво)культуре, так и его лингвистическое развитие, включая всю вероятную совокупность последовательностей как множество социально и локально детерминированных вариантов и их производных, а также изменчивую динамическую сущность не только онима, но и среды его пребывания. Онимный континуум представляет собой цепь последовательностей, совокупность таких проекций на всякий раз новый контекст, составляющих бесконечное множество разнообразных проявлений онима. Понятие «континуум онима» соотносится с понятием «культурный континуум», которое означает среду, в которой происходит адаптация имени, интегрирование его в культуру. Используя метод реконструкции исторического процесса топонимизации антропонима Е.С. Отина, попытаемся реконструировать

процесс трансонимизации, а именно поэтонимизации антропонима в немецкоязычной лингвокультуре.

Поэтонимогенез как составляющая оноимогенеза рассмотрим на примере одного из вариантов имени *Johannes* – антропонима *Hans*. В исторической перспективе этот оним представляет собой гипокористическую форму антропонима *Johannes*, восходящего к этимону, в древне-еврейском варианте *Iōhānān*, *Iēhōhānān*. Сохраняя иноязычное ударение (безударный первый слог *Jehānn*), но претерпевая изменения в фонографической и морфемной структуре – утрачивая первый слог и сохраняя окончания *-es* – оно преобразовалось в форму *Hannes*, сокращённо *Hans*. Эти трансформации происходят, как утверждает словарь братьев Гримм, не позднее начала 14 века. Имя приобретает чрезвычайную популярность, в период с 14 по 17 век становится самым распространённым. Документально подтверждается, что, к примеру, в Киле середины 13 века антропоним *Hans* – наиболее частое крестильное имя². В основном оним использовался для именованя ‘маленьких людей’, был очень распространён в крестьянской среде. О популярности этого личного имени свидетельствуют и сведения о некоторых средневековых предрассудках. Так, считалось, что дом, среди обитателей которого есть носитель этого имени, не будет поражен молнией, поэтому в каждой семье был как минимум(!) один *Hans* [13, с. 60]. Однако в этот же период исследуемый антропоним появляется также в грамотах и других документах в связи с упоминанием уже не только лиц низшего сословия, но и представителей аристократии.

Одновременно с территориальным распространением и повышением частотности употребления происходит апелляция

---

¹ mit beibehaltung der fremden betonung *Johānn*, eine form die im niederdeutschen in *Jehann* mit tonlos gewordener erster silbe (min *Jehann*. Groth Quickborn s. 2) verläuft; und endlich mit abfall der ersten silbe und beibehaltung der endung *Hannes*, gekürzt *Hans*. die letzteren kürzungen sind gewis sehr alt, erscheinen wenigstens in urkunden aus dem anfang des 14. jahrhunderts als gewöhnlich, nicht nur in bezug auf personen aus dem bürger-, sondern auch aus edlem stande <...> [12, Bd. 10, Sp. 456].

² <...> eine urkunde des grafen Burchard zu Mansfeld von 1307 (bei Höfer urkunden s. 73) führt als zeugen auf her *Hannes* von Hartefrode, her *Hannes* von Crendorp; eine magdeburgische urkunde von 1315 (bei Dreyhaupt Saalkreis 1, 51 f.) hat die namen *Hans* von Borch der goldsmede mester, *Hans* von Haldesleve der messewerker meister, her *Hansz* und her *Thilecke* von Gronenberge, her *Hans* borchgreve zu Louburch [12, Bd. 10, Sp. 456].

³ gekürzt *Hans*. die letzteren kürzungen sind gewis sehr alt, erscheinen wenigstens in urkunden aus dem anfang des 14. jahrhunderts als gewöhnlich, nicht nur in bezug auf personen aus dem bürger-, sondern auch aus edlem stande: eine urkunde des grafen Burchard zu Mansfeld von 1307 (bei Höfer urkunden s. führt als zeugen auf her *Hannes* von Hartefrode, her *Hannes* von Crendorp; eine magdeburgische urkunde von 1315 (bei Dreyhaupt Saalkreis 1, 51 f.) hat die namen *Hans* von Borch der goldsmede mester, *Hans* von Haldesleve der messewerker meister, her *Hansz* und her *Thilecke* von Gronenberge, her *Hans* borchgreve zu Louburch [12, Bd. 10, Sp. 456].

имени⁴. По-видимому, чрезвычайная популярность этой лексемы в качестве мужского антропонима, распространенность его в народной среде предопределили как процесс деонимизации, 'обнуления' идентифицирующей референта семы, так и переход его в качество поэтонима. И одному, и другому процессу предшествовала стадия мезонимизации. Именно размывание референтного значения, а затем полная деонимизация и апелляция онима обусловили такое существование имени, когда он стал использоваться не для идентификации лица, а, напротив, для нивелирования его идентичности, не-выделения из массы, подчеркивания принадлежности (низшему) социальному классу. Употребление онима в функции апеллиатива было зафиксировано уже в словаре братьев Grimm, который приводит также цитаты из источников раннего нового времени, в частности, у М. Лютера:

das die schreiberei so feindselig ist bei *vielen Hansen*, denn sie wissens oder achtens nicht, das ein göttlich ampt und werk ist. Luther 5, 183a; (... что письмо у многих Хансов вызывает враждебность, так как они не знают или не обращают внимание на то, что это богоугодное дело. – перевод наш – Н.У.) [12, Bd. 10, Sp. 456].

Деонимизация онима послужила мотивационной основой для развития в нем семантики поэтического имени. Переход в качество поэтонима проходил первоначально в устном народном творчестве. Это имя стало базовым компонентом для образования множественных идиоматических сочетаний: *der blanke Hans (Blanker Hans) (Северное море)*, *die grossen Hansen (важные персоны)*, *Hans Guckindieluft (потозей)* и т.д. [см. об этом: 10; 15; 16], а также композитов с антропонимным компонентом *Fabelhans* (выдумщик, враль), *Prahlhans* (хвастун), *Gaffhans* (зевака) и т. п. Антропоним часто встречался в песнях, присказках, поговорках, пословицах, где имел значение 'парень', 'тип', 'малый', 'жених':

«*Wenn das nicht wahr ist, so heiß mich Hans*» oder «... *so will ich Hans heißen*» («Если это неправда, то назови меня Хансом» или «... тогда меня зовут Ханс»), «*dastehen wie ein hölzerner Johannes*» («стоять как истукан»), «*Hans Dampf in allen Gassen*» («Наш пострел везде поспел»), («*Was Hänschen nicht lernt, lernt Hans nimmermehr*» («Чему не учится Хенсхен, тому никогда не научится Ханс»); «*Jeder Hans findet seine Grete*» («Каждый Ханс находит свою Грету»), «*Hans ist seiner Grete wert*») («Ханс достоин своей Греты»; «Муж да жена – одна сатана»).

Со временем использование онима *Hans* как средства номинации персонажей фольклорных произведений (сказок, легенд, преданий

⁴ Von hier aus tritt Hans fast völlig in die reihe der appellativa ein und steht oft geradezu für mensch, mann mit verschiedenem nebensinne [12, Bd. 10, Sp. 456].

и т.п.) стало обычным. За именем закрепились определенные коннотации, поскольку оно отвечало требованию соответствия типичному характеру, внешности, поведению типичного, рядового, обычного лица мужского пола среднего, небогатого сословия, с которым и могли происходить все вероятные и невероятные истории, описанные и передаваемые из поколения в поколение в устном народном творчестве. В сказках встречается более подходящий для детского образа уменьшительно-ласкательный вариант поэтонима с деминутивным суффиксом *Hänsel* («*Hänsel und Gretel*»). В этих контекстах указанные проприальные единицы можно рассматривать, на наш взгляд, как отконнотонимные поэтонимы, так же как и в известной детской песенке:

Hänsel und Gretel verliefen sich im Wald.

Es war so finster und auch so bitterkalt.

Sie kamen an ein Häuschen von Pfefferkuchen fein.

Wer mag der Herr wohl von diesem Häuschen sein?

Hänsel war hungrig, stibitzt ein Stück vom Dach.

Und auch die Gretel macht es dem Bruder nach.

Es schmeckte gar so lecker, sie aßen immer mehr.

Plötzlich da knackt es und sie erschraken sehr.

<...> [17]

В обобщенном значении 'человек', '(любой) мужчина', 'муж' имя появляется и в авторских текстах. Так, в известном произведении Себастьяна Брандта «Корабль глупцов» (1494), высмеивавшем пороки современного ему общества, семантика поэтонима балансирует на грани оним-апеллятив, поскольку степень обобщённости значения приближает его к апеллятивной лексике.

Определённым этапом в процессе поэтонимизации стало функционирование исследуемой единицы в качестве имени персонажа балаганного театра *Hans Wurst*, затем *Hans-wurst* (15–18 в.в.). Популярность этого образа способствует частому использованию его именования вне контекста в пейоративном значении и развитию в семантике антропонима коннотативного значения 'шут', 'болван', 'глупец', 'дурак' [см. :16]. С этого периода начинается функционирование в языке этой лексики как отпоэтонимного коннотонима. Закреплению коннотативных свойств способствует и появление в изданном виде народных сказок, собранных и обработанных братьями Якобом и Вильгельмом Гримм, в

⁵ sie (die ehebrecherische frau) bring ouch im den rörroub (beute) hein, sprech zu im, Hans, myn gutter man
kein liebern will ich, wen dich han.
Brant narrensch. 33, 45;
[12, Bd. 10, Sp. 456]

которых часто фигурирует персонаж по имени *Hans* («Der starke Hans», «Der gescheite Hans», «Hans im Glück») [11].

В дальнейшем изменения в семантике онима происходят через этап коннотонимизации поэтонима. Именования персонажей, популяризуясь распространением фольклорных произведений, фигурируют в ментальности носителей немецкоязычной культуры уже как отпоэтонимные коннотонимы, ассоциируясь с известными персонажами. «Шлейф» накопленных коннотаций тянется за новыми употреблениями этой лексемы в качестве поэтонима. Так, фольклорные мотивы известного поэта 19 века Генриха Гейне не обходятся без описываемого здесь онима. В стихотворении «Der arme Peter» [3, с. 62–64] результат творческих усилий автора выражается в оригинальном “решении поэтонимосферы” [1, с. 97], которое представляет собой лингвопоэтический эффект от соединения культурно-языковой и эстетической информации, аккумулированной в онимах, со свойствами литературного произведения как художественной целостности. Поскольку поэтонимосфера этого стихотворного произведения ранее анализировалась нами с помощью метода оппозитивности [9], остановимся здесь лишь на моментах, важных для освещения затрагиваемой здесь темы. Поэтонимосферу составляют антропонимы *Hans*, *Peter* и *Grete*, среди которых важное место занимает интересующий нас поэтоним. Он, как впрочем, и две остальных проприальных единицы, вполне закономерно может быть отнесен к типу т.н. “семантически обогащённых” собственных имен, таких, в основе созначений которых лежат фрагменты связанной с ними энциклопедической и культурной информации. Особенности семантики проприальных единиц, безусловно, сыграли свою роль в конструировании художественного пространства произведения, в первую очередь в стилизации его под народную крестьянскую песню, в типизации изображаемых сцен. Приведем здесь первую строфу:

Der Hans und die Grete tanzen herum,
Und jauchzen vor lauter Freude.
Der Peter steht so still und stumm,
Und ist so blaß wie Kreide.
[14, с. 62].

Внутри классического ‘любовного треугольника’ выстраиваются оппозиции: *Hans* – *Grete* (парень – девушка, жених – невеста); *Hans* – *Peter* (избранник – отвергнутый, счастливый – несчастный, радостный – печальный); *Peter* – *Grete* (отвергнутый влюблённый – чужая невеста). Кроме того, в антитетических отношениях находятся, с одной стороны, ‘бедный Петер’ (*der arme Peter*), а с другой – Ханс и Грета (*Der Hans und die Grete*): несчастный одиночка – счастливая

пара (*Der Hans und die Grete / sind Bräut'gam und Braut*). Образ счастливых молодожёнов, обозначенный парой антропонимов *Hans* и *Grete*, дополняется интралингвальными коннотациями, возникающими на базе фольклорных реминисценций (см. приведенные выше пословицы), и связывается в сознании с образами детей из сказки «Hänsel und Gretel», которые попали к ведьме, а затем удачно спаслись от нее (см. выше). Можно сказать, что имена являются символическими обозначениями сущности их носителей, любимых с детства персонажей, история которых хорошо известна для большинства членов социума. В тексте стихотворения Гейне это именование выступает уже в качестве интертекстуального отконнотонимного поэтонима, который содержит важные фоновые знания, определяя семантику и поэтику произведения.

Завершая анализ эволюции бытового имени *Hans* к поэтониму, можно заключить, что рассмотренные явления представляют собой «многоступенчатую» трансонимизацию, как межвидовую, так и внутривидовую. В результате устанавливается ономообразовательная цепочка, итогом которой на определенном этапе становится поэтоним. Можно также утверждать, что в современном немецкоязычном пространстве это уже не только коннотирующий оним и поэтоним, но символический поэтоним, ставший таковым в результате исторических семантических преобразований. В то же время продолжается параллельное активное функционирование имени в ономастиконе немецкого языка в качестве мужского антропонима, где форма *Hans* служит уже не только гипокористическим звательным именем, но альтернативной формой полного, официального мужского антропонима.

ЛИТЕРАТУРА

1. Калинин В.М. К вопросу об оппозициях в поэтонимосфере художественного произведения / В.М. Калинин // Теоретические и прикладные проблемы русской филологии. Научно-методический сборник. – К 80-летию профессора О.Е. Ольшанского. – Ч. I. / Отв. ред. В.А. Глущенко. – Славянск: СГПИ, 2001. – С. 93 – 97.
2. Калинин В.М. От литературной ономастики к поэтонимологии / В.М. Калинин // Λογος όνομαστική (Науч. журнал). – 2006. – № 1. – С. 81 – 89.
3. Карпенко Ю.О. Онiмiзацiя i трансонiмiзацiя як словотвiрний акт / Ю.О. Карпенко // Шоста республiканська ономастична конференцiя: Тези доповiдей i повiдомлень. – Одеса, 1990. – Ч. 1 Теоретична i iсторична ономастика. Лiтературна ономастика. – С. 35 – 37.
4. Карпенко Ю.О. Синхронiчна сутнiсть лексико-семантичного способу словотвору / Ю.О. Карпенко // Мовознавство. – 1992. – №

4. – С. 3 – 10.
5. Отин Е.С. Из заметок к лекциям по топонимике / Е.С. Отин // Восточноукраинский лингвистический сборник. – Вып. 6. – Донецк: Донеччина, 2000. – С. 37 – 54.
  6. Отин Е.С. Коннотативные онимы и их производные в историко-этимологическом словаре русского языка / Е.С. Отин // Вопросы языкознания. – 2003. – №2. – С. 55 – 72.
  7. Отин Е.С. Непереоформленные личные имена в гидронимии Дона / Е.С. Отин. Избранные работы. – Донецк : «Донеччина», 1997. – С. 173 – 194.
  8. Отин Е.С. Развитие коннотонимии русского языка и его отражение в словаре коннотонимов / Е.С. Отин. Избранные работы. – Донецк : «Донеччина», 1997. – С. 279 – 285.
  9. Усова Н.В. Оппозитивность как фактор организации поэтонимосферы / Н.В. Усова // Вісник ЛНУ ім. Т. Шевченка: Філологічні науки. – Луганськ, 2010. – Ч. II. № 14 (201) – 2010. – С. 74 – 79.
  10. Усова Н.В. Преобразованное имя собственное как феномен культуры / Н.В. Усова // Германистика в современном научном пространстве. Материалы II-ой Международной научно-практической конференции. – Краснодар: Просвещение-Юг, 2012. – 217с. – С. 98 – 102.
  11. Brüder Grimm. Märchen. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.udoklinger.de/Deutsch/Grimm/Inhalt4.htm>
  12. Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm. 16 Bde. [in 32 Teilbänden]. Leipzig: S. Hirzel 1854-1960. – Quellen-verzeichnis 1971. [Bd. 10, Sp. 456]. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.dwb.uni-trier.de
  13. Ganzer D. Deutsche Phraseologismen mit Personennamen: Lexikografischer Befund und textueller Gebrauch / Dinara Ganzer / Studien zur Germanistik. – Band 25. – Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2008. – 445 S.
  14. Heine H. Buch der Lieder / H. Heine. – Aufbau-Verlag Berlin und Weimar, 1983. – 375 S.
  15. Ussowa N. Beitrag des Eigennamens zum lexikalischen Sprachbestand // Germanistik in der Ukraine. – Jahresheft 6. – Kyjiw: Verlagszentrum der KNLU, 2011. – S. 184 – 194.
  16. Usova N. V. Hansnarr, Dummrian oder Blödheini? Zum phraseologischen Gebrauch von Eigennamen / N. Usova // Germanistik in der Ukraine. – Jahresheft 7. – Kyjiw: Verlagszentrum der KNLU, 2012. – S. 172 –
  17. Volkslied: Hänsel & Gretel – Текст песни. – [Электронный ресурс].

Режим доступа: <http://mirpesen.com/ru/volkslied/h-auml-nsel-gretel.html#ixzz3YARNUvgl>

Nina V. Usova
Donetsk National University

TRANSFORMATION OF NAME
(to the question of onym genesis)

It is considered the transonymization as one of the forms in historical prospect. It is reconstructed the process of transforming German anthroponym Hannes/Hans into poetonym. The attention is focused on the changes in the semantic structure of onym.

Key words: *anthroponym, appellativisation, deonymisation, mezonym, poetonym, proper name.*

Статья поступила в редакцию 29.11.2015 г.

ОНИМОГРАФИЯ

В. Л. Васильев, Н. Н. Вихрова (Великий Новгород)

О ПРИНЦИПАХ СОСТАВЛЕНИЯ КАТАЛОГА

ГИДРОНИМОВ РЕКИ МСТЫ^{1*}

Реферат. В статье представлен краткий обзор немногочисленных в отечественной науке сводов гидронимии (по бассейнам Дона, Оки, Свири и других рек), упорядоченной по гидрографическому принципу. Авторы обосновывают, что с точки зрения лексикографирования гидронимические своды-каталоги обладают несомненными преимуществами перед алфавитными гидронимическими словарями. В такие своды следует включать, во-первых, все исторически зафиксированные формы гидронимов (в том числе и те, которые стали результатом случайных письменных искажений), и, во-вторых, микросистемно соотносительные негидронимические названия, необходимые в качестве внешних носителей информации о гидронимах (хронологической, деривационной, этимологической, этноисторической). Каталогизация водных названий по гидрографическому принципу сопряжена с рядом трудностей (отсутствие возможностей для точной локализации многих водоемов, названия которых обнаруживаются в старинной и средневековой документации; расхождения между старинными и современными картами при отображении одних и тех же водоемов; исторические различия в оценках гидрографической иерархии; исторические изменения озерно-речной сети и др.). Авторы делятся опытом своей работы над созданием свода-каталога гидронимии в бассейне реки Мсты, протекающей по территории Новгородской и Тверской областей.

Ключевые слова: русский язык, гидронимия, гидрография, гидронимический свод-каталог, бассейн реки Мсты, топонимические микросистемы.

В отечественной науке пока не сложилось устойчивой традиции составления гидронимических каталогов – сводов водных названий

^{1*}Статья написана при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 12-04-00173).

бассейна одной реки, упорядоченных по принципу гидрографической иерархии, хотя первые такие своды были составлены еще сто лет назад. Мы имеем в виду прежде всего «Списки рек» П. Л. Маштакова по бассейнам Днепра, Днестра, Южного Буга и Дона [Маштаков, 1913; 1917; 1934]. Эти «Списки», имеющие в основе водную номенклатуру карт-трехверсток, сегодня уже выглядят неполными и несовершенными. Они содержат сравнительно мало материала из иных источников, ограничены только названиями заметных водотоков (без включения названий стоячих вод, болот, сезонно наполняемых ручьев и др.). Тем не менее гидронимические каталоги П. Л. Маштакова сохраняли и продолжают сохранять научную ценность не только как значительные собрания водных названий на больших пространствах крупных речных бассейнов, но и как работы-ориентиры, стимулирующие исследования подобного типа.

«Списки рек» П. Л. Маштакова, в частности, легли в основу известных этапных монографий, посвященных историко-лингвистическому анализу гидронимии Верхнего Поднепровья и Правобережной Украины [Топоров, Трубачев, 1962; Трубачев, 1968], были использованы при создании большого «Словаря гидронимов Украины» [СГУ], равно как послужили опорой при составлении более совершенных гидронимических сводов. К ним, в первую очередь, следует отнести список-каталог Г. П. Смолицкой, охвативший гидронимию бассейна Оки [Смолицкая, 1976] и каталоги Е. С. Отина по бассейнам рек Северного Приазовья [Отин, 1974–75] и по бассейну Дона [Отин, 2011; 2012]. Материал для своих фундаментальных каталогов указанные авторы собирали и систематизировали на протяжении нескольких десятилетий. Они смогли учесть десятки тысяч названий разнообразных водоемов, в том числе гидронимы из исторических источников, а также многие негидронимические названия, ономаσιологически соотносительные с гидронимией.

Принципы каталогизации гидронимии у двух авторов во многом схожи или совпадают, разумеется, есть и некоторые общие отличия. Историческая гидронимия со значительной полнотой представлена в обоих каталогах, однако свод Г. П. Смолицкой опирается на сравнительно ограниченный круг базовых, этапных исторических источников (всего немногим более 60 наименований), а свод донской гидронимии Е. С. Отина (преимущественной материальной основой которого стали «Список рек Донского бассейна» П. Л. Маштакова и карты-трехверстки) отличается подробнейшим документированием ономастических фактов по множеству источников (не менее 500 наименований), равно как в несравненно более полном объеме излагает соотносительные названия-негидронимы. Впрочем, в любом случае для

огромных по площади бассейнов Оки и Дона исчерпывающе полный учет гидронимии вряд ли достижим².

Сводный каталог Е. С. Отина, вообще говоря, является уникальным трудом в жанре гидрографической классификации водных названий. Он был издан несколько лет назад в виде многостраничного двухтомника под заголовком «Гидронимия Дона» (т. I. Верхний и Средний Дон; т. II. Нижний Дон. Донецк, 2011-2012). Поражает беспрецедентный масштаб выполненной одним человеком кропотливой работы, в результате которой десятки тысяч гидронимов и смежных с ними названий (точное число, которых полагаем, затруднился бы сказать и сам Е. С. Отин) были извлечены из многочисленных источников, локализованы и систематизированы в гидрографическом порядке в пределах огромной площади бассейна крупной р. Дон. Заголовок «Гидронимия Дона» не вполне отвечает содержанию данного монументального труда, поскольку здесь мы найдем не только гидронимы, но и многие тысячи соотносительных с ними негидронимов, подробно документированных. Количество использованных источников, преимущественно, труднодоступных, архивных, не имеет аналогов среди гидронимических исследований.

Кроме Южной России, упорядоченные по гидрографическому принципу каталоги гидронимов появились и для региона Русского Северо-Запада. Самый ранний из них представлен в книге «Реки и леса Ленинградской области» 1929 г., написанной Д. Ф. Шанько [Шнк]. Автором каталогизированы водоемы в бассейнах многих крупных рек и озер (притоки оз. Ильмень, рек Великая, Волхов, Свирь, Шексна и др.) на территории обширной в 1920-е гг. Ленинградской области. Водоемы в этой работе были учтены далеко не полностью, но локализованы сравнительно точно. Лесовода Д. Ф. Шанько интересовали преимущественно сами водоемы, а не их названия, которые, будучи снятыми в основном с карт-трехверсток, переданы со многими ошибками, а уточняющей вариантной гидронимии, предполагающей использование разнообразных источников, он практически не дает.

В 1997 г. вышел в свет гидрографически упорядоченный словарь гидронимии бассейна р. Свирь, составленный И. И. Муллонен, И. В. Азаровой и А. С. Гердом [СГЮВП], основой которого явились полевые собрания современной гидронимии Присвирья различных типов (названия рек, ручьев, озер, болот, омутов, стариц и др.). Этот словарь весьма ценен именно многочисленностью водных (микро)

² См. в связи с этим примечание Е. С. Отина о том, что в созданном им труде, в силу разных причин, в весьма ограниченной мере представлены богатейшие данные из обширных неопубликованных материалов генерального межевания XVIII в., поэтому будущим исследователям еще предстоит подготовить издание полного каталога донской гидронимии [Отин, 2011, 569].

названий, собранных в полевых экспедициях, но включает далеко не весь возможный исторический материал и не содержит смежных негидронимных названий, микросистемно соотносительных с гидронимией.

Редкость появления гидрографически упорядоченных сводов (сводов-каталогов) водных имен, как нам кажется, не в последнюю очередь объяснима высокой трудозатратностью при их составлении. Подобные каталоги требуют углубленного внутрирегионального (микрорегионального) обследования и анализа с пристальным вниманием к денотативной стороне географических названий. Создание сводов-каталогов – кропотливая работа, предполагающая «всматривание» в микротерритории для того, чтобы максимально учесть по всевозможным, главным образом по местным, внутрирегиональным материалам, современные, но в еще большей степени малоизвестные исторические (микро)названия, и определить координацию ландшафтных объектов, за которыми они закреплены. Однако, как нам представляется, создание именно таких сводов-каталогов, где объединяются разновременные данные письменных и картографических источников, полевых наблюдений и где предполагается интенсивная (направленная вглубь), а не экстенсивная и поэтому не всегда глубокая эксцерпция гидронимии, должно стать одной из важнейших задач отечественной гидронимической науки в будущем.

Действительно, с точки зрения лексикографирования, построенные по гидрографическому принципу своды-каталоги обладают несомненными преимуществами перед алфавитными гидронимическими словарями. Алфавитный гидронимический словарь, даже самый полный и глубокий, не способен отразить системность водных названий, обусловленную особенностями естественно-гидрографической иерархии водных объектов, и, как следствие, не показывает важные микросистемные отношения между гидронимами. Вопросы локализации водных названий, благодаря наглядности отражения межгидронимных связей, точнее решаются и лучше освещаются в гидронимическом своде-каталоге, нежели в алфавитном гидронимическом словаре. Это касается и немаловажного вопроса границ гидронимического исследования: их целесообразнее проводить именно по бассейнам сравнительно крупных рек, что само собой предполагается каталогизацией по гидрографическому принципу, нежели по границам административно-территориального деления областей и районов, которые постоянно меняются.

Сводо-каталоги, нацеленные на полноту освещения межгидронимных связей, требуют обязательного включения микросистемно соотносительных негидронимов. Негидронимы в

данном случае необходимы как способ хранения дополнительной информации о гидронимах, как внешние носители информации о них (хронологической, деривационной, этимологической, этноисторической), которая может быть извлечена при дальнейшем исследовании.

Поддерживая рассмотренную выше традицию составления гидронимических сводов-каталогов, мы, в свою очередь, заканчиваем создание подобного упорядоченного свода для бассейна р. Мсты. Выбор Мсты не случаен: река была важным участком древнего водного пути «из Варяг в Арабы», а позднее, с эпохи Петра I вплоть до начала XX в., являлась главным звеном Вышневолоцкой водной системы, обеспечивавшей торговые коммуникации столичного Санкт-Петербурга с городами Поволжья. Площадь водного бассейна р. Мсты – 23 300 кв. км, что, например, немногим меньше территории такой страны, как Македония (25 333 кв. км). Мстинский бассейн занимает частично Тверскую и Новгородскую области, граничит на востоке и юге с бассейном Волги (притоки рек Молога, Тверца, оз. Селигер), на юго-западе – с притоками р. Пола, на севере и северо-западе – с притоками рек Волхов, Ниша и Сясь). Верхняя и средняя части бассейна (Верхнее и Среднее Помостье) приходятся в основном на Валдайскую возвышенность, для ландшафта которой характерно сосредоточение мелких и крупных озер; в низовьях река течет по плоской равнине, а ее устье, приходящееся на Приильменскую низменность, образует разветвленную дельту.

Гидронимический свод-каталог бассейна р. Мсты (*далее* – Каталог), составляемый на основе принципа гидрографической иерархии, нацелен на исчерпывающее описание разнообразной современной и исторической гидронимии вкуче с микросистемно связанными с ней названиями иных классов (негидронимами). Мы рассматриваем Каталог не только как самую полную на сегодняшний день упорядоченную репрезентацию названий водоемов в бассейне среднерусской р. Мсты, но и как одну из возможных моделей описания, применимую при дальнейшем упорядочении гидронимии других речных или озерных бассейнов с последующим созданием на этой основе полноценной электронной базы данных российской гидронимии.

К гидронимии мы относим собственные названия текущих вод (рек, ручьев) и участков речных русел (омутов, плесов, порогов, перекатов, каменных кос, подводных камней, островов, отмелей, особых участков рек), названия стоячих вод (озер, болот, водохранилищ, прудов) и участков озерных акваторий (островов, полуостровов, мысов, отмелей, плесов, заливов). Негидронимами же являются, по преимуществу, названия жилых и нежилых населенных пунктов (сел,

селец, деревень, усадеб, погостов-мест, городов, пустошей, урочищ), реже – названия сенокосных угодий (пожен), лугов, возвышенностей, местностей, волостей, погостов-округов. Под гидронимом (или – шире – топонимом) мы понимаем отдельную лексическую форму в закреплении за отдельным ландшафтным объектом. Следовательно, мы предпочитаем говорить не о повторении одного гидронима, а о разных повторяющихся гидронимах, не о вариантах гидронима, а о разных вариантных гидронимах; многочисленные повторяющиеся и вариантные гидронимы следуют в Каталоге на общих основаниях.

Гидронимы в Каталоге распределены в соответствии с гидрографической иерархией водоемов, которая конкретизируется и формализуется следующим образом.

Все водоемы, имеющие названия, привязаны к руслу р. Мсты, но занимают разные иерархические ряды по отношению к ней. Текущие воды – реки и ручьи, являющиеся притоками более крупных рек, – занимают следующий, более низкий ряд относительно водоемов, в которые они впадают. Реки и ручьи упорядочены от больших водотоков к малым, в двустороннем порядке: последовательно, от истока к устью, подаются притоки, впадающие как справа, так и слева (сокращенно: п. р., л. р., п. руч., л. руч.).

Стоячие воды – озера, болота, изредка пруды и водохранилища – относительно вытекающих из них рек и ручьев считаются водоемами (притоками) более низкого ряда. Это относится ко всем типам озер: источным, из которых вытекает водоток, проточным, через которые протекает водоток (в Каталоге для таких озер дается сокращение: оз. в теч. реки) и бессточным, не имеющим поверхностного стока (такие озера, равно как и многие болота, помечены обычно как «правое» / «левое» относительно течения ближайшего водотока, которому они подчинены; сокращенно: п. бесст. оз., л. бесст. оз., п. бол., л. бол.). Если водоток впадает в озеро, то он, будучи подчиненным озеру, считается притоком более низкого ряда, чем озеро; если водотоков, впадающих в одно озеро, несколько, то они перечисляются в Каталоге по часовой стрелке начиная от истока озера.

Водоемы вместе с закрепленными за ними гидронимами в основном своем количестве распределены по пяти рядам гидрографической иерархии. Каждый ряд маркирован своим знаком: ● – приток первого ряда, ●● – приток второго ряда, ●●● – приток третьего ряда, ●●●● – приток четвертого ряда, ●●●●● – приток пятого ряда. Притоки шестого и следующих рядов гидрографически не подразделены, однако их место в водной иерархии маркировано отступом от начала строки. Например:

● л. р. *Березайка*³

³ Здесь и далее, ради экономии места, мы излагаем примеры гидронимов без их

- оз. *Березай*
- оз. в теч. реки *Холмское*
- л. р. *Едерка*
- оз. *Едрово*
- п. р. *Оловенка*
- оз. *Оловенец*
- р. *Елоховка*
- оз. *Глубокое*
- р. *Амосовка*
- руч. *Ершевской*
- л. бол. *Гладкое*
- п. бесст. оз. *Глухое*

Приведенный пример читается так: р. *Березайка*, являясь левым притоком р. Мсты, вытекает из оз. *Березай*, протекает через оз. *Холмское*, далее принимает левый приток *Едерка*, вытекающий из оз. *Едрово*, а ниже – правый приток *Оловенка*, текущий из оз. *Оловенец*. В оз. *Оловенец*, в свою очередь, впадает р. *Елоховка*, вытекающая из оз. *Глубокое*, в которое текут р. *Амосовка* и руч. *Ершевской*, являющиеся притоками шестого порядка относительно р. Мсты. Ниже р. Оловенка рядом с р. Березайка слева расположено бол. *Гладкое*, а ниже болота справа – бессточное оз. *Глухое*.

Озера обычно впадают в другие водоемы через короткие протоки. Если название протоки известно, то протока считается рекой (или ручьем), которой гидрографически подчинено озеро. Однако в весьма многочисленных случаях, когда название протоки неизвестно, протока рассматривается вместе с озером как единый гидрографический объект одного ряда и помечается в Каталоге сокращением: оз. с прот. Например, запись

- л. р. *Крапивенка*
- л. оз. с прот. *Пильницы*
- оз. с прот. *Загредское*

означает, что в р. *Крапивенка*, приток второго ряда, слева, через протокус неизвестным названием, впадает оз. *Пильницы*; в само же это озеро стекает оз. *Загредское* через протоку, название которой также не выяснено.

Отличительные участки русел водотоков, имеющие собственные названия (плесы, омуты, пороги, косы, перекаты, острова и др.), в Каталоге считаются водными объектами, подчиненными водотокам. Например, запись

«паспортизации», т.е. без ссылок на источники. Разумеется, в Каталоге все гидронимы документируются ссылками на письменные и картографические источники (их сокращенные наименования следуют в квадратных скобках за каждым гидронимом, упорядоченным в Каталоге).

- р. *Валдайка*
- омут *Завал*
- омут *Рожма*
- отмель *Усик*

сообщает, что омут *Завал* и следующие ниже по течению омут *Рожма* и за ним отмель *Усик* принадлежат руслу р. *Валдайка*. Для русловых объектов, как правило, нетрудно конкретизировать местоположение (ниже / выше) относительно рек, ручьев, озер и болот, подчиненных данному водотоку. Однако местоположение отмеченных собственными названиями островов, мысов, плесов, заливов, расположенных в акваториях озер, лучше конкретизировать лишь общей привязкой к озеру, ввиду нелинейности озера как гидрографического объекта. В нашем Каталоге внутриозерные объекты с их названиями перечисляются в сносках. Например, в сноске к оз. *Кафтино* отмечены его острова *Заяцкий*, *Липовец*, *Толстиха*, полуострова *Бердо*, *Бычий Рог* и др.

Водоемы шестого и следующих рядов, позиция которых в Каталоге обозначена отступом от начала строки, иногда составляют довольно длинные списки (особенно много таких водоемов 6-го – 10-го и более рядов в системах рек Уверь и Перетна). Водоемы нижних уровней гидрографической иерархии изложены в списках по алфавиту их названий. Сюда обыкновенно входят маленькие водотоки и озера в сравнительно небольшой местности, иерархизация которых относительно крупной р. Мсты выглядит излишней, тем более что выделение таких водоемов с помощью отступа позволяет наглядно и, следовательно, удобно представить весь микробассейн какого-нибудь притока пятого порядка. Более того, взаимная гидрографическая подчиненность, местоположение и порядок следования друг за другом этих незначительных водоемов зачастую и вовсе не ясны. Тем не менее мы считаем полезным отмечать, хотя бы в неполном виде, иерархию и таких водоемов, а именно обозначать, где это возможно, с помощью стрелки (→) впадение одних притоков в другие. Например, по записи

- р. *Либья*
- оз. с прот. *Брагино* (→ руч. *Водопай*)
- л. руч. *Водопай* (→ р. *Либья*)
- бол. *Лютницкое* (→ р. *Лютишка*)
- п. р. *Лютишка* (→ р. *Либья*)

ясно, что в данном микробассейне оз. *Брагино* через протоку с неизвестным названием течет в руч. *Водопай*, который, в свою очередь, слева впадает в р. *Либья*, а р. *Лютишка*, впадающая в р. *Либья* справа, вытекает из бол. *Лютницкое*.

Дать надежную гидрографическую привязку для отмеченных названиями водных объектов разных уровней иерархии — серьезная задача, которая не всегда удовлетворительно решается даже для заметных водоемов, отображаемых на современных крупномасштабных картах. Если бессточное озеро расположено на водораздельном участке между двумя притоками, порой возникают затруднения, к какому из двух притоков данное озеро привязать. Предпочтение отдается притоку, который ближе к озеру. Болота удобно привязывать к рекам и озерам, которые из этих болот берут начало. Однако если из одного болота вытекает несколько рек, то такая привязка уже не кажется убедительной; в этом случае предпочтение отдается более крупному водоему, с которым смежно болото. Затруднительно упорядочение сложной сети многочисленных проток и озер речной дельты.

Сложности привязки возникают на всех уровнях водной иерархии, но чаще на нижних: чем незначительнее водный объект, тем труднее бывает однозначно привязать его к другим водным объектам. Еще сложнее решать эту задачу, работая со старинными картами и некартографической письменной информацией. Причин этому много, основные из них следующие:

1) отсутствие отображения на картах, даже крупномасштабных, многих водоемов, названия которых обнаруживаются в старинной и средневековой письменности, но не сопровождаются достаточным топонимическим контекстом, позволяющим надежно идентифицировать водоем;

2) несовершенство картографирования объектов ландшафта, в частности расхождения между старинными и современными картами при отображении водоемов в одних и тех же местностях, а также ошибочные подписи гидронимов за соседними водоемами;

3) расхождения в оценке гидрографической иерархии водоемов (что считается притоком, а что главной рекой), наблюдаемые как по современным, так и по старинным источникам;

4) существенные искажения письменных форм исторических гидронимов, затрудняющие идентификацию их с современными названиями тех же самых водоемов;

5) антропогенное изменение гидрографической сети: появление новых водохранилищ, осушение болот, изменение стока рек и озер по причине появления каналов и канав, и др.

Степень приблизительности гидрографической привязки водоемов неодинакова. Иногда неясна только сторона — правая или левая — впадения притока в главную реку (в этом случае соответствующие указания не даются). Иногда непонятно, протекает ли озеро в главный водоем или, будучи бессточным, просто примыкает к главному

водоему, относительно которого осуществляется его привязка (в таком случае мы избегаем сокращений «оз. с прот.» и «бесст. оз.», ограничиваясь сокращением «оз.»). Чаще встречаются водоемы, общая принадлежность которых к бассейну какого-нибудь небольшого притока (или к определенной части бассейна более крупного притока) безусловна или весьма вероятна, но более точное гидрографическое место водоема в данном бассейне определить не удастся. В таких случаях привязка водоема к бассейну предваряется знаком (?). Например, из фрагмента

● п. р. **Выдрица**

(?) ●● р. **Глушица**

(?) ●● оз. **Карашиное**

легко понять, что р. *Глушица* и оз. *Карашиное* принадлежат к системе р. *Выдрица*, небольшого правого притока р. Мсты, но более точная гидрографическая привязка их затруднительна. Эти незначительные водоемы упомянуты единично в письменной документации, а на просмотренных картах и планах найти их не удалось. Вместе с тем в «Судоходном дорожнике» 1855 г. р. Глушица указана как один из двух основных притоков Выдрицы (поэтому с ней допустимо соотносить такие известные по современным картам притоки Выдрицы, как р. Дора или р. Серебрянка; или же *Глушицей* именовалась часть течения самой Выдрицы в ее верховьях). Что касается маленького оз. *Карашиное*, то оно указано в ближних окрестностях д. Окладнево Боровичского района, которые приходятся на верхние притоки Выдрицы и отчасти на притоки соседней р. Щука.

Некоторые водоемы получают лишь максимально широкую гидрографическую привязку к значительному по площади бассейну крупного притока Мсты или, иногда, неопределенно, без конкретизации места, к течению самой р. Мсты. Отмечая такие водоемы, которых в целом немного, мы используем знак (??):

● л. р. **Березайка**

(??) ●● оз. **Боровно**

Оз. *Боровно* в приведенном примере, известное только по писцовой документации конца XV–XVI в., не локализовано; однако на его вероятную (не безусловную) принадлежность к бассейну Березайки, крупнейшего левого притока Мсты, намекает то, что данное озеро в текстах ПКНЗ и НПК постоянно отмечается вместе с озерами *Хвоцня* и *Клещинец*, которые расположены в северо-восточных окрестностях оз. Пирос и принадлежат водосбору р. Березайка в ее среднем течении.

При упорядочении водоемов и, соответственно, их названий мы, во-первых, опирались на современную гидрографическую сеть, отраженную в поздних материалах, на современных картах. Стоит заметить, что современная мстинская гидрография заметно отличается

от исторической, прослеживаемой по материалам Генерального межевания конца XVIII в. и по более ранней документации. На р. Мсту антропогенное воздействие было особенно сильным, поскольку в разных частях Мстинского бассейна во времена Вышневолоцкой водной системы производились значительные гидромелиоративные работы. Вследствие этих работ, например, Вышневолоцкое водохранилище затопило многие речки и озера близ Вышнего Волочка, имевшие собственные названия; оз. *Пирос* разлилось и считается сегодня озером в течении р. Березайка, тогда как раньше оно было озером, подчиненным р. Валдайка, впадавшей в р. Березайка; оз. *Лимандрово* приобрело основной сток в р. Вельгия и сегодня отнесено к системе этой реки, тогда как раньше оно было исключительно связано с р. Уверь; в бассейне р. Перетна появилось оз. *Разлив*, связанное каналом и с бассейном р. Шегринка и поглотившее группу маленьких озер. Примеров искусственных преобразований мстинской гидрографии, повлиявших на иерархию водоемов, можно привести немало. Мы заметили также, сопоставляя комплексы исторической и современной гидронимии, что за нескольких столетий отчасти изменилась конфигурация водоемов мстинской дельты, но эти изменения, очевидно, связаны с естественным меандрированием дельтовых проток.

Во-вторых, при упорядочении водоемов и гидронимов, опираясь в целом на современную гидрографию, мы обязательно учитывали межгидронимные микросистемные отношения. Водоемы с микросистемно соотносимыми названиями, как правило, относятся к бассейну одного и того же притока. Поэтому нередко, благодаря межгидронимной микросистемности, неоднозначно локализуемые водоемы получают вполне оправданную гидрографическую привязку. Например, бол. *Приводское*, судя по современной карте, непосредственно прилегает к оз. Тошное бассейна р. Полонка, левого притока Мсты, и, следовательно, его можно было бы отнести к бассейну Полонки. Однако неподалеку от этого болота, хотя и немного в стороне, лежит оз. *Привод*, безусловно относящееся к системе р. Березайка. Микросистемность гидронимов *Приводское* – *Привод* делает целесообразным отнесение к бассейну Березайки не только озера, но и болота.

Иногда естественно сложившаяся гидронимия, образующая микросистемы, противоречит принятому сегодня пониманию гидрографической иерархии. В таких случаях для нас оказывается важнее не современное понимание гидрографии, а координация деривационно связанных гидронимов. Например, вышеупомянутое оз. *Лимандрово* мы связываем с р. *Лимандровка* системы р. Уверь, вопреки современным гидрографическим представлениям, относящим данное озеро к системе р. Вельгия. Истоком р. *Перетна*, иначе *Перетенка*,

традиционно считается крупное оз. Заозерье, которое соединено протокой с озером, именуемым *Перетно*. Учитывая микросистему р. *Перетна*–оз. *Перетно*, мы в нашем Каталоге, вопреки сложившейся традиции, рассматриваем оз. Перетно как источник для р. Перетны (Перетенка), а оз. Заозерье –как озеро, лежащее в течении этой реки.

Характерной особенностью оформления Каталога является значительное количество сносок. Сноски входят в формализованную каталогизацию материала как дополнительные элементы исследовательского анализа. Информация, содержащаяся в тексте сносок, раскладывается в несколько основных блоков.

Во-первых, сноски преимущественно даются к тем позициям основного текста Каталога, которые включают знаки (?) и (??). В таких случаях основное назначение сносок – лаконично пояснить отнесение не вполне локализованных водоемов к тем или иным (микро)бассейнам притоков в системе Мсты.

Во-вторых, в сносках часто содержатся важные сведения об особенностях денотативной стороны гидронимии, равно как и о различном понимании гидрографической иерархии в современных материалах и исторических источниках. Требуют пояснения в сносках, например, такие факты, когда один водоток носит два или три названия на разных участках своего русла. Так, в современных материалах один из притоков р. Цна в верхнем и среднем течении называется *Белятинский*, а в нижнем течении – *Каменистый*; р. *Березайка* иногда подразделяется крупным озером Пирос, расположенным в ее течении, на *Верхнюю Березайку* и *Нижнюю Березайку*; в конце XVIII в. название *Березинка* было закреплено за р. Березайка только в самом верхнем течении. Сноски необходимы и тогда, когда очевидны исторические изменения в денотативном объеме гидронима, что сказывается на иерархии притока и главной реки. Например, по современным данным, в бассейне р. Перетны р. *Макаровка* считается притоком р. *Осиповка*, тогда как на плане 1780-х гг. гидроним *Осиповка* распространен не только на современную р. Осиповка, но и на р. Макаровка. Другой пример: в бассейне Цны на современных картах р. *Дубенка* отмечена в качестве левого притока р. *Ветча*, однако на уездном плане 1780-х гг. р. *Дубянка* (= совр. *Дубенка*) показана как главная река, а р. *Вятица* (= совр. *Ветча*) –как ее правый приток.

В-третьих, в сносках, как уже отмечалось выше, приводятся названия островов, мысов, заливов и прочих заметных объектов, относящихся к акваториям крупных озер. При этом иногда сообщается, каким образом внутриозерные названия членят пространство озера (например, указывается, что гидронимы *БольшоеПудоро* и *Малое Пудорце* относятся к верхнему большому и к нижнему малому плесам,

из которых состоит оз. *Пудоро*). Наконец, в сносках можно найти дополнительные сведения об объектах, сооруженных при обустройстве Вышневолоцкой водной системы (искусственные каналы, бейшлоты и др.), о группах порогов на Мсте, имевших значение для старинного судоходства, и др.

Мстинский Каталог составляется на основе многих письменных и картографических источников, среди которых имеются главные, хронологически этапные, содержащие наибольшее количество названий. К числу таких главных источников нами отнесены современные, относящиеся ко второй половине XX–началу XXI в. картографические и письменные материалы по Новгородской и Тверской областям: общегеографические карты-километровки, списки и справочники водоемов, изредка – местные краеведческие материалы, в том числе размещенные в Интернете.

Для начала XX в. самый значительный гидронимический материал содержится в рассмотренном выше справочнике Д. Ф. Шанько [Шнк] и в списках селений Новгородской губернии [СНМНГ]. Военно-топографические карты масштаба 3 версты в дюйме являются наиболее значимым источником для эпохи 2-й половины XIX в.: из них было извлечено множество гидронимов, закрепленных за незначительными речками и ручьями. Материалы Генерального межевания по Боровичскому, Валдайскому, Вышневолоцкому, Крестецкому уездам и частично по уездам Новгородскому, Осташковскому и Тихвинскому послужили ценнейшим кладом мстинской гидронимии и иной топонимии для эпохи конца XVIII в., преимущественно для 1780-х гг. При сборе материала нами были просмотрены, во-первых, планы указанных уездов приблизительного масштаба 1:84 000 и, во-вторых, в отдельных случаях учтены планы дач и экономические примечания к дачам. Стоит отметить, что на картах Генерального межевания, которые являются первыми в Российской империи довольно точными крупномасштабными картами, номенклатура водоемов представлена, пожалуй, более подробно и полно, чем на трехверстных картах 2-й половины XIX в. Наконец, необходимо особо подчеркнуть значимость древнейших новгородских писцовых и переписных книг [НПК; ПКНЗ], в которых зафиксирован значительный слой новгородской, в том числе мстинской, гидронимии конца XV–XVI вв.; при этом еще в большем объеме в писцовых документах представлены соотносимые с гидронимами названия селений и урочищ.

Разумеется, в полной мере учитываются и все другие исторические источники, которые сильно разнятся по хронологии, типологии, полноте и качеству гидронимического материала, трудоемкости его извлечения. Древнейшим источником являются новгородские

берестяные грамоты, но необходимых для мстинского Каталога фактов они содержат сравнительно мало. Весьма полезными оказались подробные статистические описания волостей и уездов Новгородской и Тверской губерний, описания Вышневолоцкой водной системы и др. Не последнее место в ряду источников занимают наши собственные полевые записи мстинской гидронимии, хотя их удалось сделать лишь в отдельных местностях. При всем этом картографические источники мы считаем первостепенными, ибо они, помимо самих гидронимов, содержат все необходимые сведения об их размещении в бассейне Мсты.

Первоначальной основой Каталога послужили современные карты-километровки Новгородской и Тверской областей, с которых в первую очередь была снята гидронимическая номенклатура (ее объем в целом вряд ли превышает 15–18% от всей гидронимии Каталога). На эту первоначальную основу постепенно «наназывалась» историческая гидронимия из хронологически неоднородных материалов картографии и письменных изданий. Сравнение современных и старинных карт и планов позволило уточнить для многих мест иерархию мстинских притоков, выявить различия современной и старинной гидрографии, облегчило упорядочение гидронимии, извлеченной из ранних некартографических (докартографических) источников, особенно из средневековых писцовых книг, актов и письменности.

Сокращенные наименования источников в каждой гидрографической позиции Каталога перечислены в ретроспективном порядке – последовательно от хронологически более поздних к более ранним. Такой порядок, на наш взгляд, наиболее естественен, если исходить из логики постепенного обогащения современной картографической основы исторической гидронимией. Часть гидрографических позиций Каталога не содержит исторической гидронимии (обычно это относится к болотам и очень незначительным малоизвестным водоемам), но в большинстве случаев позиции представляют собой гидронимные гнезда, иногда весьма обширные, включающие до десятка вариантных и параллельных названий одного водоема (в редких случаях более десятка).

Гидронимы в таких гнездах перечисляются тоже упорядоченно, в ретроспективном порядке: вначале даны названия, обнаруженные по современным и относительно поздним источникам, далее хронологически последовательно идут названия, найденные в более ранних источниках. В гнезде перечисляются все вариантные названия – в том числе и те, которые стали результатом неточного воспроизведения, случайной письменной ошибки. Их важно учесть по многим причинам,

но главным образом для того, чтобы избежать дальнейшего анализа «фантомных» тополекем.

Если гидроним был записан со знаком ударения, то знак ударения сохраняется при всех дальнейших упоминаниях данного гидронима; при этом акцентованная лексема не считается новым вариантным гидронимом, отличным от неакцентованного. Если гидроним был записан без ударения, то он приводится в неакцентованном виде, даже если место ударения абсолютно очевидно по нормам произношения русских слов (оз. *Белое*, руч. *Черный*).

Гидронимы даются в том виде, в каком они зафиксированы в памятнике письменности или на карте. Отступления от этого правила незначительны: 1) буква *ъ* опускается на конце слова; 2) конечная буква *и* в местоименных прилагательных замещена буквой *й* (*Черной* вместо *Чернои*); 3) буква *і* замещена буквой *и*. Гидронимы, различающиеся буквами *е-ё* (*Млевка-Млёвка*), *е-ь* (*Белый-Бьлый*), адъективными окончаниями *-ой-ый* (*Черной-Черный*), следуют в Каталоге как отдельные варианты названия. Если дано название, сомнительно читаемое в старинном источнике, после него курсивом ставится в скобках знак вопроса: *Копи (?)*.

Как правило, в древней письменной документации гидронимы обнаруживаются в косвенных падежах, причем флексии начальных форм древнеписьменной гидронимии далеко не всегда очевидны. При неочевидной лемматизации мы предпочитаем давать две, а иногда и три начальные формы: рядом с более вероятной начальной формой дается в курсивных квадратных скобках со знаком вопроса менее вероятная форма; далее, после знака двоеточия, приводится минимальный контекст употребления гидронима в письменном документе: *Устимо [Устим?]*: «у Устима озера» [НПК VI, 644]. Минимальный контекст может быть дан также в ясных с точки зрения лемматизации случаях – обычно для того, чтобы обосновать наличие единичной или нехарактерной флексии, например: оз. *Шлина*: «надъ озеромъ надъ Шлиною» [НПК I, 614].

Негидронимы, микросистемно связанные с гидронимией, следуют после знака плюс:

п. р. *Гузаревка* [НО; МГМ Брв], *Заболотье* [КГарн; Шнк; ВТКЗверст] + д. Гузарево [НПК II, 171], д. Заболотье [НО]

Негидронимы, обычно ойконимы, по возможности приводятся в самых ранних формах, впервые зафиксированных источниками (обычно это фиксации в НПК и ПКНЗ), что позволяет делать более определенные суждения относительно хронологии соотносимых с ними гидронимов; наряду с ранними формами даются (за знаком =) продолжающие их поздние или современные формы негидронимов.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- ВТКЗверст – Военная топографическая карта западной части Российской империи (масштаб 3 версты в дюйме) съемок второй половины XIX в. и печати второй половины XIX в. – начала 1900-х гг.
- КГарн – Картотека микротопонимов Боровичского уезда Новгородской губернии, собранная краеведом К. В. Гарновским (хранится на кафедре математической лингвистики СПбГУ, г. Санкт-Петербург)
- Маштаков П. Л.* Список рек Днепровского бассейна. СПб., 1913.
- Маштаков П. Л.* Список рек Днестра и Буга (Южного). Пг., 1917.
- Маштаков П. Л.* Список рек Донского бассейна. М.–Л., 1934.
- МГМ Брв – Материалы генерального межевания 1780-х гг. Атлас Боровичского уезда Новгородской губернии. РГАДА. Ф. 1356. Губернские, уездные и городские карты, планы и атласы. Оп. 1. №№ 3003–3010.
- НО – 1) Топографические карты Новгородской области масштаба 1:100 000; 2) Приложение к распоряжению облисполкома Новгородской области от 22.08.1989 г. № 334-8 «об утверждении перечня рек, озер и водохранилищ Новгородской области для установления водоохранных зон до 2000 года»; 3) *Истомина Э. Г., Яковлев З. М.* Голубое диво: историко-географический справочник о реках, озерах и болотах Новгородской области. Л., 1989.
- НПК – Новгородские писцовые книги. Т. I. Переписная оброчная книга Деревской пятины около 1495 г. Первая половина. СПб., 1859; Т. II. Переписная оброчная книга Деревской пятины около 1495 г. Вторая половина. СПб., 1862; Т. III. Переписная оброчная книга Водской пятины 1500 г. Первая половина. СПб., 1868; Т. IV. Переписные оброчные книги Шелонской пятины. СПб., 1886; Т. V. Книги Шелонской пятины. СПб., 1905; Т. VI. Книги Бежецкой пятины. СПб., 1910.
- Отин Е. С.* Каталог рек Северного Приазовья // Повідомлення Українськ коіномастичної комісії. Вип. 10–12. Київ, 1974–75.
- Отин Е. С.* Гидронимия Дона. Т. I. Верхний и Средний Дон. Донецк, 2011.
- Отин Е. С.* Гидронимия Дона. Т. II. Нижний Дон. Донецк, 2012.
- ПKNЗ – Писцовые книги Новгородской земли / Сост. К. В. Баранов. Т. 1. Новгородские писцовые книги 1490-х гг. и отписные и оброчные книги пригородных пожен Новгородского дворца 1530-х гг. М., 1999; Т. 2. Писцовые книги Обонежской пятины XVI в. СПб., 1999; Т. 3. Писцовые книги Бежецкой пятины XVI в. М., 2001; Т. 4. Писцовые книги Деревской пятины 1530–1540-х гг. М., 2004; Т. 5. Писцовые книги Деревской пятины 1550–1560-х гг. М., 2004.
- СГУ – Словник гідронімів України. Київ, 1979.

- СГЮВП – Муллонен И. И., Азарова И. В., Герд А. С. Словарь гидронимов Юго-Восточного Приладожья (бассейн реки Свирь). СПб., 1997.
- Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки (список рек и озер). М., 1976.
- СНМНГ – Список населенных мест Новгородской губернии / Под ред. В. А. Подобедова. Новгород, 1907–1912. Вып. I. Новгородский уезд; Вып. II. Демянский уезд; Вып. III. Старорусский уезд; Вып. IV. Крестецкий уезд; Вып. V. Валдайский уезд; Вып. VI. Боровичский уезд; Вып. VII. Тихвинский уезд; Вып. VIII. Устюженский уезд.
- Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.
- Трубачев О. Н. Названия рек Правобережной Украины. Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. М., 1968.
- Шнк–Шанько Д. Ф. Реки и леса Ленинградской области. Л., 1929.

Valeriy L. Vasiliev, Nina N. Vichrova
Novgorod State University named after Yaroslav Mudry,
Velikij Novgorod, Russia

ON HYDRONYMIC CATALOGUES COMPOSITION PRINCIPLES: CATALOGUING OF HYDRONYMS OF THE MSTA RIVER BASIN

The article presents a brief review of the few Russian hydronymic catalogues (relating to the basins of the Don, Oka, Svir and other rivers) based on the hydrographic principle. The authors argue that, in comparison with alphabetized hydronymic dictionaries, hydronymic catalogues have some obvious advantages for onomastic lexicography. This kind of catalogues should include, firstly, all historically attested forms of a hydronym (including those considered to be occasional miswritings) and, secondly, all non-hydronymic names making part of the respective hydronymic microsystem and providing “external” (i. e., chronological, derivational, etymological, ethno-historical) information about the hydronym. The authors point out that the cataloguing of hydronyms based on the hydrographic principle entails some difficulties: impossibility to localize some bodies of water mentioned in ancient and medieval documents; differences in the indication of the same bodies of water on old and contemporary maps; historical differences in establishing hydrographic hierarchies; historical changes of lake-river systems, etc. The authors also share their experience in creating a hydronymic catalogue of the Msta River basin in Novgorod and Tver Regions of Russia.

Key words: Russian language, hydronymy, hydrography, hydronymic catalogues, the Msta River basin, toponymic microsystems.

Статья поступила в редакцию 13.04.2016 г.

ПОЭТОНИМОЛОГИЯ

Е.М. Верещагин (Москва)

«ГРОМКОЕ ИМЯ» И «БЕСПРОЗВАННОСТЬ»: ИХ РОЛЬ В СЮЖЕТОСЛОЖЕНИИ «МЕДНОГО ВСАДНИКА»¹

Реферат. Исследование посвящено проблеме, которая издавна занимала умы пушкинистов. В поэме «Медный всадник» Евгений, мелкий чиновник, несчастное ничтожество, олицетворение заурядности, отваживается бросить вызов самому Петру, императору Всея Руси, «мощному властелину судьбы». Соответственно конфликт представляется немотивированным и неправдоподобным. Между тем в неоконченной поэме «Езерский» и в черновиках «Всадника» присутствуют свидетельства, согласно которым Пушкин первоначально намеревался дать образ Евгения как потомственного дворянина с «громким именем», равного императору и достойного ему противника. Пушкин впоследствии пошел на значительное снижение образа своего героя, чтобы отвести возможные подозрения цензора.

Ключевые слова: первоначальный замысел, «громкое имя», «беспрозванность», немотивированный конфликт, снижение образа героя, цензура.

Нижеследующие разыскания посвящены роли ономастики в переменивом авторском замысле «Медного Всадника» (далее иногда: *МВ*): но сначала полезно напомнить и по-новому систематизировать внешние обстоятельства написания как самой поэмы (или «петербургской повести»), так и сопряженных с ней онегинских строф, известных под заглавием «Езерский» (далее иногда: *Е*).

---

¹ В статье использована методика аналитической концентрации на малых объемах текста, предложенная и реализованная автором в процессе работы по проекту № 14-04-00431 «Филологическое исследование древнейшей славянской переводной гимнографии: художественная форма и содержание минейных канонов», финансируемому РГНФ.

Соответственно в статье сначала пропедевтически рассматриваются общие вопросы, а затем предложен конкретный лингвотекстологический и лингвокультуроведческий анализ текста МВ и Е. Подробнее о примененной методологии аналитической концентрации на малых объемах текста см. в двух предшествующих больших пушкиноведческих публикациях автора (см.: [Верещагин 2015а и 2015 б]).

1. *Бесконфликтность в первой посмертной публикации «Медного Всадника»*

Имя второго героя МВ – *Евгений*, а относительно его фамилии Пушкин заметил: «Прозванья нам его не нужно». Острое столкновение ничтожного Евгения Беспрозрачного с «державцем полумира», несомненно, присутствует в черновиках и беловых рукописях МВ, но когда МВ был впервые напечатан в «Современнике» (1837, 5/1: 1-21)², то отразившийся в поэме конфликт, в котором (по семантике слова) участвуют две стороны³, после правки В.А. Жуковского на деле оказался односторонним.

В этом первом *посмертном* издании гнев и ярость ополчившегося Петра Великого (в согласии с замыслом Пушкина) вполне обрисованы, а вызывающее поведение чиновника, способное разгневать и разъярить, напротив, оказалось (вопреки замыслу поэта) элиминировано.

«Бесконфликтная версия» МВ, или версия Жуковского, вошла далее в целый ряд последовавших отдельных изданий поэмы и в собрания сочинений Пушкина (например, см. [Сочинения 1841]), но когда пушкинисты, начиная с П.В. Анненкова, приступили к исследованию рукописей поэта, стала осуществляться и реконструкция ее подлинного текста.

Процесс шел постепенно и медленно. Лишь издатели «Медного Всадника», опубликованного в 1904 г., получили возможность и право написать: «Подлинный пушкинский текст “Меднаго Всадника” восстановлен только в настоящем издании» [Сочинения и письма 1904: 247].

Впрочем, реконструкция «Всадника» продолжалась и позже, но что касается стихов о «кумире», то они, действительно, были установлены в упомянутом издании П. Морозова⁴. В конце концов для всего

² Произведение помечено 1833 годом, хотя Пушкин трудился над ним и позже.

³ *Конфликт* (con-flictus букв. «с(о)-толковение/-тычка, обмен ударами»), а также синонимы *противоборство*, *схватка*, *сшибка* – слова, выражающие идею взаимности, вовлеченности двух сторон.

⁴ Впрочем, относительно приоритета реконструкции всего текста МВ приведем суждение В.Я. Брюсова: «Некоторые стихи только в настоящем издании впервые появляются в том виде, как их написал Пушкин». Брюсов имеет в виду издание под ред. С.А. Венгерова (см. [Пушкин 1909]), в котором он сам участвовал.

«Всадника» удалось определить окончательную форму, и нынешняя печатная версия МВ, как она представлена в [БАСС-5] и во многочисленных последующих изданиях, – она-то и признаётся *дефинитивным* текстом. Этот текст мы цитируем по публикации в серии «Литературных памятников» [МВ: 21-22], восходящей к изданию [БАСС-5: 131–150].

Дефинитивный текст значительно отличается от посмертной версии. Конфликт стал двусторонним.

Мотив конфликта после отказа от «присочинений» Жуковского стал ясен, но каковы были его проявления со стороны Евгения и что они означали – до сих пор далеко не очевидно.

Соответственно далее (во втором разделе статьи) нам хотелось бы выяснить, какие позы, жесты, оскорбления, угрозы допустил коломенский чиновник и в чем их смысл.

Чтобы конкретно подтвердить бесконфликтность посмертной версии МВ, ниже мы сопоставили ее с «конфликтным» дефинитивным текстом.

В этом последнем границы описания конфликта можно устанавливать по-разному, но, по нашему мнению, достаточно 24-х ключевых строк. Они и воспроизводятся ниже со сплошной нумерацией стихов-строк:

424 Кругом подножия кумира
425 Безумец бедный обошел
426 И взоры дикие навел
427 На лик державца полумира.
428 Стеснилась грудь его. Чело
429 К решетке хладной прилегло,
430 Глаза подернулись туманом,
431 По сердцу пламень пробежал,
432 Вскипела кровь. Он мрачен стал
433 Пред горделивым истуканом
434 И, зубы стиснув, пальцы сжав,
435 Как обуянный силой черной,
436 «Добро, строитель чудотворный!» –
437 Шепнул он, злобно задрожав, –
438 «Ужо тебе!...» И вдруг стремглав
439 Бежать пустился. Показалось
440 Ему, что грозного царя,
441 Мгновенно гневом возгоря,
442 Лицо тихонько обращалось...
443 И он по площади пустой
444 Бежит и слышит за собой –

445 Как будто грома грохотанье -
446 Тяжело-звонкое скаканье
447 По потрясенной мостовой.

Готовивший поэму к изданию В.А. Жуковский, «исправивший» текст Пушкина, иногда не считался с показаниями его рукописей, но всегда считался с пометками Высочайшего цензора, а также со своими представлениями о том, что может вызвать у него нарекания. В частности, когда в «Современнике» появился фрагмент, трактующий столкновение между Евгением и Петром (с. 18-19), то была напечатана версия, которая в самом существенном отличается от версии рукописей Пушкина и изданий.

Ниже строки из «Современника», точно совпадающие с дефинитивным текстом, получили те же номера, даже если они переставлены на другое место, а несовпадающие строки показаны литерами в квадратных скобках. Ср.:

425 Безумец бедный обошел
[А] Кругом скалы с тоскою дикой,
[Б] И надпись яркую прочел,
[В] И сердце скорбию великой
[Г] Стеснилось в нем. Его чело
429 К решетке хладной прилегло,
430 Глаза подернулись туманом...
[Д] По членам холод пробежал
[Е] И вздрогнул он – и мрачен стал
[Ж] Пред дивным Русским Великаном.
[З] И перст свой на Него подняв,
[И] Задумался. Но вдруг стремглав
439 Бежать пустился. Показалось
440 Ему, что Грозного Царя,
441 Мгновенно гневом возгоря,
442 Лице тихонько обращалось...
443 И он по площади пустой
444 Бежит и слышит за собой –
446 Тяжело-звонкое скаканье
447 По потрясенной мостовой...

Как видим, поведение императора (439 – 447), за исключением одного отсутствующего стиха (445), не отличается от дефинитивного текста, но поступки Евгения Беспрозванного, которые спровоцировали царя на взрыв гнева, за исключением трех стихов (425, 429, 430), описаны по-другому ([А] – [И]).

Действительно, у Жуковского нет многих предикаций, которые сейчас наличествуют в печатной версии. Так, у него не говорится ни об

агрессивной позе «безумца бедного» (434 «зубы стиснув, пальцы сжав»); ни о его словесных угрозах (436 «Добро, строитель чудотворный!», 438 «Ужо тебе!»); ни об охватившей его злобе (437 «злобно задрожав»); ни о манере произнесения угрозы, которая, видимо, была (что мягко называется) эмфатической: Евгений приглушенно процедил ее сквозь сжатые зубы (437 «шепнул он»).

Все признаки агрессивного, провоцирующего поведения Евгения Жуковский, учитывая предстоявшую цензуру, «благоразумно» устранил. Правда, можно подумать, что он сохранил-таки один мотив угрозы, исходившей от коломенского чиновника, поскольку приписал от себя: [3] «перст свой на Него подняв». Однако непосредственно затем он вопреки контексту – также самочинно – прибавил, что Евгений [И] «задумался».

Таким образом, по Жуковскому, второй герой поэмы не решился на конфликт, а, напротив, перешел в спокойное состояние.

Отсюда видно, что Жуковский под «поднятием перста» никак не имел в виду угрожающего жеста. Евгений адресовал жест поднятого пальца отнюдь не царю, а самому себе: «Вот тот, который...». (После чего и «задумался»).

Идентифицирующий (указующий) жест бывает статичен, тогда как провокативный (вызывающий) жест – как правило динамичен. Ср.: «показывать пальцем» (держа его некоторое время в неподвижности) и «грозить пальцем» (быстро передвигая его от себя в сторону противника).

В Писарской копии МВ 1836 г., на основе которой (без учета автоцензуры самого поэта) ныне публикуется дефинитивная версия «Медного Всадника», все четыре признака вызывающего поведения присутствуют.

Мы их пронумеровали: (1) агрессивная поза, (2) вербальное оскорбление, (3) злоба, выразившаяся в том, что Евгений задрожал (как перед боем), и (4) эмфатическая угроза (произнесенная особым эмоциональным тоном голоса). Эти же признаки присутствуют и в Цензурном автографе.

Таким образом, в дефинитивной версии указаны четыре признака мятежа. В черновиках Пушкина их еще полудюжина.

2. Агрессия коломенского чиновника в черновиках «Медного Всадника»

Во Второй черновой рукописи (ПД 839; см. [МВ: 57-60]), в частности, читается:

Кругом безумец обошел
Скалу подножие кумира
И взор без <нрзб.> навел

На лик Владыки полу-мира⁵.

По-видимому, Пушкин описал здесь (5) наглый, дерзкий, оскорбительный взгляд исподлобья, которым вызывают на поединок. Глагол *навел*, с одной стороны, выражает динамику, а, с другой, статику: Евгений на сравнительно длительное время «зафиксировал» лик царя. Между тем фиксировать кого-либо взглядом, разглядывать – непристойно⁶.

Далее, в черновике (с учетом вымарок) написано:

Глаза подернулись – и стал

Евгений <?>

[Он] [перед] [Цар<ским> <?>] Истуканом.

Мрачен стал печатной версии (и у Жуковского) значит: «у него переменилось настроение», тогда как (*в*)*стал перед истуканом* черновика указывает не на перемену в настроении, а на соматическую кинетику героя. Действительно, «встать на/поперек пути кого-либо», «не давать проходу», «загородить/перейти дорогу» – это (6) внешним поступком провоцировать столкновение⁷.

Ср. еще один, и благодаря наречию «прямо» даже более отчетливый, вариант:

[Он отошел – и прямо] стал

Перед суров<ым> <?> ист<уканом> <?>.

В черновике, далее, имеются варианты:

[И стал бранить его]

[И перст]

[И погрозив ему – шепнул].

Евгений, не заслуживший у поэта даже прозвания, осмелился обратиться к богоподобному императору не просто оскорбительные, а (7) бранные слова! Их произнесение в присутствии особы, помазанной на царство, невообразимо.

⁵ Пушкин в черновиках почти не использует знаков препинания, за исключением особо важных случаев.

⁶ Ср. в современной культуре: «Чего ты на меня уставился? (На мне картинок нету)»; «Что ты на меня (так) смотришь?». А.И. Тургенев в письме И.С. Аржевитинову от 30 января 1837 г. сообщает, что и сам Пушкин был восприимчив к наглым взглядам: «Он (Пушкин. – Е.В.) на меня бросил беглый взор; бесцеремонное внимание, с которым я уставился на него, произвело, должно быть, на него впечатление неприятное: — он словно с досадой повел плечом [...] и отошел в сторону».

⁷ Далее в черновике зачеркнуто: [Стал на колени]. Эта поза не согласуется с предшествующим и последующим контекстом и может свидетельствовать о противоречивых колебаниях поэта.

А что касается перста, то здесь ясно сказано, что безумец использовал жест не для идентификации (как у Жуковского), а для (8) жестовой угрозы («погрозив ему»).

Наконец, как и в современных печатных версиях, в черновике (2) оскорбление со стороны беспрозванного Евгения воспроизведено вербально (2):

Добро, строитель Петрограда!...
[Уже тебя –] [*<нрзб.>*].

«Добро» (иногда с окличкой адресата) и «уже (ужо) тебя» (где падеж сигнализирует, к кому обращена угроза) – это кульминация вызова Евгением царя на поединок. Как вариант в черновике читается: «Добро, строитель чудотворный!». Пушкин в рукописях нередко пренебрегает знаками препинания, но в данном случае восклицательный знак применен дважды.

Можно, конечно, произнести угрозу сквозь зубы, шепотом, но можно ее и прокричать, что, пожалуй, и сделал Евгений. Во всяком случае в черновике есть тому подтверждение:

И <?> – показалось
Ему что [бронзову главу]⁸
[На голос] [тихо] [обращалось].

Угроза была сказана не про себя и не шепотом: это была (9) громогласная угроза.

При этом автор поэмы, а, может быть, и сам Петр оценили отвагу стоявшего перед ним человечка. К сожалению, соответствующий начатый стих не дописан: «Туда, где сме <лый> <?>», но атрибут *смелый* по контексту явно отнесен к Евгению.

В черновике Пушкин и далее продолжает нагнетать невыносимую ситуацию:

Шепнул он руку сжав –
Д<обро> <?>.

Свою *руку сжать* можно только в кулак, в том числе и для того, чтобы поколотить обидчика. В замысле поэта было заставить Евгения грозить не только пальцем, но и кулаком. Жест, сделанный на расстоянии, сохраняет свою оскорбительность. Ничтожный чиновник грозил (10) физической расправой!

---

⁸ Издатель (Н.В. Измайлов) предполагает: «Вероятно, описка, вместо бронзовой главой <?>».

Таким образом, с опорой на дефинитивную версию и на вторую болдинскую черновую рукопись мы насчитали целых 10 видов вызывающего поведения Евгения.

Конечно, В.А. Жуковский не обращался к черновикам, но в белой рукописи, которую он правил, 4 вида оскорблений присутствовали, а он их вымарал. Оценивая результаты такой правки, включавшей в себя и дописывание за Пушкина, П.Е.Щеголев не принял во внимание добрые мотивы сердечного друга Пушкина и не проявил к нему снисходительности. По его словам, Жуковский довел «исправления до желанного цензурного конца, простирая бесцеремонность в обращении с пушкинским текстом вплоть до сочинения собственных стихов “под Пушкина” и введения их в текст “Меднаго Всадника”» [Щеголев 1923: 69]; «подобные исправления были преступлением против творчества и искусства» [там же: 68].

В заключение настоящего раздела статьи сделаем разъяснение относительно методологии нашего анализа. Да не покажется неправомерным обращение, наряду с беловыми рукописями, к черновикам и к отброшенным (вымаранным в них) вариантам: все варианты, пусть и только на какое-то время, были в поле внимания поэта и, стало быть, имеют отношение к его замыслам. «Всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства»⁹.

3. Ничтожество в поединке с Высочайшей особой

Выдающийся пушкинист Николай Васильевич Измайлов жизнь положил на исследование «Медного всадника» (и сопряженной с ним неоконченной поэмы «Езерский»). Измайлову принадлежит образцовое издание обоих творений А.С.Пушкина (см.: [МВ]), в котором исчерпывающе опубликованы черновики и беловые списки.

В этом же издании напечатана пространная монография ученого, значительная часть которой посвящена истории замысла «петербургской повести» (см.: [Измайлов 1978]).

В этой монографии еще раз – талантливо и оригинально – отразилась загадочная противоречивость образа второго героя повести, которую неоднократно отмечали и предшественники Николая Васильевича.

С одной стороны, Измайлов не устает повторять, что прозябающий в Коломне чиновник Евгений Беспрозванный – подлинное ничтожество. С другой стороны, по мнению исследователя, Евгений, произнеся свою угрозу, проявил себя как Человек (с большой буквы).

---

⁹ Пушкинская апофтегма имеет в виду Вольтера, но ее, конечно, возможно обратить и к самому поэту. Посему ни в коем случае нельзя согласиться с игнорированием его черновиков (а некоторые пушкинисты так поступают).

Измайлов исходит из известного тезиса, согласно которому философский смысл «Медного всадника» состоит в конфликте двух идейных начал – деспотизма, олицетворением которого является Петр Великий, и ничтожества, олицетворением которого является захудалый чиновник. Мятёж чиновника не таит в себе никакой опасности. Два героя «повести» персонифицируют конфликт: один – «Петр Великий, “могучий властелин судьбы”, [...]»; другой – Евгений, мелкий чиновник из обедневшего дворянского рода, опустившийся до мещанского уровня, “ничтожный герой”, вошедший в 30-х годах в творческий кругозор Пушкина из окружающего быта» [Измайлов 1978: 148-149].

Ничтожный и *ничтожество* – лексемы, не раз употребленные самим Пушкиным. В его писаниях, *ничтожный*, наряду со значением «совершенно незначительный» (в психологическом смысле, т.е. лишенный неординарных черт ума и характера)¹⁰, имеет также (ныне неактуальное) генеалогическое значение – «неродовитый, низкородный»¹¹ (а в силу отсутствия образования и воспитания ничтожный также и психологически).

В применении к Евгению *ничтожный* употребляется Измайловым регулярно (например, на сс. 153, 165, 166, 167, 168, 169, 178, 190, 199, 201, 202, 203, 211, 222, 234, 243, 247, 254, 255, 259, 260, 261, 265 и т.д.). Настойчиво, вновь и вновь упоминая о духовной нищете Евгения Беспрозванного, автор замечательной монографии вполне убеждает всех и каждого: перед мысленным взором читателя встает невзрачный, приземленный, боязливый, неприметный, плохо одетый и смиренный человек типа Акакия Акакиевича, интересы которого не распространяются далее переписки служебных бумаг¹², или Самсона Вырина,

---

¹⁰ Ср. характерный контекст: «Б** несколько времени занимал ее (Зинаиды Вольской. – Е.В.) воображение. “Он слишком для вас ничтожен”, сказал ей Минский. “Весь ум его почерпнут из *Liaisons dangereuses*, так же как весь его гений выкраден из Жомини”» (<Гости съезжались на дачу...>).

¹¹ Ср. характерный контекст, в котором смысл лексемы ничтожный «низкородный» прояснен прибавлением недвусмысленного французского эквивалента и русского антонима: «Это был первый ее ребенок с того времени, как она признана была императрицей: честь, коей она достойна более многих принцесс, которые должны бы краснеть от стыда, видя, что женщина ничтожного происхождения (*une femme de rien*) (курсив мой. – Е.В.), безо всякого образования, не воспитанная в чувствах величия и душевной возвышенности, свойственных высокому рождению, поддерживает сан императорский со всею честью, величием и умом, которые можно было бы только ожидать от самой знатнейшей крови» («Записки Бригадира Моро де Бразе о походе 1711 года»; орфограмма имени – согласно письму Пушкина А. Х. Бенкендорфу от 31 декабря 1835 г.). *Homme/femme de rien* – «мужчина/женщина низкого происхождения» (букв. «ничтожества»).

¹² О том, что Евгений был именно копиистом, свидетельствует мельком брошенное замечание об очинке им перьев.

который даже в чтении и письме не был силен¹³. Однородность трех литературных персонажей видна хотя бы в том, что и Акакий Акакиевич, и Самсон Вырин, и Евгений – чиновники низшего (14-го) чина. Перед нами социальный тип.

Приняв распространенный тезис о ничтожестве лица, которому уготована роль антагониста императора, Н.В.Измайлов в то же время дает Евгению и другие – противоположные – оценки. Вступив в противоборство, Евгений в данной ситуации «является нам в новом качестве – Человеком в высшем смысле слова» [Измайлов 1978: 263]. Эта мысль ученым повторяется, и не раз: «...вот Евгений бросает свой вызов, свою угрозу. В мгновение “грозный царь” [...] поворачивает к оставшемуся против него Человеку свое “возгоревшее гневом” лицо и, поражая его страхом, обращает в бегство и преследует всю ночь ... Дело, очевидно, в том, что Евгений здесь – Человек, в высшем значении этого слова» [там же: 265]¹⁴.

Как выше сказано, автор выписок не был первым, кто высказывал аналогичные мысли. Так, В.Я.Брюсов в статье, не менее значимой, чем монография Измайлова, с удивлением говорит о внезапном преобразении Евгения: «Малый и ничтожный, тот, кто недавно сознавался смиренно, что “мог бы Бог ему прибавить ума”, чьи мечты не шли дальше скромного пожелания: “местечко выпрошу”, *внезапно* (курсив мой. – Е.В.) почувствовал себя равным Медному Всаднику, нашел в себе силы и смелость грозить “державцу полумира”» [Брюсов 1909/1975: 47¹⁵].

Внезапно – значит «неожиданно», т.е., по мнению Брюсова, Пушкин никак не подготовил читателя к тому, что Евгений способен на бунт, и опережающе не мотивировал его мятежное поведение.

К тому же вспышка была однократной: примерно через год после наводнения обезумевший Евгений всё смиренно влачил жалкое существование; затем как-то раз, пробудившись ото сна «у невской пристани», он *внезапно* («ни с того, ни с сего») бросился к Медному Всаднику и учинил (быстро усмиранный) бунт; затем когда ему позже случалось проходить мимо монумента, то он вновь и вновь (вплоть до кончины) демонстрировал свое полнейшее смирение:

¹³ Ему, чтобы уразуметь смысл подорожной, приходилось читать ее вслух («пошептом»).

¹⁴ Пушкин в черновиках почти не использует знаков препинания, за исключением особо важных случаев.

¹⁵ Ср. в современной культуре: «Чего ты на меня уставился? (На мне картинок нету)»; «Что ты на меня (так) смотришь?». А.И. Тургенев в письме И.С. Аржевитинову от 30 января 1837 г. сообщает, что и сам Пушкин был восприимчив к наглым взглядам: «Он (Пушкин. – Е.В.) на меня бросил беглый взор; бесцеремонное внимание, с которым я уставился на него, произвело, должно быть, на него впечатление неприятное: -- он словно с досадой повел плечом [...] и отошел в сторону».

В его лице изображалось
Смятение. К сердцу своему
Он прижимал поспешно руку,
Как бы его смиряя муку,
Картуз изношенный сымал,
Смущенных глаз не подымал
И шел сторонкой.

Оба классика «всадниковедения» (В.Я. Брюсов и Н.В. Измайлов) догадались, что в момент бунта царь распознал в Евгении достойного, т.е. *равного себе*, противника. «Восстав против “мощного властелина судьбы”, ничтожный безумец сравнялся с ним (с Петром. – *Е.В.*). А “горделивый истукан” почувствовал силу своего противника...» [Измайлов 1978: 265-266].

По правилам благородства (которые, в частности, вошли в дворянский дуэльный кодекс), поединок высокородного лица с лицом низкородным – невозможен ни при каких обстоятельствах. Между тем, пустившись вдогонку, император принял вызов и, стало быть, определенно признал Евгения равным себе. Собственно, противники оба встали вровень. Угрожая Петру: «ужо!», Евгений показал, а Петр признал, что у чиновника, как у равного императору по благородству, есть законное право на поединок¹⁶.

Ощущаемое противоречие, конечно, коренится в самом Пушкинском творении. Ничтожность Евгения, его несоизмеримость с властелином и вдруг равенство ему! При этом неважно, что это равенство проявилось в одном-единственном эпизоде угрозы, ибо достоинство Евгения подспудно, но непременно тайлось в нем всегда¹⁷. Иначе откуда бы ему взяться?

---

¹⁶ Поединок (в том числе духовный) не есть дуэль, но между ними есть преемство принципов. В дуэльном кодексе первым пунктом записано: «Дуэль может и должна происходить только между равными» [Дурасов 1912]. Этот основополагающий принцип повторен и в пунктах 4-6: «Оскорбление может быть нанесено только равным равному»; «Лицо, стоящее ниже другого, может только нарушить его право, но не оскорбить его»; «Поэтому дуэль, как отомщение за нанесенное оскорбление, возможна и допустима только между лицами равного, благородного происхождения».

¹⁷ Впрочем, Брюсов высказывает гипотезу о том, что Евгений в момент бунта действовал не по своей воле, а по безумию, которое тем не менее «как-то возвысило, облагородило его» [Брюсов 1909/1975: 45]. Если искать и другие внешние причины, то у Пушкина есть намек, что корчи, охватившие героя («зубы стиснув, пальцы сжав»), наслал лукавый, так что «бедный, бедный мой Евгений» был «обуян силой черной». Поскольку мы держимся рационального объяснения побудительных причин бунта, эти догадки у нас не рассматриваются.

Между тем предполагать такое – невероятно. Или Евгений не отличается от Самсона Вырина¹⁸ и Акакия Акакиевича, и тогда он, в силу своего недостойнства, никогда не поднимется на бунт против суверена. Или 14-й чин Евгения – не препятствие для него бросить вызов, поскольку он обладает качествами, которых нет ни у Вырина, ни у Башмачкина.

В печатной версии «Медного всадника» и в беловых рукописях разъяснение загадки не предложено (хотя есть два-три намека). Между тем в черновых версиях (в отвергнутых фрагментах повести) разгадка изложена яснее. И совсем отчетливо она присутствует в поэме «Езерский», которая, может быть, и представляет собой отдельное произведение, но, несомненно, тематически и текстуально тесно связана с «Медным всадником».

Далее постараемся показать, что исходный сюжет Пушкина замечен именно в «Езерском» и в черновиках «Медного всадника»: по первоначальному замыслу поэта Евгений – не забитый чиновник, а благородный Человек, и он имеет право на благородный поединок. Затем, по нашему предположению, поэт свой замысел переменял и, отправив Евгения на дно общества, лишил его этого права.

Возможен ли поединок, в том числе словесный, ничтожества с Высочайшей особой? Нет, невозможен. А возможен ли словесный поединок высокородного подданного с Высочайшей особой? Да, конечно. Достаточно вспомнить князя Андрея Курбского. В «Родословной моего героя» приведено три случая дерзновенности бояр Езерских (о чем ниже). Да и не нужно покидать пушкинскую эпоху: дворяне, исключительно дворяне, составили заговор против одного царя, а затем, в декабре 1825 г., с оружием в руках выступили против другого¹⁹. В обоих случаях они замыслили царевбийство!

4. Родовитость и богатство Евгения в черновиках «Медного Всадника»

Выше было высказано предположение, что герой повести, имеющий всего лишь 14-й чин, ради мятежа должен был априорно обладать качествами, которых нет у других чиновников, стоящих, как и он, на низшей ступени социальной лестницы.

Таких качеств усматривается два – родовитость и богатство.

В печатной версии «Медного всадника» вскользь упоминается о *родовитости* героя повести. Пушкин отказался назвать «прозванье»

---

¹⁸ Издатель (Н.В. Измайлов) предполагает: «Вероятно, описка, вместо *бронзовой главой* <?>».

¹⁹ Примечательно, что исходя из невозможности поединка с простолюдными, Николай I не наказал солдат, вышедших на Сенатскую площадь, но рассчитался с офицерами.

Евгения (т.е. имя рода, к которому он принадлежал), поскольку «ныне светом и молвой / Оно забыто». Тем не менее поэт сообщает:

...в минувши времена
Оно, быть может, и блистало,
И под пером Карамзина
В родных преданьях прозвучало.

Поэт сам указывает характеристики прозвания Евгения: раз оно «блистало», значит, его можно назвать *блистательным*; если оно «прозвучало», то, значит, оно было *звучным*. Впрочем, в лексиконе Пушкина словосочетание *звучное имя* не встретилось, - поэт использует словосочетание *громкое имя*, и мы будем его держаться.

Наряду с печатной версией о родовитости Евгения говорится также и в Первой черновой тетради [ПД 845; МВ: 34]:

...мой Евгений
Происходил от поколений
Чей дерзкий парус средь морей
Был ужасом минувших дней.

Четверостишие сопровождается рядом вариантов («от поколений» ~ «от тех вождей»; «чей парус» ~ «чьи паруса»; «минувших дней» ~ «древле» и т.д.), что свидетельствует о тщательной отделке стихов. Надо думать, что поэт, вероятно, некоторое время провел в раздумьях над этим катреном, но при переписке набело оставил его.

Согласно версии черновика, поэт даже предпринял попытку заинтересовать читателя родом-племенем своего героя [МВ : 35]:

[Угодно знать происхожденье]
[И род и племя и года],
но затем перешел к теме его нынешней бедности.

Впрочем, поэт не говорит о крайней бедности, ибо относит героя к среднему и даже высокому слою [МВ: 35-36]:

А впрочем гражданин столичный
каких встречаете вы тьму
От вас нисколько не отличный
ни по лицу ни по уму.

Имея в виду своих читателей и прямо обращаясь к ним («вы», «от вас»), Пушкин поставил Евгения на одну ступень с лицами культурного и обеспеченного круга, ибо таковы были в его время подписчики литературных журналов. Людей среднего достатка в столице – тысячи («тьма»).

Ср. то же четверостишие в «Езерском» (в строфе <XV>):

А просто гражданин столичный,
Каких встречаем всюду тьму,
Ни по лицу, ни по уму
От нашей братья не отличный...

«Езерский» был написан раньше «Медного всадника», так что парафразированные стихи во «Всадник» заимствованы из «Езерского». Иначе говоря, они имеют единый источник и лишний раз показывают тесную связь обоих произведений.

Следующий катрен черновика имеет единоначатие («как вы»), которым настойчиво подчеркивается равенство Евгения и читателей поэта, в том числе, конечно, и по состоятельности, и по степени образованности, и по духовным интересам [МВ: 36]:

Как все он вел себя нестрого
Как вы о деньгах думал много
Как вы сгрустнув курил табак –
Как вы носил мундирный фрак.

Видимо, поэту показалось неудобным косвенно обвинять своих читателей в меркантильности, и он попробовал обойтись без упоминания о деньгах: имеется вариант «Как вы писал отменно много».

Упомянув о многописании Евгения, Пушкин указал и на его начитанность: имеется вариант «Как вы читал». В дальнейшем Пушкин даст понять, что Евгений, как и он сам, принадлежит к «задорному цеху» литераторов (ср.: «Евгений Онегин», 1-ХЛШ).

Выходит, что Евгений Беспрозрачный – это барин средней руки. Во всяком случае, в Первой черновой тетради в замысел Пушкина не входило причислять его к низам и ничтожествам.

Поэт, правда, упоминает о его бедности, но тем не менее, согласно черновику, «бедный» Евгений содержал лакея [МВ: 37]:

Итак домой пришед, Евгений
Позвал слугу, разделся – лег.
Во Второй черновой рукописи

(ПД 839) опять-таки упоминается о «блистательном» и «звучном» прозвании Евгения и о том, что оно может встретиться «в двух трех строках Карамзина». Следующий стих имеет три характерных и лестных для Евгения варианта:

«В родных <преданьях> прозвучало»; «Родною славой прозвучало»; «<И> русской славой прозвучало» [МВ: 45]. Двукратное употребление лексемы *слава* дает основание именовать прозвание Евгения не только «блистательным» и «звучным» («громким»), но еще и «славным» (т.е. заслуживающим общественного одобрения).

Правда, как читается среди вариантов черновой тетради, это прозвание уже не помнится:

Но ныне светскою толпой
Оно забыто...

Использованием пейоративной лексемы *толпа* Пушкин винит не Евгения, а дворянское общество в непочтительности к славной родной, русской истории.

В этой же тетради, между прочим, сообщается о роде занятий Евгения: «служит каким-~~то~~ юнкером ~~<?>~~». Вариант прочитан гадательно, но если он верен, то принадлежность героя поэмы к дворянам становится бесспорной. Юнкер (подпоручик) – это воинский чин, который присваивался военным служащим непременно из дворян. Учитывая молодость Евгения, можно признать его чин неплохим²⁰. Правда, Пушкин отказался от мысли сделать Евгения военным и в дальнейшем числил его исключительно по канцелярии.

Далее во Второй черновой тетради Пушкин, возвращаясь к славному прозвищу Евгения, напоминает, что его род еще недавно был не только весьма знатен, но и очень богат [МВ: 45]:

... Дед его Великий <муж>
Имел 16 т<ысяч> душ!

Таково свидетельство подготовительных материалов поэта (черновики «Медного Всадника») о первоначальном образе героя «петербургской повести»: Евгений – хорошего рода-племени и он состоятелен. Свидетельство «Езерского» не оставляет в этом никаких сомнений.

5. Родовитость и богатство Евгения в черновиках «Езерского»

Некоторые из семнадцати строф²¹ незаконченной поэмы «Езерский»²², включая черновики²³, имеют прямую переключку

²⁰ Пушкин пишет: «каким-то юнкером». В разных родах войск и соответственно разным должностям, юнкеры именовались по-разному. Так, портупей-юнкеры были приравнены к офицерам.

²¹ Пятнадцать строф составляют беловую рукопись, а еще две остались в черновике. Написаны в 1832 г. Затем поэт к «Езерскому» не обращался. Поэма не получила даже названия: оно дано издателями.

²² Е при жизни Пушкина не публиковался, за исключением немного переработанного фрагмента из него (под названием «Родословная моего героя»; см.: «Современник» т. III, 1836: 152–157). Далее этот фрагмент нами не учитывается. книжкам Пушкина (ПД 953–958).

²³ Пятнадцать строф ныне издаются по беловым рукописям ПД 959 и ПД 194, а строфы XVI – XVII присутствуют не во всех массовых изданиях. В научных изданиях эти строфы публикуются по рабочей тетради ПД 957. Черновики начальных строф и строф, которые

со строфами «Медного Всадника»²⁴. Ниже первые строфы обоих произведений напечатаны рядом – слева из (Е) и справа из (МВ)²⁵.

Над омраченным Петроградом Осенний ветер тучи гнал, Дышало небо влажным хладом, Нева шумела. Бился вал О пристань набережной стройной, Как челобитчик беспокойный Об дверь судейской. Дождь в окно Стучал печально. Уж темно Все становилось. В это время Иван Езерский, мой сосед, Вошел в свой тесный кабинет... Однако ж род его, и племя, И чин, и службу, и года Вам знать нехудо, господа.	Над омраченным Петроградом Дышал ноябрь осенним хладом. Плеская шумною волной В края своей ограды стройной, Нева металась, как больной В своей постеле беспокойной. Уж было поздно и темно; Сердито бился дождь в окно, И ветер дул, печально воя. В то время из гостей домой Пришел Евгений молодой.... Мы будем нашего героя Звать этим именем. Оно Звучит приятно; с ним давно Мое перо к тому же дружно. Прозванья нам его не нужно,
В т о р а я с т р о ф а	
Начнем ab ovo: мой Езерский Происходил от тех вождей...	

Содержательная и текстуальная перекличка очевидна, но много и отличий.

Исходя из своей темы, отметим, что Пушкин в «Езерском» переименовал своего героя. По первоначальному замыслу тот имел как имя, так и прозвание («Иван Езерский»), но через год, приступив к МВ, поэт радикально пересмотрел свой замысел и, переименовав личное имя, сделал героя Беспрованным.

Поэт позволил герою поэмы быть своим соседом (а Пушкин был разборчив в знакомствах). В поэме «Езерский» (в строфе <XI>) поэт прибавил к соседству еще и приятельство: «Он мой приятель и сосед». Там же в строфе <XV> свидетельство о соседстве повторяется в третий раз:

... имел я право

не были включены в беловой автограф родословия Езерских, Н.В.Измайлов напечатал по рабочим тетрадям и записным книжкам Пушкина (ПД 953–958).

²⁴ Вопрос, представляет собой Е часть МВ или является самостоятельным произведением, оставим в стороне.

²⁵ Такое расположение не случайно: оно напоминает, что Е был написан раньше МВ, и, следовательно, Пушкин, делая переносы, мог черпать только из Е.

Избрать соседа моего
В герои повести смиренной.

Двустипшие в правой колонке («В то время из гостей домой / Пришел Евгений молодой») никак не предвещало, что молодой чиновник окажется ничтожеством.

В черновиках «Езерского» Пушкин продолжил перебор фамилий своего героя:

В своем безмолвном кабинете
В то время Зорин молодой
Сидел один при слабом свете
Прозрачной лампы.

Такова одна из редакций второй строфы (ПД 840; МВ: 93). Другая редакция (ПД 421; МВ: 94) дает иное прозвание:

В своем роскошном кабинете
В то время Рулин молодой
Сидел один при бледном свете
Одной лампы...

...

Он у чуг<унного> камина
Дремал ...

В дальнейшем мы увидим, что Пушкин имел в виду, наряду с Зориным и Рулиным, еще и третье прозвание – Волин. Таким образом, если присовокупить Ивана Езерского и Евгения (Беспрозованного), то поэт переименовывал героя поэмы целых пять раз!

Представляя читателям своего героя по фамилии, Пушкин одновременно бегло сообщает о его социальном статусе. Зорин/Рулин имел не конурку, а квартиру хотя бы из двух комнат (с кабинетом). Кабинет был покойным («безмолвным») и даже «роскошным». Не совсем ясно, как выглядела «прозрачная лампа», но, пожалуй, поэт намекает, что она была модной и, стало быть, дорогой. «Чугунный камин» - еще один из признаков роскоши.

Правда, в одном из вариантов черновика (ПД 840; МВ : 93) непоследовательно говорится о «конурке» на пятом этаже, но чем занимается там «Зорин молодой»? Он не копирует бумаги, как Акакий Акакиевич, а строчит статейку, сочинительствует, т.е. занят благородным творческим трудом:

Порой сей поздней и печальной
(В том доме, где стоял и я)
Один [при] свете свечки сальной
В конурке пятого жилья

Писал чиновник – скоро смело
Перо привычное скрипело
Как видно малый был делец.

Если прояснить косвенные показатели, то Зорин уже набил себе руку (= был профессионалом, «перо» было ему «привычно»), писал скоро (= прямо набело), и писал (видимо, для журнала) – смело.

К какому литературному лагерю он принадлежал, видно их XVI-й строфы «Езерского», где сказано:

Свои статьи печатал он
В «Соревнователе» ...

Ежемесячный журнал «Соревнователь (просвещения и благотворения)» (издавался с 1818 по 1825 гг.) относился к левому крылу Вольного общества любителей российской словесности. В нем печатался и сам Пушкин. Журнал обращался к темам и сюжетам русской истории и, кстати сказать, пропагандировал ненависть к тирании. И так, Зорин был либералом.

Лексема *делец* показывает, что Зорин писал не бескорыстно и что он умел улаживать свои финансовые дела²⁶. Подобная же характеристика Зорина почерпнута и из строфы <XV>:

[Довольно смиренный и простой,]
[А впрочем, малый деловой].

Конечно, *деловой* – это, по определению [СП], «знающий своё дело», но поскольку у Пушкина лексема поставлена в синонимические отношения с лексемой *делец*, ясно, что и *деловой* имеет аналогичное значение – «тот, который предприимчив и своего не пропустит».

Вторую строфу Пушкин перерабатывал несколько раз, и одна из переработок отложилась в тетради ПД 953 (МВ: 96). В черновике быт героя поэмы описан как быт весьма состоятельного барина:

[Тогда – на каменной площадке]
[Песком усыпанных сеней]
...
Гранитной лестницы своей

²⁶ В [СП] лексема зафиксирована лишь единожды, и в значении «тот, кто ведет чьи-н. дела»:
Какой-то нищий во дворец
Неведомо отколе ходит,
И Орлик, гетманов делец,
Его приводит и выводит
(«Полтава», песнь I).

Это значение не ложится в контекст вышеуказанной черновой строфы «Езерского». Такова первая фиксация лексемы в языке Пушкина в значении «махинатор».

В то время Волин <?> с видом строгим
Звонил у запертых дверей
И трес замком нетерпеливо
Дверь отворилась – он бранчливо
Андрею выговор прочел
И в кабинет ворча прошел –
Андрей принес ему две свечи
Цербер по долгу своему
Залаяв прибежал к нему
И положил ему на плечи
Свои две лапы – и потом
Улегся тихо под столом – .

Описывая вход в дом Волина (еще одно прозвание молодого человека), Пушкин упоминает роскошную площадку и гранитную лестницу, а то, что Волину пришлось, трясая замком, долго звонить в дверь, может свидетельствовать, что вход был отдельный.

Дверь отворил *Андрей*, и полное имя слуги показывает, что это был лакей, а не простой служащий, – иначе его кликали бы *Андрюшкой*.

Барину «положено» быть недовольным своими слугами, и Волин – по делу или без дела – распек своего Андрея, а потом еще ворчанием демонстрировал свое недовольство. Прибежавший пес оказался рослым: дог в барских комнатах может говорить об англomanии хозяина.

б. Езерских «род неугомонный» и «род Пушкиных мятежный»

Мы уже ссылались на мнение Н.В. Измайлова, согласно которому Евгений Беспозванный «Медного Всадника» в момент противостояния проявил себя как Человек (с большой буквы). Стало быть, до этого момента и после него он как был, так и остался ничтожеством.

Между тем, если совокупить всё, что Пушкин сообщает о своем герое в обоих соотнесенных произведениях (в беловых и особенно в черновых списках), то Евгений с самого начала был обрисован как лицо значительное.

В.Я. Брюсов в статье 1909 г. справедливо констатирует: «В ранних редакциях повести Евгений - еще довольно живое лицо. Пушкин говорит определенно и подробно и о его житейском положении, и о его душевной жизни, и о его внешнем облике»; «Первоначальный герой повести представлялся Пушкину лицом гораздо более значительным, нежели позднейший Евгений. Одно время Пушкин думал даже сделать из него если не поэта, то человека, как- то интересующегося литературой» [Брюсов 1975: 40]. «Первоначальный герой и на социальной лестнице стоял гораздо выше Евгения» [там же: 41].

Затем, при переходе к «Медному всаднику», поэт, по заключению Брюсова, «постарался совершенно обезличить своего героя» [там же: 40]. «Уже после просмотра рукописи царем и запрещения ее Пушкин [...] неумолимо отымал у своего Евгения все личные особенности, все индивидуальные черты, как уже раньше отнял у него “прозванье”» [там же: 42].

Приведем под конец еще одну выписку из Брюсова: «В первоначальном наброске “Медного Всадника” характеристике второго героя было посвящено много места. Как известно, отрывок, выделенный впоследствии в особое целое под заглавием “Родословная моего героя”, входил сначала в состав “петербургской повести”, и никто другой, как “мой Езерский”, превратился позднее в “бедного Евгения”» [Брюсов 1975: 39].

В заголовок настоящего раздела статьи вынесены эпитеты, которыми Пушкин наградил роды Езерских и Пушкиных²⁷.

Сопоставлением контекстов устанавливается, что *неугомонный*²⁸ и *мятежный*²⁹ выступают в них как синонимы («участник заговора, смуты и бунта», «постоянно склонный к возмущению и протесту»).

Вот основные вехи родословной Езерских. Род – скандинавского происхождения (родоначальник пришел на Русь одновременно с Рюриком). Один из предков Евгения крестился в Царьграде и женился на греческой княжне; другой стал схимником в Киево-Печерской лавре; третий и четвертый участвовали в битвах с татарами; другие предки

и в войске и в совете,
На воеводстве и в ответе³⁰
Служили князьям и царям.

Предки Евгения отличались своенравием и не боялись царской опалы:

Из них Езерский Варлаам
Гордыней славился боярской:
За спор то с тем он, то с другим
С большим бесчестьем выводим

²⁷ Ср.: «Противен мне род Пушкиных мятежный» («Борис Годунов»).

²⁸ В [СП] лексема семантизирована только как «непоседливый, подвижной» и «такой, где не прекращается деятельность, движение, суета». Между тем род Езерских не назовешь ни непоседливым, ни суетливым.

²⁹ Лексема производна от существительного *мятеж* («восстание, возмущение»).

³⁰ (*Быть*) в *ответ(е)* на старом дипломатическом языке означало «входить в состав посольства». Семантизацию в заметке о книге М.Н. Загоскина «Юрий Милославский, или русские в 1612 году» дал сам Пушкин: «Быть в ответ, значило в старину: быть в посольстве».

Бывал из-за трапезы царской,
Но снова шел под страшный гнев.

Езерские служили династии Романовых – первому царю, избранному «Думой величавой», т.е. Михаилу, затем Петру Великому.

На этом родословный свиток в печатной версии прекращается, но из черновиков [МВ: 96–98] далее следует, что Езерские были на исторической арене в Смутное время («во дни крамолы безначальной»).

Подробнее сказано об их роли при дворе Петра. Род Езерских и здесь оказался мятежным, причем один из предков участвовал в заговоре против самого самодержца (и был подвергнут лютой казни):

При императоре Петре
Один из них был четвертован
За связь с царев<ичем>...

Далее снова упоминается о мятежности рода:

И Бирон, деспот непреклонный
Смирял их род неугомонный
И Долгорукие князья³¹
Бывали втайне им друзья...

В конце родословной назван

Матвей Арсеньевич Езерский
Случайный³², знатный человек
Был [очень] славен в прош<лый век>
[Своим] умом и злобой зверской...

Говоря о наследственной склонности Езерских к непокорству, возмущению и бунту, полезно и показательно сопоставить родословную Евгения с «неукротимыми» предками самого Пушкина.

Поэт, как известно, живо интересовался своими пращурами, о чем в первую очередь свидетельствует большое стихотворение «Моя родословная».

Отказавшись от принадлежности ко дворянству («Я по кресту не дворянин»), поэт в то же время прямо и косвенно показывает, что его предки состояли исключительно из бояр и дворян («Водились Пушкины с царями»; «Бояр старинных я потомок»). Один из его пращуров был в дружине Александра Невского. Другие служили при царе Иване IV и,

---

³¹ Семья князей Долгоруких выступила против Бирона, верховного владыки при императрице Анне Иоанновне.

³² *Случайный* (от *случай* «покровительство высокого лица») – «попавший в фавор». В этом значении лексема не зафиксирована в [СП].

видимо, вызвали подозрение, но им удалось отвести от себя «венчанный гнев». В Смутное время отличился не один член рода:

Из них был славен не один,
Когда тягался с поляками
Нижегородский мещанин.

Пушкины подписались под грамотой о призвании Романовых на царство, и первый царь новой династии их «жаловал». Переходя к эпохе Петра Великого, Пушкин вновь упоминает о мятежности и жертвенности своего рода:

Упрямства дух нам всем подгадил:
В родню свою неукротим,
С Петром мой пращур не поладил
И был за то повешен им³³.

В данном катрене Пушкин едва ли не отождествляет свою родословную с таковой Езерских: один из Пушкиных был Петром повешен, а один из Езерских четвертован (см. подробнее: [Веселовский 1990]).

К катрену Пушкин присовокупил обобщение, которое вполне можно применить и к исходу бунта Евгения:

Его пример будь нам наукой:
Не любит споров властелин.
Счастлив князь Яков Долгорукой³⁴,
Умен покорный мещанин.

По смерти Петра дед Пушкина попал в опалу («в крепость, в карантин»), так что

... присмирел наш род суровый.

Как видим, исторических параллелей между родословиями Пушкиных и Езерских много, а к 1824 г. (году наводнения) оба рода оскудели. Хронологическое совпадение нельзя не заметить: Евгений бросил вызов царю примерно в то же время, когда Пушкин, не «присмирив», в стихах угрожал царю Александру (прикровенно, но внятно).

Достаточно вспомнить оду «Вольность» (1817), стихотворение «Кинжал»³⁵ (1821), элегию «Андрей Шенье» (1825). Намереваясь

³³ Федор Пушкин был казнен в 1697 г. за участие в заговоре думного дворянина Ивана Циклера, замышлявшего на жизнь государя.

³⁴ Князь Яков Федорович Долгорукой (1639 – 1720), вельможа при Петре, поддержал царя во время стрельцкого бунта, а также в распре его с царевной Софьей, да и в дальнейшем служил верой и правдой.

³⁵ Некоторые пушкинисты присвоили ему эпитет «цареубийственный».

«на тронах (!) поразить порок», поэт, дерзнул напомнить о судьбе «увенчанного злодея» императора Павла, а также открыто выразил свои радикальные взгляды:

Самовластительный Злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу.

Что касается элегии «Андрей Шенье», которая стала предметом даже государственного разбирательства, то, упомянув о ней в письме другу иронически³⁶: «Душа! я пророк, ей богу пророк!», Пушкин на деле признал ее автобиографический характер³⁷.

Император Александр принял вызов: за «возмутительные стихи» Пушкин был выслан на юг. С оговорками можно сказать, что принял вызов и Николай I: после того, как кончилось дело об «Андрее Шенье», за Пушкиным был учрежден секретный полицейский надзор. Шеф жандармов и Главный начальник III отделения Собственной Е. И. В. канцелярии А.Х. Бенкендорф никогда не выпускал поэта из поля зрения.

Итак, оба родословия говорят о мятежности Езерских и Пушкиных. Евгений «Медного Всадника» не просто родовит, – он по крови принадлежал к мятежному роду. Если так, то его бунт против «кумира» больше не представляется удивительным: ожидать от него мятежа возможно, а подозрительность Медного Всадника вполне обоснована.

7. Заключение

Известны сюжеты, для разрешения которых требуется явление *deus ex machina*, – **неожиданный поворот событий в литературном произведении**, не вытекающий из естественных обстоятельств.

Если иметь в виду дефинитивный текст «Медного Всадника», то конфликт в повести принадлежит к этой категории: мятеж не следует из того, что ранее сказано о Евгении, и потому представляется неожиданным. Широкий читатель привык к тому, что Евгений – это ничтожество и не задает вопросов, но пушкинисты ломали себе голову, как ничтожество дерзнуло бросить вызов императору и, что еще удивительнее, как мог император поднять перчатку.

Если привлечь к рассмотрению «Езерского» и изучать оба произведения не только по печатным изданиям, а еще и по беловым рукописям

³⁶ В письме П.А. Плетневу от 4-6 декабря 1825 г. из Михайловского.

³⁷ Центральный фрагмент в 1826 г. ходил по рукам в списках, причем кто-то, правильно оценив его содержание, приписал заголовок «На 14 декабря». Поскольку элегия была написана до событий, она у Пушкина не могла иметь подобного названия.

и по черновикам, то конфликт, протагонистом в котором выступает достойное лицо, представляется ожидаемым.

Во-первых, для поединка нет препятствий: Евгений богат и родовит, т.е. по статусу и благородству принадлежит к тому же сословию дворян, что и царь. Во-вторых, род, отпрыском которого является коломенский чиновник, спокон века известен как мятежный, так что бунт Евгения – это закономерное звено в цепи мятежей, учиненных против верховной власти его пращурами.

Литератор-либерал и барин (= боярин) с «громким именем» по времени формирования образа опережает Евгения Беспрозванного. Стало быть, сначала Пушкин имел в виду отразить закономерный конфликт. Когда же Евгений был лишен своего «прозвания», коллизия столкновения стала таким же чудом, которым бывал спускаемый на веревке античный божок. Однако, переписав образ героя, Пушкин уготовал (в сцене перед «кумиром») одинаковые поступки как Евгению с «громким именем», так и ни в чем не похожему на него другому Евгению (Беспрозванному).

Беспрозванный немотивированно ведет себя так, как мог бы поступить только человек с именем, да и то, если он по крови предков склонен к возмущениям.

Нестыковки между экспозицией и развязкой иногда встречаются у Пушкина³⁸.

Даже если противоречивость и не может быть конструктивным принципом всего творчества поэта (поскольку она возникала по недосмотрам и вопреки его воле³⁹), тем не менее «Езерский» и «Медный Всадник» дают ее образчик.

Пушкин вначале не хотел противопоставлять Петру недостойную его «тварь дрожащую», но затем пошел на предельное снижение образа Евгения.

---

³⁸ Мы их исследовали на материале «Евгения Онегина» (см. [Верещагин 2015а и 2015б]).

³⁹ Об этом свидетельствует сам Поэт. Говоря о «Евгении Онегине», он в собрании заметок, издателями озаглавленных как «Опровержение на критики», написал: «Пропущенные строфы подавали неоднократно повод к порицанию. Что есть строфы в Евг.<енин> Онег.<ине>, которые я не мог или не хотел напечатать, этому удивиться нечего. Но, будучи выпущены, они прерывают связь рассказа [...]. Лучше было бы заменять эти строфы другими, или переправлять и сплавливать мною сохраненные. Но виноват, на это я слишком ленив» (курсив мой. – *Е.В.*). Попробуем применить данное общее признание к «Медному Всаднику». Если что-либо из ранее написанного начинало у Пушкина вызывать сомнение и требовало вымарки (например, информация о родовитости героя), то Поэт, осуществив замену бракованных строк, «поленился» «переправить и сплавить» с переделкой сохраненные им дальнейшие строки, а они-то по сюжету и смыслу были согласованы с тем, что оказалось теперь устранимым. Так в результате переработки прерывалась «связь рассказа».

По какой причине Пушкин отказался от первоначального замысла, можно строить догадки.

Так, если бы он заставил выступить против Петра родовитое лицо, то Высочайший цензор равного поединка не потерпел бы. Надо отдать царю должное: Николай I, исходя из своих державных представлений, правильно оценил протестный потенциал даже смягченного варианта «петербургской повести». (Жуковский этот потенциал и вообще снял.)

Как бы то ни было, о подлинных мотивах отказа Пушкина от одного сюжета и обращения к другому, едва ли не противоположному, мы не знаем. И не узнаем⁴⁰.

Цитированная и использованная литература

БАСС⁴¹ – Пушкин А.С. Полн. собр. соч.. Тт. I-XVI; XVII. [М.-Л.:] Издательство АН СССР, 1937-1949; 1959.

БАСС-5 – См. выше. Т. 5: Поэмы, 1825-1833. [М.-Л.:] 1948.

Брюсов 1909/1975 – *Брюсов В.Я.* «Медный Всадник» // Пушкин. [Соч.], т. III. Под ред. С.А. Венгерова. Изд. Брокгауза и Ефрона. СПб., 1909, с. 456-472. Перепечатано: // В.Я. Брюсов. Собр. соч. в семи томах, т. 7. М.: Художественная литература, 1975, с. 30-61.

Верещагин 2015а – *Верещагин Е.М.* Рече-поведенческая переинтерпретация четырех строф Главы третьей «Евгения Онегина» // Вопросы языкознания, 2015, № 2. С. 7-40.

Верещагин 2015б – *Верещагин Е.М.* Рече-поведенческое исследование двух случаев авторской минимизации конфликтов в главе пятой «Евгения Онегина» // VIII Международная научная конференция «Язык, культура, общество», Москва, 14-16 октября 2015 г.: Пленарные и секционные доклады, М., 2015. С. 6-40.

Веселовский 1990 – *Веселовский С.Б.* Род и предки А.С.Пушкина в истории. М., 1990.

Дурасов 1912 – *Дурасов В.* Дуэльный кодекс. СПб., 1912.

Измайлов 1978 – *Измайлов Н.В.* «Медный всадник» А.С. Пушкина: История замысла и создания, публикации и изучения // В кн.: [Пушкин 1978: 147–265].

Лаврентьева 2005 – *Лаврентьева Е.В.* Повседневная жизнь дворянства Пушкинской поры. Этикет. М.: Молодая гвардия, 2005.

Лотман 1988 – *Лотман Ю.М.* Принцип противоречий // В кн. автора: В школе поэтического слова. Пушкин, Лермонтов, Гоголь. Книга для учителя. М.: Просвещение, 1988.

⁴⁰ Аллюзируется апофтегма: *ignoramus et ignorabimus*.

⁴¹ «Большое Академическое собрание сочинений».

МВ – Пушкин А.С. Медный всадник / Изд. подгот. Н. В. Измайлов. – Л.: «Наука», 1978. (Серия «Литературные памятники»).

Пушкин 1909 – Пушкин. [Соч.], т. III. Под ред. С.А. Венгерова. Изд. Брокгауза и Ефрона. СПб., 1909.

Сочинения 1841 – Сочинения Александра Пушкина, т. IX. Изданием Ильи Глазунова, Матвея Заикина и К°. Санкт-Петербург: В Типографии Ильи Глазунова и К°, MDCCCXLI.

Сочинения и письма 1904 – Сочинения и письма А.С. Пушкина. Под редакцией П.О.Морозова. Том четвертый. СПб.: Типография Товарищества «Просвещение», 1904.

СП – Словарь языка Пушкина в четырех томах. Отв. ред. акад. В.В.Виноградов. Тт. I-IV. М., 1956-1961. Второе издание: М.: Азбуковник, 2000.

Щеголев 1923 – Щеголев П.Е. Текст «Медного Всадника». – В кн.: Медный Всадник. Петербургская повесть А. С. Пушкина. Илл. А. Бенуа. Ред. текста и статья П. Е. Щеголева. СПб., 1923.

Eugene M. Vereščagin

Vinogradov Russian Language Institute,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

**THE “ILLUSTRIOUS NAME” AND
THE “NAMELESSNESS”: THEIR ROLE FOR THE
PLOT IN A.S. PUSHKIN’S POEM «THE BRONZE HORSE-
MAN»**

The study is dedicated to the problem, which has long occupied the minds of scholars. In the mentioned poem Yevgeny, an underpaid clerk in government service, a hapless wretch, a representative of downright ordinariness, dares to challenge Peter, the omnipotent Emperor of All Russia, “fate’s mighty master” (tr. by Dewey). The conflict seems unmotivated and implausible. Meanwhile, in the unfinished poem «Ezersky» and drafts of «The Horseman» we find evidence according to which Pushkin originally wanted to paint the image of Yevgeny as descended from the old boyar aristocracy, a person with an “illustrious name” equal to the Emperor and his worthy opponent. Later Pushkin went on to a significant decline in the image of his hero to divert the attention of the censor.

Key words: *original plot, “illustrious name”, “namelessness”, an unmotivated conflict, decline in the image of a hero, censorship.*

Статья поступила в редакцию 13.02.2016 г.

Н.Ю. Гузева (Биробиджан, Россия)

ОНОМАСТИКА КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ: РЕАЛЬНОСТЬ И ВЫМЫСЕЛ

Реферат. *Имя собственное рассматривается в научных исследованиях чаще всего как элемент истории и языковых традиций народа, как компонент речевых этикетных формул. Культура всякого народа отражается в произведениях устного народного творчества. Отмечается частотное функционирование реалионимов и мифонимов в народных сказках. Данное положение объясняется тем, что они играют важную роль в реализации одной из главных универсалий художественного текста – пространства. Реалионимы и мифонимы являются основой единого ономастического пространства, включая информацию как о духовной, так и материальной культуре народа, во многих случаях отражая языковые особенности этноса.*

Ключевые слова: *ономастика, китайская народная сказка, отражение языковой культуры народа, мифонимы, реалионимы.*

Имя собственное рассматривается в научных исследованиях как элемент истории и культуры народа, как компонент речевых этикетных формул. Бесспорным является факт отражения языковой культуры с помощью онима.

По мнению, В.В. Виноградова, имя собственное – неотъемлемый элемент формы художественного произведения. Будучи слагаемым авторского стиля писателя, оним в контексте произведения эстетически значим и воспринимается во всей сложности образной перспективы.

Особенно интересно с данной точки зрения устное творчество разных народов. Это связано с тем, что именно в фольклоре заключена генетическая память этноса, бессознательно проявляющаяся в используемых народом образах-архетипах.

В китайском языке сказка переводится словом «гуши», буквальное значение которого «древнее дело, быль». В словаре Цыхай дается следующее определение «гуши»: «устно бытующий, популярный и хорошо понятный жанр, в котором делается упор на изложение

хода события, акцентируется динамизм и последовательность сюжета». Для обозначения сказки как жанра в современной китайской фольклористике употребляется термин «*миньцзянь гуши*» («народные сказки»), где определение «*миньцзянь*» («народные») конкретизирует значение слова «*гуши*».

Актуальность данного исследования обусловлена особым вниманием современного языкознания к художественному тексту в целом и функционированию имен собственных в художественных произведениях, в частности.

В отечественной науке на протяжении долгого времени китайская сказка изучалась Б.Л.Рифитиным. В Китае народная сказка была предметом изучения ряда исследований Хоу Баолинь, Ли Жуньцзе, Гао Юаньцзюнь. В современной лингвистике актуализируются следующие вопросы: героика китайской народной сказки, система образов животных. Исследователями проводятся многоплановые работы по жанровому многообразию сказки, сравнительному анализу народных сказок (по материалам японской и китайской сказки).

Анализ ономастических единиц китайской народной сказки представлен не полной мере, хотя ономастика сказки интересна как социокультурный феномен, отражающий жизнь китайского народа, его тяжелое прошлое, неисчерпаемые лексические богатства.

Наибольшее место в сказочном репертуаре китайцев занимают волшебные сказки. Они распадаются на отдельные циклы: повествования о похищении невесты и о вызволении ее из иного мира, о женитьбе на чудесной жене и сказки о том, как обездоленный герой берет верх над злыми родичами и пр.

Данная работа выполнялась на материале китайских народных сказок. Всего просмотрено было 80 произведений, из которых путем сплошной выборки были выделены онимы: анторопонимы и топонимы. Полученный языковой материал анализировался с точки зрения происхождения, реальности-нереальности существующего объекта, отнесенности к обозначаемому объекту (объекта номинации).

Топонимическое пространство китайской народной сказки представлено 72 единицами.

Наиболее частотными группами, обозначающими реальные и мифические объекты китайской народной сказки, стали **ойконимы** (названия провинций, городов, сел, поселков): *Шахэ чжуан (реал.)*, *Юнь нань(реал.)*, *Сюю(нереал.)*, *Драконов колодец(нереал.)*; **гидронимы** (названия водных объектов): *Шахэ (реал.)*, *Хуанхэ (реал.)*, *Чанхэ (реал.)*, *Кухай (нереал.)*, **оронимы** (особенности рельефа): *Юньти (нереал.)*, *Чосьцзя (нереал.)*, *Гуаньиньтань (нереал.)*, **годонимы**

(внутригородские объекты): *мост Матери и Сына (нереал.)*, *мост Гао Ляна (нереал.)*.

Топонимическое пространство китайских народных сказок представлено как реальными, так и мифическими объектами. Волшебные сказки китайцев, как и некоторых других дальневосточных народов, отличаются особой приземленностью сказочной фантастики. Действие в них никогда не происходит в некотором царстве - тридесатом государстве, как в русской сказке, все необычное, наоборот, случается, с героем рядом, в родных и знакомых сказочнику местах. Наличие в сказках реалионимов, названий реальных географических объектов, свидетельствует о том, что сказочная реальность приближена к действительности и демонстрирует предметную и понятийную точность рассматриваемых событий, явлений (*река Янцзы, провинция Юнь нань*), иллюстрирует историю развития великого народа, страны.

Бесспорно, что китайским сказкам присущи мифонимы - имена собственные, обозначающие несуществующие в действительности объекты (*гора Чосыцзя, мост Матери и Сына*), что отражает особенности жанра волшебной сказки.

Миграционные процессы, поликультурность являются, на наш взгляд, результатом появления в сказках топонимов из других языков (н-р, из корейского - *город Вонсан*, индийского — *река Брахмануптра*).

Исследовательская практика позволяет сделать вывод о том, что топонимика китайских сказок не столь разнообразна и представлена лишь основными группами имен собственных, которые рассматриваются в лингвистике.

Антропонимика китайской сказки опирается на китайскую систему, которая является основой для всех традиционных способов именования людей в Восточной Азии. Практически все страны Восточной Азии следуют традиции, подобной китайской. Характерной чертой является наличие сравнительно небольших списков возможных вариантов имен и фамилий, подобных Байцзясин (книге «Сто фамилий»), позволяющих судить о фактической кодифицированности китайской фамилии. Известно, что китайской антропонимика включает большее количество мужских имен, что определялось отношением к рождению маленького императора (желанного в каждой семье), статистическими данными: в Китае преобладала (и преобладает) рождаемость детей мужского пола.

Антропонимика китайских народных сказок представлена всего лишь тремя, условно выделенными группами, по объектам номинации: имена собственные, обозначающие лиц мужского пола (50 единиц): *Май Цай, Хуан Сяо, Цзун, Гуань, Лю; Цжу – Цзы*; имена собственные, обозначающие лиц женского пола (24 единицы): *Пань Вань, Ан*

Рандю, Лун Ван, Тай Ян, Асы; имена любого божества (6 единиц): *Бохна, Са* – и – *нибу* (великий).

Следует отметить, что мужских имен больше в китайских сказках, что соответствует китайской традиции наименования лиц, уважению к мужчине как главе рода.

В редких случаях в сказках встречаются двукомпонентные именованья, состоящие из имени и фамилии (н-р, Лю Бовэнь, Лун Ван).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что антропонимы показывают особенности наименования лиц в Китае.

Этимологические особенности онимов китайской народной сказки рассматривались частично, но гипотетически имена собственные явились опытом дословного перевода положительных черт человека: *Май Цай* (*тихий человек*), *Ми* (*Умный*), отождествлением человека со священными представителями животного мира или его качествами: *Лун Ван* – *обладающий властью, царь, король, царь драконов, Лао Линь-му* – *Старые деревья, Тай Ян* — *Солнце, Си Мэнь* – *бао* – *Леопард*. Вера в животных в китайском народе была очень сильна. Как и в русской сказке, используются номинации по образу «первый сын», «вторая дочь», отражающие количество детей в семье, порядок рождения детей: *Асы-четвертая дочь*.

Принципы номинации гидронимов отражают особенности почвы, рельефа, растительного и животного мира обитателей. В основном, гидронимное пространство китайской сказки отражает реальные особенности описываемых объектов: река Шахэ – *Песчаная река* (река в Северо-Восточном Китае, которую отличает желтый цвет и песчаный грунт), река Чанхэ – *Длинная река*, река Янцзы – (*Янцзыцзян*) *Голубая река*, река Хуанхэ – *Желтая река*.

Редки мифонимы в сказках, которые обычно они встречаются в социально-бытовых сказках (море *Кухай* – *Горькое море*).

История происхождения многих собственных имен неизвестна, является скрытой. Трудность составили онимы из других языков:

Вонсан – город и порт в Корейской Народно-Демократической Республике, на Японском море. В период колониального развития город назывался «Гэндзан».

Лантсанг – в сказках присутствует сокращенная форма; полное название *Ланг Санг Хом Кхао*), феодальное лаосское государство, занимало в 1353-1707 территорию, приблизительно соответствующую территории современного Лаоса и Восточного Таиланда.

Китайские собственные имена используются в народных сказках для передачи реальных социально-бытовых фактов, создания ситуаций приближенных к жизненным. Онимы, использующиеся в народных сказках, отражают реальную языковую и социальную картину Китая.

Мифонимы китайской сказки - национальный вариант общемирового сказочного творчества, развившегося на базе весьма сходных для большинства народов первобытных представлений и верований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пенская, И.Е. Имена собственные в русских народных сказках и способы их передачи на английский язык : диссертация ... кандидата филологических наук / Ирина Евгеньевна Пенская [Электронный ресурс]. – М., 2008. – 187 с. – Режим доступа <http://www.dissercat.com/content/imena-sobstvennye-v-russkikh-narodnykh-skazkakh-i-sposoby-ikh-peredachi-na-angliiskii-yazyk#ixzz2WKpccfJp>
2. Репнякова, Н.Н. Система образов животных в китайских народных сказках: диссертация ... кандидата филологических наук / Наталия Николаевна Репнякова [Электронный ресурс]. – Омск, 2001. – 191 с. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/sistema-obrazov-zhivotnykh-v-kitaiskikh-narodnykh-skazkakh#ixzz40fYozqqn>

Natalia Y. Guzeva

Priamursky state university of Sholom Aleichem

ONOMASTICS OF CHINESE FOLK TALE

A proper name is seen in scientific research most often as an element of history and linguistic traditions of a people, as a component of the speech etiquette formulas. The culture of every nation is reflected in the folklore. Observed frequency operation realanime and mironkov in folk tales. This situation is explained by the fact that enemy play an important role in the implementation of one of the main universals of literary text – space. Realanime and metonymy are the basis of a common onomastic space, including information on both the spiritual and material culture of the people, in many cases reflecting the linguistic characteristics of the ethnic group.

Key words: *onomastics, Chinese folk tale, a reflection of linguistic culture of the people, metonymy, realanime.*

Статья поступила в редакцию 24.10.2015 г.

Н.И. Иванова (Горловка)

СИМВОЛИЧНОСТЬ ОНИМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Реферат. В данной статье освещается проблема исследования онимов художественных текстов как компактного языкового знака глубинного содержания, который не умещается в привычные понятийные рамки. Такие онимы маркированы своей персоноцентричностью и реализуют концептуальную идею художественного произведения. Смысловая перспектива онимов выводит их за пределы первоначальной номинативно-обозначающей функции.

Ключевые слова: онимы, денотат, активизация смысла, символичность.

Одним из привлекательных и перспективных векторов литературоведческих и лингвистических исследований в последние годы стало изучение онимов. И это вполне оправдано. Ведь оним – это компактный языковой знак глубинного содержания, не умещающийся в привычные понятийные рамки, реализующий концептуальную идею. Оним как особая единица в социокультурном дискурсе выполняет свою особую задачу в познании картины мира.

Собственное имя репрезентирует вербальную сущность со сложным дополнительным ассоциативным комплексом. Эти конвенциональные отношения между онимом и денотатом придают имени условный характер отражения объекта.

Дуалистичная специфика собственного имени, создающаяся пересечением в его семантической структуре кодовой, символической составляющей и информативно-индексального компонента, делают его весьма сложной категорией. А в художественном тексте собственные имена приобретают некоторую метафоричность.

Оним как слово в наибольшей степени связанное с конкретным лицом (в какой-то степени его условная «калька»), безусловно, представляет его качественную определённость, семантическую фотографию. Наполнение содержательной семантикой имени

собственного – процесс, растягивающийся во времени, и чем больше исторического времени проходит, тем более метафорическим смыслом обрастает имя, больше ассоциаций с ним связывается. Возникает семантическая аттракция (уподобление) онима и денотата, и в «когнитивной памяти» (терминологическое определение С. Г. Воркачёва [1, с. 66]) собственного имени навсегда закрепляются характеристики денотата, комплекс его психофизических свойств, возможные модели поведения, предвидимые ассоциативные парадигмы, – словом, та самобытность и узнаваемость, которая и составляет сущность индивида. В языковом сознании говорящего собственное имя маркировано своей персонцентричностью.

В условиях художественного текста традиционно считающиеся вторичными, дополнительными, факультативными коннотативные признаки любого слова (и имени собственного в том числе) становятся основными. Когда в смысловой структуре онима происходит, по словам Е. С. Отина, «перераспределение денотативных и коннотативных сем: первые подавляются или даже вытесняются вторыми, определяющими вещественное значение слова» [3, с. 41], происходит и изменение статуса имени. Из положения составной (в смысле «одной из», зависимой) единицы они переходят на позицию, влияющую на текст, образующую его. Иначе говоря, являясь материалом «тексто-строительным», изначально вовлеченным в текст по принципу подчинения и обслуживания, некоторые онимы становятся фактором текстообразующим, ориентированным на конструктивную роль. Семантическая ценность онимов может возрастать вследствие выражения ими символического значения. Происходит это, когда адекватная замена имен другими лексическими единицами, несмотря на то, что в принципе допустима, не всегда возможна, – т.е. когда они становятся своеобразным сигналом, семантическим знаком какого-либо лица, объекта, события и т. п. В этом случае онимы предполагают использование своего первичного (денотативного) содержания в качестве формы другого, более абстрактного, выражающего уже обобщенное понятие.

Оним – сильновоздействующий лексический феномен, ориентирующий реципиента на построение в своём сознании определённых концептуальных координат. Вот как работает собственное имя у В. Розанова (он пишет о похоронах Л. Толстого): *«Поразительно, что к гробу Толстого сбежались все Добчинские со всей России, и кроме Добчинских никого там и не было, они теснотою толпы никого ещё туда и не пропустили...так что “похороны Толстого” в то же время вышли “выставкою Добчинских”...Суть Добчинского – “чтобы обо мне узнали в Петербурге”»*. «Вот я,

Добчинский – живу; современник вам и Толстому. Разделяю его мысли, восхищаюсь его гением; но вы запомните, что я именно – Добчинский и не смешайте мою фамилию с чьей-нибудь другой». «Добчинского, если б он жил в более “граждански-развитую эпоху” – и представить нельзя иначе, как журналистом, или, еще правильнее – стоящим во главе “литературно-политического журнала”, а Ноздрёв писал бы у него передовицы» (В. Розанов. Уединённое). Писатель, используя оригинальное сочетание исторического онима с литературным, вводит читателя в свой логический и ассоциативный круг, из которого не вырваться и который кажется единственно правильным: «Конечно, не Пестель – Чацкий, а Кутузов – Фамусов держит на плечах своих Россию, “какая она ни есть”». Пестель решительно ничего не держит на плечах, кроме эполет и самолюбия. Я понимаю, что Фамусов немного сто́ит, как и Кутузов – не золотой кумир» (В. Розанов. Уединённое).

Благодаря символизации имени происходит отождествление референта и его имени. Возникает устойчивая аналогия между конкретным значением онима (т.е. его денотативной отнесенностью) и абстрактным понятием, вызываемым этим именем. Составляющие содержание символа не тождественны самим себе, но являются равноправными членами закодированного в имени представления, понятия. Возможность такого употребления поэтонима обусловлено стереотипными ассоциациями, вызванными, в свою очередь, особыми условиями эмоциональной «заданности» художественного текста. Имя-символ становится обладателем совокупности смысловых признаков, соотносимых со знаком, отличающим его от других имен, имеющих соотносённость лишь с одним референтом и не проявляющих связи с элементами структуры.

В поэтониме всегда присутствует некоторый смысл, сливающийся с образом референта. Чем больше коэффициент семантической нагрузки онима, тем в большей степени он отражает образ, а образ отражается в нём, - и как следствие, оним приобретает символическое значение. Бесконечная смысловая перспектива, являющаяся отличительной особенностью символа, появляется у такого имени, и оно (опять-таки как любой символ) выходит за пределы своего первоначального номинативно-обозначающего призвания, проявляя тенденцию к динамичной активизации своих смысловых потенциалов.

Онимы проявляют себя не просто единицами культурного кода, они в максимальной степени пробуждают рефлексию творческой их интерпретации: «Горит в Михайловском свеча, / Лучом касаясь Петербурга» (Н. Гоцуненко); у М. Цветаевой («Вольный проезд»): «... мой Разин (песенный) белокур. Пугачёв чёрен, Разин бел. Да и слово само! Степан! Сено, солома, степь. Разве чёрные Степаны бывают?»

А: Ра-зин! Заря, разлив, – рази, Разин! Где просторно, там не черно. Чернота – гуца».

Концентрируя в себе определённые свойства, собственные имена становятся понятиями. Формирование понятия (по определению Н. И. Кондакова, понятие – это «целостная совокупность суждений, т. е. мыслей, в которых что-либо утверждается об отличительных признаках исследуемого объекта, ядром которой является суждение о наиболее общих и в то же время существенных признаках этого объекта [2, с. 393]) представляет собой результат процесса абстрагирования и обобщения. Понятие как концентрированное значение имени собственного можно назвать конечным итогом декодирования этого имени (если речь идёт об имени персонажа художественного произведения и которое в начале произведения представляет собой лишь условную номинацию, в какой-то мере зашифрованную автором и мало о чём говорящую читателю), когда образ осмыслен и понят – тогда и имя референта приобретает признаки символичности.

Художественная логика повествования, подчас сталкивая несопоставимые явления или образы, очень часто детерминирует совмещение авторского замысла и читательского восприятия, опираясь при этом на онимы. Они не только оформляют литературный образ, делают его завершённым и цельным, но и сами, развивая тончайшие семантические нюансы, становятся эстетическим компонентом. И тогда из формальных номинативных единиц имена переходят в разряд единиц символических.

В поэтониме не обозначаются какие-либо свойства или качества, но он отсылает к семантическим нюансам, даёт простор для интерпретаций. Особые условия функционирования в художественном тексте дают возможность имени самому формировать сложные ассоциативно-образные связи, становящиеся ядром его семантики. Оним, помещаясь в общем пространстве, по сути сам себе пространство. В ониме проявляются стойкие объективные представления, связанные с конкретным объектом. Эта конкретная архетипная онимная матрица является базой для параллельно развивающегося абстрактного значения, которое не в последнюю очередь связано и с маркированностью выделенных когда-то в семантической структуре онима коннотативных сем, и с влиянием психологической стереотипизации ассоциаций. Вот как создаётся ассоциативная сфера онимов *Петербург – Питер – Ленинград* у разных авторов: «*В Ленинграде, в те годы, когда он кончал быть Питером, Горький сидел в моей квартире...*» (В. Шкловский. О Пешковском – Горьком); «*Полюбить можно, только увидев чью-то красоту. В Петербурге, впрочем, не так уж сложно: повсюду есть уголки, откуда легко вычитается Ленинград с его кумачом*

на фасадах» (Дм. Бобышев. Автопортрет в лицах. Человекотекст); «**Петербург-Ленинград** – город трагической красоты. Петербург и Ленинград – это совсем разные города. Не во всём, конечно. Кое в чём они “смотрятся друг в друга”». В Петербурге прозревался Ленинград, а в Ленинграде мелькает Петербург его архитектуры. Но сходства только подчёркивают различия» (Д. Лихачёв. Воспоминания) (подчёркивание моё – Н.И.).

Такие онимы вполне можно назвать понятийными категориями, но они к тому же создают законченные целостные образы – гештальты. Именно эта их партитивная структура позволяет осмысленно и ассоциативно воспринимать окружающий мир. И поскольку основное назначение языка – эксплицитно описывать этот мир, то логично полагать, что в языковых единицах заложена способность реализации общезначимых и общепонятных категорий, дающих конкретное представление о мире. И собственные имена, кроме того что полностью отвечают этой функции, выполняют ещё и сверхзадачу: формируют концептуальный мир. Имена, создающие калейдоскоп впечатлений, становятся креативными брендами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–71.
2. Кондаков Н.И. Логический словарь // Н.И. Кондаков. – М.: Наука, 1971.
3. Отин Е.С. Материалы к коннотационному словарю русских онимов / Е.С. Отин // Номинация в ономастике. – Свердловск, 1991. – С. 27–54.

Nadezhda I. Ivanova

Gorlovka Institute of Foreign Languages, Gorlovka

SYMBOLISM OF ONYMS IN FICTION

The article deals with the problem of investigating onyms of a fiction work as a compact linguistic sign with underlying content, that goes beyond customary conceptual frames. Such onyms are marked by their personocentrism and implement the conceptual idea of the fiction work. Semantic perspective of onyms help them out of the primary nominal and signifying function frames.

Key words: *onyms, denotation, sense activation, symbolism.*

Статья поступила в редакцию 20.02.2016 г.

А.А. Кораблев (Донецк)

РУСЬ НЕПОКОРНАЯ (СПИСКИ ВОЛЬНОДУМЦЕВ В «МЕРТВЫХ ДУШАХ»)

***Реферат.** В статье произведен криптологический анализ «мертвых душ», которых скупает главный герой, и высказывается гипотеза, что в них зашифрованы известные личности русской истории. Последовательность представления этих образов обусловлена степенью их оппозиционности по отношению к государственной идеологии.*

***Ключевые слова:** художественная криптография, криптологический анализ, «Мертвые души», прототипы.*

Структурно-смысловая аналогия «Мертвых душ» и «Божественной комедии» уже стала общим местом, но замерла и закоснела на уровне гипотетической приблизительности. Пять гоголевских помещиков трактуются как инфернальные маркеры, по которым воспроизводится общая греховно-иерархическая конструкция гоголевского умозрительного «Ада». Но если вникнуть в протобиографическое происхождение этих персонажей и всмотреться в их ближайшее окружение, тогда обнаружится куда большее сходство между двумя поэмами.

Во-первых, как и у Данте, у Гоголя в его Аду окажутся реальные персоны: образы помещиков предстанут не только как психологические типы и онтологические архетипы, но и как известные литераторы-современники, выразившие в своем творчестве и своей жизнью эти типажи: Манилов – Жуковский, Коробочка – Ростопчина, Ноздрев – Давыдов, Собакевич – Крылов и Плюшкин – Пушкин.

Во-вторых, как и у Данте, у Гоголя его Ад оказывается заселен персонажами не только первого плана, но и второго. Типология расширяется и усложняется за счет списков «мертвых душ», которые предстают как письма истории и литературы.

Как и Данте, Гоголь полагал для себя возможным производить авторскую духовно-нравственную «ревизию» человеческих душ: об этом его «Ревизор», об этом же и его «ревизские сказки». Как и Данте, он стремился художественно предугадать, каким будет посмертное воздаяние, но, в отличие от сурового флорентийца, он предпочел выразить свои вердикты иносказательно, криптографически.

* * *

Итак, в поэме пять списков «мертвых душ» – по числу помещиков, с которыми совершались сделки. Правда, список Манилова, свернутый в трубочку и связанный розовой ленточкой, остался неразглашенным, а список Ноздрева, остался несоставленным – гипотетическим. Да и в трех остальных названы только по несколько фамилий. Ну а как мы хотели – все списки полностью? Это же искусство, а не финансовый отчет. Показывается только часть, но такая часть и так показывается, чтобы сложилось представление о целом. Принцип Кювье. Или, на языке филологии, синекдоха. Автор абсолютно чувствует меру сказанного и несказанного, скрытого и явленного. Классик!

Но и эта малая часть тщательно маскируется. Сведения о крепостных сообщаются раздельно и различно. Вначале у героя возникает вроде бы чисто ономастический интерес к некоторым диковинным фамилиям; затем он слышит патетические отзывы о талантах и делах умерших; наконец, он и сам предается возвышенным размышлениям об их прожитых жизнях. Расчет прост: ведь если даже медведь Собакевич и подлец Чичиков прониклись пафосом, источаемым их списками, то читателю тем паче негоже быть менее восприимчивым, нежели они.

После такой упреждающей аргументации, мало кого, впрочем, убеждающей, можно приступить к пристальному чтению «ревизских сказок», помня: «Сказка ложь, да в ней намек!»

СПИСОК МАНИЛОВА. Список Манилова представляет собой «бумагу, свернутую в трубочку и связанную розовой ленточкой» (VI, 140)¹, да еще с «каемкой вокруг» (VI, 140). Что в нем? Как узнать? Никаких ведь зацепок, улик, намеков – только сам список, только его какая-то неуместная в серьезных делах игривость – трубочка, ленточка, каемка... Но если мы знаем, чье лицо скрыто под маской помещика Манилова, сказанного достаточно, чтобы сообразить, что содержит сей список.

Разумеется, ничего противозаконного или богопротивного. Придворный поэт, воспитатель цесаревича ни в самой малой мере не мог допустить в своих мыслях и делах, в стихах и наставлениях что-либо бросающее тень на его репутацию. Пожалуй, единственное

проявление его вольномыслия – «литературная шутка»², как он сам об этом потом отзывался, которая, однако, оставила серьезный след в истории русской литературы, а значит, и в тайной изографии русской истории, замаскированной в поэме Гоголя, – литературное общество «*Арзамас*» (1815-1818).

Это было веселое, пародийное, свободное времяпрепровождение, культурно-исторический и духовно-провиденциальный смысл коего будет оценен много позднее, в работах историков литературы, и Гоголь, по-видимому, был один из первых, кто попытался осмыслить это явление, пусть и в образно-ассоциативной форме.

Состав арзамасцев был скреплен дружескими отношениями, но сверх того они были связаны, словно розовой ленточкой, творчеством Жуковского – каждому члену общества избиралось прозвище, взятое из какой-нибудь баллады поэта. Поэтому список Манилова можно установить с протокольной точностью: *Д.В. Давыдов* («Армянин»), *Д.В. Дашков* («Чу!»), *С.П. Жихарев* («Громобой»), *В.А. Жуковский* («Светлана»), *Ф.Ф. Вигель* («Ивиков Журавль»), *С.С. Уваров* («Старушка»), *Д.Н. Блудов* («Кассандра»), *П.И. Полетика* («Очарованный Челнок»), *Д.П. Северин* («Резвый Кот»), *А.Ф. Воейков* («Дымная печурка»), *П.А. Вяземский* («Асмодей»), *В.Л. Пушкин* («Вот», «Вот я Вас», «Вотрушка», и т.п.), *А.И. Тургенев* («Эолова Арфа»), *Д.А. Кавелин* («Пустынник»), *А.А. Плещеев* («Черный Вран»), *Н.И. Тургенев* («Варвик»), *М.Ф. Орлов* («Рейн»), *Н.М. Муравьев* («Адельстан»), *К.Н. Батюшков* («Ахилл»), *А.С. Пушкин* («Сверчок»)³.

Как видим, в «Арзамасе» немало тех, кто отмечен среди прототипов «Мертвых душ». Может быть, поэтому список Манилова не персонифицирован – это образ литературного общества, а не отдельных литераторов, причем общества незаурядного и неоднозначного. «Арзамас» – это этакий арт-маскарад, формат карнавального отношения к жизни, смеховое противоречие серьезному, официозному умонастрою, легкая, потешная и оттого безобидная и безопасная форма вольномыслия, о которой Д.И. Писарев потом зло и язвительно скажет: «навязывание бумажки на Зюсюшкин хвост»⁴. Очень по-гоголевски, не правда ли?

СПИСОК КОРОБОЧКИ. Список Коробочки уже немного приоткрыт, из него названы трое, только трое и только названы, без пояснений, кто они. Названы только фамилии, будто бы обратившие на себя внимание лишь своей причудливостью, а ведь именно их причудливость позволила им быть говорящими: *Петр Савельев Неуважай-корыто*, *Коровий кирпич* и *Колесо Иван* (VI, 56). Загадки не из легких, но они существенно упрощаются, если мы знаем, что

«Коробочка» – это графиня Ростопчина, а ее «крепостные» – это, вероятно, завсегда таи ее салона или кто-то из ее круга.

Петр Савельев Неуважай-корыто. – Фамилия хотя и говорящая, но скорее оценочная, чем однозначно указывающая на прототипа. Возможно, как предположила исследовательница из Польши В.В. Белоусова, это *Петр Яковлевич Чаадаев (1794-1856)*, автор знаменитых «Философических писем», в которых выразилось его *неуважение* к отечественной истории⁵. Можно также допустить, что это *Петр Андреевич Вяземский (1792-1878)*, но добавленное к имени отчество как бы уточняет, который из двух Петров вероятнее: Савельев – Яковлевич. В пользу этого предположения говорит и близкое знакомство Чаадаева с Ростопчиной.

Коровий кирпич. – Кажется, ясно, какая фамилия имеется в виду: *Глинка*, только неясно, чья: то ли это *Михаил Иванович (1804-1857)*, автор не только национальных опер, но и романсов на стихи Е.П. Ростопчиной, то ли *Федор Николаевич (1786-1880)*, автор духовных стихов и, между прочим, популярной ямщицкой песни «Вот мчится *тройка* удалая». Оба бывали гостями графини, и трудно сказать, кого из них Гоголь имел в виду. Может быть, и обоих. Может, и здесь двойная гоголевская кодировка: один прототип, лояльный, рояльный, служит прикрытием другого – опального, опасного, героя войны, декабриста, сосланного в Олонецкую губернию.

Колесо Иван. – Коль «Иван», тогда кто же это может быть еще, если не искрометный импровизатор и чтец *Иван Петрович Мятлев (1796-1844)*. Много *колесил* по Европе, результатом чего стали «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границей» (1-я часть – в 1840 г.), которые он с шумным успехом читал в салоне Ростопчиной.

СПИСОК НОЗДРЕВА. Списка Ноздрева нет, да и не могло быть, по логике ноздревского характера, но по другой логике, определяющей общую композицию, он должен быть, и даже можно сказать, кто его должен составить: это должна быть группа лиц, еще более виновных пред государем и государством, чем вольнодумцы из списков Манилова и Коробочки, которых следует поискать в окружении Дениса Давыдова.

Долго искать не придется: разумеется, это *декабристы*. Полный список мятежников представить на страницах поэмы, конечно, нет никакой художественной возможности. Но этого и не нужно. Достаточно указать главных – пятерых повешенных.

Смотрим, нет ли в главе о Ноздрева какой-нибудь подозрительной пятерки – компактного перечня каких-нибудь пяти персон. Есть! Да это

же соседи «исторического человека», которые так ровнехонько в ряд и перечислены:

Блохин, Почитаев, Мыльной, Чепраков полковник,
Собакевич (VI, 63).

Что ж, посмотрим еще внимательнее, нет ли в этих фамилиях (потому что других зацепок нет) хоть каких-нибудь намеков на казенных мятежников.

Блохин. – Может быть, это семантический эквивалент фамилии «Муравьев»? *Муравьев-Апостол Сергей Иванович (1796-1826)*.

Почитаев. – Если соседство фамилий «Блохин» и «Почитаев» не случайно, тогда, возможно, второй в этой паре – *Бестужев-Рюмин Михаил Павлович (1801-1826)*, который не только близкий друг Муравьева-Апостола, но и, по словам Пестеля, *составляет с ним одного человека*.

Мыльной. – Раз уж приходится выбирать из пяти казенных и, тем самым, канонизированных декабристов, тогда «Мыльной» – это *Рылеев Кондратий Федорович (1795-1826)*. Во-первых, хоть и отдаленное, но все-таки созвучие фамилий («Мыльной» – «Рылеев»). Во-вторых, столь же отдаленная, но все же ассоциация – с намыленной веревкой, которая при повешении оборвалась, и тогда, по преданиям, Рылеев произнес одну из исторических фраз: «Подлецы, даже повесить не умеют» или «И веревки порядочной в России нет», или «Я счастлив, что дважды умираю за отечество».

Чепраков полковник. – Полковник среди повешенных декабристов только один – *Пестель Павел Иванович (1793 – 1826)*.

Собакевич. – Если это действительно пять казенных декабристов, тогда пятый должен быть *Петр Григорьевич Каховский (1799-1826)*. Но, перечисляя соседей Ноздрева, повествователь вынужден был назвать среди них Собакевича. Но не только поэтому. Если мы знаем, что прототипом этого персонажа является Крылов, тогда его присутствие в ноздревском списке объясняется еще и тем, что он тоже был среди восставших на Сенатской площади 14 декабря 1825 года, куда он пришел, чтобы «взглянуть на их рожи»⁶.

СПИСОК СОБАКЕВИЧА. В отличие от других списков, он прокомментирован и отрефлектирован, притом эмоционально, даже несколько экзальтированно, вызывая к себе дополнительное внимание. Он словно начинен каким-то особенным, духоподъемным смыслом, превосходящим те значения, которыми маркирован весь этот пафос.

Возникает мысль, на которую, видимо, и был расчет, – более чутко вчитаться в этот подозрительный высокочтимый перечень, дабы проверить, не скрываются ли под именами неведомых крепостных мастеров какие-нибудь известные государственные преступники.

Михеев, каретник. – Расхваливая каретника Михеева, Собакевич говорит, во-первых, о его необыкновенном профессионализме и, во-вторых, о его необычайной силе. Значит, по этим двум приметам и будем его идентифицировать.

Обратим внимание, он мастер не просто хороший, но и непростой, элитный:

«...Вы рассмотрите: вот, например, каретник Михеев! ведь больше никаких экипажей и не делал, как только рессорные. И не то, как бывает московская работа, что на один час, прочность такая, сам и обобьет и лаком покроет!» (VI, 102).

Самый известный «каретник» среди знаменитых российских диссидентов – это, надо полагать, тот, кто проехал в карете из Петербурга в Москву и описал свое путешествие в книге, стоившей ему свободы и здоровья: *Александр Николаевич Радищев (1749-1802)* – «бунтовщик хуже Пугачева», как отозвалась о нем Екатерина II.

Противопоставленная мастерству славного каретника *московская работа* косвенно подтверждает наше предположение. Это может быть намек на философско-публицистическую работу, аналогичную книге петербуржца Радищева – «Путешествие из Москвы в Петербург», которую написал *москвич* Пушкин. Написанная в 1833-1834 гг., она была опубликована посмертно, в 1841 году, незадолго до публикации путешествия Чичикова.

Элитарность каретных дел мастера вполне может быть соотносима с дворянством и достаточно высоким государственным положением знаменитого вольнодумца, но вот внешность Михеева, его необычайная силища, озадачивает. Александр Николаевич вроде бы не отличался богатырским телосложением. Может, имеется в виду силища его духа?

«...Я вам доложу, каков был Михеев, так вы таких людей не сыщете: машинища такая, что в эту комнату не войдет: нет, это не мечта! А в плечищах у него была такая силища, какой нет у лошади; хотел бы я знать, где бы вы в другом месте нашли такую мечту!» (VI, 103).

А может, все проще? Может, все эти усилительные суффиксы – «машинища», «плечища», «силища» - попросту указывают на фамилию: «Радищев»?

Степан Пробка, плотник. – Чтобы долго не думать, сразу предположим, что это *Степан Тимофеевич Разин (1630-1671)*. Более знаменитого бунтовщика с таким именем на Руси, кажется, не было.

А теперь посмотрим, содержат ли сведения о плотнике Степане хоть что-нибудь, что допускало бы ассоциации с одноименным разбойником.

Топор за поясом – чем не разбойник? А для Степана Разина это не только оружие, которым он вершил свои дела, но и орудие казни, которым завершилась его жизнь.

Сапоги на плечах – значит, немало походил-погулял этот герой.

Рыба в рационе – значит, ходил-гулял по реке или по морю. И в этом тоже можно усмотреть намек на атамана, чьи челны ходили по Волге и Каспию.

Падение с креста – тоже выразительный символ разинской судьбы. А еще это повод указать на характернейшую, по мысли автора, черту русского народного характера – какое-то странно-спокойное отношение к смерти. «Эх, Ваня, угораздило тебя!» – только и сказал русский мужик, глядя на разбившегося у него на глазах, и тут же сам полез туда же.

Но почему «Ваня», если разбился «Степан»? Просто описка? Не вычеркнутая вариация? Речевой оборот? Имя этого персонажа названо в поэме четырежды, а если это имя с подтекстом, с отсылкой к славному имени Степана Разина, тогда его невозможно подменить каким-то другим.

Сложно ответить однозначно и окончательно на этот вопрос. Ответим осторожно и предварительно, с учетом наших соображений о прототипичности Степана Пробки. Если это, действительно, подразумеваемый Степан Разин, тогда, возможно, фраза «Эх, Ваня...» характеризует его двойко – и как адресата, и как адресанта. Возможно, эта фраза не только обращена к нему, но и произносится им же. Дело в том, что за такое же своеволие и неповиновение властям был казнен и старший брат Степана Разина – *Иван*. Увидев, как угораздило брата Ваню, брат Степан не только не обзавелся, но пошел еще дальше по этому пути.

Милушкин, кирпичник. – Сведения о нем минимальны («мог поставить печь в каком угодно доме» (VI, 102) – вот и все, что о нем известно), поэтому придется искать разгадку в самой фамилии. Думается, вряд ли мы ошибемся, если предположим, что это известный еретик XVI века *Матвей Семенович Башкин*, прославившийся также и своей *милостью* к холопам, которых он, следуя евангельским заповедям, отпустил на волю.

Арестован, допрошен, осужден, заключен. Возможно, сожжен. То-то он теперь в поэме Гоголя специалист по печам...

Максим Телятников, сапожник. – Аналогичным образом, по созвучию фамилий, по сходству суффиксаций, угадывается и следующий персонаж: подобно тому, как Башкин стал Милушкин, Телятников – это, вероятнее всего, Болотников – *Иван Исаевич Болотников* (? – 1608), один из самых известных народных предводителей. В Телятникова он был переименован, по-видимому, потому, что прежде был холопом князя Телятевского.

Еремей Сорокоплёхин. – Об этом персонаже сказано всего одна фраза:

«А Еремей Сорокоплёхин! да этот мужик один станет за всех, в Москве торговал, одного оброку приносил по пятисот рублей» (VI, 102).

Достаточно для узнавания? Вполне. Загадывая свои загадки, Гоголь говорит читателю никак не меньше, чем нужно для разгадки. Имя, фамилия, город, оброк – все это в совокупности доказывает, что в образе торговца Сорокоплёхина изображен *Денис Иванович Фонвизин* (1745-1792) – знаменитый комедиограф и вольнодумец.

Теперь подробнее. Родился и учился Фонвизин в *Москве*; в *Москве* же, однако, как бы нам того ни хотелось, так и не состоялась премьера «Недоросля» (1781), его главного сочинения, – цензура не позволила. Но впоследствии пьеса имела необычайный успех – и в Петербурге, и в *Москве*. Как писал современник: «Несравненно театр был наполнен, и публика аплодировала пьесу метанием кошельков»⁷. Можно ли считать эти театральные сборы, которые дает публика, своего рода *оброком*?

Может быть, мы и не подумали бы на автора «Недоросля», если бы не имя гоголевского персонажа – «Еремей», отсылающее к «Еремеевне», персонажу фонвизинской пьесы, не самому главному, но и не третьестепенному, не так, чтобы положительному, но и не отрицательному, по-гоголевски осложненному и осредненному – к душе хоть и не живой, но и не мертвой. А чтобы читатель не сомневался, что речь идет именно об этой Еремеевне, а не о какой-либо другой, Еремееву присваивается фамилия Сорокоплёхин, отсылающая к той же Еремеевне, к одному из самых острых мест в пьесе:

Еремеевна (*в слезах*). Нелегкая меня не приберет! Сорок лет служу, а милость все та же...

Кутейкин. А велика ль благостыня?

Еремеевна. По пяти рублей на год, да по пяти пощечин на день⁸.

«Пять рублей» и «пять пощечин», т.е. «оплеух», – тоже, в свою очередь, перекликаются с «пятистами рублей» оброка. Эти цифровые характеристики персонажа («40», «1», «500») тоже по-своему характеризуют прототипа, которому были не чужды экономические интересы, как теоретически, так и практически: он перевел трактат Г.-Ф. Куайе «Торгующее дворянство» (1766), он сдавал в аренду подаренную ему деревеньку – за 5000 талеров. Эта аренда получила в свое время шумную известность: крестьяне взбунтовались против арендатора, угрожая его умертвить, хозяин в это время, дожидаясь денег, находился в Италии, а управляющему имением, чтобы уладить дело, пришлось занимать деньги в банке – под залог 500 душ крестьян⁹.

Елизавета Воробей. – Точнее: «Елизаветъ Воробей» - так записал Собакевич, и нужно еще посмотреть, нет ли в этом какой-нибудь особой намеренности. Найти женщину среди знаменитых русских авантюристов догоголевского времени несложно – пожалуй, она всего одна, и звали ее *Елизавета*, или, точнее, *Елизавет* – так она представлялась. Настоящая ее фамилия осталась неизвестной, но та, которая известна, созвучна слову «**Воробей**» – **Волдомир** (Voldomir). Еще более известна она как «*княжна Тараканова*» (?-1775) – самозванка, притязавшая на российский престол. Похищена, заключена в Петропавловскую крепость, где и умерла.

СПИСОК ПЛЮШКИНА. Наконец, последний, пятый список. Еще не зная, кто в нем скрыт, мы уже знаем, кто в нем должен скрываться. Сама последовательность «помещичьих» глав (2-6), подчиненная принципу градации, предопределяет их тон, семантику и ценностную парадигматику, а значит, и неявные смыслы. По этой логике крепостные Плюшкина должны представлять каких-то особо опасных преступников государства Российского и при этом как-то соотноситься с творчеством Пушкина. Кроме того, плюшкинские «мертвые души» значительно превосходят другие списки и количественно: «сто двадцать с лишком»! (VI, 125). И количественные, и качественные показатели вполне соответствуют пушкинскому имиджу опасно свободного поэта, который сам себе царь и самодержец:

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум...¹⁰

Всего из плюшкинского списка названы 9 крепостных. Не сразу, разумеется, это выглядело бы как-то нехудожественно, да и подозрительно, а двумя партиями (4+5) или даже, если точнее, тремя (4+4+1). Уже привыкшие, что у Гоголя ничего просто так не бывает,

мы начинаем подозревать и в этом распределении некую заведомую дифференциацию.

Первая часть информации подается как бы походя, без комментариев, номинативно:

Были там всякие: и Парамонов, и Пименов, и Пантелеймонов, и даже выглянул какой-то Григорий Доезжай-не-доедешь... (VI, 125).

Первые три фамилии воспринимаются как единый семантический фон, сам по себе не побуждающий к смысловому различению (Парамонов-Пименов-Пантелеймонов), но служащий, по-видимому, ближайшим проясняющим контекстом для четвертой фамилии.

Григорий Доезжай-не-доедешь. – Имя «Григорий» в паре с именем «Пимен» и в контексте творчества Пушкина прямо и естественно выводит на одного из главных действующих лиц пушкинской трагедии «Борис Годунов» (1825, опубл. 1830) и, соответственно, на его исторический прообраз. Стоило нам прояснить один-два дополнительных параметра, как хитроумная онимическая загадка обернулась несложным вопросом, посильным для всякого, кто хотя бы мало-мальски знаком с русской литературой и русской историей. Кажется, не должно возникнуть сомнений, что это *Григорий (Юрий) Богданович Отрепьев (? – 1606)*, известный также как *Дмитрий Самозванец*, или *Лжедмитрий I*.

Можно было бы удовлетвориться этим умозаключением, если бы не раздумья Чичикова. Это немалое – добрый десяток строк – испытание для нашей догадки. Выдержит ли?

«Григорий Доезжай-не-доедешь! Ты что был за человек? Извозом ли промышлял и, заведши тройку и рогожную кибитку, отрекся навеки от дому, от родной берлоги, и пошел тащиться с купцами на ярмарку. На дороге ли ты отдал душу Богу, или уходили тебя твои же приятели за какую-нибудь толстую и краснощекую солдатку, или пригляделись лесному бродяге ременные твои рукавицы и тройка приземистых, но крепких коньков, или, может быть, и сам, лежа на полатах, думал, думал, да ни с того, ни с другого заворотил в кабак, а потом прямо в прорубь, и поминай, как звали. Эх, русской народец! не любит умирать своею смертью! <...>» (VI, 137).

Согласимся, что при всех погрешностях чичиковского воображения, а можно сказать, и ясновидения, угаданные им черты Доезжая все-таки скорее подтверждают, чем опровергают наше предположение.

«Доезжай-не-доедешь» - выразительно-резюмирующая фамилия, схватывающая самую суть судьбы самозванца: с одной стороны, Отрепьев достиг своей цели, добился престола, с другой же – не удержался на нем.

Извоз – изобразительно-иллюстрирующая профессия, которая концептуально соотносится с финалом поэмы через упоминание слова «*тройка*», связанного со значением «*Русь*»: Григорий из тех, кто брался управлять этой «птицей».

Отречение, причем двойное («отрекся навеки от дому, от родной берлоги»), – указание на измену Отрепьева не только своему отечеству, но и православию – на его переход в католичество.

Купцы на ярмарке – емкая аллегория Смутного времени: распродажа российской государственности, ее материальных и нематериальных ценностей.

Четыре версии смерти Доезжая, которые перебирает Чичиков, в некотором смысле соотносятся с четырьмя «смертями» Отрепьева, которого вначале застрелили, затем иссекли мечами, потом, уже после захоронения, вынув из земли, сожгли и, наконец, смешав прах с порохом, выстрелили из пушки. По сути же, перечислены четыре основные причины его гибели:

(1) «на дороге... отдал душу» – такой речевой оборот, читаемый в поэме о «душах» и «дороге», звучит двусмысленно, означая не только физическую смерть, но и духовную, утрату «души» на жизненной «дороге», полной опасностей и соблазнов;

(2) убили свои же «за какую-нибудь толстую и краснощекую солдатку» – намек на **Марину Юрьевну Мнишек (1588?-1614)**, которую Григорий незаконно возвел на престол, вызвав недовольство среди своих подданных;

(3) разбойник, позарившийся на отрепьевские атрибуты власти («рукавицы» и «тройка»), – это, выходит, тот, кто сверг самозванца с трона и сам занял его место: **Василий Иванович Шуйский (1552-1612)**;

(4) четвертая причина низвержения самозванца, по этой логике, заключалась в нем самом – в его опьянении властью и в самоубийственности его авантюры: «*полати*» (может быть, царские палаты?) – «*кабак*» – «*прорубь*»...

Теперь, когда личность Григория Доезжая-не-доедешь установлена, может, легче будет определить, кто те трое, упомянутые вместе с ним, о которых неизвестно ничего, кроме их фамилий: Парамонов, Пименов и Пантелеймонов.

Обратим внимание на очевидные созвучия этих фамилий, фонетически связывающие их между собой в одно семантическое целое: **Парамонов – Пименов – Пантелеймонов**. А поскольку четвертый

в этой связке предположительно *Лжедмитрий I*, тогда почему не допустить, что и эти трое из того же ряда:

Лжедмитрий II («Тушинский вор») (? – 1610);

Лжедмитрий III («Псковский вор») (? – 1612);

Лжедмитрий IV («Астраханский вор») (? – 1612).

Вторая часть плюшкинского списка обусловлена, надо полагать, теми же текстовыми и затекстовыми обстоятельствами, что и первая. Назовем два наиболее общих и уже очевидных: во-первых, это *пушкинский* список и, во-вторых, это какая-то *другая* его часть. Читаем, вчитываемся:

Еремей Карякин, Никита Волокита, сын его Антон Волокита – эти, и по прозвищу видно, что хорошие бегуны. Попов... (VI, 137).

Если первая часть списка отсылает к пушкинской трагедии «Борис Годунов» (1825) и обращена к событиям XVII века, то вторая часть, надо полагать, обращена к другому историческому произведению Пушкина – к повести «Капитанская дочка» (1836) и, соответственно, к событиям XVIII века.

Еремей Карякин. – Если перечисленные предпосылки верны, тогда это *Емельян Иванович Пугачев* (1742-1775), предводитель крестьянского восстания 1773-1775 гг. и один из самых значимых пушкинских персонажей. Созвучия имен (Еремей – Емельян) – достаточно, чтобы связать эти образы?

Никита Волокита и Антон Волокита. – Если бы не нужно было соотносить Антона Волокиту с его отцом Никитой, идентифицировать этого персонажа было бы несложно: это лицейский товарищ Пушкина, поэт, редактор альманаха «Северные цветы» и соредатор «Литературной газеты» *Антон Антонович Дельвиг* (1898-1931). В пушкинском послании «Пирующим студентам» (1814, опубликовано В.А. Жуковским в 1841 г.) ближайший друг *Антон* был воспет именно как *волокита*:

Дай руку, Дельвиг! что ты спишь?
Проснись, ленивец сонный
Ты не под кафедрой сидишь,
Латынью усыпленный.
Взгляни: здесь круг твоих друзей;

Бутыль вином налита,
За здравье нашей Музы пей,
Парнасской волокита¹¹.

Соответственно, в «Послании Дельвигу» (1827) фигурирует и прадед друга, обладавший теми же качествами, что и его потомок, только в значительно большей степени:

Барон
Конечно был охотник славный,
Наездник, чаши друг исправный,
Гроза вассалов и их жен¹².

Теперь попробуем сообразить, кого скрывают эти пушкинские прообразы. Ясно же, что кого-то скрывают, - это следует из всего ранее раскрытого. Однако попробуй отгадай, кто они, эти «Никита» и «Антон», которые на самом деле никакие не Никита и не Антон, и даже не обязательно отец и сын, хотя, наверно-таки, как-то и чем-то связанные между собой.

Единственная подсказка, данная в тексте, является, по-видимому, достаточной: они «*хорошие бегуны*». В смысле: «беглецы», «перебежчики». Теперь нужно увеличить исторический масштаб, но при этом не менять историческую рамку, и тогда, может быть, сами собой обнаружатся исторические деятели, которые, подобно плюшкинским крепостным, бежали от своих хозяев. А если еще и настроить оптику поиска – выбирая из тех, кто был интересен Пушкину или Гоголю, или обоим, то при таком направленном и отлаженном взгляде в фокусе внимания окажутся два знаменитые и знатные «бегуна», связанные, правда, не близкородственными отношениями, но все же родственными – одной родиной и одним народом.

Первый – *Зиновий-Богдан Михайлович Хмельницкий (1595? – 1657)*, самый известный украинский гетман, хитроумный политик и полководец, инициатор исторического воссоединения Малороссии и Великороссии (1654). Подданный польского короля, перешел на сторону русского царя.

Второй – *Иван Степанович Мазепа (1644-1709)*, гетман Левобережной Украины, тоже хитрый и тоже умный. Подданный русского царя, перешел на сторону шведского короля.

Обратим внимание и на созвучия: «**Никита**» – «**Хмельницкий**», «**Иван Степанович**» – «**Антон**» (во втором случае обыграно имя с отчеством – очевидно, потому, что к фамилии «Мазепа» сложно подобрать созвучное простонародное имя).

Прозвище «Волокита», данное Никите и Антону, надо думать, указывает на непостоянство их натуры, причем как по отношению к союзникам, так и по отношению к женщинам. Конечно, до пушкинского донжуанского списка им далеко, но, в конце концов, суть донжуанства не в количестве покоренных сердец, а в одержимости эросом, в подверженности страстям, влияющим на выбор пути. Любовь принимает роль тайного советника в мужских делах – и, как следствие, остается женский след на крутых поворотах судьбы.

Освободительная война, поднятая Хмельницким, началась, как и Троянская, из-за женщины. Пусть это был повод, а не причина, но выглядело так, что Богдан, не найдя правды в суде и защиты у короля, решил сам наказать обидчика, отнявшего у него любимую женщину. Аналогия с древнегреческим эпосом усиливается и тем, что эту женщину тоже звали Елена (Гелена) и будто бы в честь Елены Прекрасной. Она была не первая жена Богдана, но и не последняя. Была ли она верна обоим своим мужьям, продолжавшим сражаться за нее, достоверно неизвестно, но оборвалась ее жизнь трагически: по обвинению в измене она была повешена.

Мазепа хоть и не Казанова, но его любовные истории вдохновляли таких художников, как Байрон (1818), Верне (1826), Гюго (1828), Делакруа (1828, 1838) и др. Одна случилась в юности и ничего исключительного не представляла бы, если бы не креатив, проявленный ревнивым мужем: изобличенный юноша был раздет догола, привязан спиной к лошади и пущен вскачь через колючий кустарник. Другая история, рассказанная Пушкиным в поэме «Полтава» (1828), произошла уже в старости, когда гетман влюбился свою крестницу.

Богдана Хмельницкого Пушкин не живописал, но общался и состоял в переписке с его потомком – драматургом и губернатором Н.И. Хмельницким (1789-1845).

Попов. – Еще один беглый, с непримечательной сословной фамилией, представлен в формате неприятной водевильной сценки:

Попов, дворовый человек, должен быть грамотей: ножа, я чай, не взял в руки, а проворовался благородным образом. Но вот уж тебя, беспашпортного, поймал капитан-исправник. Ты стоишь бодро на очной ставке. «Чей ты?» говорит капитан-исправник, ввернувши тебе при сей верной оказии кое-какое крепкое словцо... (VI, 137-138).

Неужели неясно, о ком речь? Тогда нужно прочитать снова, внимательнее, останавливаясь на каждом значимом слове:

Попов, дворовый человек, должен быть грамотей... (VI, 137-138).

Фамилия «**Попов**» – это же полная анаграмма фамилии «**Прокопович**»! А две характеристики, следующие за ней, почти не оставляют сомнений: да, это он, **Феофан (Елеазар) Прокопович (1681 – 1736)** – знаменитый придворный («*дворовый*») ученый («*грамотей*»), церковный и политический деятель, сподвижник Петра I, приверженец важнейшей для Гоголя доктрины о триединстве восточнославянских народов – великорусского, малорусского и белорусского.

Почему попал в компанию «бегунов»? Наверное, потому, что переходил в униатство, а затем возвращался в православие.

Почему включен в список Плюшкина? Очевидно, потому, что суждения о нем содержатся в сочинениях Пушкина, хоть сдержанные, но показательные:

- отмечено его участие в державных делах¹³,
- признаны его заслуги в истории русской словесности¹⁴
- определена его роль в истории русской Церкви – тонко, емко, резко, по-пушкински:

Наше духовенство, до Феофана, было достойно уважения, оно никогда не пятнало себя низостями папизма и, конечно, никогда не вызвало бы реформации в тот момент, когда человечество больше всего нуждалось в единстве¹⁵.

Нужно ли после этого спрашивать, почему Феофан Прокопович оказался в гоголевской поэме среди преступников и крамольников? Если все же нужны дополнительные пояснения, тогда сошлемся на авторитетного богослова и священника Г.В. Флоровского:

Феофан Прокопович был человек жуткий. Даже в наружности его было что-то зловещее. Это был типический наемник и авантюрист, – таких ученых наемников тогда много бывало на Западе. Феофан кажется неискренним даже тогда, когда он поверяет свои заветные грезы, когда высказывает свои действительные взгляды. Он пишет всегда точно проданным пером. Во всем его душевном складе чувствуется нечестность. Лучше назвать его дельцом, не деятелем¹⁶.

И все-таки что-то тут не до конца сходится. Чтобы установить, кто таков этот «Попов», оказалось достаточно одной первой фразы, даже полуфразы, но ведь в том фрагменте их 32! И что это за допрос, который

учинен беглецу? За что арест, колодки, тюрьмы? Ничего подобного, даже в очень переносном смысле, в судьбе высокопоставленного Феофана не было.

Может быть, как это нередко у Гоголя, за более лояльным прототипом скрыт менее лояльный? Может, стоит поискать еще кого-нибудь подходящего *придворного грамотея*?

Есть такой. Тоже при дворе, тоже с европейским образованием и тоже сподвижник Петра, притом даже более близкий – **Яков Вилимович Брюс (1669-1735)**. Личность легендарная, загадочная и, что немаловажно, занимавшая Пушкина, который называл его, ссылаясь на народную молву, «русским Фаустом»¹⁷ и одним из «птенцов гнезда Петрова» (наряду с Шереметевым, Боуром, Репниным и Меншиковым)¹⁸.

Теперь поглядим, как поведет себя этот вельможа на «допросе» – так ли, как описал Гоголь? Впишется ли судьба Брюса в это описание? Читаем внимательно:

...ножа, я чай, не взял в руки, а проворовался благородным образом (VI, 138).

В контексте «московского», «тушинского» и других «воров» слово «*проворовался*» должно означать тоже некую государственную авантюру, а уточнение, что это «воровство» бескровное и благородное, подтверждает высокий статус подозреваемого.

Но вот уж тебя, беспашпортного, поймал капитан-исправник (VI, 138).

Паспорт (франц. passeport, от passe – проходить и port – порт) – документ, удостоверяющий личность при пересечении границы. Значит, тот, кто пойман, лишился этого права. И еще это означает, что прежде он такое право имел.

Оба подозреваемых, и Прокопович, и особенно Брюс, подходят под эту статью: один учился в Польше и Италии, а другой сопровождал Петра в заграничных поездках в Лондон, Амстердам, Карлсбад, да и сам немало ездил по городам Европы с разными государственными поручениями.

Трудно представить, чтобы лицо, настолько приближенное к государю, могло быть поймано и подвергнуто допросу. Однако чего не бывает на Руси! В 1697 году царь Петр, находясь в Голландии, вызывает к себе из Москвы полковника Якова Брюса «для математической науки в английском государстве». Тот приезжает, но с задержкой на целых три месяца и с поврежденной рукой. Как оказалось, его задержал

сам князь-кесарь, исполнявший обязанности царя в его отсутствие, глава Преображенского приказа, ведавшего делами по политическим преступлениям – *Федор Юрьевич Ромодановский* (1640? – 1717). Допрашивал с пристрастием, каленым железом. Царский гнев вылился в письмо к переусердствовавшему *исправнику*: «Зверь! Долголь тебе людей жечь! И сюда раненые от вас приехали. Перестань знаться с Ивашкою. Быть от него роже драной!»¹⁹ (По тогдашнему выражению, знаться с Ивашкою Хмельницким – значит пьянствовать).

«Чей ты?» говорит капитан-исправник, вернувши тебе при сей верной оказии кое-какое крепкое словцо. (VI, 138).

Наверное, именно это и пытался разузнать заплечных дел мастер Ромодановский, пытая полковника Брюса. Уж больно подозрителен сей русский потомок шотландских королей, с которым неразлучен государь. Ответы, которые получает «капитан-исправник» от задержанного, оказываются ложными, но они не лишены логики, фиксирующей, возможно, какие-то жизненные вехи.

Пименов, мещанин. – В ходе допроса в качестве свидетеля призывается мещанин Пименов, так что придется присмотреться и к нему:

«Где твой пашпорт?» – «У хозяина, мещанина Пименова». – «Позвать Пименова! Ты Пименов?» – «Я Пименов». – «Давал он тебе пашпорт свой?» – «Нет, не давал он мне никакого пашпорта». – «Что ж ты врешь?» говорит капитан-исправник с прибавкою кое-какого крепкого словца (VI, 138).

Опять Пименов. Хотя это явно другой Пименов или даже в другом смысле Пименов, потому что он не крепостной, а *мещанин*. Может быть, мы не обратили бы особого внимания на это определение, если бы не пушкинский контекст, в котором это слово становится сигнальным, отсылающим к автобиографическому стихотворению поэта «Моя родословная» (1830), с рефреном «*я мещанин*» и авторской исторической рефлексией, обращенной к личности Петра и событиям Смутного времени. Совпадения знаменательные, но сами по себе не означающие, что пушкинский текст вмонтирован в гоголевский – хотя бы потому, что пушкинский текст был опубликован позднее гоголевского. Они означают другое, более важное: они подтверждают, что Гоголь хорошо знал и глубоко понимал творчество Пушкина, его приоритеты и принципы.

Подойдем с другой стороны. Спросим иначе: кто мог регламентировать перемещения Брюса? Только тот, кому он служил верой и правдой. Но значит ли это, что «мещанин Пименов» – это сам царь Петр, саардамский плотник «Питер»? Не мелковат ли персонаж для такой глыбы? А это откуда смотреть. Автор смотрит с такой точки, откуда и многие другие фигуры, тоже немаленькие и тоже памятники (Хмельницкий, к примеру), обрисованы кратко, одной фразой или одним именовани^{ем}. Соблюдены, так сказать, законы исторической перспективы.

А может, здесь определение «мещанин» существенней определяемого «Пименов»? «Мещанин» – от слова «город» (польск. miasto, укр. місто); если буквально, это «горожанин» (польск. mieszcza- nin). А сочетание «город» + «Петр» – это «Петербург».

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия...²⁰ –

это тоже из Пушкина.

Антип Прохоров, звонарь. – Второй свидетель, по-видимому, подстать первому:

«Так точно», отвечаешь ты бойко: «я не давал ему, потому что пришел домой поздно, а отдал на подержание Антипу Прохорову, звонарю». – «Позвать звонаря! Давал он тебе пашпорт?» – «Нет, не получал я от него пашпорта». – «Что ж ты опять врешь!» говорит капитан-исправник, скрепивши речь кое-каким крепким словом (VI, 38).

Присмотримся, не пушкинский ли это *Прохоров*, который, как рассказывается о нем, общался с покойниками? Нет, явно не похоже. Тот не «Антип», а «Адриан», и не «звонарь», а «гробовщик». Расхождения, как видим, есть, но такие, что хочется воскликнуть: bravo! Какое поистине гоголевское преобразование – из «гробовщика» в «звонаря»! Какая чуть ли не дантовская вертикаль – из inferнально-готического низа к сакрально-патетическому верху!

В то же время «звонарь», при всей его неявной, межтекстовой амбивалентности, текстуально противопоставлен «мещанину» – как чему-то статусно-нейтральному и усредненно-положительному. Антитетичность «звонаря» подчеркнута его именем: «Анти-П». *Анти-Петр*? Не сын ли Петра Великого имеется в виду – богобоязненный *Алексей Петрович* (1690 – 1718), представлявший, как надеялись,

альтернативу исторического развития России? Он олицетворял традиционный, московский уклад жизни, с ее размеренностью, праздностью да колокольными перезвонами, в отличие от отцовского, петербургского, имперского, когда колокола переплавляются на пушки.

Яков Брюс был дружен с царевичем Алексеем и, возможно, возлагал на него некоторые надежды, которым не суждено было сбыться. Они жили соседями, встречались ежедневно, были кумовьями, и когда разбиралось дело царевича и принимался смертный приговор, Брюс его не подписал.

В Москве Брюс обосновался в Сухаревой башне, получившей вскоре темную славу самого таинственного места бывшей столицы. Чего только не говорили о его занятиях! Рассказывали об алхимических опытах, о рецептах омоложения, о рукотворной горничной, о случаях левитации, телепортации, гипноза и т.п., тогда как официально это была обсерватория и «навигационная школа» для подготовки первых русских военно-морских офицеров. «Колдун на Сухаревой башне» - так назывался отрывок из романа И.И. Лажечникова, опубликованный в 1840 году в «Отечественных записках» и, может быть, обративший на себя внимание колдуна Гоголя.

«Где ж твой паспорт?» – «Он у меня был», говоришь ты проворно: «да, статья может, видно, как-нибудь дорогой пообронил его» (VI, 138).

Арестованный, похоже, попросту дурачит исправника, валяет дурака, ломает комедию. Комичность ситуации и комедийность допроса аналогичны многочисленным байкам о всемогущем Брюсе, которого пытаются одолеть то купцы, то царские исправники, то сам царь. Взаимоотношения Брюса и Петра, мага и монарха, – неистощимый фольклорный источник, варьирующий анекдотическое противостояние двух властей – колдовской и государевой. Особенно популярны сюжеты о гипнотических забавах («отводах глаз») и паранаучных перемещениях в пространстве, а это, говоря казенным языком, незаконное нарушение законов природы и паспортного режима. Вот, к примеру, одна из историй о том, как купцы пришли к царю жаловаться на Брюса:

И спустились они с башни, приходят на Красную площадь, а народ прослышал, что царь приехал, собрался его смотреть. Ну, вот, хорошо... И как приехали на площадь, Брюс взял палочку и нарисовал на земле преогромного коня с двумя крыльями и говорит Петру:

– Смотри, сяду я на этого коня и вознесусь в поднебесье.

А Петр молчит, только смотрит, не станет ли Брюс посыпать этого коня каким-нибудь порошком. Только нет, не посыпал, а только махнул три раза рукой и сделался этот конь живой и поднялся на небеса, а Брюс сидит на нем верхом, смотрит на Петра и смеется.

Задрал Петр голову кверху, смотрит на коня этого, и народ тоже смотрит и в удивление приходит.

Вот Петр смотрел, смотрел и говорит:

– Удивительное дело, до чего Брюс наукой дошел.

Только слышит, кто-то позади него говорит:

– Петр Великий, а ведь я – вот он!

Обернулся Петр, смотрит – стоит Брюс и смеется. Тут Петр в большое удивление пришел.

– Что же, говорит, это такое? Был один Брюс, а стало два?

Только, говорит, не знаю, какой настоящий, какой поддельный?

А Брюс разъясняет ему:

– Я, говорит, есть настоящий, а который летает – одно лишь твое мечтание. И коня, говорит, нет никакого²¹.

Так в чем же «проворовался» допрашиваемый? Попробуем прояснить, что именно ему инкриминируется.

Во-первых, *солдатская шинель*. Странная цель, сомнительная ценность. По-видимому, автору просто нужно было указать на причастность персонажа к военному делу. А такая причастность у *генерала* Брюса была, и еще какая! Благодаря его наукам, талантам, изобретениям и личному руководству русская армия была оснащена передовым и уникальным артиллерийским вооружением. Брюс лично участвовал в Крымских, Азовском, Прутском и других походах, в Северной войне, командовал артиллерией в Полтавской битве.

Во-вторых, *сундук медных монет*, похищенный у *священника*. Также странно, особенно если попытаться представить, как можно стащить такую неподъемный груз. Однако автору, как мы понимаем, нужно было отметить еще одно важное государственное дело, связанное с деятельностью Брюса: по его инициативе в России была проведена денежная реформа, запустившая в оборот медные монеты, и для ее обеспечения шли в переплавку, помимо прочего, и церковные колокола.

«Ах, ты, бестия, бестия!» говорит капитан-исправник, покачивая головою и взявшись под бока (VI, 138).

Уже понятно, после всего понятого, что «бестия» – это не брань, а еще одна грань многогранного Брюса. Какая именно – догадаться

несложно: самая заметная, ставшая знаком и меткой его имиджа. Bestia по-латыни – это то же, что и по-гречески ζῷον, – «животное», от которого происходит слово ζῳδιακός – «круг с изображениями животных», *зодиак*. В сознании соотечественников «Брюс» – это, прежде всего, «Брюсов календарь», составленный под его началом, настольная книга нескольких поколений, содержащая разнообразные сведения бытового и бытийного характера, включая предписания и предсказания. Брюс был астролог высшего ранга и государственного значения: он вычислил благоприятную дату закладки Петербурга, и он же внедрил зодиакальную перепланировку Москвы. Таким образом, грядущее обеих российских столиц было предопределено расчетом и распорядком его бестиария.

Абакум Фыров. – Наконец, последний в списке Плюшкина – бурлак, в котором многим исследователям видится особенно яркое и полное воплощение подневольной и, вместе с тем, вольнолюбивой русской натуры:

«Абакум Фыров! ты, брат, что? где, в каких местах шатаешься? Занесло ли тебя на Волгу, и взлюбил ты вольную жизнь, приставши к бурлакам? . . . » (VI, 139)

Имя этого персонажа, редкое, но тем и приметное в русской истории, позволяет с большой степенью вероятности утверждать, что имеется в виду знаменитый протопоп *Авакум Петрович (1620 или 1921 – 1682)*, один из главных идеологов старообрядчества.

Если бы шифровка прототипа была автономной задачей, тогда сказанного об этом персонаже было бы достаточно. Но Чичиков вдруг задумывается, как бы побуждая к тому же и читателя, а повествователь, как бы пользуясь случаем, начинает размышлять в унисон с героем:

И в самом деле, где теперь Фыров? Гуляет шумно и весело на хлебной пристани, порядившись с купцами. Цветы и ленты на шляпе, вся веселится бурлацкая ватага, прощаясь с любовницами и женами, высокими, стройными, в монистах и лентах; хороводы, песни, кипит вся площадь, а носильщики между тем при криках, бранях и понуканьях, зацепляя крючком по девяти пудов себе на спину, с шумом сыплют горох и пшеницу в глубокие суда, валят кули с овсом и крупой, и далече виднеют по всей площади кучи наваленных в пирамиду, как ядра, мешков, и громадно выглядывает весь хлебный арсенал, пока не перегрузится весь в глубокие суда-суражки и не понесется гусем вместе с весенними

льдами бесконечный флот. Там-то вы наработаетесь, бурлаки! и дружно, как прежде гуляли и бесились, приметесь за труд и пот, таща лямку под одну бесконечную, как Русь, песню (VI, 139).

Удивительно. Такая живая картина, такие свежие краски, такие естественные чувства – и при этом так тонко и так искусно вписанные контуры и вставленные концепты, по которым угадывается иная картина, в чем-то совпадающая, но в чем-то и отличная от очевидной. Что тут скажешь – Гоголь!

Теперь, когда известен ответ, интересно взглянуть на условия художественной задачи и ход ее решения.

Бурлак. Зная, что «Абакум» – это «Аввакум», попробуем понять, почему «раскольник» – это «бурлак». Понять несложно, стоит лишь открыть, если мы прежде этого не делали, «Житие протопопа Аввакума», им самим написанное, и представить, каково это – идти через всю необозримую Русь, с женой, с малыши детьми, то упавая в сугробы, то утопая в грязи. Чем не бурлачество?

Пять недель по льду голому ехали на нартах. Мне под робят и под рухлишко дал две клячки, а сам и протопопица брели пеши, убивающися о лед. Страна варварская, иноземцы немирные; отстать от лошадей не смеем, а за лошедьми итти не поспеем, голодные и томные люди. Протопопица бедная бредет-бредет, да и повалится, – кольско гораздо! В ыную пору, бредучи, повалилась, а иной томной же человек на нея набрел, тут же и повалился; оба кричат, а встать не могут. Мужик кричит: «матушка-государыня, прости!» А протопопица кричит: «что ты, батько, меня задавил?» Я пришил, – на меня, бедная, пеняет, говоря: «долго ли муки сея, протопоп, будет?» И я говорю: «Марковна, до самыя до смерти!» Она же вздохня, отвещала: «добро, Петрович, ино еще побредем»²².

Но еще тяжелее была духовная лямка – тянуть за собой все стародавнее прошлое, древние традиции исконной веры, противясь воле новых иерархов.

Хлебная пристань – так названо начало его пути. Емкий образ, соединяющий символику веры и гомилетику подвига. Хлеб – основа жизни, и физической – «хлеб наш насущный» (Мф. 6:11), и духовной – «Я есмь хлеб жизни» (Ин. 6:35). Пристань – твердая основа, родной берег.

Крики, брань и понуканья – все это методы миссионерской деятельности неистового протопопа, особенности его проповедей, обличений и наставлений, за что он и сам был проклинаяем и наказуем.

Гуляли и бесились – а это пункты обвинения: «гулять» – значит вольничать, что не пристало чинам церковного звания; «бесовство» – это, иначе говоря, одержимость, пусть даже и благими намерениями.

Ватага – по-видимому, имеются в виду единоверцы Аввакума: протопоп Иоанн Неронов, протопоп Даниил, протопоп Никифор и другие, а может, только те трое, которые были сожжены вместе с ним: его духовник старец Епифаний, священник Лазарь и дьякон Федор.

Пирамида – слово кажется излишне книжным, нездешним при описании волжской артели, но, может, в этом и был умысел – обратить на себя внимание? Ну, хорошо, обратили. Теперь придется соображать, что оно может подразумевать, на что тайно указывать. Может, это косвенное сравнение Аввакума с Моисеем, выводящим свой народ из страны пирамид? Или, может, это интертекстуальное сопоставление с Ломоносовым, Державиным и Пушкиным, которые свое непокорное творчество превозносили «превыше пирамид»? А может, это указание на огненную натуру протопопа и аллюзия на его мученическую смерть в пламени заполярного сруба? Потому что слово «пирамида» образовано от греческого *πυρα* – «огонь». Может быть, и фамилия «*Фыров*» тоже фонетически производна от «огня»: от немецкого *Feuer* или английского *fire*.

Как видим, список Плюшкина составляют в основном самозванцы, изменники, маги и еретики. Как и следует ожидать, это в целом соотносится с заключительной частью дантовского адского списка, где еретики содержатся в VI круге, разбойники – в VII, маги – в VIII и предатели – в IX.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гоголь Н.В. Мертвые души // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. – М.; Л., 1937-1952. – Т.6. – 1951. – С. 140. Здесь и далее ссылки на это издание даны в скобках с указанием тома и страницы.
2. Цит. по: «Арзамас»: В 2-х кн. – М., 1994. – Кн. 1. – С. 132-133.
3. Арзамас и арзамасские протоколы. – Л., 1933. – С. 38-46.
4. Писарев Д.И. Лирика Пушкина // Писарев Д.И. Пушкин и Белинский. – М.; Петроград, 1923. – С. 213.
5. Biełousowa W. Związki niekonwencjonalne literatury i filozofii (Mikołaj Gogol, Wasilij Rozanow). – Olsztyn, 1999. – S. 82-83.
6. И.А. Крылов в воспоминаниях современников. – М, 1982. – С. 71-72.
7. Цит. по: Макогоненко Г.П. Жизнь и творчество Д.И. Фонвизина // Фонвизин Д.И. Собр. соч.: В 2 т. – М.-Л., 1959. – Т. 1. – С. VI.
8. Фонвизин Д.И. Собр. соч.: В 2 т. – М.-Л., 1959. – Т.1. – С. 128.
9. Клостерман Г.И. Фонвизин. Из неизданных записок Клостермана // Русский архив. – 1881. – Кн. 3. – Вып. 6. – С. 297.

10. Пушкин А.С. Поэту: Сонет: («Поэт! Не дорожи любовью народной...») // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. – Л., 1977-1979. –Т. 3. – 1977. – С. 165.
11. Пушкин А.С. Пирующие студенты: («Друзья! досужный час настал...») // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. – Л., 1977-1979. – Т. 1. – 1977. – С. 53-54.
12. Пушкин А.С. Послание Дельвигу: («Прими сей череп, Дельвиг: он...») // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. – Л., 1977-1979. –Т. 3. – 1977. – С. 26-30.
13. Пушкин А.С. Арап Петра Великого // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. – Л., 1977-1979. – Т. 6. – 1978. – С. 18.
14. Пушкин А.С. О ничтожестве литературы русской // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. – Л., 1977-1979. – Т.7. – 1978. – С. 211.
15. Пушкин А.С. Письмо Чаадаеву П. Я., 19 октября 1836 г. // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. – Л., 1977-1979. – Т.10. – 1979. – С. 465.
16. Флоровский Г. Пути русского богословия. – М., 2009. – С. 122.
17. Пушкин А.С. Арап Петра Великого // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. – Л., 1977-1979. – Т.6. – 1978. – С. 16-17.
18. Пушкин А.С. Полтава // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. – Л., 1977-1979. – Т.4. – 1977. – С. 214.
19. Филимон А. Яков Брюс. – М., 2013. – С. 13.
20. Пушкин А.С. Медный всадник // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. – Л., 1977-1979. – Т.4. – 1977. – С. 276.
21. Цит. по: Филимон А. Яков Брюс. – С. 55-56.
22. Аввакум. Житие протопопа Аввакума // Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. – М., 1960. – С. 77-78.

Alexander A. Korablyov
Donetsk National University

REBELLIOUS RUSSIA (THE LISTS OF THE FREETHINKERS IN «DEAD SOULS»)

The article includes cryptological analysis of “dead souls”, which buys the main character. Hypothesis that they encrypted a famous personality in Russian history. The sequence of presentation of these images is due to the degree of their opposition against the state ideology

Key words: *art cryptography, cryptological analysis, “Dead souls”, prototypes.*

Статья поступила в редакцию 06.06.2016 г.

К.Ю. Курс (Смоленск)

КОННОТАТИВНЫЙ ФОН ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М.В. ИСАКОВСКОГО

***Реферат.** В статье говорится о понятии коннотации и коннотативного онама применительно к текстам советского поэта М.В. Исаковского. Автор выделяет проблему определения коннотации. Рассматривается степень коннотативности различных разрядов имен собственных. Особо анализируется форма антропонимов на примере стихотворных текстов М.В. Исаковского. Также выделяются ключевые топонимы, обладающие коннотативным фоном.*

***Ключевые слова:** коннотация, имя собственное, художественный текст, личное имя, топоним, коннотативное значение, М.В. Исаковский.*

Трехмерная семантическая модель знаменательных частей речи определяется тремя аспектами значения слова, выделяемыми в лексической семантике: денотативным, сигнификативным и коннотативным. Согласно традиционному определению, *денотативное* значение слова отображает некоторый класс референтов, то есть явлений объективной действительности, объединяемых определенным набором релевантных семантических признаков, составляющих в своей совокупности *сигнификативное* значение данного слова, отражающее понятийное его содержание. *Коннотативное* значение слова факультативно и отображает дополнительное оценочно-стилистические семантические «обертонны» (тонкие оттенки значения), зачастую более или менее субъективного характера [21, с. 225; 12, с. 15].

В каждом языке существует большая группа слов, обозначающих явления, которые связаны с сознанием человека, его духовным миром. Именно в значении таких слов важнейшую роль играют коннотативные аспекты. «Коннотация – это особый компонент, дополнительный смысл,

сопутствующий основному значению языковой единицы в котором заложены элементы семантической динамики» [14]. Таким образом, можно отметить особый этнокультурный компонент в значении лексемы, который отражает специфику национального восприятия действительности, ее объектов, явлений, свойств.

Так как в современной лингвистике нет однозначного понимания явления коннотации, мы приводим в нашей статье то, которое нам наиболее близко:

«Коннотация есть явление языка, но одновременно и речи. В памяти индивида слово сопряжено с набором коннотатов, постоянным для данной лексической единицы в определенный момент развития языка» [4, с. 80].

Как видим в 80-е годы XX века на коннотацию обращается активное внимание, так как именно в этот период ученых начинает привлекать эмоционально-оценочное выражение отношения к объективной реальности.

В 90-е годы своеобразным обобщением рассмотрения лингвистической сущности понятия коннотация явились работы академика Ю.Д. Апресяна [1; 2].

Поскольку мы рассматриваем коннотацию в сфере имен собственных (ИС), которые отсутствуют в толковых словарях, то мы считаем, что в коннотативных значениях слова реализуется его национально-культурный компонент, связанный с восприятием индивидуумом объективной действительности в определенное время и в определенном месте.

Добавочные, коннотативные значения, чаще всего скрытые, но осознающиеся носителями языка, могут приобретаться под влиянием лингвистических и экстралингвистических факторов, изменяться с течением времени. Они соединяют сведения о мире и сведения об эмотивном восприятии, отношении субъекта речи к обозначаемому, связывают объективное и субъективное в семантике, имеют смысловой ассоциативно-образный и эмоционально-оценочный компоненты. По мнению автора известного «Словаря коннотативных собственных имен» Е.С. Отина, «референтные коннотации “накапливаются” в онимах благодаря более или менее регулярной востребованности в разных речевых ситуациях какой-то части их объемной энциклопедической информации о денотатах» [16, с. 55]. Онимия любого языка, в том числе русского, имеет ярко выраженную этнолингвистическую и национально-культурную специфику, что находит отражение в информационном поле ИС и также позволяет раскрывает их коннотативные возможности [8; 9].

В художественном тексте большую частотность имеют антропонимы, то есть имена персонажей, они же обладают особой знаковостью, вызывают большое количество внетекстовых историко-культурных ассоциаций и эмоционально-образных коннотаций, участвуют в реализации художественного замысла, помогают формировать семантическую структуру текста, образ литературного персонажа, раскрывают структурную связь «писатель-имя-текст».

Личное имя всегда субъективно коннотативно окрашено, поскольку оно существует в различных вариантах, то есть имеет несколько форм: официальную (паспортную, или полную форму), целый набор уменьшительных форм. «Выбор одной из множества форм всегда субъективен и поэтому всегда нагружен коннотацией, что, как правило, осознает называющий и тонко чувствует называемый: “Почему так официально?”; “Кому Петька, а кому Петр Иванович!”; “Я уже не маленький, не зовите Вы меня Васяткой”. При оценке коннотации часто играет роль традиция ее употребления в данном социуме» [19, с. 62].

Особо коннотативны формы имен, так как эти формы содержат структурные элементы – суффиксы с ярко выраженными эмоционально-оценочными значениями: уменьшительности, ласкательности, пренебрежительности, презрительности и др. Употребляя ту или иную форму имени, автор, таким образом, выражает оценку самого разного стилистического плана, которая помогает характеризовать героя произведения и отношения между персонажами [15; 20; 10 и др.].

Антропонимы, в частности имена и фамилии, оценочны как в языке, так и в речи, но именно в художественном тексте наиболее ярко проявляется их коннотативное наполнение, причем и в именах, и в фамилиях, и в прозвищах.

Так, в произведениях М.В. Исаковского самые популярные полные имена – Иван (6), Никита (11), Степан (39). В 1908 году эти три имени входят в число популярных на Смоленщине [11, с. 144], а герои Исаковского предположительно рождены в это время. Имя Иван, самое популярное в дореволюционной России, также поддерживается в форме отчества Ивановна и уменьшительными формами (Ваня, Ванюша):

И приходят к нему по делу
Все такие ж, как он, голыши,
У **Ивана** же – пять наделов,
А семья-то – четыре души.
«Раздумье» 1925 [СС5. Т.1, с. 81],
Наталья не слышит,
Ивановне, видно, не хочется
Идти на свидание в зеленую рожь.

«Четыре желания» 1928-1935 [5, с. 231].

Иван – имя-символ, обозначающий русского человека, простого мужика, самостоятельного человека, хозяина [17, сс. 166-167].

Отдельно отметим использование суффикса -к- (Ванька):

Ванька вмиг трубу схватил,
Сжал губами туго;
Звонкий, радостный мотив
Забурлил над лугом.
«Подпаски» 1924 [5, с. 58].

Согласно Русской грамматике, суффикс при образовании форм имен создает характер непринужденности, фамильярности, иногда грубости [18, с. 217]. В тексте форма Ванька не имеет такой окраски, это типичное обращение сельских жителей друг к другу.

Изменение формы имени может выражать изменение отношения к герою. Так, герой Ерема (по словарю Е.С. Отина, коннотация имени – неудачник, простофиля, человек, не приспособленный к жизни [17, с. 153]), встретившийся в Москве с Калининным как делегат, становится на селе уважаемым человеком, которого называют полным именем Еремей:

Все, чего хотели мы когда-то,
Превратилось, превратилось в быль...
Вечером **Ерему-делегата**
На вокзал увез автомобиль.
«Ерема-делегат» 1923 [5, с. 326].
Заскрипели по морозу сани,
Зачастил проселком пешеход.
Это шли и ехали крестьяне
К **Еремю**, как на сельский сход.
«Ерема-делегат» 1923 [5, с. 326].

Еще одно популярное имя – Катюша (суффикс -юш- добавлен к усеченной форме, образованной от разговорной полной формы имени Катерина). Именно в этой форме оно стало прецедентным, обладает «ментальной» коннотацией: имя является символом верной и преданной русской девушки. Таким его сделал М.В. Исаковский своей песней «Катюша», где уменьшительная форма вынесена в название, то есть сильную позицию текста:

Пусть он вспомнит девушку простую,
Пусть услышит, как она поет,
Пусть он землю бережет родную,
А любовь **Катюша** сбережет
«*Катюша*» 1938 [5, с. 277].

Имя было популярным на Смоленщине в дореволюционные и первые послереволюционные годы. Однако позднее оно резко теряет свою популярность: в 1938 году – 23 место; в 1948 году – редкое имя [11, с. 146-163]. Исаковский своей «Катюшей» поддержал популярность «красивого, чистого имени», которое сегодня возрождается.

Коннотативными могут быть и топонимы, особенно связанные с биографией поэта или писателя, с его личным отношением к этим местам. Так, например, места рождения мастеров слова, могут выступать и выступают в тексте в роли коннотативных топонимов, выражающих особые оттенки чувства любви к своей малой родине, гордости за нее, отношение к землякам. Подобные коннотативные топонимы могут становиться ключевыми и вызывать у читателя самый широкий круг ассоциаций (Тарханы М.Ю. Лермонтова, Диканька Н.В. Гоголя, и т.д.). Особо характерны коннотативные топонимы у представителей СПШ (Загорье А.Т. Твардовского, Ломня Н.И. Рыленкова).

В произведениях М.В. Исаковского встречается топоним матушка-Расея, выступающий в роли приложения, символизирует и страну, и весь народ, живущий в ней. Он, как мы считаем, обладает отрицательной коннотацией. Согласно «Словарю коннотативных собственных имен» Е.С. Отина [17], Расея – это народно-разговорная, диалектная форма хоронима Россия (причем чаще всего территории до Урала); глубинная, патриархальная, отсталая, кондовая, беспутная Россия; Расея-матушка означает неразвитый, недалекий человек» [17, сс. 316-317; с. 324]. Однако в стихотворении М.В. Исаковского обобщающее значение сохраняется, но отсутствует негативная окраска топонима:

Народ не выйдет ни пахать, ни сеять,
И зарастут поля польнью и тоской;
По всем дорогам **матушка-Расея**
Пойдет к Москве с протянутой рукой.
«*Враг*» 1935 [5, с. 240].

М.В. Исаковский видит наступающие перемены, которые произошли с приходом к власти народа, и использует старое название Русь или просто Россия:

... Лежишь и не знаешь, что **Русь** взволновалась,
Что брат твой порвал свои пути
И что невозможным, далеким казалось,

Исполнилось в эти минуты.
«*На могиле*» 1917 [5, с. 319],

И смело скажет человек,
Встречая сумерки косые,
Что здесь окончила свой век
Однолошадная Россия.
«*Утро*» 1929 [5, с. 158-159].

Для возвеличивания новой страны Исаковский использует типичное для советского времени название Страна Советов, иногда выносимое в заглавие стихотворения:

И, твоим дыханием согретый,
Ласкою обласканный твоей,
Прохожу я по **Стране Советов**,
Как хозяин суши и морей.
«*Песня о революции*» 1936 [5, с. 253].

У поэта появляется разговорное название Неметчина:
Пусть насильник мечется
В страхе и отчаянье,
Пусть своей **Неметчины**
Не увидит он! –
«*Слушайте, товарищи...*» 1943 [6, с. 76].

Одно из значений слова *неметчина*, сегодня отмеченного как устаревшее, «немецкое государство, чужая земля, что-то иностранное» [3, с. 627]. Именно в военное время оно приобрело яркую негативную оценку, стало обозначать не просто что-то чужое, но и вражеское:

Затем хотели всех, как есть, под стать
На каторгу в **Неметчину** сослать.
А тех, кто подчиниться не желал,
По чем попало били наповал.
«*Письмо по радио*» 1942 [6, с. 42].

При детальном рассмотрении ИС в художественных текстах можно отметить, что коннотациями могут обладать ИС других разрядов (например мифонимы, хрононимы, идеонимы и др). Они зачастую выполняют маркирующую роль, отражают отношение автора к объективной реальности, характеризуют эту реальность по отношению к месту и времени действия.

Таким образом, оним любого разряда в художественном тексте может обладать коннотацией.

Особую роль в реализации коннотации ИС в художественном тексте играет жанр произведения. Как яркий пример подтверждения

можно привести употребление говорящих фамилий в тексте. Так, в сатирических произведениях XVIII – начала XIX века говорящие фамилии имеют отрицательную коннотацию, а в этот же период в жанрах высокого стиля (оды, слова и др.) – положительную [13; 7].

Реализация коннотативных значений ИС в тексте художественного произведения зависит не только от автора, но и от читателя, его компетенции. Безусловно, автор реализует свои эстетические и стилистические установки, ориентируется на определенного читателя, но восприятие коннотативных значений онимов тем не менее зависит от того, как прочитан текст, то есть от подготовленности читателя. Именно поэтому накопление коннотаций и семантических компонентов, идущих от ассоциаций в тексте, реализуется в сознании читателя, который владеет многослойной информацией об употребленном имени собственном. Следовательно, энциклопедическая информация ИС в тексте, закономерная при формировании его семантики, может быть реализована только в том случае, если воспроизводится связь «писатель – имя – текст – читатель».

Как видим, имена собственные в художественном тексте приобретают новые коннотации, претерпевают семантические приращения благодаря мастерству писателя, что приводит к возникновению у слова нового, отличного от общезыкового, индивидуально-художественного значения. Автор, особенно талантливый мастер слова, выбирает имена собственные не случайно и обращает внимание в первую очередь на коннотативные свойства онимов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Коннотация как часть прагматики слова // Ю.Д. Апресян. Избранные труды. – М.: Языки русской культуры: Вест. лит. РАН, 1995. – Т.2. – 470 с.
2. Апресян Ю.Д. О коннотации как основе метафоры: Коннотация как часть прагматики слова (Лексикографический аспект) // Русский язык: Проблема грамматической семантизации и оценочные факторы в языке. – М.: Наука, 1992. – С. 45-64
3. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000. – 1536 с.
4. Говердовский В.И. Коннотемная структура слова. – Харьков: Вища школа при ХГУ, 1989. – 95 с.
5. Исаковский М.В. Собрание сочинений в 5 т. – М.: Художественная литература, 1981. – Т. 1. – 431 с.
6. Исаковский М.В. Собрание сочинений в 5 т. – М.: Художественная литература, 1981. – Т. 2. – 590 с.
7. Калинин В.М. Поэтика собственных имен в произведениях

- романтического направления: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Одесса, 1988. – 16 с.
8. Калинин В.М. Поэтонимосфера: поиски новых путей в теории литературной ономастики // Ономастика Поволжья. Тезисы докладов IX Международной конференции. Волгоград, 9-12 сентября 2002 года / отв. ред. В.И. Супрун. – Волгоград: Перемена, 2002. – С. 38-41.
  9. Королева И.А. Оценочность русских имен и фамилий // Оценки и ценности в современном научном познании: сб. науч. тр. / под ред. С.С. Ваулиной, В.И. Грешных. – Ч. 2. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009а. – С. 61-65.
  10. Королева И.А. Семиотика личных имен как модификаторов дистанции между коммуникантами // Семантико-дискурсивные исследования языка: эксплицитность/имплицитность выражения смыслов: Материалы международной научной конференции / под ред. С.С. Ваулиной. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006. – С. 212-219.
  11. Королева И.А., Данилова И.В., Соловьев А.Н. Имена на Смоленщине: история и современность. Учебное пособие по спецкурсам «Русская антропонимика», «Имена смолян: прошлое, настоящее, будущее» / отв. ред. И.А. Королева. – Смоленск: СГПУ, 2005. – 196 с.
  12. Леденева В.В. Особенности идиолекта Н.С. Лескова. Монография. – М.: МПУ, 2000. – 185 с.
  13. Магазаник Э.Б. Ономапоэтика или «говорящие имена» в литературе. – Ташкент: Фан, 1978. – 146 с.
  14. Маслова В.А. К построению психолингвистической модели коннотации // Вопросы языкознания № 1. – М.: Наука, 1989. – С. 108-120.
  15. Никонов В.А. Имя и общество. – М.: Наука, 1974. – 278 с.
  16. Отин Е.С. Коннотативные онимы и их производные в историко-этимологическом словаре русского языка // Вопросы языкознания № 2. – М.: Наука, 2003. – С. 55-72.
  17. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен. – М.: ООО «А Темп», 2006. – 440 с.
  18. Русская грамматика АН СССР. В 2 т. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Введение в морфемистику. Словообразование. Морфология / под ред. Н.Ю. Шведовой, Н.Д. Арутюновой и др. – М.: Наука, 1980. – 783 с.
  19. Рут М.Э. Антропонимы: размышления о семантике // Известия Уральского государственного университета. – 2001. – № 20 – С. 59-64. [Электронный ресурс]. URL: <http://proceedings>.

usu.ru/?base=mag/0020 (01_04-2001)&xsl=showArticle.
xslt&id=a08&doc=../content.jsp (дата обращения 08.09.2009).

20. Сальмон Л. Личное имя в русском языке. Семиотика, прагматика перевода. – М.: Издательство «ИНДРИК», 2002. – 160 с.
21. Сильницкий Г.Г. Семантика. Грамматика. Квантитативная и типологическая лингвистика. – Смоленск: ФГУ «Смоленский ЦНТИ», 2006. – Т.1. – 255 с.

Kseniya Y. Kurs

Military Academy Army Air Defense Armed Forces of the Russian
Federation of Marshal of the Soviet Union A.M. Vasilevsky

CONNOTATIVE BACKGROUND OF PROPER NAMES IN THE WORKS BY M.V.ISAKOVSKY

The article refers to the concept of connotation and connotative onima in relation to the texts of Soviet poet Mikhail Isakovsky. The author highlights the problem of defining the connotation. We consider the degree of connotative proper names of various ranks. Particularly analyzed form anthroponyms an example of poetic texts M.V.Isakovsky. Key place names also stand out, having connotative background.

Key words: *connotation, proper name, artistic text, a personal name, place name, connotative meaning, M.V. Isakovsky.*

Статья поступила в редакцию 20.02.2016 г.

К.В. Першина (Донецк)

**«ДЕЛО БЫЛО В ПЕНЬКОВЕ»:
ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
ФИЛЬМОНИМА С РЕЧЕВОЙ
СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ФИЛЬМА**

***Реферат.** Анализируемый идеоним точно и органично отражает качество речевой составляющей повести и фильма с доминированием в ней народно-разговорной стихии. Достигается это благодаря лексическому составу, формирующему идеоним, и его синтаксической структуре.*

***Ключевые слова:** идеоним, библионим, фильмоним, дело было в ... Пеньково.*

Идеоним «Дело было в Пенькове» создавался С. Антоновым как заглавие повести (1956). Затем оно было перенесено на сценарий, по которому режиссер С. Ростоцкий снял художественный фильм, вышедший на экраны в 1957 г. И с этого времени рассматриваемое название соотносится в идеонимном поле русского языка с двумя взаимосвязанными референтами – художественным фильмом и повестью. Сейчас для большинства носителей русского языка актуальной является связь рассматриваемого названия с фильмом, который до сих пор помнят и смотрят. На связь фильмонима с исходным библионимом указывается в титрах картины: *по повести С. Антонова*, - однако далеко не все зрители обращают на это внимание, да и повесть сейчас не входит в круг чтения широкой аудитории. С точки зрения процесса номинации фильмоним следует рассматривать как результат трансноминизации библионима, осуществившейся в границах идеонимного поля русского языка.

Анализируемое название точно и – что более важно - органично отражает качество речевой составляющей фильма с доминированием в ней народно-разговорной стихии, гармонизируясь со стилистико-коннотативной доминантой речевого строя фильма. Ср. только некоторые примеры: *мимо этого Морозова без молитвы не пройдешь;*

выпивши и человек дерется, не то что петух; вы не серчайте; а ты куда ни встрянешь, всюду ровно микроба; не касайся до моей дочери; по-хорошему мне тебя век не дожидаться; кто растрепал по деревне, что я из-за нее ухожу?; наперед держи язык за зубами; отомстить ее она решилася; вот этого Матвея да вот этим бы ухватом; а что в избе худо, так это от твоих молчанок; я сама видела, как она к нему в горницу шасть; больно убились?; говорят, будто ты на него председателю наклепала, да, поди, брешут; вон и юбку себе, как у Тоньки, гармошкой сделала; вперед она не будет людям свет застить; езжайте, я напрямки... Объясняется это во многом тем, что создавалось анализируемое название как библионим, выполняющий в структуре текста повести фактически функцию зачина. Писатель выбрал такие производящие компоненты и синтаксически так их организовал, что полученное заглавие, с одной стороны, позволяет все последующее повествование воспринимать как содержательное «разворачивание» названия, а с другой – выступает своеобразным стилистико-коннотативным камертоном для читательского восприятия. При переводе заглавия в ранг фильмонима эти его свойства в целом сохранились, хотя авторы фильма существенно изменили место заглавия в общей кадровой структуре кинокартины по сравнению с его местом в тексте повести. Название появляется на экране не в первом кадре, а уже после того, как зритель услышал вопрос проводника поезда *эв-ва, да как же тебя угораздило-то*, заданный им главному герою фильма Матвею Морозову в ответ на сообщение последнего, что возвращается он домой из заключения. Этот прием позволил переместить заглавие из зоны авторской речи в зону несобственно-прямой речи. Как библионим заглавие является важным, если не ключевым, компонентом речевой партии автора, а как фильмоним совмещает речевые партии автора и одного из героев – Матвея Морозова.

Существует точка зрения, согласно которой «предложением управляет текст» [3 с.91; 4, с.173]. Как показывает наш анализ, во многом текст управляет и заглавием. И не только потому, что заглавие наделено функцией предложения/высказывания, но и потому, что представляет собой свернутый текст [6; 8].

Характеризуя технологию создания анализируемого идеонима, следует, по нашему мнению, говорить об использовании коллокации *дело было в...* и включении в ее состав топонима-конкретизатора, заполняющего обязательную позицию локатива. Выбор данной коллокации позволил автору органично вписать заглавие в речевой строй произведения (характер этого строя становится очевидным с первых реплик диалога в самом начале фильма, а фильм, в свою

очередь, воспроизводит речевой строй повести) и выразить народный взгляд на изображаемые события.

Грамматическая организация идеонима задается значением существительного *дело* в производящей коллокации *дело было в...* 'всё, что совершилось, события, цепь событий', которое имеет синтаксически связанный характер (реализуется в сочетании с глагольной формой *было* и словами пространственно-временной семантики). В этом значении слово *дело* – неотъемлемый лексический компонент народной речи.

Рассматриваемое существительное неоднократно используется героями фильма в разных ситуациях и в разных значениях, тоже носящих народно-разговорный характер и синтаксически связанных: *ну что, приступила к делу?* (Глечиков); *тогда дело пойдет* (Матвей); *Матвей говорит, что еще вчера поставил ее в курс дела; раз Матвей за дело взялся, завтра и стлать придется; и тебе до него дела нет; то-то и дело, что смогла* (Лариса); *я ему покажу курс дела; а уж если дело коснется любви; мое дело – предостеречь* (Иван Саввич); *обычное дело, на то ты и мужняя жена* (Алевтина). Еще более широко оно представлено в тексте повести. Ср. только некоторые примеры: *это мое дело; это дело наше* (Лариса); *отворяй, дело хозяйское; никуда, попросту сказать, дела не годятся* (Глечиков); *а то еще и уголовное дело пришьют; вы по какому делу? казалось бы, какое до этого дело председателю колхоза? но дело сделано; и так-то у них с Ларисой дело непрочно; а не понимают сути дела; теперь давай поглядим, чем дело кончилось* (Иван Саввич); *и об этих людях, которым ни до чего нет дела; в конце концов, какое мне дело? и дело в конце концов не только в Ларисе* (Тоня); *тут не в том дело* (Дарья Семеновна); *ох, видно, не дело ты задумала, касатка* (Алевтина); *она дергала ушами, пугалась, то и дело трогалась с места; начали понимать, в чем дело* (автор). Приведенные примеры показывают, что лексема *дело* включена в речевые партии разных людей, и поскольку все эти люди погружены в одну и ту же народную (деревенскую) речевую стихию (хотя и облагороженную авторской волей), она воспринимается как средство гармонизации речевых партий автора и персонажей.

Отмеченные словоупотребления подкрепляют и подчеркивают народно-разговорный характер названия фильма и подключают его (через лексему *дело*) к богатому семантическому полю. (Ср.: в [9, с.343] приводится свыше 20 фразеологизированных сочетаний со словом *дело*, в [11, с. 130-135] – около 50, значительное количество речевых оборотов с этим словом отмечено в [3]). При стилистическом единстве лексико-семантические варианты слова *дело* в заглавии и речи героев фильма четко размежеваны.

Столь же концептуально насыщенным в русском языке является и глагол *быть* [12; 8, с.86; 10, с.351-356]. В.В.Колесов рассматривает его в ряду языковых средств выражения русского менталитета, О.В.Широкова доказывает исключительно высокую значимость понятия *бытие* для русского языкового сознания [15]. Как уже отмечалось, значение 'события, совершившиеся в прошлом' реализуется в лексеме *дело* только в сочетании с глагольной формой *было* (ср.: в архангельских говорах есть лексема *быванье* 'событие, происшествие'); обе эти словоформы образуют семантико-грамматическую неделимую целостность, подпадающую под понятие синтаксической фразеологизации, которая состоит, по мнению В.И.Кодухова, «в утрате обычной синтаксической мотивированности и членимости, в лексической и морфологическй *скованности* (выделено нами – К.П.) синтаксической модели» [5, с.126].

В глагольной форме *было*, по сути, аналитически выражается сема 'в прошлом', обязательная для существительного *дело* в данном значении. Еще две обязательные семы данного существительного – 'место' и 'время' – аналогично выражаются наречием или предложно-падежной формой существительного, ср.: *дело было вечером; дело было весной; дело было в Сибири, дело было на фронте*. В анализируемом идеониме локализирующая сема выражена с помощью топонима (ойконима) *Пеньково*, который так же обязателен в структуре названия, как и глагольная форма. О содержательной равнозначности топонима и существительного *дело* в структуре названия свидетельствуют следующие контексты из интервью В.Тихонова, исполнителя роли Матвея Морозова: *Я считаю первой своей картиной «Дело было в Пенькове»... Если бы не было «Пенькова», не было бы и Штирлица – я бы, наверное, просто ушел из кино: меня режиссеры «не видели». Может показаться странным, но основную роль в моей актерской судьбе сыграл фильм «Дело было в Пенькове». С «Пенькова» началась наша (со Станиславом Росточким – КП) настоящая мужская дружба, которая длилась много лет....* Для В.Тихонова ключевым словом в фильмониме является топоним, поскольку именно он используется актером как опорное слово для варианта фильмонима. Такое понимание значимости топонима получает отражение и в способе расположения слов названия в кадре: на одной строке - *Дело было*, на следующей – *в Пенькове*. Сразу после графического образа ойконима в фильме представлен и его фонетический облик - ойконим произносится (читается) Матвеем Морозовым в кадре, с которого начинается основное повествование: *деревня Пеньково*. Иными словами, внимание зрителя в самом начале фильма четко зафиксировано на названии селения. По своим коннотативно-стилистическим параметрам это название полностью согласовывается с существительным *дело*. Взято

оно из реального топонимикона (сёла с таким названием есть сейчас в Ленинградской, Новгородской, Тверской, Тульской, Ярославской областях РФ, в Кировоградской области Украины), по своей внутренней и внешней форме полностью соответствует топонимному ландшафту нечерноземной зоны России (еще В.А.Никонов отмечал, что северней линии Брянск – Тула – Арзамас в ойконимах безраздельно господствует суффикс *-ов* [7, с.73]), в составе названия фигурирует в форме предложного падежа. К сказанному добавим, что в самом начале первой главы повести автор специально разъясняет читателю внутреннюю форму ойконима: *...далеко отступили леса от Пенькова, но память о них осталась навеки: у каждого колхозника на усадьбе растет своя маленькая роща. А за деревней, у реки Казанки ...до сих пор сохранились трухлявые пни давнишней порубки.*

Название «Дело было в Пенькове» - это цельная номинативная структура, не допускающая ни сокращения набора лексических компонентов, ни какого-либо их увеличения или изменения порядка их следования. Этот идеоним заставляет еще раз оценить лингвистическую проницательность В.В.Виноградова, отмечавшего в свое время следующее. «Говорят нередко, что слово и предложение в основе своей тождественны. Ведь предложение есть лишь динамический аспект того, что в статическом аспекте есть слово. Кроме того, некоторые слова и существуют лишь как «члены предложения». Их смысловая структура бывает ограничена лишь одной синтаксической функцией в составе предложения, например, сказуемого. Таково слово *табак* в фамильярно-разговорном выражении *дело – табак*» [1]. В нашем случае необходимо говорить, что существительное *дело* проявляет анализируемое значение только в позиции подлежащего с обязательным заполнением синтаксических позиций сказуемого и обстоятельства места лексемами, манифестирующими определенные семы данного существительного.

Коннотативно-стилистическое взаимодействие идеонима с речевой составляющей фильма осуществляется практически через все его словоформы. Мы уже останавливались на использовании существительного *дело* в речи героев фильма; к сказанному можно добавить наличие семантической его связи со словом *история*, звучащим в главной песне фильма; эта песня (ее содержание) сжато представляет один из самых значимых смысловых мотивов фильма, который делает его актуальным и понятным для разных поколений:

*Огней так много золотых
На улицах Саратова.
Парней так много холостых,
А я люблю женатого.*

*Эх, рано он завел семью!..
Печальная история!*

Хорошо улавливаются коннотативные «переключки» названия фильма с личным именем героя *Матвей* и фамилией героини *Глечикова*, с формами личных имен *Нюра, Маня, Ваня* (звучат в страданиях).

Сопоставленность ойконимов *Пеньково* и *Саратов* возникла в фильме случайно, она не была предусмотрена сценарием. Текст данной песни (автор – Н.Доризо) появился раньше, в 1953 году совсем по другому поводу. (Специально к фильму писалась другая песня – «*От людей на деревне не спрятаться*»). Уже после окончания съемок к поэту пришло понимание, что эти стихи удивительно точно выражают характер и драматизм любви, пришедшей к героине фильма Тоне Глечиковой. Он обратился к композитору К.Молчанову, автору музыки к фильму, с просьбой создать мелодию. Написанную песню показали режиссеру С.Ростоцкому, она ему понравилась, однако фильм был уже сдан. Возникла административно-правовая коллизия, которую разрешил директор киностудии имени Горького, взявший на себя ответственность перенести сроки сдачи фильма – это позволило включить песню в фильм. Введение ойконима *Саратов* в стихотворный текст сам поэт объясняет следующим образом: героиня (не фильма, а песни, текст которой создавался раньше – К.П.) живет в глубинке, где течет река Волга, к тому же слово *Саратов* идеально легло в рифму [14].

В общем дискурсе кинокартины сопоставленность ойконимов *Пеньково* и *Саратов* «нагружается» соответствующими ассоциативно-смысловыми добавками, усиливая коэффициент реалистичности, невыдуманности первого из них (эта функция есть и у ойконима *Ленинград*, и у эргонимов «*Новый Путь*» и «*Подкаменная МТС*», звучащих в речи героев фильма, и у всех антропонимных единиц). Сами по себе перечисленные ойконимные формы выступают координатами очень широкого географического пространства, а в дискурсе фильма участвуют в выражении общей идеи о типичности и жизненности ситуации, в которой оказались главные герои картины *Матвей, Лариса* и *Тоня*.

Заслуга С.Антонова – создание названия, отражающего важнейшие составляющие народного менталитета - *дело, быть, место где живешь*; заслуга С.Ростоцкого – сохранение этого названия при экранизации повести и талантливая его аранжировка в качестве дискурсивного элемента фильма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. История слов. Часть 1 / В.В. Виноградов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://etymolog.rusland.ru>. [10.02.11].
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х тт. / В.И. Даль. – М.: Мысль, 1989. – Т.1. – 779 с.
3. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации / Н.И. Жинкин. – М.: Наука, 1982.
4. Звегинцев В.А. Предложение в его отношении к языку и речи / В.А. Звегинцев. – М.: Наука, 1976.
5. Кодухов В.И. Синтаксическая фразеологизация / В.И. Кодухов // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. – Вологда, 1967. – С.124-127.
6. Кошечая И.Г. Название как кодированная идея текста / И.Г. Кошечая // Иностранный язык в школе. – 1982. – №2 – С. 8-10.
7. Никонов В.А. Введение в топонимику / В.А. Никонов. – М.: Наука, 1965. – 177 с.
8. Печников А.Н. К принципам синтаксической организации предложения / А.Н. Печников // Вопросы языкознания. – 1995. – №6. – С.85-89.
9. Саморукова И.В. Заглавие как индекс дискурсивной стратегии произведения / И.В. Саморукова // Весник Самарского университета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [file:// localhost/ D](file://localhost/D) [10.01.2011].
10. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина. – Л.: Наука, 1968. – 360 с. – Вып.3.
11. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина. – Л.: Наука, 1972. – 355 с. – Вып.7.
12. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. – М.: Советская энциклопедия, 1968. – 543 с.
13. Шведова Н.Ю. Еще раз о глаголе быть / Н.Ю. Шведова // Вопросы языкознания. – 2001. – №2. – С. 3–12.
14. Он разрешил любить женатого! // газета «Московский комсомолец», 7 февраля 2005 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.mk.ru. [20.01.2011].
15. Шаталова О.В. Концепт *бытие* в русском языке / О.В. Шаталова. Автореф. дис. ... д-ра филол.н. – М., 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com> content.

К.В. Першина

Донецкий национальный университет

РОСІЙСЬКА ІДЕОНІМІЯ: «ДІЛО БУЛО У ПЕНЬКОВІ»

Ідеонім точно відображає характер мовленнєвого компоненту повісті і фільму завдяки лексичному складу та синтаксичній структурі.

Ключові слова: ідеонім, бібліонім, фільмонім, діло було у...
Пенькове

Klavdiya V. Pershina
Donetsk National University

RUSSIAN IDEONYMY: «IT HAPPENED IN PENKOVO»

The analyzed ideonym reflects precisely the quality of a speech making unit of the story and the film due to its lexical composition and syntactical structure.

Key words: *ideonym, biblionym, filmonym, toponym, it happened.*

Стаття постуила в редакцію 20.02.2016 г.

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на книгу: Федотова К.С. *Имя собственное в поэзии Николая Гумилева: Материалы к словарю языка писателя.* – Иваново: Листос, 2016. – 212 с.

Книга Ксении Сергеевны Федотовой «Имя собственное в поэзии Николая Гумилева: Материалы к словарю языка писателя» представляет собой опыт классификации и лексикографического описания онимной лексики в произведениях Николая Гумилева.

Появление работы является закономерным на фоне возросшего в последнее время внимания читателей и исследователей как к литературе Серебряного века в целом, так и к творчеству и личности Н. Гумилева. В ней отражены актуальные направления современного языкознания: с одной стороны, это стремление к всестороннему исследованию лексического состава языка, включая его онимикон, через проникновение в особенности функционирования проприальной лексики в авторских литературных текстах, с другой – тенденции к лингвистическому анализу языковой личности.

Рецензируемая книга – первая подобного рода попытка представить результаты исследования поэтонимии Н. Гумилева в виде ономографического словаря. Автор ставит цель представления, систематизации, культурологического комментирования и семантического анализа собственных имен, употребленных в стихотворных произведениях Н. Гумилева, и их производных.

Опираясь методологически на идеи В. М. Калинкина, К. С. Федотова выбирает для словарной статьи структуру, которая включает обязательные и факультативные компоненты. К обязательным относятся заголовочное слово, указатель употребительности поэтонима, отображение вариантов имен, разряд и тематическая группа, энциклопедическая справка, иллюстративный материал, шифр. Факультативными являются такие компоненты как вариант имени в реальном ономастиконе, комментарий к форме поэтонима, этимологическая справка, поэтонимологический комментарий. Такое

структурирование словарной статьи представляется оптимальным с учетом предмета лексикографического описания.

В структурном отношении работа состоит из разделов, сформированных по принципу объединения материала по разрядам и тематическим группам собственных имен. Первый раздел «Антропоэтонимы» включает в себя имена людей, богов, народов, мифологических, литературных и библейских персонажей, что само по себе является вопросом дискуссии. На наш взгляд, целесообразно было бы разделить, как минимум, имена реальных людей и фигурантов (персонажей) литературных, мифологических и прочих текстов. Выделение других разделов – «Топоэтонимы», «Зоопэтонимы», «Идеоэтонимы. Прагмаэтонимы», «Астроэтонимы. Космоэтонимы» – основано на классической классификации поэтонимов и представляется вполне закономерным.

Что касается содержательной стороны статей, то они достаточно полны как информативно, так и иллюстративно.

Несомненную ценность представляет проведенный статистический анализ, результаты которого представлены в разделе «Таблицы частотности поэтонимов». Уместным считаем «Краткий словарь терминов и понятий литературной ономастики (поэтонимологии)», который будет полезен в особенности любителям поэзии Н. Гумилева, не искушенным в вопросах научной ономастики.

Работа снабжена алфавитным указателем поэтонимов и указателем шифров, что поможет читателю быстро найти необходимую статью.

На наш взгляд, автору удалось достичь поставленных целей.

Помимо материалов словарных статей, в книге нашли место краткий обзор лексикографических изданий, посвященных литературному языку отдельных русских писателей, а также лексикографических работ в области ономастики, вышедших в последние десятилетия («Вступительное слово»).

Рецензируемая книга несомненно будет полезна студентам-филологам, языковедам и литературоведам, специалистам, работающим в области ономастики и лингвоперсонологии. Она будет востребована и читателем, увлекающимся творчеством Николая Гумилева и интересующимся литературой Серебряного века.

Н.В. Усова

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Васильев Валерий Леонидович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. Сфера научных интересов: ономастика русского и других славянских языков, ономастическая и лексическая этимология, русская диалектология, история русского и славянских языков.

✉: vihnn@mail.ru

Верещагин Евгений Михайлович – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Федерального агентства научных организаций, Федерального государственного бюджетного учреждения науки, Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук. Сфера научных интересов: палеославистика, кирилло-мефодиеведение. Автор научных работ по истории цеквонославянского, древнерусского и русского языков, переводоведению, этимологии, библеистике.

✉: zhenya2956@yandex.ru

Вихрова Нина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики и методики начального образования, Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. Сфера научных интересов: новгородское лингвокраеведение, ономастика, русская литература, творчество И.С. Аксакова.

Герасименко Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, доцент. Сфера научных интересов: семасиология, лингвокультурология, когнитивная лингвистика, дискурс-анализ.

✉: iragerasimenko@mail.ru

Гузева Наталья Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент Приамурского государственного университета имени Шолом-Алейхема.

✉: nilsona@mail.ru

Еркибаева Гульфайруз Гинаятовна – доктор педагогических наук, профессор (Международный казахско-турецкий университет им. Х.А. Ясави). Автор монографий и учебных пособий «Общие основы этнопедагогики» (Германия, 2013), «Роль народной педагогики в формировании нравственных качеств у старшеклассников» (Чехия, 2013), «Использование фразеологических словарей» (Горловка, Украина, 2010), «Психологический аспект методики взаимосвязанного использования словарей русского и казахского языков» (Стамбул, Турция), «Интегрированный урок при изучении словарей» (Рига, Латвия), «The woman in islam doctrine» (Паптайя, Тайланд), «Ethnopsychological features of kazakh nation» (Кипр, Греция). Сфера научных интересов: ономастика, теория и методика русского и казахского языков, педагогика.

✉: professor-erkibaeva@mail.ru

Иванова Надежда Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков Горловского института иностранных языков. Сфера научных интересов: экспрессивный синтаксис, ономастика.

✉: ini.gorlovka@gmail.com

Илиади Александр Иванович – доктор филологических наук, профессор кафедры перевода, прикладного и общего языкознания Кировоградского государственного педагогического университета им. Владимира Винниченко. Сфера научных интересов: сравнительно-историческое и типологическое языкознание, индоевропейская этимология, сравнительная семасиология, история языка.

✉: iliadi@mail.ru

Исакова Александра Анатольевна – аспирант Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина. Сфера научных интересов: когнитивная лингвистика, исследования в области структурирования концептосферы «коми национальная культура».

✉: totoшка_91@mail.ru

Калинкин Валерий Михайлович – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка и латыни Донецкого национального медицинского университета им. М. Горького. Сфера научных интересов: ономастика, поэтонимология, онимография, поэтониография, история языка.

✉: kalinkin.valeriy@mail.ru

Копытов Олег Николаевич – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и издательского бизнеса Дальневосточного федерального университета. Основные направления

научных исследований: семантический синтаксис, проблемы семантики и стилистики текста научного, художественного и публицистического типа, проблемы ономастики и топонимики в семантическом аспекте, политическая лингвистика, медиаобразование.

✉: toleg_kopytov@mail.ru

Кораблёв Александр Александрович – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы и теории словесности Донецкого национального университета. Сфера научных интересов: теория литературы, история русской литературы, история литературоведения, литературная криптография, геопоэтика, творчество А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, М.А. Булгакова.

✉: dikoepole@rambler.ru

Кузнецов Александр Васильевич – краевед, исследователь топонимики и антропонимики Русского Севера, автор «Словаря гидронимов Вологодской области» (Тотьма – Грязовец, 2010), монографий «Именослов Устьянских волостей: Происхождение названий деревень, рек, озёр и фамилий устьяков» (Тотьма – Вологда, 2010), «Исторический именослов Русского Севера XV – XVII веков: Народные имена (прозвища), отчества. Происхождение названий деревень» (Тотьма, 2011), «Волость Тиксна: топонимы и фамилии» (Вологда, 2012).

✉: kuznetsovustpech@yandex.ru

Курс Ксения Юрьевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка Военной академии войсковой противовоздушной обороны Вооруженных Сил Российской Федерации имени Маршала Советского Союза А.М. Василевского (ВА ВПВО ВС РФ). Сфера научных интересов: литературная ономастика, региональная ономастика, литературное краеведение, Смоленская поэтическая школа, М.В. Исаковский.

✉: ikskurs@yandex.ru

Пантелеев Игорь Валентинович – кандидат филологических наук, доцент кафедры теологии Тульского государственного университета. Автор более 60 научных работ (из них 4 монографии) по истории русского языка, лингвокультурологии, религиозной философии, лингво- и историческому краеведению, ономастике, Православию и русской литературе, православной культуре, отраженной в русском языке, и по методике преподавания светских и богословских дисциплин.

✉: igvpant@mail.ru

Першина Клавдия Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и истории языка им. Е.С. Отина

Донецкого национального университета. Сфера научных интересов: ономастика, литературная ономастика, история языка.

✉: pershinakv@mail.ru

Подолова Оксана Владимировна – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой русского языка Донецкой академии внутренних дел МВД ДНР. Автор работ по методике преподавания русского языка как иностранного, лингвистике, языкознанию. Сфера научных интересов: современный русский язык, история языка, методика преподавания русского как иностранного.

✉: 54gavric@gmail.com

Разумов Роман Викторович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГЮОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского». Автор научных работ по ономастике, региональной топонимике и микротопонимике, автор «Историко-топонимического справочника» (Ярославль, 2006).

✉: rvrazumov@list.ru

Реммер Сергей Андреевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Донецкого национального технического университета.

Теуш Ольга Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент Уральского Федерального университета им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина.

✉: olga.teush@yandex.ru

Усова Нина Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии Донецкого национального университета. Автор работ по ономастике, поэтонимологии (литературной ономастике), общему и сравнительному языкознанию.

✉: ussovanamen@rambler.ru

Хамзаева Сауле Даулетбековна – кандидат исторических наук, главный специалист НИУ Южно-казахстанского государственного университета им. М. Ауезова.

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

<i>В.М. Калинин</i> (Донецк). Е.С. Отин – редактор: «Восточноукраинский лингвистический сборник»	4
---	---

ТОПОНИМИКА

<i>И.А. Герасименко</i> (Горловка – Ялта). Эргонимикон современной Ялты	175
<i>А.И. Илиади</i> (Кировоград). О некоторых иранских лексемах в славянской гидронимии	180
<i>О.Н. Копытов</i> (Владивосток). Море как семантическая основа топонимов города Владивостока	186
<i>В.В. Косолапов</i> (Геленджик). Индоарийские топонимы Черноморского побережья Краснодарского края	195
<i>И.В. Пантелеев</i> (Тула). Региональная микротопонимика как одно из средств патриотического воспитания молодежи	199
<i>Р.В. Разумов</i> (Ярославль). Ойкодомонимы: место в ономастическом пространстве	205
<i>О.А. Теуш</i> (Екатеринбург). Пустое пространство: географическая лексика Европейского Севера России с семами ‘пустой’, ‘голый’	215

АНТРОПОНИМИКА

<i>Г.Г. Еркибаева, С. Хамзаева</i> (Туркестан, Шымкент, Казахстан). Мотивированность казахских личных имен	225
<i>А.В. Кузнецов</i> (Вологодская область, Россия). Имена крестьян в названиях деревень русского Севера	237

ИСТОРИЯ ЯЗЫКА. ОНИМООБРАЗОВАНИЕ

<i>А.А. Исакова</i> (Сыктывкар). Трансонимизация коми мифо- нимов (на материалах региональных русскоязычных газет)	271
<i>О.В. Подолина</i> (Донецк). Имена собственные в медицинской терминологии: к вопросу о структурно-семантической класси- фикации терминов-эпонимов.....	278
<i>С.А. Реммер</i> (Донецк). П.А. Флоренский о сущности имен	287
<i>Н.В. Усова</i> (Донецк). Превращения имени (к вопросу онимогенеза)	303

ОНИМОГРАФИЯ

<i>В.Л. Васильев, Н.Н. Вихрова</i> (Великий Новгород). О принци- пах составления каталога реки Мсты	312
--	-----

ПОЭТОНИМОЛОГИЯ

- Е.М.Верещагин** (Москва). «Громкое имя» и «беспрованность»: их роль в сюжетосложении «Медного всадника» 329
- Н.Ю. Гузева** (Биробиджан). Ономастика китайской народной сказки: реальность и вымысел 355
- Н.И. Иванова** (Горловка). Символичность онимов в художественном тексте 360
- А.А. Кораблев** (Донецк). Русь непокорная (списки вольнодумцев в “Мертвых душах” 365
- К.Ю. Курс** (Смоленск). Коннотативный фон имен собственных в произведениях М.В. Исаковского 389
- К.В.Першина** (Донецк). “Дело было в Пенькове”: возникновение и взаимодействие фильмонима с речевой составляющей фильма 398

РЕЦЕНЗИИ И КРИТИКА

- Н.В. Усова**. Рецензия на кн.: *Федотова К.С. Имя собственное в поэзии Николая Гумилева: Материалы к словарю языка писателя. – Иваново: Листос, 2016. – 212 с.* 406

- СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 408

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**ВОСТОЧНОУКРАИНСКИЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СБОРНИК
им. Е.С. ОТИНА**

Выпуск первый
(шестнадцатый)

Ответственный редактор
КАЛИНКИН Валерий Михайлович

Технический редактор
Федотова Ксения Сергеевна

Донецкая ономастическая школа
<http://azbuka.in.ua/>